И 217/495

Шкафъ 22ª
Полка 9
№ 22
БИБЛІОТЕКА
НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

И 217/495

Or
429

И 217/495

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

НАШИ ЗАБАВНИКИ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Совѣсть очистилъ. — Въ опустѣлыхъ дачахъ. — Яхтъ-клубскій офицеръ.—Москвичъ и питерецъ. — Въ гостяхъ у пристава. — Дачные сосѣди.—Около дачной иллюминаціи.—Лососина.—Передъ отъѣздомъ съ дачи. — На Царицыномъ лугу. — Заговорщикъ.—„Горячее сердце" и „На пожахъ".—Въ Михайловскомъ скверѣ.—Свадебный столъ.—Передъ акробатами. — Наемъ гувернантки.—Въ „Конкѣ".—Послѣ спектакля.—Передъ Пѣтушьимъ боемъ.—Баба.—По газетному объявленію. — Около Егерскихъ казармъ.—Въ Монументной лавкѣ. На открытіи Итальянскаго сезона.—За рубкой капусты. — Турецкая компанія. — Практическіе совѣты.—Третья жена.—У театра. — Крашеный купецъ.—Въ трактирѣ.—Вставные зубы.—Имянины кухарки.—Званый вечеръ.—Электрическое освѣщеніе.—Въ музеѣ Лента.—Передъ военной повинностью. — При чтеніи афиши.—При вынутіи жребія.—Игра въ фанты. — Въ Приказчичьемъ клубѣ. — Современный ревнивецъ. — Въ концертѣ консерваторіи. — Въ день Рождества.—Надгробный мавзолей.—Уха.—Предъ праздникомъ.—Около Гагаринскихъ мостковъ. — У татаръ на Крестовскомъ.—Страданія среди удовольствій.—Два игрока. — Гадалка.—Изъ балаганнаго міра. — Около самоѣдовъ. — Первое марта.—У Биржи.—Полученіе процентовъ.—Постный имянинникъ.—Кислая капуста. — На тройкѣ. — Изъ эпохи Петербургской лжечумы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., № 2.
1879.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

26/38-44

2007084419

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Совѣсть очистилъ 1
II. Въ опустѣлыхъ дачахъ 10
III. Яхтъ-клубскій офицеръ. 16
IV. Москвичъ и питерецъ. 20
V. Въ гостяхъ у пристава 23
VI. Дачные сосѣди. 28
VII. Около дачной иллюминаціи. 32
VIII. Лососина. 36
IX. Передъ отъѣздомъ съ дачи. 40
X. На Царицыномъ лугу. 43
XI. Заговорщикъ. 46
XII. „Горячее сердце“ и „На ножахъ“. 50
XIII. Въ Михайловскомъ скверѣ. 52
XIV. Свадебный столъ 56
XV. Передъ акробатами. 60
XVI. Наемъ гувернантки. 63
XVII. Въ „Конкѣ“. 67
XVIII. Послѣ спектакля. 69
XIX. Передъ пѣтушьимъ боемъ. 73
XX. Баба. 76
XXI. По газетному объявленію. 80
XXII. Около Егерскихъ казармъ. 84
XXIII. Въ Монументной лавкѣ. 87
XXIV. На открытіи Итальянскаго сезона 91
XXV. За рубкой капусты 95
XXVI. Турецкая компанія. 99
XXVII. Практическіе совѣты 103
XXVIII. Третья жена. 107
XXIX. У театра. 111
XXX. Крашеный купецъ. 114
XXXI. Въ трактирѣ. 118
XXXII. Вставные зубы. 122
XXXIII. Имянины кухарки. 126
XXXIV. Званый вечеръ. 130
XXXV. Электрическое освѣщеніе 134
XXXVI. Въ музеѣ Лента. 138
XXXVII. Передъ военной повинностью. 142

Стр.
XXXVIII. При чтеніи афиши 146
XXXIX. При выпутіи жребія 150
XL. Игра въ фанты 154
XLI. Въ Приказчичьемъ клубѣ 158
XLII. Современный ревнивецъ 162
XLIII. Въ концертѣ консерваторіи 166
XLIV. Въ день Рождества 170
XLV. Надгробный мавзолей 174
XLVI. Уха 178
XLVII. Предъ праздникомъ 183
XLVIII. Около Гагаринскихъ мостковъ 188
XLIX. У татаръ на Крестовскомъ 192
L. Страданія среди удовольствій 196
1. Въ театрѣ —
2. Въ клубскомъ маскарадѣ 200
3. Въ семейномъ домѣ 204
4. На обѣдѣ запросто 208
5. За стуколкой 212
LI. Два игрока 2 6
LII. Гадалка 220
LIII. Изъ балаганнаго міра 224
LIV. Около самоѣдовъ 228
LV. Первое марта 232
LVI. У Биржи 236
LVII. Полученіе процентовъ 240
LVIII. Постный имянинникъ 245
LIX. Кислая капуста 249
LX. На тройкѣ 253
LXI. Изъ эпохи Петербургской лжечумы 257
1. Чума —
2. Новое страшное слово 261
3. Четырнадцатаго февраля 264
4. Въ Фотографіи 268
5. Бакара 271
6. Санитарный осмотръ 275
7. На блинахъ 278
8. Кухаркинъ кумъ 282
9. За компанію 286
10. Карантинъ 290
11. Ищутъ 294
12. Отмѣнили 297

СОВѢСТЬ ОЧИСТИЛЪ...

Дѣло было на первой недѣлѣ великаго поста ..

Еще на масляной купецъ Аверкій Тихонычъ Сѣделкинъ былъ задумчивъ, ходилъ хмурый, шептался съ своимъ старшимъ приказчикомъ, по ночамъ плохо спалъ, то и дѣло заглядывалъ въ торговыя книги, брякалъ на счетахъ, и хоть былъ великій бражникъ, но не увлекся масляничнымъ весельемъ и ни разу не напился пьянъ. Онъ то и дѣло вздыхалъ и говорилъ: «Боже очисти мя грѣшнаго!»

— Что съ тобой, Аверкій Тихонычъ? спрашивала его жена.

— Засадъ въ головѣ. Молчи. Послѣ узнаешь, махалъ онъ рукой и отвертывался въ сторону.

О «засадѣ» жена узнала въ чистый понедѣльникъ. Вечеромъ Сѣделкинъ сходилъ въ баню, послѣ бани сѣлъ пить чай съ медомъ, и оставшись наединѣ съ женой, сказалъ ей:

— Завтра у насъ мобилизація будетъ. Соберутся ко мнѣ кредиторы чайку попить, такъ ты серебрянныя-то ложки имъ подъ носъ не суй, а подай къ чаю мельхіоровыя.

— Господи! Въ такіе постные дни и вдругъ гостбище созываешъ!—всплеснула руками жена.

— Пелагея Андревна, коли Богъ тебѣ ума не далъ, то прикуси языкъ и внимай, что мужъ говоритъ,—далъ отвѣтъ Сѣделкинъ.—Нешто я бражничество затѣваю? Я зову кредиторовъ, чтобъ о долгахъ моихъ съ ними поговорить. Дѣлишки стали плохи. Ребятишекъ къ вечеру одѣнь въ худенькія рубашонки да и сама одѣнься поплоше. Да бриліантъ-то съ перста сними.

— Это зачѣмъ-же?

— Дура была, дурой и останешься... Зачѣмъ! Чтобъ жалость къ себѣ въ кредиторахъ водрузить и чтобъ они къ намъ чувства почувствовали. Теперича я весь въ ихъ рукахъ. Вчера ходилъ съ еристекомъ и предлагалъ имъ за мои векселя по три гривенника за рубль.

— Сдѣлку съ кредиторами хочешь сдѣлать? спросила жена.

— Ну вотъ, насилу-то надумалась! Ежели все окончится благополучно и они подъ ерестекомъ свое согласіе подпишутъ, тогда тебѣ къ Вербной недѣлѣ бархатное пальто со стеклярусомъ сошью.

— Господи! спаси и помилуй! перекрестилась жена.— А вдругъ ежели кредиторы не согласятся и въ долговое на казенные хлѣба тебя посадятъ? спросила она.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, а только не разсчетъ имъ. Какая музыка можетъ выдти? Объявятъ несостоятельнымъ, такъ конкурсъ-то и гривенника за рубль не дастъ. Конкурсъ при несостоятельности все равно, что щука среди снятковъ. Все проглотитъ. Да, наконецъ, зачѣмъ-же я въ прошломъ году и большую лавку-то на тебя перевелъ? Вѣдь отъ нея теперь кредитору не укусить, ты хозяйка, а я самъ торгую только въ махонькой лавочкѣ. Охъ, ежели только это дѣло устроится—пудовую свѣщу водружу, а къ себѣ въ деревню на родину колоколъ на колокольню!.. закончилъ Сѣделкинъ.

На утро у Сѣделкина служили молебенъ съ водосвятіемъ, а вечеромъ, часовъ около восьми, начали собираться кредиторы. Самъ хозяинъ встрѣчалъ ихъ съ постнымъ, печальнымъ лицомъ и въ старомъ потертомъ сертукѣ. Изъ гостиной были убраны бронзовые часы и канделябры, дабы не «мозолить глаза» кредиторамъ. Жена проходила по комнатамъ съ заплаканными глазами, и встрѣчаясь съ шушукающимися ребятишками, давала имъ подзатыльники и заставляла молчать. Въ гостиной былъ раскрытъ ломберный столъ и на немъ лежали торговыя книги и счеты съ крупными костяжками.

Первымъ пріѣхалъ жирный купецъ Скрипицынъ съ рѣдкой рыжей бородой. Отыскавъ въ углу образъ, онъ перекрестился, подошелъ къ хозяину, и подавая ему руку, сказалъ:

— По настоящему по твоей короткой совѣсти и здороваться-то съ тобой не слѣдъ. Вѣдь ты меня совсѣмъ на лѣвую ногу обдѣлалъ. Только за недѣлю передъ масляницей ты у меня

миткалеваго товару на двѣ тысячи взялъ. Какъ эта окупація по твоему называется?

— Эхъ, не осуди и не осужденъ будешь! развелъ руками хозяинъ.—Несчастіе .. Думалъ вывернусь.

— Чорта въ стулѣ—вывернусь! Куда дѣвалъ? Въ долги не продаешь. Ну, да вотъ что... Это твое дѣло, торговое. А только и я свою политику долженъ гнуть, чтобъ выгоду имѣть. Ты предлагаешъ по два пятіалтынныхъ за рубль—ладно, я подпишу свое согласіе для видимости, но такъ, чтобъ мнѣ полтину, вмѣсто трехъ гривенниковъ.

— Чудакъ человѣкъ, да откуда-же взять-то? возразилъ хозяинъ.

— Это ужь твое дѣло. Хоть роди, а подай. Пожарь—найдешь. Неужто я повѣрю, что ты ничего не припряталъ?

— Да вѣдь тогда будутъ и другіе по полтинѣ требовать.

— Не потребуютъ. Я самъ на три гривенника соглашать ихъ буду, а что на счетъ полтины, то это будетъ тайное меж дометіе промежъ насъ. Понялъ? Рѣшай, а то всѣхъ кредиторовъ разобью, объявимъ тебя несостоятельнымъ, посадимъ въ долговое да еще крендель туда тебѣ на новоселье пришлемъ, продолжалъ Скрипицынъ.—Смотри, ты моему племяннику три тысячя долженъ; стоитъ мнѣ только слово ему сказать, такъ онъ и трехъ четвертаковъ за рубль не возьметъ, а коли мнѣ супротивъ другихъ полтину, тогда я его и Карла Богданыча науськую на соглашеніе, по твоему аресту. Ходитъ?

Эхъ ужъ и воръ-же ты мужикъ! Всю душу вымотаешь. пропепталъ хозяинъ.

— Съ ворами и воровское обхожденіе нужно имѣть, отвѣчалъ Скрипицынъ.

— Ну, дѣлать нечего! Давай руку изъ полы въ полу! Согласенъ.

Должникъ и кредиторъ протянули другъ другу руки и покрыли ихъ полами сертуковъ.

Въ прихожей раздался звонокъ. Вошелъ второй кредиторъ—длинный, сухопарый и сѣдой нѣмецъ Карлъ Богданычъ, у котораго Сѣделкинъ покупалъ заграничные шелковые товары. Поздоровавшись съ жирнымъ Скрипицынымъ, онъ обратился къ хозяину:

— Слышу про тебя, господинъ Сѣделкинъ, и ушамъ своимъ не вѣрю! сказалъ онъ.—Эдакій ты былъ акуратный плательщикъ, и вдругъ... Но я тебѣ одно не прощу: взялъ ты у меня десять кусковъ бархату и сейчасъ-же продалъ его своему сосѣду съ уступкой. Это захватъ. Такъ честная комерція не ведется. Значитъ ты приготовлялся къ банкротству...

— Несчастіе... Запутался... А тутъ сроки векселей подступили, ну, я и продалъ бархатъ на платежъ, твердилъ хозяинъ.

— Просто голову онъ потерялъ, Карлъ Богданычъ, вступился Скрипицынъ.—Тутъ все равно что запойство, такъ что даже можно до зеленаго змія дойти. Хоша онъ мнѣ и много долженъ, но я все таки его сторону возьму. Банкроты всегда не по поступкамъ поступаютъ. У меня одному должнику такая меланхолія въ голову вступила, что онъ передъ сдѣлкой коробку спичекъ съѣлъ.

— Карлъ Богданычъ, вѣрьте совѣсти—двѣ недѣли уже по ночамъ не сплю отъ страха и все чудится, что не то драть меня ведутъ, не то въ подводное подземелье сажать, сказалъ хозяинъ.—Вчера только завелъ глаза—три смертные шкилета приснились.

Это заставило улыбнутся добродушнаго нѣмца.

— Шалунъ какъ кошка, а трусъ какъ заяцъ, погрозилъ онъ ему пальцемъ.

— Не дайте погибнуть съ младенцами... Четверо вѣдь ихъ у меня и все мала-мала меньше, а пятаго послѣ пасхи жду, продолжалъ кланяться хозяинъ.

Скрипицынъ отвелъ Карла Богданыча въ сторону и началъ его уговаривать.

Въ это время съѣзжались остальные кредиторы. Пришелъ «цибулизованный» еврей, выдающій себя за нѣмца и старающійся оде-колономъ задушить чесночный запахъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ и кричалъ:

— Это безсмысленность! Какая-же послѣ этого можетъ быть комерція? Я своей претензій не прощу и даже девяносто девять копѣекъ не возьму!

Хозяинъ ходилъ за нимъ слѣдомъ и шепталъ:

— Маврикій Моисѣевичъ, господинъ Борухмамъ, разорить вы меня можете, но какая изъ этого польза? А примите по тридцати копѣекъ, а потомъ и наверстывайте на товарѣ. Вѣдь

ежели вы меня спасете и я буду продолжать торговать, то у васъ-же буду покупать товаръ на наличныя. Ну, какъ я безъ вашего товара обойдусь? Значитъ я опять въ вашихъ рукахъ...

Вслѣдъ за евреемъ пришли еще два русскіе купца и одинъ англичанинъ въ рыжей жакетной парѣ, подъ цвѣтъ своимъ волосамъ. Сѣделкинъ поклонился англичанину. Тотъ кивнулъ головой и чтобъ не подать руки должнику, спряталъ руки въ брючные карманы и отвернулся. Два русскихъ купца вздыхали и поглаживали бороды.

— Ужь и затѣялъ-же ты эту самую магію въ такіе дни! По благочестію говѣть-бы надо идти да душу свою сокращать, а тутъ иди съ тобой ругаться, сказалъ одинъ изъ нихъ должнику.

— Въ карты, что ли проѳрилъ? спросилъ второй.—Можетъ бакара эта самая на тебя дѣйствіе имѣла или стуколка?

— Въ руки картъ не беру. Развѣ по маленькой... оправдывался должникъ.

— Врешь, врешь! Я самъ у тебя въ стуклятину двѣсти рублей на святкахъ выудилъ.

Пришелъ тесть Сѣделкина одинъ изъ крупныхъ кредиторовъ.

— Подставной... зашептались кредиторы. Ну, какой товаръ могъ у своего тестя суровщикъ Сѣделкинъ покупать, коли его тесть строевымъ лѣсомъ да известкой торгуетъ!

— Всѣ собрались? спросилъ Карлъ Богданычъ.

— Почти что всѣ... Разные мелкіе еще не прибыли.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ начать обсужденіе дѣлъ. Всѣ сѣли и начали разсматривать торговый балансъ и реэстръ долгамъ. Сѣделкинъ стоялъ передъ ними какъ на иголкахъ.

— Книги комерческія надо прежде всего разсмотрѣть, книги!—кричалъ еврей.

— Что книги! перебилъ его Скрипицынъ.—Эта самая литература нечего не покажетъ, потому ежели булгактеру лишнюю сотню прожертвовать, то онъ тебѣ такіе вавилоны наставитъ, что можно понимать въ тринадцати смыслахъ.

— Однако, ежели правильная двойная бухгалтерія...

— Двойная-то бухгалтерія еще больше тумана напущаетъ.

— Позвольте, господа, должны-же мы прежде всего спросить должника, перебилъ спорящихъ Карлъ Богданычъ.—Господинъ Сѣделкинъ, что васъ привело къ разоренію?

— Несчастіе-съ, отвѣчалъ должникъ. — Просто какъ на бѣднаго Макара шишки повалились и пошелъ во всемъ ущербъ.

— Однако, были-же какія нибудь причины вашего несчастія?

— Спервоначалу курсъ, а потомъ золотая пошлина.

— Но вѣдь вы сами товаръ изъ-заграницы не выписывали, такъ причемъ-же тутъ курсъ и пошлина?

Должникъ замялся.

— Все таки были основанія... сказалъ онъ.—Кромѣ того, торговля упала. Уповали на гвардію, а вышло совсѣмъ напротивъ.

— Чума вашей торговлѣ не повредила-ли? пошутилъ англичанинъ.

— Съ одной стороны и чума, потому покупатели чувствовали упованіе, а при чумѣ трепетъ, такъ до нарядовъ-ли?

Всѣ расхохотались.

— Такъ вѣдь наряды-то не изъ Ветлянской станицы сюда приходятъ.

— Это точно, но все-таки...

Сѣделкинъ совсѣмъ растерялся. На глазахъ его показались слезы, искуственныя или натуральныя—Богъ вѣсть. Онъ приложилъ руку къ груди и началъ:

— Господа добродѣтельные кредиторы! Передъ вами весь я тутъ со всѣми моими потрохами. Что хотите, то и сдѣлайте со мной. Ежели злое желаніе съ вашей стороны, то могу завтра-же быть на казенныхъ хлѣбахъ. Но какая вамъ корысть губить душу семейнаго человѣка, обремененнаго трепетною женою и невинными младенцами? Отнявъ у меня руки, вы помраченія моимъ дѣламъ сдѣлаете, а у меня такой вопль, чтобъ работать на пользу вашу и когда буду въ силѣ, то уплатить вамъ убытки по чувству христіанскаго долга; нынѣ дни поста и молитвы, и добрыхъ дѣлъ, а потому молю о благодѣяніи въ вашемъ благоутробіи—не губите отца семейства съ малыми ребятишками! За симъ кланяюсь земно.

Сѣделкинъ опустился на колѣни и поклонился кредиторамъ въ ноги.

— Воръ-мужикъ!—шепнулъ одинъ купецъ другому.

— Что говорить! Знаетъ, гдѣ нужно музыку подпустить, и какъ въ эту самую жилу попасть.

— Господинъ Сѣделкинъ, не унижайте себя и встаньте! возгласилъ нѣмецъ.

— Не встану, Карлъ Богданычъ, пока кредиторы согласіе на ерестѣ мнѣ не подпишутъ, стоялъ на своемъ должникъ.

Въ это время двое маленькихъ сыновей его явились въ гостиную съ подносами. Они несли стаканы съ чаемъ для кредиторовъ. Сзади слѣдовала жена съ булками.

— Дѣти! Невинныя ребятишечки! Встаньте на колѣни и просите дядей за вашего отца, продолжалъ Сѣделкинъ. — Сашенька, Митенька, встаньте!...

Мальчики недоумѣвали и стояли, разинувъ рты отъ удивленія. Они не были къ этому приготовлены, но въ это время сзади ихъ, раздался плачь матери. Она опустилась на колѣни рядомъ съ мужемъ и дергала дѣтей за рубашечки и принуждала ихъ къ колѣнопреклоненію.

— Что за возмутительная картина! воскликнулъ англичанинъ. Господа кредиторы, удалимте ихъ. Это ни на что непохоже!

Но возмутительная картина вскорѣ превратилась въ комическую. Одинъ изъ мальчиковъ, понукаемыхъ матерью, сталъ на колѣни, но при этомъ уронилъ съ подноса стаканъ и громко сказалъ:

— Это не я, маменька... А оттого что вы въ спину толкаетесь.

Никто не могъ воздержаться отъ улыбки, а Сѣделкинъ все таки не унимался и продолжалъ:

— Возрите на беременную женщину, умоляющую васъ во прахѣ!...

— Господинъ Сѣделкинъ, встаньте-же, ежели васъ просятъ, повторилъ Карлъ Богданычъ.—Кромѣ того, мы просимъ васъ удалиться, такъ какъ въ ваше отсутствіе хотимъ потолковать о вашихъ дѣлахъ. При васъ намъ неудобно...

Сѣделкинъ не поднимался.

— Встань-же, коли тебѣ говорятъ! крикнулъ на него тесть, сидѣвшій съ кредиторами.

Дѣтей и жену бросился поднимать англичанинъ. Сѣделкинъ всталъ, и схватившись за голову, вышелъ вонъ изъ гостиной. Кредиторы, взявъ отъ мальчиковъ по стакану чаю, остались одни. Началось обсужденіе.

— Вы что-же вашему зятю продавали, имѣя такія большія

претензіи?—спросили старика тестя.—Вѣдь у васъ лѣсной дворъ, а не мануфактурный товаръ.

— Векселя евонные скупалъ, такъ какъ онъ давно запутавшись, отвѣчалъ тесть.—А лѣсной дворъ тутъ не причемъ. Конечно, это я больше дѣлалъ изъ жалости къ дочери. Судите сами: вѣдь она кровь моя, мое рожденіе.... Опять же и ребятишки, все таки внуки приходятся... Хоша этотъ зять вотъ гдѣ у меня сидитъ, но я все таки согласенъ взять по тридцати копѣекъ за рубль...

Тесть указалъ себѣ на затылокъ и махнулъ рукой.

— Я тоже согласенъ, хоть сейчасъ подпишу, отвѣтилъ Скрипицынъ.—Надо его пожалѣть съ малыми ребятами. У меня у самого пискуновъ-то этихъ напорядкахъ, такъ тоже чувство...

— А я не согласенъ, вставилъ свое слово еврей.—Я знаю, что тутъ умышленное банкротство и деньги у него припрятаны.

— И то припрятаны на малую толику—это вѣрно, проговорилъ одинъ русскій купецъ.—Но кто-жъ изъ насъ не припрячетъ, коли сдѣлку съ кредиторами дѣлать будетъ? Порядокъ извѣстный!

— Однако-жъ, каково это кредитору чувствовать? возразилъ еврей.—Деньги мои.

— Не зарѣкайся, господинъ! Можетъ и самъ туже механику подведешь, коли туго придется, оборвалъ его купецъ.—Нонѣ времена-то для торговли совсѣмъ купоросъ.... А мы всѣ подъ Богомъ ходимъ. Одно только, что ваша братья привыкла отъ долговъ-то за границу бѣгать.

— Однако, ужь это оскорбленіе? Господа, прошу прислушать и пусть свидѣтели...

— Оставьте, полно вамъ!... останавливали спорящихъ.—Карлъ Богданычъ, вы согласны на тридцать копѣекъ?

— Ежели всѣ согласны, то и я согласенъ, отвѣчалъ нѣмецъ.

— Я не согласенъ и въ окружной судъ! Въ комерческій судъ! не унимался еврей.

— А вы Вильямъ Карлычъ?—спрашивали англичанина.

— И радъ бы не согласиться, да ничего сдѣлать нельзя: большая лавка у него на жену переведена, отвѣчалъ англичанинъ.

— Какъ на жену?... воскликнули въ одинъ голосъ кредиторы.

— Это, господа, ничего не значитъ, успокоивалъ ихъ тесть.

Лавка точно что у него переведена на жену съ полъ года тому назадъ, но просто для счастья, а не изъ-за какихъ либо фокусовъ. Самому ему не везла торговля, вотъ онъ и перевелъ на жену.

— Знаемъ мы эти переводы-то для счастья! замѣтилъ русскій купецъ.—Ну, а коли переведена, то тутъ и разговаривать нечего, а надо брать за рубль почемъ даетъ да и подписывать скорѣй ерестикъ.

Черезъ пять минутъ почти всѣ пришли къ соглашенію, даже и еврей. Призвали должника. Тотъ явился опять съ мальчиками и велъ ихъ за руки.

— Неужели вы не можете дать хоть тридцать-то пять копѣекъ? спросилъ его кредиторъ-нѣмецъ.—Подумайте и накиньте хоть пятачекъ...

— Карлъ Богдановичъ! возгласилъ Сѣделкинъ.—Взгляните вы въ ясные очи этихъ невинныхъ младенцевъ...

— Довольно, довольно! Собраніе кредиторовъ согласно и сейчасъ скрѣпитъ подписями.

Сѣделкинъ снова повалился въ ноги и увлекъ за собой дѣтей.

Черезъ полчаса реэстръ былъ подписанъ всѣми и кредиторы уходили домой. Въ прихожей слышался довольно громкій возгласъ: «Конечно, мошенникъ, да вѣдь чтожь съ нимъ подѣлаешь, ежели лавка передана?»

Сѣделкинъ, оставшись одинъ, перекрестился.

— Слава Богу, очистилъ свою совѣсть! сказалъ онъ, и подойдя къ женѣ, поцѣловалъ ее.

— Ну, Пелагея Андревна, ступай завтра по церквямъ свѣчи ставить, а за мной считай къ Вербной недѣлѣ новое бархатное пальто со стеклярусомъ! закончилъ онъ и умолкъ, отирая платкомъ выступившій на лбу обильный потъ.

Въ опустѣлыхъ дачахъ.

Сентябрь. На Черной Рѣчкѣ грязь, слякоть. Небо хмуро, нависли сѣрыя тучи, и какъ сквозь сито сѣетъ упорный мелкій дождь. Почти всѣ съѣхали съ дачъ. Остались, по выраженію дворниковъ, только оглашенные. Воютъ на дворахъ голодные псы, съ трудомъ привыкая къ голодухѣ, послѣ лѣтнихъ подачекъ дачниковъ. Дворники пропили полученныя на чай деньги, избили женъ, бродятъ по опустѣлымъ дачамъ, отыскивая, не забыли ли чего такого въ нихъ жильцы, чтобы можно было продать и на вырученныя деньги опохмѣлиться, но тщетно. Оставшіяся лекарственныя банки и бутылки давно проданы и деньги пропиты.

— Эхъ, проклятые!—разводитъ руками дворникъ, бродя по комнатамъ пустой дачи, съ трубкой въ зубахъ.—Ну, чтобы хоть какую ни на есть путную вещь забыть, а тутъ нѣтъ, все вывезли. Вѣдь бываетъ же людямъ счастье! Вонъ на Сидоровой дачѣ господа сережку золотую потеряли и дворникъ послѣ отъѣзда въ углу ее нашелъ; на погребѣ три бутылки вина оставили, а эти несчастные даже гвозди изъ стѣнъ повытаскали!

Слѣдомъ за дворникомъ ходитъ дворничиха съ подбитымъ глазомъ. За юбку ея держится годовалый сынишко и реветъ.

— Не реви, мерзавецъ, и безъ тебя скучно!—кричитъ она и даетъ мальчишкѣ подзатыльникъ. — Парамонъ Гаврилычъ! Да брось ты искать! Я ужъ все выискала,—ничего нѣтъ. Ну, шутка ли хмѣльной и съ трубкой! Вдругъ на грѣхъ заронишь, обращается она къ мужу.

Дворникъ не отвѣчаетъ на ея слова и подбоченившись осматриваетъ комнату.

— Замокъ у дверей отвинтить, что ли?—разсуждаетъ онъ самъ съ собой, и махнувъ рукой, приступаетъ къ дѣлу.

— Что ты, голубчикъ, дѣлаешь, что ты! Вѣдь это хозяйское добро!—кидается къ нему дворничиха.

— Ничего, на жильцовъ своротимъ. Ништо имъ! Пусть другой разъ чувствуютъ и забываютъ что нибудь на поправку дворнику.

— Не дамъ, ни за что не дамъ замокъ отвинчивать и пропивать!—вопитъ дворничиха.

Ударъ въ грудь. Она отскакиваетъ и съ воемъ падаетъ. Замокъ отвинченъ и тащится въ всепоглощающій кабакъ.

Только и торгуютъ одни кабаки. Въ мелочной лавочкѣ вся торговля состоитъ изъ какой нибудь пачки папиросъ, на пятакъ студню, а то все хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ, покупаемый дворничихами, тайкомъ отъ мужей успѣвшими припрятать кой какіе гроши.

Лавочники отъ нечего дѣлать играютъ другъ съ другомъ въ шашки.

— Ужъ и подлецъ же народъ нынче развелся, разсуждаютъ они другъ съ другомъ. — Думаешь баринъ, на дачу туда же перебрался, анъ на повѣрку онъ выходитъ скотина! Тапеpича хоть бы этотъ чиновникъ съ угловой дачи. Задолжалъ за четырнадцать четверокъ Жукова табаку и мимо лавочки даже не ходитъ, а наровитъ обходомъ, черезъ Языковъ переулокъ. Нѣтъ ужъ я его укараулю!

— Тебѣ что, ты за табакъ все таки получить можешь. А кабатчикъ за вино страдаетъ. Набралъ у него въ долгъ да и говоритъ: «ищи съ меня на томъ свѣтѣ, а на здѣшнемъ ни копѣйки не получишь, потому хмѣльную часть въ долгъ продавать изъ кабаковъ невелѣно, черезъ это самое общественная нравственность страдаетъ. Ни одинъ, говоритъ, мировой съ меня за вино взыскивать не будетъ».

— Что же, за эти слова и пальто съ плечь сорвать можно.

— А сорвешь пальто, какъ грабителя судить будутъ, потому открытое нападеніе на большой дорогѣ. Перочинный ножикъ въ карманѣ найдутъ, такъ молъ: вооруженной рукой...

— Ну, такъ просто помять ему бока въ темной аллеѣ Строгонова сада. Гулять же вѣдь ходитъ.

— Ходитъ-то ходитъ, да, говорятъ, пистолетъ при себѣ носитъ. Ну, и намнешь бока, а какая тебѣ польза?

— Какъ какая? Все таки душу отведешь. Я вонъ барыню изъ Никольской улицы, что своихъ собакъ въ морду цѣлуетъ, изругалъ ругательски, ну, мнѣ теперь и легче. Двадцать двѣ банки гвоздичной помады за лѣто въ долгъ забрала и не платитъ. Двойныя банки были.

— Ой! Да какъ она ухитрилась всѣ ихъ вымазать на себя?

— Вотъ поди-жъ ты! Видно не токма что голову, а вся мазалась. Окромя того, шесть банокъ ваксы Каликса фабрики. Дворникъ сказывалъ, что она сѣдые волосы ею чернила. «Стоитъ, говоритъ, это передъ окномъ да щеткой сапожной по головѣ себя натираетъ». Изъ себя вѣдьма, ни кожи, ни рожи, а туда же за мальчиками гимназистами въ Строгоновомъ саду все лѣто гонялась. Эхъ, знато бы да вѣдано, такъ кислоты въ эту помаду намѣшать. Пусть бы у нея всѣ волосья повылѣзли! заканчиваетъ мелочной лавочникъ, и обратясь къ товарищу, говоритъ: ну ходи! Куда сходишь? Въ двухъ мѣстахъ тебя заперъ! Съ двумя поздравляемъ! Ахъ ты, клей углицкій, а еще туда же въ шашки играть со мной хочешь! Ну, проигралъ, видимое дѣло. Чего смотришь? Веди въ портерную угощать.

— Да ты, о навaксеной-то покупательницѣ зубы мнѣ заговаривая, рукавомъ двигалъ, произноситъ наконецъ другой лавочникъ.

— Ну вотъ, нужда мнѣ! Иди, ставь пару пива. Хоть выпить съ горя, что ли!

А дождь льетъ все сильнѣе и сильнѣе, протекаетъ сквозь крыши старыхъ развалившихся и новыхъ сколоченныхъ изъ барачнаго лѣса дачъ и потоками струится по полу. Вонъ въ одной изъ такихъ дачъ въ комнатѣ сидятъ за кофейными переварками двѣ женщины въ грязныхъ обтрепанныхъ ситцевыхъ капотахъ. По угламъ разставлены кадушки, горшки и въ нихъ сквозь потолокъ струится дождь.

— Просто хоть подъ зонтикомъ сиди, говоритъ одна изъ нихъ съ крысинымъ хвостомъ вмѣсто косы на головѣ. — На третье мѣсто передвигаемся и все льетъ.

— Подъ зонтикомъ! Сѣла бы я и подъ зонтикомъ. Да гдѣ онъ зонтикъ-то дождевой? Давно у жида въ мытьѣ. Ахъ, Боже мой! Ну, когда это насъ вынесетъ изъ этой дачи!

— Да вотъ Петръ Иванычъ заложилъ сегодня часы и двѣ серебряныя ложки и отправился въ Благородку въ мушку играть. Одна надежда—выиграетъ, ну, съѣдемъ, а проиграетъ—нужно до конца сентября, до получки жалованья здѣсь сидѣть. Вѣдь безъ денегъ не выпустятъ, ну, а ежели и выпустятъ, то мебель задержутъ. Ну, на чемъ мы въ городѣ сядемъ?

Входитъ кухарка.

— Сударыня, говоритъ она:—какъ хотите, или съѣзжайте съ дачи, или я у васъ жить не могу, тогда пожалуйте разсчетъ. Вѣдь это сраму подобно. Теперича всю ночь въ мокротѣ лежала, потому дождь такъ и льетъ на кровать. Опять же и крысы на кровать лѣзутъ. Прежде онѣ тихимъ манеромъ подъ домомъ жили, а теперь какъ натекла туда вода, да на полу вода, ну онѣ и лѣзутъ ко мнѣ на кровать спасаться.

— Отчего же къ намъ не лѣзутъ? откликаются барыни. — Ты вотъ только зобы нашими хлѣбами набиваешь, жиръ нагуливаешь, а ничего не работаешь, ну крысы и лѣзутъ, сало твое почуя.

— Да, нагуляешь у васъ сало, какъ же! Сами голодомъ сидите, такъ ужъ гдѣ кухаркѣ...

— Ты еще грубить? Молчи, тебѣ говорятъ!

— Нѣтъ ужъ вы какъ хотите, а или чтобы завтра въ городъ, или разсчетъ пожалуйте. Да тутъ песъ жить не станетъ!

— Погоди, баринъ въ городѣ каждый день ищетъ квартиру. Ну, куда мы выѣдемъ, коли квартиры нѣтъ?

— Да, ищетъ онъ квартиру по трактирамъ да по клубамъ. Отчего же хорошіе господа давно себѣ нашли квартиру, а вы все найти не можете?

— Ты опять грубить? Пошла вонъ, мерзкая!

Въ окно стучится со двора дворникъ. Онъ пьянъ.

— Когда съѣдете-то? Ахъ вы шаромыжники! — кричитъ онъ.—А еще господа считаются!

— Боже мой! Чтожъ это такое!—всплескиваютъ руками женщины.—Каждая баба, каждый мужикъ надъ нами ругается.—Послушай, любезный, какъ тебѣ не стыдно мирныхъ женщинъ обижать?

— Намъ не стыдно, а вотъ вамъ за дачу до сихъ поръ не платить стыдно, это точно, возражаетъ дворникъ.—Пора ужъ... Не дожидайтесь пока по шапкѣ и черезъ мироваго...

— Еще очень многіе весь сентябрь на дачѣ живутъ. Здѣсь такъ хорошо.

— Отлично, нечего сказать, коли со всѣхъ сторонъ невское потопленіе случилось. Сквозь крышу льетъ.

— Это теперь льетъ, а очень можетъ быть, что будетъ еще прекрасная погода. Осень проводить на легкомъ воздухѣ также пріятно, какъ и весну.

— Такъ вѣдь то на легкомъ, а здѣсь вонь. Хозяинъ нарочно вамъ приказалъ помойную яму подъ окномъ устроить. Вотъ выбить стекло вамъ, такъ и будете знать.

— Ежели ты будешь буянить, мы полицію позовемъ.

— И позовете только на свою голову, отвѣчаетъ дворникъ.

— Да это разбойникъ какой-то!—всплескиваютъ руками барыни.

— Это вы разбойники-то, а не мы, мы чужого не заживаемъ!

— Онъ просто съ кухаркой сговорился и терзаетъ насъ. Ни лаской, ни строгостью, ни чѣмъ не отобьешся отъ него. Вотъ что, любезный, не знаю изъ чего ты хлопочешь? Вамъ еще должно быть пріятнѣе, ежели жильцы у васъ дольше живутъ. Во первыхъ, веселѣе и, наконецъ, все таки дворнику хоть какая нибудь польза.

— Это отъ хорошихъ жильцовъ польза-то, а не отъ васъ.

— Ахъ, Боже мой! Марья Гавриловна, donnez lui un гривенникъ, совѣтуетъ шопотомъ первая женщина.

— Mais vous savez, намъ нужно самимъ pour diner. Петръ Иванычъ seulement тридцать копѣекъ оставилъ, отвѣчаетъ тѣмъ же шепотомъ другая женщина.

— Mais, какъ нибудь обойдемся.

— Alors, пожалуй! Вотъ тебѣ гривенничекъ, любезный, поди выпей за наше здоровье.

— На этомъ благодаримъ покорно, говоритъ дворникъ и снимаетъ шапку.

— Удивляюсь, любезный, какъ тебѣ не жалко тревожить беззащитныхъ женщинъ!—упрекаютъ женщины.

— Эхъ, госпожи почтенныя!—протягиваетъ пьянымъ голосомъ дворникъ.—Намъчто, намъ живите хоть до Покрова, а насъ хозяинъ принуждаетъ. «Требуй, говоритъ, съ нихъ деньги, вы-

матывай изъ нихъ жилы, конфузь, гдѣ встрѣтишь да при всемъ честномъ народѣ, авось, говоритъ, онѣ, подлыя...»

— Милый мой, чтожъ это? Опять? — упрекаютъ его женщины.

— Я не отъ себя, сударыня. Это хозяинъ васъ такъ назвалъ, а мнѣ что? Прощенья просимъ! Благодаримъ покорно. Пойдемъ выпьемъ за ваше здоровье, а по мнѣ живите хоть до Рождества!

Дворникъ уходитъ.

ЯХТЪ-КЛУБСКІЙ ОФИЦЕРЪ.

Надъ «Крестовскимъ» царитъ іюньская блѣднолиловая ночь. Неистово свистятъ у пристани послѣдніе пароходы, зазывая къ себѣ обратныхъ пассажировъ. Вонъ и французская каскадерка, развалясь въ колясвѣ, помчалась отдыхать отъ вечернихъ трудовъ въ одинъ изъ чернорѣченскихъ французско-татарскихъ ресторановъ. Рядомъ съ ней откормленный купеческій телецъ, сбѣжавшій изъ снотворнаго Лѣснаго. Съ жаромъ нашептываетъ онъ ей любовныя рѣчи, мѣшая французскія слова съ русскими, а она, плотоядная, бьетъ его по носу перчаткой и картавитъ «Va, imbécile!» По дорогѣ къ Яхтъ-Клубу «хуторочикъ стоитъ», «молодая вдова въ хуторкѣ тамъ живетъ», да еще какая вдова-то! Тутъ и дворъ лѣсной, и плитная ломка, и кирпичный заводъ, а каменныхъ лавокъ по рынкамъ, такъ и не перечтешь! Изъ себя кровь съ молокомъ. Только восьмой мѣсяцъ какъ освободилась она изъ подъ мужнинаго кулака и теперь цвѣтетъ на славу купечества и на задоръ женихамъ-голышамъ. Синяки давно поджили, вѣсъ тѣла прибавился на 15 фунтовъ. Вотъ сидитъ она у себя въ саду на скамеечкѣ въ бѣломъ шитомъ пеньюарчикѣ, вздыхаетъ и говоритъ своей горничной:

— Нѣтъ, Маша, ни за кого я теперь замужъ не выду, окромя офицера, потому хочу деликатныхъ чувствъ попробывать. Достаточно уже поломалось надо мной это самое купечество!

— Ахъ, Александра Павловна! И въ купечествѣ можно деликатность чувствъ встрѣтить; выбирайте только себѣ бѣдненькаго; тогда онъ и не заломается передъ вами. Вонъ Застрѣлинъ,

что у Ледова въ приказчикахъ живетъ... Ну, чѣмъ не женихъ? отвѣчаетъ горничная.

— Это дѣйствительно!—раздается возгласъ, и въ калитку, какъ бомба, врывается курчавый и румяный блондинъ.

— Ахъ! Ай, Боже!.. Какъ вы испугали! Даже внутри все трясется! раздаются возгласы; но блондинъ стоитъ какъ вкопаный. На немъ яхтъ-клубская фуражка съ позументомъ и сюртукъ со свѣтлыми пуговицами и якорями.

— Желали безпремѣнно офицера видѣть—извольте, говоритъ онъ, и дѣлаетъ подъ козырекъ.—Оно хотя я и не офицеръ, но, все таки, на линіи... Намъ иногда и городовые честь отдаютъ. Нарочно для васъ только и въ члены записался. А что на счетъ деликатности чувствъ, такъ у насъ ихъ можетъ быть больше, чѣмъ у инаго генерала. Рѣшите: жизнь или смерть? Ваша рука или могила?

— Уйдите, Семенъ Парфенычъ! Ну, что могутъ подумать послѣ этого? Вдругъ вы и у меня ночью! Уйдите! упрашиваетъ вдова.

— Не уйду-съ, потому ужъ мнѣ больше не въ терпежъ. Еще одинъ отказъ съ вашей стороны, и завтра-же вы прочтете въ вѣдомостяхъ: «вынуто изъ воды хладное тѣло неизвѣстнаго званія мужчины, повидимому изъ дворянъ.»

— Ахъ, Боже мой! Да не могу-же я такъ сразу рѣшить.

— Коли требуется, мы послѣ свадьбы и пріютскій мундиръ въ прибавку раздобудемъ. Стоитъ только триста рублей внести.

— Не надо мнѣ, ничего не надо! Не срамите меня! Вдругъ кто увидитъ!

— Еще больше срамить буду. «Караулъ!» закричу. Пущай, по крайности, всѣ знаютъ, пущай мараль на насъ пойдетъ, и тогда вы ужъ по неволѣ согласитесь. Скажите, въ чемъ теперь препона? Что шпаги при яхтъ-клубскомъ мундирѣ нѣтъ? Такъ она будетъ-съ... выхлопочемъ!.. А купить ее—плевое дѣло! Да вѣдь и заправскій офицеръ свою шпагу дома снимаетъ.

— Семенъ Парфенычъ!

— Ни слова больше! Да, или нѣтъ? Вотъ у меня и ядъ въ банкѣ. Тутъ стрихнина сидитъ. Выпущу ее и шабашъ!

Блондинъ вытаскиваетъ изъ кармана пузырекъ.

— Ахъ, страсти какія!—стонетъ вдова.—Дайте хоть до завтра подумать.

— А въ заднемъ карманѣ тридцатиствольный пистолетъ заряженъ. Такъ всѣ тридцать стволовъ въ себя и всажу. Пусть хладный трупъ мой, поверженный на смерть бездушной интриганткой, клюютъ дикіе враны и пожрутъ хищные звѣри! Прикажете пистолетъ вынуть?

— Ахъ, оставьте, оставьте! Что вы! Послушайте, мнѣ нужно хоть съ родными посовѣтоваться... что тѣ скажутъ...

— Прощайте, коли такъ... меланхолически произноситъ блондинъ.

— Куда-же вы?—испуганно спрашиваетъ вдова.

— Я ближусь къ гробовой доскѣ... Сниму съ пояса у себя ремень и повѣшусь гдѣ нибудь у васъ на задахъ, въ сараѣ. Придетъ полиція, найдетъ у меня въ карманѣ записку: «дескать, лишилъ себя жизни смертоубійствомъ черезъ коварную вдову купца первой гильдіи Александру Павлову, коя сама меня совлекла въ любовныя сѣти...» Будьте счастливы! Роковая минута наступила!

Блондинъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Вдова ломаетъ руки и плачетъ.

— Маша, что мнѣ дѣлать? Семенъ Парфенычъ! Господи! Послушайте! Постойте!

— Извольте, я остановлюсь, но для того, чтобъ сказать послѣднее «прости». Хорошъ афронтъ для вдовы: въ ея дачѣ и вдругъ безвременно погибшій удавленникъ. А хладный трупъ мертвеца является ей по ночамъ въ сновидѣніяхъ, въ видѣ летучихъ мышей, и щелкаетъ зубами какъ шкилетъ и жжетъ ее пламеннымъ дыханіемъ. Довольно! Прощайте навсегда!

Блондинъ бѣжитъ и на ходу снимаетъ съ себя ремень.

— Согласитесь, сударыня! Ей-ей, онъ удавится! У него и дикость во взорѣ началась!—шепчетъ горничная.

— Семенъ Парфенычъ! Воротитесь! Я согласна! кричитъ вдова.

Черезъ минуту блондинъ у ея ногъ, стоитъ на колѣняхъ и цѣлуетъ ея руку.

— Но я не вѣрю своему счастію! Не вѣрю! говоритъ онъ. —Вдругъ я уѣду, и завтра отказъ! Побожитесь, что вы дѣйствительно согласны!

— Ей-ей, согласна!

— Скажите: будь я анафема проклятая, коли передумаю!

— Этого я не могу, Семенъ Парфенычъ.

— Не можете? Прощайте? Гдѣ мой ремень? Гдѣ кровожадная стрихнина?

— Согласна, согласна! Будь я онафема?—произноситъ вдова.

Поцѣлуи, рукопожатія, даже слезы.

Черезъ полчаса лихачъ, стоявшій за угломъ, мчитъ блондина по Крестовскому шоссе.

«Поддѣлъ королевну», думаетъ блондинъ и улыбается.—«А вѣдь чуть было не ускользнула! Вотъ и знай послѣ этого нашего брата гостиннодворскаго приказчика! Нѣтъ, съ женской націей надо всегда на ура дѣйствовать! Фу! смучился даже! Ну, теперь можно и себя потѣшить»!

— Николай! сыпь въ Новую Деревню на первую линію! Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву!—кричитъ онъ лихачу.

МОСКВИЧЪ и ПИТЕРЕЦЪ.

Въ «органной» комнатѣ трактира купца Шубина, что на углу Апраксина переулка и Садовой, сидятъ два купца. Одинъ— сѣдой, одѣтъ по-русски, борода не подстрижена, лицо темное, какъ-бы суздальскаго письма; другой — молодой блондинъ, съ еле-пробивающейся бородкой, въ пиджакѣ, лицо полное и румяное, смахивающее на филипповскую сайку. На столѣ чайный приборъ съ опрокинутыми кверху дномъ чашками и недопитый графинъ водки съ рюмками. Старый купецъ мраченъ, хмурится и то и дѣло утюжитъ то лицо, то шею краснымъ фуляровымъ платкомъ. Молодой старается его разговорить.

— Вотъ этотъ трактиръ, дяденька, такъ сказать, наша чайная антресоль и есть, гдѣ мы кишки свои полощемъ, разсказываетъ молодой купецъ. Конечно, въ обыкновенное время, мы на черной половинѣ на пятнадцать копѣекъ двоимъ пьемъ, но съ хорошимъ покупателемъ для близиру и сюда заглядываемъ. Какъ вамъ нравится заведеніе? Все чисто, прислуживающіе въ порядкѣ...

— Ничего; только у насъ въ Москвѣ много лучше, отвѣчаетъ старый купецъ и почему-то глубоко вздыхаетъ.

— Это точно-съ, это дѣйствительно, но все-таки теперича органъ... и даже какія угодно Травіаты играетъ. Въ органѣ пальба устроена, какъ-бы пушкамъ на подобіе.

— Дрянь! У насъ и органы лучше, и Травіаты лучше. У насъ въ Москвѣ Травіаты-то съ колоколами.

— Что-жъ, это и здѣсь есть. Тсъ! Василій, заведи Травіату съ колокольнымъ звономъ!—приказываетъ молодой купецъ.

— Не надо! не надо! машетъ рукой старый купецъ и опять

вздыхаетъ. У насъ порядки не тѣ, продолжаетъ онъ. У насъ ежели теперича обстоятельный купецъ придетъ, въ среду или пятницу, въ трактиръ и спроситъ водки, такъ половой не посмѣетъ тебѣ подать на закуску скороми, а мы даве пришли, намъ бутивротъ съ ветчиной тащатъ. Значитъ, въ вашихъ половыхъ образованія настоящаго нѣтъ.

— Это, дяденька, Анисимъ Романычъ, не отъ необразованія, а просто отъ меланхоліи, такъ какъ они много головнаго воображенія въ себѣ содержутъ. Дяденька, да что-жъ вы водочки-то? пожалуйте!—спохватывается молодой купецъ и беретъ графинъ.

— Не буду, не хочу.

— Ну, легонькаго, шато-морги?

— Не равно еще шататься и моргать будешь. Довольно!

— Это насчетъ шато-морги только одна антимонія. Вотъ портеръ, дѣйствительно, послѣ водки ноги портитъ. Хотѣлось-бы мнѣ, дяденька, чѣмъ-нибудь васъ питерскимъ угостить, чего у васъ въ Москвѣ нѣтъ, да въ такое голое время пожаловали, что совсѣмъ пустота выходитъ. Вотъ ежели-бы весной—у насъ корюха свѣжая, лѣтомъ—лососина невская. Сиговой икорки не прикажете-ли?

— Ну, тебя! У насъ, въ Москвѣ, насчетъ ѣды развѣ только птичьяго молока нѣтъ. У насъ именитый купецъ, въ постные дни, безъ живой стерляди за столъ не садится, а вы треску сухую жрете.

— Такъ вѣдь и у васъ купецъ не живую же стерлядь ѣстъ, а битую и потомъ вареную.

— Еще-бы онъ тебѣ живьемъ ее проглотилъ! Ты не шути, коли я говорю серьезно.

— Я, дяденька, и не шучу, а только обидно, что вы Петербургъ въ такую критику пущаете. Есть и у насъ много хорошаго. Теперича Нева, набережная, дворцы, Невскій проспектъ, Адмиралтейство и въ немъ пушка въ тысячу пудовъ стрѣляетъ.

— И у насъ въ Москвѣ есть пушка, да еще какая: царь-пушка! Въ ней, можетъ, десять тысячъ пудовъ.

— Такъ вѣдь она не стрѣляетъ, а больше такъ для виду.

— Дуракъ! Выстрѣли-ка изъ нея, такъ всѣ кремлевскія стѣны повалятся, колокола съ колоколенъ слетятъ. Вотъ ежели-

бы ее подъ Плевну, такъ ужъ та въ два дня была въ нашихъ рукахъ.

— Зачѣмъ же ее не перевезли?

— Дубина! Затѣмъ, что ни одна желѣзная дорога такой тяжести не выдержитъ.

Молодой купецъ конфузится и начинаетъ выводить пальцемъ вавилоны по мокрому подносу.

— Я, дяденька, къ вамъ всей душой, а вы ругаетесь.

— Да какъ-же не ругать-то тебя, коли ты надъ нашей святыней кощунствуешь! Не стрѣляетъ! Для виду! Послѣ этого и нашъ царь-колоколъ звонить не можетъ?

— Конечно, не можетъ, коли у него край отбитъ.

— Край отбитъ! Вотъ какъ схвачу тебя за виски, да начну по всей горницѣ таскать, такъ будешь знать!—горячится старый купецъ.

— Помилуйте дяденька, за что же такіе комплименты, даже при прислужающихъ?—недоумѣваетъ молодой купецъ.

— А за то, чтобы ты словъ такихъ не говорилъ! Ежели онъ не звонитъ, то не потому, что у него край отбитъ, а потому, что люди развратились и по своей грѣховной нечистотѣ поднять на лѣса его не могутъ. Вотъ отчего онъ не звонитъ, богохульникъ ты эдакой.

Молодой купецъ всплескиваетъ руками.

— Господи, Боже мой! Изъ-за колокола, изъ-за неодушевленной твари, и такіе, можно сказать, ругательные куплеты, отъ дяди своему единоутробному племяннику!—восклицаетъ онъ.

— Молчи, пока цѣлъ! Какъ ты смѣешь колоколъ неодушевленной тварью называть? Ахъ, ты, волчья снѣдь! Да послѣ этого я съ тобой и за однимъ столомъ не хочу сидѣть!

Старый купецъ встаетъ, хватается за шапку и идетъ изъ комнаты; молодой, растерявшись, смотритъ ему въ слѣдъ и разводитъ руками.

— Дяденька! Вернитесь хоть Травіату-то съ колокольнымъ звономъ—послушать! кричитъ онъ.

Въ отвѣтъ раздается плевокъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ПРИСТАВА.

Воскресный день былъ душный, жаркій. Разбогатѣвшій мастеровой, записавшійся въ купцы и именующій себя уже фабрикантомъ, Романъ Кирилычъ Семижиловъ, велѣлъ «закладать шведку въ шарабанъ», а самъ началъ надѣвать себѣ на шею медаль на анненской лентѣ.

— Надѣвай гродафриковое-то платье да сбирайся!—крикнулъ онъ женѣ.—Къ приставу въ гости на дачу поѣдемъ.

— Ну, вотъ! Охота къ приставу! Будто ужъ лучше-то мѣста и не нашелъ. Сиди у него какъ на иголкахъ да оглядывайся, чтобъ лишняго слова не сказать, откликнулась жена.

— Дура! Да вѣдь онъ тебѣ кумъ, ты съ нимъ у городовихи крестила, такъ чего тебѣ бояться?

— Мало ли что у городовихи! У городовихи все это при протопопѣ происходило, опять же дьячекъ былъ. Ну, а тамъ въ его собственномъ домѣ будемъ. Что захочетъ, то съ нами и сдѣлаетъ.

— Ахъ, какія понятія! Чтожъ онъ, по твоему, сѣчь насъ будетъ у себя-то въ гостяхъ, что ли?

— Не сѣчь, а какъ ему что поперечишь, онъ сейчасъ и крикнетъ: «взять ихъ въ кутузку!» Я и городоваго-то своего боюсь. Нѣтъ, поѣзжай одинъ, а я не поѣду!

— А я тебѣ говорю, что поѣдешь!—топнулъ ногой мужъ.—Что это за музыка! Человѣкъ въ гости къ себѣ зоветъ при всѣхъ своихъ чувствахъ, а у нея кутузка на умѣ! Гдѣ-жъ это видано, чтобъ гостей въ кутузку сажали!

— Да вѣдь онъ приставъ.

— Молчи!

Жена заплакала, но все-таки начала одѣваться. Мужъ былъ веселъ, ходилъ по комнатѣ, напѣвалъ себѣ «Стрѣлочка» и время отъ времени любовался въ зеркало на свою медаль.

— Надѣнь брилліантовую браслетку!—снова крикнулъ онъ женѣ.—Можешь ею приставшѣ глазъ уколоть. Навѣрное у нея такой браслетки нѣтъ. Пусть почешется.

Черезъ полчаса быстрая шведка несла ихъ по Каменностровскому проспекту. Ѣхали безъ разговоровъ. Романъ Кирилычъ далеко уже былъ не такъ веселъ какъ дома, сдержалъ лошадь и ѣдучи шагомъ сказалъ женѣ:

— Сомнѣніе меня беретъ: зачѣмъ это я приставу понадобился? Ни разу и на имянины-то къ себѣ онъ меня не звалъ, а тутъ зоветъ запросто на дачу, на кофій.

— Ага! Вотъ видишь, ты и самъ боишься!—замѣтила жена.

— Что ты! Ни въ одномъ глазѣ! Да нешто онъ смѣетъ что нибудь у себя на дачѣ?.. Ну, вся бѣда, что раскричится, зачѣмъ у меня на фабрикѣ непрописанный народъ живетъ, а задерживать человѣка онъ не смѣетъ.

Опять пустили лошадь рысью и опять остановили ее.

— Развѣ купить ему пару дынь въ подарокъ, что ли? обратился мужъ къ женѣ.—Вонъ дыни продаютъ.

— Конечно, купи. Все-таки лучше задобрить, отвѣчала жена.—По настоящему, пирогъ бы слѣдовало, прибавила она.

— Ну, вотъ! Пирогъ это купцу ежели, а приставу самое лучшее дыню.

Купили пару дынь и начали подъѣзжать къ дачѣ пристава. Романъ Кирилычъ совсѣмъ обробѣлъ. Руки у него тряслись. Онъ ѣхалъ не своей рукой и чуть не задѣлъ колесомъ шарабана за встрѣчный экипажъ.

— Анна Семеновна, ужъ ѣхать ли намъ?—спросилъ онъ жену.

— Конечно, лучше вернемся назадъ. Долго ли до грѣха! Дыни-то можемъ и сами съѣсть. Ну, что намъ приставъ?

— Нѣтъ, ты этого не говори. Приставъ нужный человѣкъ. Я весь въ его рукахъ. Вѣдь фабрика-то моя въ его участкѣ. А только Богъ его знаетъ, пришелъ я къ нему вчерась въ участокъ поговорить по секрету объ одномъ дѣлѣ. Переговорили, а онъ потрепалъ меня по плечу да съ улыбкой эдакой и говоритъ: «пріѣзжай, говоритъ, Романъ Кирилычъ, завтра днемъ ко мнѣ на дачу на кофій, да и куму мою съ собой захвати».

Это то есть тебя. Одно вотъ только я не могу разгадать: пронзительная у него улыбка была или радостная?

— Ну, да что тутъ улыбки разбирать! Знаешь что, Романъ Кирилычъ: поворачивай лошадь и поѣдемъ обратно домой, сказала жена.

— А вдругъ обидится? Скажетъ: на поклонъ не захотѣлъ пріѣхать, гордыню въ себѣ возъимѣлъ. Вѣдь тогда худо будетъ, потому, по своей фабрикѣ, я весь въ его рукахъ.

Романъ Кирилычъ задумался.

— Ну, будь что будетъ!—рѣшилъ онъ махнувъ рукой.—Поѣдемъ!

Подъѣхали къ дачѣ.

— Вотъ здѣсь онъ живетъ, проговорилъ мужъ, прочитавъ на воротахъ надпись дачевладѣльца и номеръ, и свернулъ на дворъ.—Ну, Господи благослови! Анна Семеновна, перекрестись.

Мужъ и жена украдкой перекрестились и осадили лошадь у задняго крыльца. На подъѣздѣ участковый солдатъ-разсыльный вертѣлъ мороженое въ кадушкѣ.

— Доложите Петру Ермолаичу, господину приставу, что купецъ Семижиловъ желаетъ его видѣть, обратился Романъ Кирилычъ къ солдату.

— Купецъ Семижиловъ? Пристава?—переспросилъ тотъ, оставивъ вертѣть мороженое.—Да онъ у насъ здѣсь не принимаетъ, пожалуйте въ участокъ. Тамъ и разберутъ. У васъ драка что-ли?

— Чудакъ-человѣкъ! Да мы въ гости...

— Въ гости?—протянулъ солдатъ и сталъ обозрѣвать пріѣзжихъ съ ногъ до головы.—Я доложу, только смотрите, чтобы чего не вышло.

Солдатъ ушелъ. Жена и мужъ смутились.

— Романъ Кирилычъ, ѣдемъ лучше домой. Ну, какъ тамъ солдатъ и невѣдь что наговоритъ!—шепнула жена.

— Я теперь самъ думаю, что лучше убираться по добру по здорову,—отвѣчалъ мужъ, повернулъ лошадь, стегнулъ ее возжами и помчался по двору, мимо палисадника.

— Романъ Кирилычъ! Романъ Кирилычъ! Куда ты? Я здѣсь!—кричалъ между тѣмъ приставъ, стоя въ бѣломъ кителѣ на распашку у отворенной калитки, и махалъ руками.

Романъ Кирилычъ осадилъ лошадь. Дѣлать было нечего.

— Я, ваше высокоблагородіе, хотѣлъ только лошадь проѣхать,—оправдывался гость.

— Милости просимъ войдти! Лошадь солдатъ проѣхать можетъ,—отвѣчалъ приставъ и протянулъ руку.—Кумушкѣ поклонъ!—добавилъ онъ.

Супруги вышли изъ шарабана.

— Не обидьте ужъ, ваше высокоблагородіе! Мы ваши, а вы наши,—началъ мужъ и подалъ дыни.

— Зачѣмъ обижать гостей. Ну, а дыни-то ужъ напрасно, напрасно...

— Кушайте, ваше высокоблагородіе, на радость. Не обезсудьте только на малости!

Супруги, робко ступая, вошли въ садъ. Приставъ пригласилъ садиться, познакомилъ съ женой. Приставъ и приставша завели разговоръ, но гости упорно молчали или отвѣчали «да», да «нѣтъ». Семижиловъ еще раза два упомянулъ, что, дескать, «вы наши, а мы ваши». Жена его перебирала бахрому мантильи. Мужъ и жена сидѣли какъ на иголкахъ.

— А у насъ вчера въ участкѣ преинтересный случай,—началъ приставъ.—Приводятъ одного купца для составленія протокола въ нарушеніи...

Но тутъ Семижиловъ вскочилъ съ мѣста какъ ужаленный и сталъ прощаться.

— Куда-жъ вы? Посидите. Сейчасъ кофій подадутъ. У насъ сливки отличныя,—останавливалъ приставъ, но гость отказался на отрѣзъ.

— Нѣтъ, пора, ваше высокоблагородіе! Намъ сегодня еще въ четыре мѣста,—говорилъ онъ, блуждая взоромъ.—Даже на крестины въ одно мѣсто звали... Потомъ панихида... Прощайте, впредь не обидьте.

Приставъ недоумѣвалъ и смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Семижиловъ уронилъ стулъ, сказалъ «пардонъ-съ», пропихнулъ жену въ калитку, и выбѣжавъ на дворъ, сталъ садиться въ шарабанъ.

— Да что съ вами? Не потеряли-ли вы чего на дорогѣ?—спросилъ приставъ.

— Нѣтъ, ничего-съ. Прощенья просимъ, ваше высокоблагородіе!—отвѣчалъ Семижиловъ и стегнулъ лошадь.

— Ну, слава Богу, все обошлось благополучно!—сказалъ онъ

со вздохомъ, когда они отъѣхали отъ дачи пристава, и взявъ возжи въ лѣвую руку, перекрестился правой.—А замѣтила ты, какъ онъ насчетъ купца-то съ составленіемъ протокола ввернулъ?—обратился онъ къ женѣ.

— Ну что? Вѣдь говорила я тебѣ!—воскликнула та.

Семижиловъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, ужъ теперь онъ меня и калачемъ къ себѣ въ гости не заманитъ!—бормоталъ онъ. — Кумъ — кумъ, а все-таки приставъ, такъ лучше нашему брату отъ него подальше!

Бойкая шведка, учащенно перебирая ногами, несла Семижиловыхъ обратно домой.

Дачные сосѣди.

Черная рѣчка. Пять часовъ послѣ полудня. Молодой супругъ Треножниковъ, держа портфель подъ мышкою и пощипывая рукой рѣденькую бородку, спѣшитъ изъ должности домой обѣдать. Ему то и дѣло приходится соскакивать съ мостковъ въ пыль, дабы дать дорогу встрѣчнымъ. То нянька везетъ колясочку, то группы дамъ загораживаютъ ему дорогу. Два раза задѣли его зонтикомъ по шляпѣ. Нѣкоторыя дамы, осмотрѣвъ его при встрѣчѣ съ ногъ до головы, останавливаются и смотрятъ ему въ слѣдъ. Это его нисколько не смущаетъ. Сначала онъ думаетъ, въ порядкѣ-ли у него костюмъ и осматриваетъ себя, но оказывается, что все застегнуто, все чисто и на мѣстѣ. Время отъ времени до него доносятся слѣдующіе возгласы:

— Говорятъ, что онъ красивъ! Ничуть! Во-первыхъ, носъ утюгомъ, а во-вторыхъ походка въ припрыжку.

Разъ въ одномъ изъ полисадниковъ кто-то крикнулъ:

— Глаша, Глаша! Смотри! Новоженъ Треножниковъ идетъ! Въ январѣ только повѣнчался!

Это его сердитъ. Онъ ускоряетъ шагъ и слышитъ въ то-же время за собой ускоренные шаги.

— Къ пирогу съ сигомъ, сосѣдъ, спѣшите?—раздается надъ его ухомъ басъ.

Онъ оборачивается и видитъ передъ собой пожилаго толстаго господина.

— Да... Мое почтеніе! А вы почемъ знаете, что къ пирогу?—спрашиваетъ онъ, раскланиваясь.

— Я вашъ сосѣдъ. Рекомендуюсь; отставной лѣсничій Пупковъ. Давеча съ балкона мы видѣли, какъ ваша супруга у рыбака

сига покупала. Потомъ у зеленщика лукъ брали. За сига сорокъ копѣекъ заплатили. Видите, мы все знаемъ! Позвольте узнать ваше имя-отчество? Николай Михайлычъ, кажется?

— Нѣтъ, Иванъ Иванычъ.

— Ну, и прекрасно. Будемте знакомы. Меня зовутъ Степанъ Степановъ. Помните—Стаканъ Стакановъ и не забудете. Стаканъ въ хозяйствѣ вещь необходимая. Вотъ мы и пришли. До свиданія! У васъ пирогъ съ сигомъ, а у меня сегодня ботвинья съ тешкой. Лососина-то дорога, канальство! Еще разъ прощайте, Петръ Сергѣевичъ!—переврал толстякъ имя своего новаго знакомаго и скрылся въ калитку палисадника.

Вошелъ и Треножниковъ къ себѣ въ садъ.

— Ахъ Ваничка! Другъ мой! здравствуй!—крикнула съ балкона молодая хорошенькая супруга, и соскочивъ со ступенекъ, хотѣла броситься ему на шею.

— Тише, тише! Потомъ!—отстранилъ ее отъ себя мужъ и сталъ озираться, смотря на сосѣдніе балконы.

— Что съ тобой?—недоумѣвала жена и надула губки.

— Потомъ, потомъ, мой другъ. Мы въ комнатѣ поцѣлуемся,—шепталъ онъ, кивая по сторонамъ.

Съ верхнихъ балконовъ выглядывали сквозь парусинную драпировку женскія лица. Одна дама смотрѣла даже въ бинокль въ щель не высокаго забора виднѣлась чья-то усатая физіономія.

— Все видятъ, все слышутъ. Здѣсь просто какое-то шпіонское мѣсто,—прибавилъ молодой мужъ входя въ комнату и трижды поцѣловалъ жену.

— Можно у васъ попросить на полъ-часа кофейную мельницу? Въ кухнѣ не даютъ...—раздался женскій голосъ.

Въ палисадникѣ передъ открытымъ окномъ стояла сосѣдская кухарка.

— Можно, можно,—крикнулъ Треножниковъ—Господи! И здѣсь-то даже!...—возопіялъ онъ. Вотъ, думалъ, что теперь нахожусь глазъ на глазъ съ тобой, анъ оказывается, что нѣтъ!

— Да вѣдь, другъ мой, мы ничего дурнаго не дѣлали,—утѣшала его жена.

— Все это такъ, но, однако, ангелъ мой, что-же это за жизнь, ежели не можешь даже и поцѣловать жену безъ свидѣтелей? Надо будетъ зеленымъ калинкоромъ окна завѣсить! Все знаютъ, что у насъ дома дѣлается. Третьяго дня у меня

въ животѣ урчало и посылалъ я Дарью въ аптеку; на утро ѣду въ конкѣ въ должность, сидитъ противъ меня незнакомая дама и говоритъ: «а мы ужъ вчера за васъ боялись, думали не тифъ-ли, что вы въ аптеку посылали». Тьфу!

Треножниковъ плюнулъ и сѣлъ на балконѣ обѣдать. На сосѣдней дачѣ кто-то такъ и наяривалъ ученическими перстами на фортепьяно гаммы и экзерцизы. Поѣли пирога съ сигомъ.

— Ляжешь спать послѣ обѣда?—спросила жена. Вѣдь ты вчера до четвертаго часа утра работалъ.

— И легъ-бы, да вотъ эти каторжныя фортепьяны,—отвѣчалъ мужъ.—И всякій разъ въ это время. Ужъ хоть-бы утро избрала эта дѣвчонка себѣ для урока, что-ли. Гаммы еще мнѣ ничего, а вотъ ужо какъ начнетъ наяривать эти самыя «Мечты» Генделя, ну точь-въ-точь собака визжитъ, которой лапу отдавили! Нѣтъ, я не усну. Она у меня всѣ жилы вытянетъ. Лучше я съ тобой побесѣдую. Вѣдь мѣсяца черезъ четыре ты будешь мамашей. Поговоримъ о нашемъ ребенкѣ.

Пообѣдали. Треножниковъ не хотѣлъ говорить о такомъ важномъ предметѣ, какъ будущій ребенокъ, на балконѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что верхніе жильцы изъ оконъ могутъ слышать.

— Знаешь-ли что?—сказалъ онъ:—Я нашелъ одно прелестное уединенное мѣстечко у забора, въ кустикахъ. Съ другой стороны только зады конюшенъ и навозная яма и насъ тамъ никто не услышитъ.

Дѣйствительно Треножниковъ привелъ жену въ укромненькое мѣстечко у забора. Поставили два стула, столикъ и начали пить кофе. Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ:

— Ну, теперь нужно будетъ и о приданомъ для нашего будущаго ребеночка подумать. Какъ ты полагаешь, когда можно ждать?

За заборомъ кто-то сопѣлъ и фыркалъ. Мужъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, это лошади въ конюшнѣ, успокоила его жена и начала:—Да вотъ видишь-ли, съ точностію опредѣлить трудно, но полагаю, что въ концѣ сентября или...

— Съ точностію, почтенный Семенъ Федоровичъ, этотъ предметъ никогда опредѣлить не возможно, раздался за заборомъ басъ,—Повѣрьте опытному человѣку! Я третій разъ женатъ...

— Кто тутъ? Какъ вы смѣете? крикнулъ Треножниковъ и вскочилъ съ мѣста, сжавъ кулаки.

— Это я-съ. Вашъ сосѣдъ, лѣсничій. Не извольте безпокоиться! былъ отвѣтъ. Я червей въ навозѣ для рыбной ловли копаю. Съ точностію, говорю, нельзя опредѣлить. Когда у меня жена была первымъ сыномъ тяжела...

— Боже мой! Да что-жъ это такое!—крикнулъ мужъ и схватился за голову.

— Что съ вами? объ шиповникъ укололись, что-ли? слышалось изъ-за забора.—Послушайте, Федоръ Петровичъ... Такъ кажется, я васъ называю?

— Нѣтъ не такъ-съ. Меня Иваномъ Иванычемъ зовутъ. Что вамъ угодно? Какъ вы смѣете подслушивать?

— Я не подслушиваю, а червей копаю. Пойдемте-ка рыбу удить. Тамъ я вамъ всѣ жѣнскія примѣты расскажу.

— Прошу меня оставить въ покоѣ. Я желаю съ женою бесѣдовать наединѣ!

— Полноте, Семенъ Яковлевичъ, бросьте! Съ женою еще успѣете побесѣдовать. А лучше поѣдемте щукъ на колюшекъ ловить.

Отвѣта не воспослѣдовало. Супруги начали перебираться на балконъ.

— Послушайте! Яковъ Семенычъ? Кажется такъ я васъ называю?—басилъ за заборомъ лѣсничій, но его не слушали.

На балконѣ супруги завѣсились драпировкой и стали говорить въ полъ-голоса. Все шло хорошо, но вдругъ драпировка распахнулась и изъ сада показалась голова дамы.

— Извините пожалуйста, что я вамъ помѣшала,—сказала она.—Скажите, не закинулъ-ли мой Петинька къ вамъ на балконъ свой мячикъ?

— Нѣтъ-съ, не закинулъ!—заскрежеталъ зубами Треножниковъ, и сжавъ кулакъ, такъ сверкнулъ глазами, что дама опрометью бросилась съ балкона.—Дрянь этакая!—крикнулъ онъ ей въ слѣдъ, но она мало обратила на это вниманія, а выбѣжавъ за калитку, тотчасъ-же начала шептаться съ дожидавшей ее другой дамой, кивая на балконъ Треножниковыхъ.

ОКОЛО ДАЧНОЙ ИЛЛЮМИНАЦІИ.

Лѣсной. Прекрасный теплый вечеръ. Одна изъ хорошенькихъ затѣйливыхъ дачекъ убрана горящими фонарями, шкаликами. Въ саду играетъ военный оркестръ, на балконѣ дачи виднѣются нарядные гости, поставлена закуска съ батареей бутылокъ, официанты разносятъ сласти. На аллеѣ, противъ палисадника толпится народъ: кучера, горничныя, кухарки, но есть и дачники съ женами, пришедшіе посмотрѣть на иллюминацію и послушать музыку. Нѣкоторые такъ и уткнулись носами въ рѣшотку сада. Идутъ толки, разговоры; прислуга сплетничаетъ и «цыганитъ» господъ.

— Вотъ этотъ толстенькій, что съ цигаркой-то въ зубу, самъ хозяинъ будетъ, а эта длинная селедка—жена его,—разсказываетъ какая-то кухарка.

— Купцы?—задаетъ кто-то вопросъ.

— Нѣтъ, доктора и изъ самыхъ что ни на есть заядныхъ нѣмцевъ. Хозяйка—жидъ, а не барыня: сама кучеру овесъ выдаетъ. Ей Богу! Другую такую скаредную поискать еще. Теперича сама за говядиной ходитъ и изъ-за пятачка готова мяснику глаза выцарапать. Не знаю, какъ они на лиминацію-то съ музыкой рѣшились. Гляди, какъ-бы завтра не удавились оба съ убытковъ-то.

Къ компаніи горничныхъ въ свѣтлыхъ ситцевыхъ платьяхъ подходитъ кучеръ съ гармоніей.

— А мы такъ съ своей собственной музыкой. Курносому сословію почтеніе!—раскланивается онъ.—Казачка поплясать не хотите-ли?

— Пожалуста, эти сѣрые куплеты бросьте и идите своей

дорогой, потому они къ намъ не касаются. Вы въ своемъ интересѣ, а мы сами по себѣ, огрызается миловидная горничная.

Кучеръ презрительно скашиваетъ глаза.

— У, волчья шерсть! Туда-же барыню разыгрываетъ, цѣдитъ онъ сквозь зубы.—За чиновника изъ топтательнаго департамента замужъ сбираешься, что-ли?

Тутъ-же двѣ бабы. Одна изъ нихъ качаетъ головою и повѣствуетъ товаркѣ:

— И живетъ она, Дарьюшка, у этихъ самыхъ жидовъ въ кормилицахъ, и цѣлые-то дни убивается. Прибѣжитъ это къ намъ въ дворницкую и заплачетъ: «Господи, говоритъ, что мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ за то, что я жидовскаго ребенка христіанской грудью кормлю!» А житье хорошее: одежи гибель, пищи въ волю и вся съ господскаго стола.

— Зачѣмъ-же она къ жидамъ въ кормилицы-то пошла?— возражаетъ другая баба.

— Да надули ее, сказали, что нѣмцы, а потомъ оказалось, что жиды некрещеные.

Оффиціантъ пронесъ на подносѣ ягоды.

— Господи!—всплеснула руками кухарка.—Вотъ сквалыгито! Клубника по восьми копѣекъ фунтъ, а они вздумали ею гостей подчивать! Настоящіе нѣмцы! Говорятъ, и докторъ-то онъ по скотской части.

— Да это не клубника, а викторія,—замѣчаетъ лакей.

— Ну, вотъ! Будто я клубники отъ викторіи отличить не могу!

— А я вамъ говорю, что викторія, потому видѣлъ даже какъ баба принесла имъ ее съ огорода. Конечно, коли-бы ежели они были настоящіе господа, то могли ананасъ купить, но все-таки это викторія, а не клубника.

Начинается споръ. Кухарка коритъ лакея «ваксой», тотъ ее—«мутовкой». Другая кухарка просовываетъ руку въ рѣшотку и манитъ къ себѣ солдата-музыканта.

— Кавалеръ, кавалеръ! — говоритъ она. — Подите сюда. Нельзя-ли намъ отъ оффиціанта пару ягодъ достать, чтобъ споръ разрѣшить? Они вотъ говорятъ, что это викторія, а мы за клубнику стоимъ.

Солдатъ улыбается и крутитъ усъ.

— А вы позовите-ка меня въ воскресенье къ себѣ въ гости кофій пить, такъ я не токма что двѣ ягоды, а цѣлый фунтъ вамъ въ презентъ предоставлю!—шепчетъ онъ.

— Подите вы!—жеманится кухарка.—Какъ-же я васъ къ себѣ позову, коли вы для меня встрѣчный-поперечный и даже совсѣмъ не знакомый.

— Теперь не знакомый, а приду такъ и познакомимся. Гдѣ вы живете?

— Зачѣмъ-же я вамъ буду говорить? Это очень конфузно съ перваго раза. Я живу по Косому переулку, дача № 137.

— Ну, вотъ, значитъ, я и приду въ воскресенье,—любезничаетъ солдатъ.

— Придти придете, а меня, все таки, не разъищете, потому моего имени не знаете. Вы будете искать какую-нибудь Наталью, а я Татьяна.

— Я Татьяну и спрошу.

— Тоже можете ошибиться. У насъ на дворѣ двѣ Татьяны. Я у купцовъ живу, а другая Татьяна у аптекаря.

— Тогда я къ купеческой Татьянѣ и приду. По Косому переулку, дача № 137? Вѣрно?

— Конечно вѣрно... Только не стыдно это вамъ чужіе адресса насильно вывѣдывать?—продолжаетъ жеманиться кухарка.—А еще военный!

Капельмейстеръ стучитъ палочкой. Музыкантъ со всѣхъ ногъ бросается къ пюпитру. Раздаются звуки кадрили, подбивающей на танцы.

— Ну, скажите на милость! Вѣдь вывѣдалъ таки, гдѣ я живу! не унимается кухарка. Вотъ срамъ-то, ежели придетъ!

— Послушайте, какъ васъ?... Анны Пелагевны! Давайте сейчасъ танцы танцовать вотъ на этомъ помостѣ черезъ канавку, обращается лакей къ компаніи горничныхъ.

— Ну вотъ! Не видались мы танцевъ, чтобъ намъ при всемъ народѣ на улицѣ трястись!—презрительно отзывается опять все та-же миловидная горничная.

— Да что вы за царевна недотрога, позвольте васъ спросить?

— Не царевна, а просто намъ эти танцы и въ Приказчичьемъ клубѣ и даже съ настоящими кавалерами надоѣли! Мнѣ нашъ баринъ завсегда билетовъ сколько хочу даетъ.

— Что вы бахвалитесь-то! Вашъ баринъ на васъ какъ-то разъ плюнулъ по ошибкѣ, а вы ужъ сейчасъ въ себя головное воображеніе забрали и заважничали! Фря!

— Ошибаетесь! Мнѣ нашъ баринъ даже золотые часы съ цѣпочкой подарилъ!

— Коли подарилъ, такъ значитъ за уксусное поведеніе. Барская барыня! Тьфу! и больше ничего!

— Пришпандорь ее! Пришпандорь ее хорошенько!—кричитъ лакею обиженный горничной кучеръ. На балконѣ у гостей танцуютъ.

ЛОСОСИНА.

Крестовскій островъ. Сквозь свѣжую зелень палисадника, украшеннаго цвѣтами, выглядываетъ на улицу хорошенькая дачка. Утро. На задрапированномъ полотномъ балконѣ пьютъ чай молодые супруги. Мужъ вь халатѣ, неуспѣвшемъ еще отрепаться, жена въ бѣлой блузѣ.

— Вкусняшъ ты мой миленькій! дѣлаетъ она ему черезъ столъ глазки.—Ахъ, какъ я рада, что ты не ѣдешь сегодня въ должность и весь день пробудешь со мной.

— Для тебя, вкусняшечка моя, остался, отвѣчаетъ онъ и посылаетъ ей летучій поцѣлуй.

— Вкусняшъ! Прелесть моя! Восторгъ мой! Для другихъ ты Петръ Иванычъ, а для меня Вкусняшъ и нѣтъ тебѣ другаго имени.

— А для меня ты Вкусняшка, потому что вкуснѣе, добрѣе и красивѣе тебя ничего нѣтъ на свѣтѣ!

Протягиваются черезъ столъ руки, и жена и мужъ, какъ архіереи, цѣлуютъ ихъ.

А солнце свѣтитъ и улыбается на ихъ нѣжную любовь!

— Что мы будемъ обѣдать сегодня, Вкусняшъ?

— Что ты хочешь, Вкусняшечка. Ты хозяйка и повелительница, а я твой рабъ. Ты хотѣла лососины покушать. Вотъ зазови рыбака и купи.

— Нѣтъ, нѣтъ! Лососина слишкомъ дорога, шестьдесятъ копѣекъ фунтъ, а ты ужъ и такъ много тратишься.

— Другъ мой, стоитъ-ли объ этомъ говорить. Ты хочешь лососины и кушай. Лучше на другомъ будемъ экономить. Вотъ

я хотѣлъ себѣ новыя подтяжки купить—не куплю, буду старыя носить.

— Но изъ-за лососины и нуждаться въ подтяжкахъ!

— Ничего. Въ крайнемъ случаѣ ты мнѣ изъ тесемокъ сдѣлаешь.

Зазывается рыбакъ и покупается три фунта невской лососины.

— Вотъ мы и изжаримъ ее въ сметанѣ, а Вкусняшъ мой будетъ кушать и похваливать, говоритъ жена.

— То-есть какъ это изжаримъ? недоумѣваетъ мужъ.—Гдѣ-жъ это видано, чтобъ лососину жарили въ сметанѣ! Лососину варятъ.

— У маменьки всегда жарили и всякій разъ на лососину приходилъ отецъ протопопъ, ѣлъ и похваливалъ ее!

— По моему это значитъ портили доброе, а протопопъ ни бельмеса не понималъ въ гастрономіи.

Жена вспыхиваетъ.

— Что-жъ по твоему маменька-то съ протопопомъ глупѣе тебя?—спрашиваетъ она.

— Не глупѣе, а только я зналъ одного протопопа, который и на грешневики съ конопляным масломъ умилялся, уклоняется отъ прямаго отвѣта мужъ.

— Твой протопопъ и нашъ! Какое сравненіе! Нѣтъ, я тебя спрашиваю: глупѣе они тебя?

— Конечно, глупѣе!—разражается мужъ.

— А коли такъ, то я и разговаривать съ тобой не хочу, отрѣзываетъ жена.—Степанида! кричитъ она кухаркѣ:—возьми эту лососину и изжарь ее въ сметанѣ.

— Не смѣй жарить, а возьми свари ее, остуди и подай съ свѣжими огурцами.

— Не слушай его, Степанида! Онъ совсѣмъ ополоумѣлъ! Иди и жарь лососину! Я хозяйка.

— Ты хозяйка, а я деньги плачу! Я для тебя новыми подтяжками пожертвовалъ.

— Вы для меня подтяжками, а я для васъ жизнью! Нечего сказать, пріятно жить съ такимъ извергомъ! Ужъ не упрекнете-ли вы меня вчерашними туфлями на красныхъ каблучкахъ, что мнѣ подарили?

Начинаются слезы. Недоумѣвающая кухарка уноситъ лосо-

сину въ кухню. Мужъ начинаетъ сдаваться и подсаживается къ женѣ.

— Однако-же, Вкусняшечка, это ни на что не похоже... начинаетъ онъ.

— Не смѣйте называть меня этимъ именемъ! Я не Вкусняшка для васъ, а Ольга Николавна!

— Но прежде ты сама-же!..

— Мало-ли что прежде. Прежде вы маменьку и протопопа считали не глупѣе себя.

— Никогда не считалъ и считать не буду! отрѣзываетъ мужъ.

Жена вздрагиваетъ и подкатываетъ глаза подъ лобъ.

— Ай! ай? Дурно! дурно! вскрикиваетъ она и откидывается на спинку стула.

Мужъ въ испугѣ и бросается къ ней.

— Степанида, воды скорѣй! Воды! кричитъ онъ.

Прибѣгаетъ кухарка съ водой, начинается спрыскиваніе, машутъ въ лицо платкомъ. Мужъ беретъ жену въ охапку, и внеся ее въ комнату, бережно кладетъ на диванъ. Ему попадаетъ носкомъ туфли по носу.

— Другъ мой, успокойся! Ну, приди въ себѣ, умоляетъ онъ.—Я на все согласенъ. Пусть будетъ, что маменька и протопопъ умнѣе меня. Открой глазки, я тебѣ сегодня за это десять горшковъ резеды и десять горшковъ левкоя куплю.

— Что мнѣ резеда и левкой, коли вы тиранъ безчувственный... шепчетъ, не открывая глазъ, жена.

— Ну, кромѣ цвѣтовъ, я тебѣ то бирюзовое колечко подарю, что ты хотѣла.

Жена открываетъ глаза.

— А лососина какже?—спрашиваетъ она.

— Да что лососина! Чортъ съ ней! досадуетъ мужъ.—Или вотъ что мы сдѣлаемъ: одну половину сваримъ, а другую изжаримъ.

— Ну, хорошо. Видишь, какая я уступчивая, Вкусняшъ

— Знаю, знаю, Вкусняшечка! Ты ангелъ! Степанида! Степанида!—кричитъ мужъ.

Но въ кухнѣ раздаются возгласы: «ахъ, ты мерзавка! Ахъ ты подлая! Ну, что я теперь буду дѣлать! Баринъ, барыня, простите! Ей Богу, я не виновата»!

— Что тамъ у тебя дура! Чего ты?

Супруги выбѣгаютъ въ кухню. Кухарка стоитъ на подъѣздѣ и ахаетъ.

— Извольте посмотрѣть! Пока мы съ вами барыню-то прыскали, а кошка забралась въ кухню и схватила лососину. Вонъ она ее подъ кустомъ-то ѣстъ.

— Такъ чего-жъ ты стоишь, какъ истуканъ! Отними скорѣй! Можно обмыть и все-таки съѣсть! кричитъ мужъ.

Кухарка бросается къ кошкѣ съ лососиной, но ее предупреждаетъ дворовая собака. Она наскакиваетъ на кошку, вырываетъ у нея лососину и убѣгаетъ съ кускомъ.

Картина.

Передъ отъѣздомъ съ дачи.

Темный августовскій вечеръ. Около одной изъ дачъ, на помостѣ, перекинутомъ черезъ канавку, собралась прислуга. Время отъ времеми вспыхиваетъ красный огонекъ папиросы и освѣщаетъ мужскія и женскія лица. Кучеръ заигралъ на гармоніи и запѣлъ:

«Ходи руки, ходи ноги,
Баба пляшетъ на дорогѣ,
Платочкомъ вертитъ!»

— Ну, завели канитель! Только тоску наводите. Ужь ежели тальянской музыки не знаете, то лучше бросить!—замѣчаетъ горничная.

Кучеръ обижается и умолкаетъ.

— А вотъ я у мамзели на фортупьянѣ для васъ учиться начну,— говоритъ онъ.—Вишь какая новгородская тальянка выискалась!

— Да полноте вамъ! Бросьте!—останавливаетъ лакей.—Вы когда въ городъ-то оглобли поворачиваете?—спрашиваетъ онъ.

— А песъ его знаетъ! Еще вчера три куля овса къ намъ привезли. Долги его ужь очень забодали. Теперича въ мясной на книжку, въ зеленой на книжку, а разносчики такъ-такъ по-утру у калитки его и караулятъ. Словно кошки мясника, прости Господи!

— Поди и въ конюшнѣ-то вамъ теперь страшно спать? Домовые тревожутъ?—спрашиваетъ кухарка.

— Домовые что! Домовой у меня ласковый, потому кони ему наши ко двору пришлись. Теперича я спать лягу, а онъ мнѣ спину чешетъ, въ головѣ ищетъ,—разсказываетъ кучеръ.—

А вотъ ужо холода начнутся, такъ цыганскій потъ пробирать станетъ. Безъ сороковки и не ложись.

— Все-таки страшно. Я-бы и ласковаго домоваго пужалась,— ежится кухарка.—Говорятъ, вонъ въ угловой пустой дачѣ покойница по ночамъ ходить начала. То стулья двигаетъ, то столъ... и всю-то ночь. Дворникъ всѣ двери мѣломъ закрестилъ да не помогаетъ. А вчера что-же? Приходитъ онъ по-утру въ дачу—глядь: папиросные окурки валяются и тюрюкъ изъ-подъ ягодъ со стебельками. Такъ онъ и обмеръ.

— Можетъ въ крахмальныхъ юбкахъ и съ кавалеромъ подъ-ручку покойницы-то ходятъ?—усомнился кучеръ.—То-же бываетъ.

— Ахъ, какіе вы невѣроятныя! Тогда зачѣмъ-же стонъ? Окромя того, она зубами щелкаетъ и изъ рта огонь...

— Ну, пошли, поѣхали! И охота вамъ, господа, о такихъ вещахъ къ ночи!....—заговорила компанія и начала расходиться.

На помостѣ остались лакей и горничная.

— Это вѣдь въ нашъ собственный огородъ насчетъ покойницы-то... Помните, мы тамъ малину ѣли?—сказалъ лакей и подвинулся къ горничной.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста!—оттолкнула она его,—Ничего я не помню!

— За что такая жестокость чувствъ съ вашей стороны?

— А за вашу воробьиную память. Вчера увѣряли, что у васъ насчетъ меня любовный кипятокъ въ груди, а сегодня въ табачной лавкѣ спрашивали адресъ у полковницкой портнихи и сулились къ ней на кофей придти. Вы думаете, я не знаю?

— Мало-ли что спрашивалъ! Мой вздохъ всегда при васъ и останется. Съ портнихой у меня одни разговорные куплеты, а вы для меня купидонъ и даже, можетъ, еще хуже, потому вотъ я сейчасъ приду домой да фонталъ слезъ и пущу изъ-за васъ на подушку. Вы, вотъ, говорите: портниха, а у меня въ головномъ засадѣ только однѣ вы и сидите. Вчера сталъ полоскать графинъ—трахъ! и нѣтъ его! А все изъ-за вашей лютости.

— Подите! Вамъ повѣрить, такъ трехъ дней не проживешь! Вы и графинъ-то изъ-за портнихи разбили.

— Однако, вѣдь, я вамъ-же подарилъ ликерное сердце, а не ей. Кромѣ того, и любовную записку съ скоропалительными чувствами вамъ написалъ. Хотите завтра-же вамъ дюжину

носовыхъ платковъ подарю? Портниха для меня все-равно, что рѣпа, а не померанецъ!

— Пожалуйста, не подпускайте кислыхъ словъ!

— И вовсе даже не кислыя, а ванель.

Пауза. Лакей остервенительно затягивается папироской.

— Послушайте, можно будетъ къ вамъ въ городѣ придти?— спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, нельзя. У насъ дѣловъ ступа не протолченая. Только по понедѣльникамъ, когда барыня къ оперу уѣдетъ, и отдыхаешь.

— Значитъ, мы такъ по понедѣльникамъ и потрафлять будемъ.

— Шведскому замку и поклонитесь, а потомъ и поворотъ отъ воротъ.

— Наталья Спиридоновна, зачѣмъ въ наше сердце змѣиныя когти впущаете? Пора ужъ это звѣрство бросить.

— Съ крокодиломъ безъ звѣрства нельзя!—жеманится горничная.

— Я крокодилъ, а вы моя крокодильша. Подарите взглядомъ, удостойте улыбкой! Вотъ такъ-то лучше. Теперь позвольте въ бламанже васъ чмокнуть.

Горничная сдалась. Послышался поцѣлуй.

— Противный! И сколько въ васъ завсегда яду сидитъ,— шепчетъ она.

— Мой ядъ для васъ не опасенъ.

Горничная стала уходить и начала прощаться.

— Когда-же вы переѣзжаете?—спросилъ лакей.

— Послѣ дождичка въ четвергъ.

— Въ такомъ разѣ, въ пятницу, я буду оплакивать вашу одинокую калитку! За симъ письмомъ потрудитесь получить наше адье съ кисточкой!—закончилъ лакей и чмокнулъ свои пальцы.

Горничная загремѣла юбками и опрометью бросилась на дворъ.

НА ЦАРИЦЫНОМЪ ЛУГУ.

26-го августа. На Царицыномъ лугу обычное народное гулянье—качели, столбы, бѣгъ подъ ведромъ, пиво въ громадныхъ бочкахъ, но есть и новинка: продаютъ виноградное вино по 10 к. за кружку. Разумѣется, достоинство товара по деньгамъ.

Два мужика выпили по кружкѣ и плюютъ.

— Вотъ тѣ и господское пойло! И какъ это только господа такое зелье пьютъ? Совсѣмъ скулу на сторону воротитъ,—говоритъ первый мужикъ.

— Такъ вѣдь то господа,—откликается второй.—Имъ что чуднѣе то лучше. Теперича ихъ ѣда: люди бросаютъ, а они ѣдятъ. У насъ, въ Новгородской губерніи мужикъ на раковъ-то и не взглянетъ, а у нихъ первое угощеніе. А устрицы?.. Лягухъ жрутъ. У меня землякъ есть, шестнадцать верстъ отъ насъ, въ кухонныхъ мужикахъ онъ, такъ сказывалъ, что господа огурцы съ купоросныімъ масломъ ѣдятъ. «Какъ возьмешь, говоритъ, въ ротъ, такъ тебя и обожжетъ, а имъ любо».

— Отъ богатства все это,—соглашается первый.—Сыты, нейдетъ настоящая-то ѣда въ утробу, ну, давай не настоящую. Подъ ведромъ-то бѣгать будемъ?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣ... ни въ жизнь!—машетъ рукой второй мужикъ.—Довольно, благодаримъ... Ученъ ужъ... То-есть скажи сейчасъ! «Митрофанъ, вотъ тебѣ три цѣлковыхъ...» и то не польщусь. Бѣгалъ я въ прошломъ году. Дали это мнѣ палку, чтобъ въ дырку-то попасть. Поѣхалъ, руки дрожатъ, хотѣлъ въ дырку, да вмѣсто дырки, какъ ткну околодочному въ картузъ да и сшибъ ему картузъ-то...

— Ну?

— Что нукаешь-то! Извѣстно, что послѣ этого бываетъ. Въ кутузкѣ и ночевалъ; а на-утро при солдатѣ и съ книжкой по городу... И какъ только онъ подвернулся и посейчасъ ума приложить не могу! Нѣтъ, братъ, теперь я отъ ведра подальше.

На каруселяхъ, сидя бокомъ на лебедѣ, вертится горничная въ цвѣтномъ платочкѣ на головѣ. Ее поджидаютъ мастеровой въ кафтанѣ со сборами и солдатъ, стоя около карусели.

— Радостно себя чувствуете?—кричитъ ей солдатъ.

— Въ такомъ разѣ, какъ-бы отъ польки трамбянъ...—успѣваетъ отвѣтить горничная и проносится мимо.—Иванъ Меркулычъ, садитесь и вы!—приглашаетъ она его при второмъ кругѣ.

Солдатъ отрицательно машетъ головой.

— Поди и не на такихъ скотахъ катался?—относится къ нему мастеровой.

— Былое дѣло. Въ Ташкентѣ и на мерблюдахъ ѣздили, и на слонахъ,—отвѣчаетъ солдатъ.

— На живыхъ?

— А то на мертвыхъ, что-ли? Тамъ у насъ страна такая, что скотовъ не разбираютъ. Прикажетъ, бывало, генералъ Черняевъ, такъ и на собакѣ поѣдешь и на лебедѣ полетишь.

— Да вѣдь лебедю человѣка не поднять?

— Одному не поднять это точно, а у насъ по десяти лебедей вмѣстѣ связывали. Тамъ, братъ, такія горы, что окромя какъ на птицахъ и не подняться.

— Скажи на милость, какъ это все начальствомъ благоустроено!—дивится мастеровой.—Ну, лебедь тварь невинная, а какъ-же на мерблюдѣ-то?—допытывается онъ.—Вѣдь у мерблюда на хвостѣ стрѣла и онъ ею жалитъ?

— И вовсе даже безъ стрѣлы. Мерблюдъ такой смирный звѣрь, что все равно что котъ. Ты къ нему подходишь, а онъ передъ тобой на колѣни ложится,—разсказываетъ солдатъ.—Тамъ на нихъ все больше купцы съ своимъ караваномъ ѣздили. Лошадей боятся—ну, на мерблюдахъ... А со стрѣлой на хвостѣ—это крокодилъ. На тѣхъ мы не ѣздили. У нихъ и изо-рта огонь... Еще, чего Боже упаси, казенное имущество сжечь можно.

Къ разговору прислушивается не то купецъ, не то артельщикъ съ биржи.

— Простите, кавалеръ, дозвольте опросъ сдѣлать,—вмѣши-

вается онъ въ разговоръ. Вы говорите: купецъ на мерблюдѣ. Православный купецъ?

— Нѣтъ, мухоѣданскій. Тамъ православныхъ купцовъ нѣтъ. Православный купецъ въ сибиркѣ только до Уральскихъ горъ водится, а тамъ халатъ и чалма.

— То-то. А то православному купцу и вдругъ на поганомъ мерблюдѣ, какъ-будто неловко... Конечно, въ хмѣльномъ образѣ, мы по грѣхамъ нашимъ, всякія беззаконія дѣлаемъ, но за то потомъ и святимъ себя, а то ежели кажиный день на мерблюдѣ ѣздить, такъ и на молебны не хватитъ.

— Да вѣдь тамъ и купцы-то беззаконные,—поясняетъ солдатъ.—Почитай всѣ они живой бабой торгуютъ, ну, а наши ихъ за эту мануфактуру съ женской живностью—ловятъ.

— Оптомъ или въ розницу у нихъ больше торговля?— допытывается купецъ.

— Продаютъ и по штукѣ, и по парѣ, а то такъ и стадомъ.

— И хорошая, добротная баба?

— Разная есть...—уклончиво отвѣтилъ солдатъ и крикнулъ горничной:—Марфа Тимофѣевна, скоро вы?

Купецъ продолжалъ бормотать:

— Такому мухоѣданскому беззаконнику что! Онъ бабу продалъ, кобылятинкой закусилъ и поѣзжай на какомъ хочешь звѣрѣ, ну а православному купцу не сподручно.

Въ это время съ карусельскаго лебедя соскочила горничная и шатаясь ухватилась за солдата.

— Совсѣмъ голова кругомъ идетъ, говорила она!—Вижу носы и бороды, а лицъ настоящихъ не вижу. Въ глазахъ мельканіе и даже мутитъ.

— Зато своимъ собственнымъ удовольствіемъ насытились, любезно отвѣчалъ солдатъ и поддержалъ ее.

Купецъ потрясъ головой.

— Не женская эта музыка-то карусели—произнесъ онъ.— Вырѣзать-бы хорошую орясину!..

— Чего-съ?—сверкнулъ глазами солдатъ.

— Ничего, проѣхали!

— То-то. Орясину-то эту ты для себя прибереги, а нашу даму не тронь!

Купецъ закусилъ губу, и ворча подъ носъ, отошелъ прочь.

ЗАГОВОРЩИКЪ.

По одной изъ улицъ Песковъ бродитъ купецъ въ сизой, мучнаго цвѣта сибиркѣ. Голова его обвязана пестрымъ платкомъ, а поверхъ платка надѣтъ картузъ козыремъ на бокъ. Купецъ держится руками за скулу и по временамъ стонетъ. Его сопровождаетъ жена въ шелковой туго повязанной косынкѣ на головѣ и въ ковровомъ платкѣ на плечахъ. Она смотритъ по сторонамъ, заглядываетъ въ окна деревянныхъ домиковъ, ищетъ чего-то на воротахъ.

— Господи что-жь это такое!—въ отчаяніи говоритъ она.— Ищемъ, ищемъ, а найдти не можемъ! Вонъ золотой крендель у булочной виситъ, вонъ и обручъ надъ воротами, а сапога сэтого самаго, какъ было сказано, не видать надъ калиткой. Куда идти?

— А ты поспрашивай,—откликается купецъ.—Дома у тебя этого звону хоть отбавляй, а здѣсь и замолкла, словно кукушка послѣ Петрова дня. Пусти въ ходъ свое язычество-то, вотъ и найдешь. Видишь, мнѣ самому не до того.

— Сильно ломитъ скулу-то?—съ участіемъ спрашиваетъ она.

— То есть такъ, что вотъ взялъ-бы тебя да и треснулъ сейчасъ по затылку! Ну, чего зѣваешь? Вонъ городовой стоитъ.

Купецъ и купчиха подошли къ городовому.

— Скажите, пожалуйста, господинъ служивый, гдѣ здѣсь аговорщикъ живетъ? Заговорщика-бы намъ надо,—обратилась къ нему купчиха.

— Заговорщика?—переспросилъ городовой, съ ногъ до головы осматривая купца и купчиху.—Да вы сами-то кто такіе будете?

— А мы извощики. Мужъ вотъ четырнадцать легковыхъ закладокъ держитъ, да двѣ кареты. Только мы не тутошные. а изъ Ямской. Ищемъ, ищемъ, просто хоть волкомъ взвыть!..

— Да вамъ какого такого заговорщика и зачѣмъ?

— Да вотъ мужу. Третій день мѣста себѣ не находитъ, питья и пищи лишился отъ зуба, а здѣсь, говорятъ, зубной заговорщикъ есть.

— Не слыхалъ, не слыхалъ такого.

— Тулякъ онъ, прежде съ шарманкой ходилъ, да пропилъ ее, а теперь птичьи клѣтки дѣлаетъ и скворцовъ говорить учитъ,—поясняла купчиха.

— Нѣтъ, такого у насъ нѣтъ.—Скрипинскій коновалъ тутъ лѣчитъ, это точно, только тотъ отъ нутра и отъ натуги. Дугой онъ лашадиной пользуетъ.

— Нѣтъ, намъ отъ зубовъ. Ходили мы и къ зубнымъ жидамъ, да толку никакого. Четыре зуба ему вырвали, а все до больнаго добраться не могутъ. У троихъ были. Думаемъ, ежели такъ продолжать, то и всѣ зубья у него повыдергаютъ. Безъ зубовъ-то тоже, вѣдь, не хорошо.

— Что хорошаго,—согласился городовой.—Да вы-бы скипидаромъ ему пополоскать дали,—посовѣтовалъ онъ.—Возьмите въ лавочкѣ простаго скипидару...

— Нѣтъ, ужь мы хотимъ заговоромъ попробовать. Говорятъ, что этотъ заговорщикъ бумажки со словами глотать даетъ.

Черезъ улицу переходила баба изъ мелочной лавочки и несла за жабры большую астраханскую селедку.

— Не знаешь-ли, землячка, гдѣ здѣсь зубной заговорщикъ живетъ?—обратилась къ ней купчиха.

— Зубной заговорщикъ? Есть такой, есть,—отвѣчала она.— Вотъ въ этомъ домѣ живетъ. Только вы не въ часъ попали. Сегодня у насъ понедѣльникъ, такъ онъ узенькое воскресенье справляетъ, а на счетъ зубовъ онъ теперь—ни Боже мой, потому ежели пьянъ, то все насчетъ свѣтопредставленія толкуетъ. А вы вотъ что: вы завтра зайдите, а теперь какъ придете домой, то возьмите кирпичъ, простой, цѣльный кирпичъ, да и трите имъ шеку то.

— Все ужъ перепробовали! А ты вотъ что, землячка, ты сведи насъ къ нему, а мы тебѣ гривенничекъ на сливки прожертвуемъ. Можетъ онъ какъ-нибудь и заговоритъ.

Баба повела. Вошли на грязный дворъ, обогнули сараи.

— Вотъ тутъ,—сказала баба и отворила дверь, обитую рогожей.

Купецъ и купчиха очутились въ грязной каморкѣ. Пахло махоркой, хлѣбомъ. Надъ единственнымъ окномъ висѣли птицы въ клѣткахъ. За столомъ, около пустой сороковки сидѣлъ косматый черный мужчина въ ситцевой рубахѣ и опоркахъ на босу ногу. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ, и увидавъ вошедшихъ, крикнулъ:

— Слуги антихриста! Не зрители-ли, яко седьмая труба вострубила и седьмая чаша!..

Купчиха попятилась. Ее загородилъ собой купецъ.

— Послушайте, вы зубной заговорщикъ будете?—перебилъ онъ хозяина квартиры.

— Мы. Но ты прежде купи скворца. Горе тебѣ, блуднику вавилонскому!..—безсвязно крикнулъ зубной заговорщикъ и сжалъ кулаки.—Садись!

Онъ былъ страшенъ. Купчиха дрожала, какъ въ лихорадкѣ. У купца и зубная боль почти прошла, но онъ сѣлъ.

— Зубы тебѣ заговаривать? Ладно. Давай рубль-цѣлковый. Наговоръ безъ денегъ не дѣйствителенъ.

Купецъ далъ рублевую бумажку. Зубной заговорщикъ положилъ ее на столъ, всталъ съ мѣста, покачиваясь подошелъ къ печкѣ, и вынувъ изъ-за печки метлу, началъ выдирать изъ нея прутья.

— Разъ, два, три...—считалъ онъ прутья и клалъ ихъ на столъ.

Такъ насчиталъ онъ семь прутьевъ и обратясь къ купцу сказалъ:

— Снимай сюртукъ.

— Ты что-жъ это меня драть, что-ли, будешъ?—спросилъ опѣшившій купецъ и всталъ съ мѣста.

— Нѣтъ, не драть, а зубы заговаривать. Снимай сюртукъ и ложись на лавку!

— Кузьма Миронычъ, уйдемъ! Уйдемъ отсюда!—завопила купчиха и, отворивъ дверь, выбѣжала на дворъ.

Пятясь задомъ, вышелъ за ней купецъ. На него наступалъ съ сжатыми кулаками зубной заговорщикъ и бормоталъ:

— Горе вамъ лихоимцамъ и татямъ торговымъ! Вонъ отсюда, псы смердящіе!

Рогожная дверь передъ купцомъ захлопнулась. На дворѣ стояла баба.

— Ну что?—спросила она.—Вѣдь говорила я...

— Только даромъ рубль-цѣлковый стравилъ! Совсѣмъ въ забвеніи всѣхъ своихъ чувствъ!—махнулъ рукой купецъ и поплелся на улицу.

За нимъ шла купчиха.

— Куда-жъ теперь, Кузьма Мироничъ?—задала она вопросъ.

— Куда! Пойдемъ опять къ зубному жиду. Пусть пятый зубъ рветъ. Авось и до больнаго зуба доберется,—простоналъ въ отвѣтъ купецъ и схватился за больную скулу.

„Горячее сердце“ и „На ножахъ“.

Въ библіотеку входитъ деревенская баба съ связкой книгъ и тарелкой въ рукахъ.

— Здравствуйте! Отъ госпожи Фунтиковой вотъ прислали,— говоритъ она и подаетъ книги.

— Перемѣнить?..—спрашиваетъ ее библіотекарь.

— Нѣтъ, насчетъ перемѣны ничего не сказывали, а только «вотъ, говоритъ, тебѣ, Настасья, рубль-цѣлковый, заплати имъ и возьми у нихъ горячее сердце и чтобъ на ножахъ безпримѣнно...»—отвѣчаетъ баба.

Библіотекарь принимаетъ подписныя деньги за мѣсяцъ впередъ и подаетъ ей двѣ книги «Горячее сердце», Островскаго и «На ножахъ», Лѣскова.

Баба книгъ не беретъ, и озираясь по сторонамъ, смотритъ на географическую карту, висящую на стѣнѣ, на картины.

— Книги ваши готовы, можете взять ихъ и идти,—говоритъ библіотекарь.

— Да онѣ книгъ не велѣли брать, а вы пожалуйте мнѣ горячее сердце. Я вотъ нарочно и тарелку съ собой захватила, —стоитъ на своемъ баба.—«Принеси, говоритъ, горячее сердце и безпримѣнно на ножахъ». Ну какъ я его по улицѣ на ножахъ понесу? Вы ужь мнѣ на тарелочку...

Библіотекарь еле удерживается отъ смѣха.

— Ты не поняла, моя милая, свою барыню,—пробуетъ онъ разъяснить бабѣ. — Вотъ эти самыя книги «На ножахъ» и «Горячее сердце» и называются. Бери ихъ смѣло и неси своей барынѣ.

Баба недовѣрчиво качаетъ головой.

— Нѣтъ, господинъ! Что морочишь-то меня? Полно шутки шутить, брось...—говоритъ она.—Я хоть и деревенская, а тоже русскій языкъ понимаю: «принеси, говоритъ, Настасья, мнѣ горячее сердце», а про книги ни полъ-слова...

— Да тутъ въ книжкѣ «Горячее сердце» и есть. Это пьеса. Она найдетъ.

Баба машетъ рукой.

— Толкуй тутъ! Гдѣ-же это видано, чтобъ въ книжкѣ сердце было?

— Ахъ, Боже мой!—всплескиваетъ руками библіотекарь.— Понимаешь ты, это просто названіе такое... названіе книги. Вѣдь есть-же книги «букварь», напримѣръ, «часословъ», а это «Горячее сердце».

— Нѣ...—стоитъ на своемъ баба.—Букварь это точно что есть, а сердце само по себѣ. Ты мнѣ его и дай!

Библіотекарь выходитъ изъ себя.

— Здѣсь, матушка, не закусочная, не гусачное заведеніе, чтобъ тебѣ мясо продавали! — горячится онъ.—Ты дура, тебѣ растолковываютъ въ чемъ дѣло, а ты не хочешь понять. Коли не желаешь брать книги, то иди такъ, безъ книгъ.

Что-жь, я и пойду, только отдайте мнѣ мой рубль-цѣлковый, говоритъ баба.

— Деньги за чтеніе книгъ присланы и я ихъ записалъ на приходъ.

— Мало-ли что записалъ! За чтеніе книгъ! А я тебѣ говорю, что на сердце она мнѣ ихъ дала.

— Иди съ Богомъ! иди съ Богомъ! Нечего тутъ топтаться!

Баба начинаетъ вопить:

— Что-жь это такое! Взялъ деньги за дарма да еще меня-же гонитъ. Слышь, ты отдай! Вѣдь съ меня спросится. Аль мнѣ городоваго звать? Я, ей-ей, караулъ закричу!

Библіотекарь, пожавъ плечами, отдаетъ ей рубль.

— На вотъ тебѣ деньги, отнеси ихъ твоей барынѣ обратно и скажи ей, чтобъ она впредь такихъ дуръ, какъ ты, не присылала!—отчеканиваетъ онъ.

Баба беретъ рублевую бумажку и вертитъ ее въ рукахъ.

— Барыня-то у насъ ужь очень злючая,—бормочетъ она.— Больная оттого. Испорчена... Говорятъ у нея ракъ въ нутро залѣзъ, ну и сидитъ тамъ впившись. Ты говоришь: «бери книги...» За книги-то бы мнѣ она такого трезвону задала, что небо-то съ овчинку!.. Такъ нѣтъ у васъ горячаго-то сердца? — снова спрашиваетъ она библіотекаря.

— Вонъ!—оретъ тотъ и указываетъ бабѣ на дверь.

ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ СКВЕРѢ.

Скромно одѣтая молодая и хорошенькая дѣвушка въ синемъ миткалевымъ платьѣ и въ клеенчатой шляпкѣ выпила стаканъ парнаго молока у будочки въ Михайловскомъ скверѣ, и найдя тѣнистое мѣстечко, сѣла на скамейку. Погода была хорошая. Въ кустахъ чирикали воробьи, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку. Она раскрыла принесенную съ собой книгу и принялась читать ее. Проходящіе мимо дѣвушки мужчины заглядывали ей подъ шляпку; нѣкоторые останавливались и садились рядомъ, нѣкоторые заговоривали даже, начиная съ комплементовъ, но дѣвушка не отвѣчала и еще болѣе углублялась въ чтеніе.

— «Крестцовая кость, состоящая изъ сросшихся позвонковъ, представляетъ широкій клинъ, вставленный между костями таза...»—шептали ея губы.

Рядомъ съ ней сѣлъ бѣлобрысый молодой человѣкъ въ синемъ галстухѣ. Изъ-подъ пальто его виднѣлись пуговицы вицъ-мундира. Онъ закурилъ папироску, улыбнулся прыщавымъ лицомъ, и скосивъ глаза, сказалъ:

— Такая хорошенькая дѣвушка и себѣ глазки чтеніемъ портитъ, а между тѣмъ есть люди, которые въ безуміи своихъ чувствъ давно уже пронжены стрѣлой прямо въ сердце и даже насквозь.

Отвѣта не послѣдовало.

— Вѣрно похожденіемъ Рокамболя заинтересовались?— продолжалъ онъ.— Охота вамъ интересоваться любовью Альфонса къ Жоржетѣ, ежели эта самая пламенная любовь около васъ и млѣетъ въ скоропалительной тоскѣ, среди летанія мотыльковъ и терзанія ада своей души.. Послушайте, пройдемтесь

въ Лѣтній садъ, а тамъ Амуръ любви перенесетъ насъ на пароходѣ по волнамъ душистыхъ невскихъ струй на Крестовскій.

Дѣвушка наклонила голову и молчала, но прыщавый молодой человѣкъ не унимался:

— Прелестная незнакомка, зачѣмъ ограбили вы мое сердце, совершивъ кражу со взломомъ райскаго покоя души и таитесь въ коварномъ молчаніи кровожадной гіены?

И этотъ фортель не удался. Молодой человѣкъ начертилъ тросточкой на пескѣ слово «прелесть», и указывая на написанное, произнесъ:

— Чѣмъ читать фантазію вымысла поэта, прочтите лучше книгу вопля любви.

— Вы, милостивый государь, нахалъ!—отрѣзала дѣвушка и, поднявшись съ мѣста, перешла на другую скамейку.

— Послушайте, зачѣмъ такая противоположность чувствъ съ вашей стороны?—кричалъ ей въ слѣдъ молодой человѣкъ.— Или можетъ быть апартаментъ вашего сердца занятъ уже офицеромъ со шпорами? Въ такомъ случаѣ до свиданія до порожняго момента.

Онъ всталъ съ мѣста, и поровнявшись съ ней, спросилъ:

— Дозвольте, впрочемъ, узнать какъ ваше легкокрылое имячко произносится? Навѣрное Евгенія, Ольга или еще лучше Надежда? По глазамъ совсѣмъ надежда на необъятное блаженство любви...—прибавилъ онъ.

— Послушайте, я обращусь къ защитѣ публики и попрошу передать васъ городовому!—вспыхнула дѣвушка.

— О, какъ во гнѣвѣ ты прекрасна! Адье, адье!

Молодой человѣкъ послалъ ей летучій поцѣлуй и пошелъ по дорожкѣ сада, то и дѣло оглядываясь на дѣвушку. Дѣвушка продолжала читать:

— «Положеніе затылочнаго отверстія, непосредственно за серединою основанія черепа, ясно доказываетъ...»

Рядомъ съ ней плюхнулся на скамейку пожилой купецъ въ широкомъ пальто, въ картузѣ и съ зонтикомъ. Онъ крякнулъ, вынулъ фуляръ, отеръ имъ лицо, и покосившись на дѣвушку, улыбнулся.

— Скубентка будете?—спросилъ онъ.

Молчаніе.

— Али можетъ гувернантка, въ мамзеляхъ служите?

Безъ успѣха.

— Неужто мастеричка?—допытывался купецъ, но не получивъ отвѣта, продолжалъ:—А ты, барышня гордость-то брось, съ тобой обстоятельный человѣкъ разговариваетъ. Солидные-то купцы ей-ей лучше юнкаря или писаря. Купецъ хлѣбнѣе, а писарь или юнкарь, что онъ? И вся-то цѣна ему фунтъ красной смородины, либо крыжевнику, ну, а у купца потроха иные: онъ что твой сигъ икряный.

— Послушайте, что вы ко мнѣ пристаете?!—вскинула на него глаза дѣвушка.

— Ошибаетесь, сударыня. Я не банный листъ, чтобъ приставать...—отвѣчалъ купецъ и умолкъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ началъ глубоко вздыхать и наконецъ замурлыкалъ себѣ подъ носъ: «я хочу вамъ разсказать, разсказать, какъ шли дѣвушки гулять...»

— Охо-хо-хо!—зѣвнулъ онъ.—Что, мухи, сударыня, одолѣваютъ?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что дѣвушка отмахивается отъ мухъ, но, не получивъ отвѣта, сказалъ:—Муха ужъ это такая тварь, что она всюду лѣзетъ. Мнѣ одинъ антилеристъ сказывалъ, что у нея тыща глазъ и она даже задомъ видитъ. Да... Вотъ мы не умудрены, чтобы затылкомъ взирать...—ни съ того ни съ сего прибавилъ онъ.—Какую книжку-то читаешь? Пѣсенникъ, поди?

Купецъ заглянулъ въ книгу, и увидавъ тамъ рисунокъ человѣческихъ внутренностей, сказалъ:

— Ну, теперь я узналъ, что ты за птица! Коли про жилу и кишку читаешь—значитъ скубентка будешь. Читай, читай, понабьешь башку-то хорошенько, такъ потомъ повитухой будешь. Только чтобъ человѣчье нутро разглядывать не женское это дѣло... Пойдемъ въ Лѣтній садъ—щиколадомъ угощу!—отрѣзалъ онъ.

— Послушайте!.. вскинула на него глаза дѣвушка.

— Не щетинься, не щетинься! Остановилъ ее купецъ.— Не хочешь и не надо. У меня-же цѣлѣе деньги будутъ. Вишь, у тебя зубки-то словно миндалины!

— Оставьте меня въ покоѣ, прошу васъ.

— Да я и не трогаю, я рукамъ воли не даю, а на счетъ ласковыхъ словъ нешто это запрещено?.. Э-эхъ, грѣхи тяжкіе! А что, барыня, вы вотъ скубенткой-то будете, такъ знаете:

правда это мнѣ сказывали, что потрошилъ разъ докторъ однаго сапожника и вдругъ такой афронтъ, что въ нутрѣ у него шило и дратву съ подметкой нашли?

— Умоляю васъ, уйдите отъ меня!—просила дѣвушка.— Старый вы человѣкъ и вдругъ...

— Старые-то лучше, сударыня, надежнѣе. Они эту самую сверкательную коринку, что у васъ на лбу на мокромъ мѣстѣ сидитъ, пуще молодаго цѣнятъ. Ей Богу! Ты вотъ свой взоръ пустила, а меня словно масломъ....

— Нахалъ!

— Послушайте, это зачѣмъ-же?... Я вамъ конфектныя слова, а вы мнѣ въ отвѣтъ купоросъ... Вотъ такъ барышня! Вотъ такъ брыкливая!

Дѣвушка вскочила съ мѣста и пошла по аллеѣ. Купецъ тоже вталъ съ мѣста и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Дура! Своей собственной политики не знаетъ. А, вѣдь, могла-бы насчетъ карманной выгрузки свой собственный интересъ сдѣлать, ей Богу могла-бы! —пробормоталъ онъ сөбѣ подъ носъ, махнулъ рукой и со вздохомъ направился въ другую сторону.

Свадебный столъ.

Прошелъ Успеньевъ день и въ городѣ, среди торговаго люда заговорили о богатой купеческой свадьбѣ. Женился лѣсной дворъ и бралъ плитную ломку съ каменнымъ домомъ въ придачу. Сдѣлка была очень выгодная, а потому ждали роскошнаго свадебнаго пира. Отецъ невѣсты закатилъ такой «сговоръ» съ аршинными живыми стерлядями и оркестромъ Папкова, что за обѣдомъ отецъ жениха только затылокъ почесалъ и цѣлый день ходилъ какъ шальной, обдумывалъ какъ-бы ему «перекурносить» своего свата насчетъ свадебнаго стола. Рѣшено было, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ отцомъ невѣсты, заказать обѣдъ французу и удивить гостей роскошью, обиліемъ и «новомодностью» блюдъ.

Въ назначенный день въ квартиру отца жениха явился французъ-ресторатор. Купецъ встрѣтилъ его у себя въ конторѣ.

— Французъ будете?—спросилъ онъ его.

— Французъ.

— То-есть настоящій французъ? Вѣдь нынче многіе изъ жидовъ французами себя объявляютъ.

— О, нѣтъ, монсье! Я настоящій французъ. Меня весь Петербургъ знаетъ.

— Знаю, что знаетъ. Достаточно вы нашихъ ребятъ на фрикаделькахъ, да на бѣлоголовой шипучкѣ раззорили. Коли настоящій французъ—прошу покорно садиться. Вотъ видите-ли: задумалъ я оболтуса своего старшаго поженить, такъ хочу у васъ свадьбу сыграть и чтобъ обѣдъ...

— Что-жъ, это можно,—отвѣчалъ французъ.

— Что можно! Мнѣ нуженъ такой обѣдъ, чтобъ невѣстину

отцу въ конецъ носъ утереть. Понялъ? Да вотъ что,—прибавилъ онъ:—Не лучше-ли намъ съ тобою въ трактиръ идти? За чаемъ-то намъ будетъ слободнѣй разговаривать.

— Зачѣмъ-же? Можно и здѣсь...

— Здѣсь-то здѣсь... Да вонъ народъ лѣзетъ. Ты куда? Что тебѣ тутъ надобно?—крикнулъ купецъ на жену, робко переступившую порогъ конторы.

— Пусти, Ананій Ерофѣичъ, послушать. Вѣдь ради моего-же дѣтища пиръ-то затѣваешь, такъ матери интересно ..—тихо проговорила она.

— Ну садись и кисни какъ медъ, а чтобъ твоего валдайскаго звону въ разговорѣ слышно небыло. Такъ какъ-же, господинъ французъ? Какіе ты мнѣ разносолы къ обѣду посовѣтуешь?—обратился купецъ къ ресторатору.—Только чтобъ почуднѣй. Одно слово—такую ѣду придумай, чтобъ гость ахнулъ, выругался и незналъ-бы съ какого конца ее ѣсть начинать.

— А паспорты-то на гродофриковыхъ лентахъ, господинъ французъ, къ обѣду будутъ?—задала вопросъ купчиха.

— Каки таки паспорты? Тебѣ сказано, чтобъ ты молчала!—огрызнулся на нее купецъ.

— Будутъ, будутъ! мадамъ. Это онѣ насчетъ меню, гдѣ кушанья написаны,—пояснилъ французъ и началъ!—Первое дѣло закуски пятнадцать сортовъ...

— Нельзя-ли, господинъ французъ, двадцать? — перебилъ его купецъ.—Главное дѣло—свату-то моему мнѣ переду давать не хочется. У него закуски пятнадцать сортовъ было, а ты вали больше, вотъ онъ и осядетъ.

— Извольте, я и двадцать сортовъ наберу, — съ улыбкой отвѣчалъ французъ.—Супъ изъ черепахи,—продолжалъ онъ.—Пирожки съ дичью...

— Постой, постой... Черепаха-то со шкурой будетъ и съ рогами?—перебилъ его купецъ.

— Бульонъ, монсье, бульонъ изъ черепахи, — пояснилъ французъ.

— Ананій Ерофеичъ, да вѣдь черепаха поганый звѣрь, она на ѣду не показана, такъ какъ-же православные-то гости?..—снова ввернула слово купчиха.

— Варвара! Ты опять?—сверкнулъ на нее глазами купецъ.

— Молчу, молчу...—спохватилась она.

Купецъ погладилъ бороду.

— Ну-съ, супъ изъ черепахи, пироги, — сказалъ онъ. — А нельзя такъ сдѣлать, чтобъ изъ этихъ самыхъ пироговъ дичина-то головы выставляла и чтобъ носы имъ позолотить?

— Этого, монсье, не дѣлаютъ.

— Мало-ли что не дѣлаютъ! У насъ гость дикій, по буднямъ на щахъ съ кашей сидитъ, такъ ты ему и позолоти. Вѣдь у жареной дикой козы рога золотятъ-же...

— Вы дайте мнѣ, монсье, дѣлать. Хорошо будетъ, хорошо, разувѣрилъ купца французъ и потрепалъ его по колѣнкѣ.— Потомъ стерлядь по-русски.

Купецъ замахалъ руками.

— Ни въ жизнь? Стерлядь у невѣстина отца на сговорѣ была. Не хочу стерлядь! Надо будетъ ему форелями носъ утереть, и главное, чтобъ ничего не было по-русски и все на французскій манеръ,—сказалъ онъ.—Такъ сдѣлай форели, въ ротъ имъ петрушку воткни, а сверху чтобъ раки на серебряннныхъ шпагахъ карякой сидѣли. Потомъ козу съ золотыми рогами.

— Козы, монсье, теперь нѣтъ. Это только зимой.

— Хоть роди, а достань! Устрицъ навороти; только такихъ, чтобъ онѣ пищали.

— Хорошо, хорошо,—кивалъ головой французъ.

— Потомъ фазана припусти на жаркое и чтобъ павлинье перо изъ него торчало. Говорятъ, что какой-то соусъ съ музыкой дѣлаютъ... Есть такой?

Французъ развелъ руками.

— Не слыхалъ, не слыхалъ,—сказалъ онъ.

— А ты придумай! Ну, что тебѣ стоитъ органчикъ въ нутро припустить,—упрашивалъ его купецъ.

— Вотъ, когда Карандашевы Анну Дмитревну съ живодерни замужъ выдавали, такъ у нихъ была говядина съ музыкой,— опять начала купчиха.

— Варвара! Я, ей-Богу, тебя выгоню!—оборвалъ ее купецъ.—И что это на тебя нѣтъ угомону? Прикуси языкъ и сиди! Такъ вотъ-съ, господинъ французъ: соусъ слѣлаешь съ музыкой, а сахарный желей съ огаркомъ внутри, чтобъ подъ желейнымъ-то колпакомъ огонь былъ.

— Нынче, монсье, этого недѣлаютъ.

— Врешь, врешь, дѣлаютъ. У насъ чудесно это самое блюдо

поваръ Уваръ Калинычъ дѣлалъ, да спился теперь. Разъ состряпалъ у насъ на имянинахъ бламанже, поставилъ студить его на лѣстницу, да и попалъ въ него ногой. Съ тѣхъ поръ и приглашать мы его перестали. А поваръ важный. Ну, господинъ французъ, а остальное ужъ самъ придумывай, что почуднѣй. Закати суплизъ какой-нибудь.

Французъ нахмурилъ брови. Онъ понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Хорошо-съ,—сказалъ онъ, подумавъ. — Я вамъ подамъ мороженное и когда его станутъ брать—изъ него вылетитъ живая канарейка. Довольны вы?

Купецъ даже привскочилъ на стулѣ и обнялъ француза.

— Вотъ за это спасибо, вотъ за это мерси! — заговорилъ онъ.—Ну, а какъ, цѣна?

— Вино ваше, чай и дессертъ мой—десять рублей съ персоны.

— Охо-хо!—крякнулъ купецъ.—Да вѣдь послѣ этого нашему брату, пожалуй, и на осину? А ты вотъ сколько возьми съ персоны.

Онъ взялъ со стола счеты и показалъ на костяхъ. Французъ отрицательно махнулъ головой.

— Да пойми ты,—вѣдь у насъ персона-то маленькая. Нашъ гость купецъ все равно этихъ самыхъ черепаховыхъ блюдъ ѣсть не станетъ, потому погань и заказываемъ только для пущей важности,—уговаривалъ купецъ француза.—Что подашь къ столу—то назадъ унесешь.—Спусти, почтенный!

Французъ махнулъ рукой и поправилъ въ угоду заказчику кости на счетахъ.

— А пробки въ бутылки съ обезьяньими мордами впихнешь?

— Все какъ слѣдуетъ.

— Ну, жарь! Только смотри, такъ сдѣлай, чтобъ невѣстинъ отецъ отъ зависти въ кровь расчесался!—закончилъ купецъ.

— А насчетъ ананаса-то?..—начала было супруга.

— Убью!

Французъ и купецъ подали другъ другу руки. Послѣдній полѣзъ за задаткомъ.

Передъ акробатами.

Къ сумеркамъ воскресная публика «Ливадіи» значительно уже подгуляла. Купцы изъ Ямской и съ Калашниковскаго берега, «засобачивъ» въ буфетѣ по десятой штучкѣ «самоплясу бѣлаго», разкраснѣлись и начали разпахивать «пальты». Капельмейстеръ Хлѣбниковъ грянулъ маршъ. У эстрады полѣзли на высоко-подвѣшенныя трапеціи акробаты. Двое изъ нихъ взрослые и одинъ мальчикъ. Начались «карійскія» игры, заключающіяся въ томъ, что взрослые, стоя на трапеціяхъ, перекидывали другъ-другу мальчика и ловили его то за руки, то за пятки. Купцы задрали кверху головы и начали дивиться. Какъ водится, послышались восторженныя ругательства. Шли толки, что глаза отводятъ публикѣ.

— Нѣмецъ на этотъ счетъ хитеръ—сейчасъ глаза отведетъ, потому у нихъ на все машина,—разсказываетъ суконная чуйка въ картузѣ съ глянцевымъ козыремъ.—У насъ съ берега Петръ Федоровъ со шкурами и конопляннымъ сѣменемъ въ Нѣметчину ѣздилъ, такъ сказывалъ, что тамъ мазурики даже сапоги машинами съ публики на гуляньѣ снимаютъ. Спервоначалу отведетъ глаза, а потомъ и снимаетъ. Тогда только и почувствуешь, когда ногамъ холодно сдѣлается.

— А ты почемъ знаешь, что это нѣмцы ломаются? Можетъ-быть и французы,—возражаетъ рыжая борода лопатой, кивая на акробатовъ.

— Французъ на ногахъ жидокъ. Онъ для танца себя приспособляетъ, а насчетъ акробатской устойчивости не можетъ.

— Ну, тальянецъ, либо англичанинъ.

— Тальянецъ только насчетъ шарманки и облизьяну водитъ,

а англичанинъ на счетъ драки и чтобы лошадиный циркъ приставлять. Съ лошадью онъ супротивъ цыгана выстоитъ. И драка у нихъ самая пронзительная: все наровитъ въ брюхо и въ подмикитки, а той учтивости не знаетъ, чтобъ по скулѣ бить или по-уху.

Пауза. За ней слѣдуютъ ласковыя ругательства, адрессованныя къ молодечеству акробатовъ.

— Нѣтъ, господа, это не нѣмцы, а скорѣй жиды!—восклицаетъ борода клиномъ.—Нѣмецъ человѣкъ обстоятельный: зачѣмъ ему на воздусяхъ мотаться? Онъ лучше докторомъ объявится или въ учителя пойдетъ.

— А жидъ старымъ платьемъ торговать начнетъ или зубы дергать будетъ, а потомъ подрядъ казенный сниметъ, стоитъ на своемъ чуйка.—Ахъ, гвоздь-тѣ въ горло! Смотри, какъ ребеночка-то бросаютъ. Словно резинковый онъ у нихъ.

— Да онъ резинковый и есть,—откликается борода лопатой.—Нешто живаго человѣка такъ можно?.. Всю требуху стрясешь.

— Резинковый! Толкуй тутъ! Нешто резинковыя ребята бываютъ?

— А то нѣтъ, что-ли? И резинковыя бабы даже есть. Поди къ Кирштену на фабрику—тамъ тебѣ какую хочешь приготовятъ: и субтильную, и въ два обхвата.

— Эко мелево! эко мелево!—воскликнули въ одинъ голосъ купцы.

— Не мелево, господа, а самая наисущая правда. Теперича, кто буйной политики держится, такъ лучше резинковой бабы нѣтъ, потому эдакую бабу сколько хочешь колоти—изъяну не будетъ. У насъ онѣ, конечно, для господъ парикмахеровъ дѣлаются, чтобъ на окнахъ стоять, а въ американскихъ земляхъ резинковыя бабы даже за прилавкомъ стоятъ и торгуютъ.

— Зачѣмъ-же имъ резинковыя, коли у нихъ живой и черной, и полубѣлой бабы достаточно?

— Это точно что много, да вѣдь живую бабу кормить надо, жалованье ей платить, ну, а американецъ, онъ къ голенищи пристрастенъ, какъ какія деньги получилъ—сейчасъ въ сапогъ и запрячетъ. А резинковая баба что ей? Ее ни поить, ни кормить не надо, Живой бабѣ и орѣшковъ въ праздникъ купить надо, и пряничковъ, и подсолнуховъ, окромя того, она и на-

счетъ ругательной чеканки мастерица, а эта сидитъ себѣ, да молчитъ. Американецъ хитеръ!

Купецъ—рыжая борода лопатой совсѣмъ заврался. Нѣкоторые, однако, ему повѣрили.

— Безъ ругательной чеканки!—сталъ возражать купецъ, борода клиномъ.—Баба безъ ругательной чеканки тоже выѣденнаго яйца не стоитъ. Да для меня теперича дома щи не въ щи, водка не водка, коли баба передо мной не ворчитъ. Въ томъ-то и интересъ, что она говоритъ, къ примѣру: «не пей, Трифонъ Захаровъ», а я ей на зло, она мнѣ: «не стучи по три рубля въ карты», а я нарочно. Это для меня самое первое удовольствіе, чтобъ бабу дразнить и чтобъ она изъ себя языкочесальную музыку испускала.

Купецъ умолкъ.

— А что не поводить-ли намъ медвѣдя по сентифариснымъ водамъ?—спросилъ онъ.—Такъ-бы вкупѣ и опрокинули по бѣлой собачкѣ.

— Постой, дай акробатамъ кончить. Авось на наше счастье съ веревки-то сверзятся,—остановилъ его другой купецъ.—Что ни хожу я по этимъ самымъ Капернаумамъ—ни разу не видѣлъ, чтобъ оттелева внизъ турманомъ!..

— Ну, вотъ! охота! Сверзится, такъ насъ-же притянутъ: зачѣмъ глядѣли. Ходи ребята гуськомъ! Давай желѣзную дорогу изображать. Федоръ Ивановъ, пыхти впереди паровозомъ, а ты, Сеня, свистни почаще, вотъ мы къ станціи-то и подкатимъ.

Купцы повалили другъ за другомъ въ буфетъ. Суконная чуйка положила два пальца въ ротъ и пронзительно свистнула.

— Посторонитесь, господа, поѣздъ ѣдетъ!—кричалъ купецъ—борода лопатой.

НАЕМЪ ГУВЕРНАНТКИ.

Купецъ Курoглотовъ вызывалъ по газетамъ гувернантку, желающую занять у него мѣсто учительницы при дѣтяхъ. Въ концѣ объявленія, было прибавлено: «обратиться въ желѣзные ряды, въ лавку подъ № 00, а застать отъ 10 часовъ до 3 дня», Являлись молодыя и старыя гувернантки, русскія, француженки и нѣмки, но все не сходились въ условіяхъ.

Въ одинъ прекрасный день къ лавкѣ подошла скромно одѣтая молодая дѣвушка и робко остановилась на порогѣ.

— Скажите, пожалуйста... тутъ публиковали... но я право не знаю, здѣсь-ли?..—робко спросила она, озираясь по сторонамъ и видя передъ собой ржавое желѣзо, болты, чугунныя печи.

— Вы гувернантка видно будете? Здѣсь, пожалуйте. Хозяинъ у насъ въ верхней лавкѣ счеты сводитъ, — перебилъ ее молодецъ въ грязномъ передникѣ, отвѣшивающій какому-то мужику заклепки. — Пожалуйте по лѣсенкѣ! Только около бочекъ-то поосторожнѣе, потому тутъ у насъ вареное масло—помада для платьевъ совсѣмъ не подходящая. Пожалуйте-съ! Эй, Евстигнейка! Проводи барышню къ хозяину! — крикнулъ онъ мальчишкѣ.

Дѣвушка поднялась на верхъ. Около конторки стоялъ пожилой купецъ съ окладистой бородой и щелкалъ на счетахъ. Завидя дѣвушку, онъ смѣрилъ ее взоромъ и погладилъ бороду.

— Въ гувернантки наниматься пришли?—обратился онъ къ ней съ вопросомъ и получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:—Прошу покорно садиться.

Дѣвушка сѣла на деревянную лавку, сѣлъ и купецъ противъ нея на табуретку.

— Изволите-ли видѣть въ чемъ дѣло...—началъ онъ.—Жили мы съ супругой безобидпо и выдали замужъ двухъ своихъ дуръ такъ безъ обтески, но теперь ужъ совсѣмъ времена не тѣ, господа женихи требуютъ, чтобъ и на фортупьянѣ, и по французскому.. ну, а у меня еще двѣ махонькія дуры ростутъ, такъ нельзя-ли ихъ отшлифовать какъ слѣдуетъ? Только, госпожа-мамзель, такъ какъ въ господскихъ домахъ...—прибавилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ-съ,— отвѣчала дѣвушка, еле удерживая улыбку.—Воспитывалась я въ Екатерининскомъ институтѣ и два года уже занималась воспитаніемъ дѣтей.

— Намъ хоть-бы на Сѣнной воспитывалась, а только чтобъ все въ порядкѣ, какъ слѣдоваетъ, какъ у господъ. Жить будете у насъ, харчи хорошіе, ѣшь до отвалу, у насъ на это запрету нѣтъ; по постамъ рыба и грибы, баня тоже наша, потому съ моей хозяйкой будете ходить. Вы дѣвушка?

— Дѣвица.

— Ну, вотъ и чудесно. Только вѣдь и дѣвицы нонѣ разныя бываютъ — въ одно ухо вдѣнь въ другое вынь. У насъ прежде всего, чтобъ юнкирей и писарей къ себѣ не водить, потому домъ у насъ солидарный.

— Помилуйте, вы меня обижаете,—вспыхнула дѣвушка и поднялась съ мѣста.

— Сиди, сиди!—остановилъ ее купецъ.—Отъ слова ничего не сдѣлается, а все лучше, какъ скажешь. Вотъ мы тоже щетины этой не любимъ. Мало-ли что ногда подъ хмѣльную руку скажешь, а ты хозяина уважь, нежели щетиниться, мы люди простые. Французскій-то языкъ у васъ въ порядкѣ? — задалъ онъ ей вопросъ.

— По французски я говорю свободно.

— Свободно! Иной и свободно, а настоящей модели въ немъ нѣтъ. Вонъ я сынишку своего за желѣзнымъ товаромъ въ Англію посылалъ: вернулся, говоритъ по англійски свободно, а на дѣлѣ только одни хмѣльныя слова. Ну-ко, поговори что-нибудь по французски-то.

Дѣвушка потупилась.

— Помилуйте, зачѣмъ-же это?—заговорила она.—Вѣдь вы все равно по французски не знаете. Я имѣю дипломъ...

— Дипломъ дипломомъ, а это само по себѣ. Что-жъ изъ этого, что я по французски не знаю? Не знаю, а слушать-то все-таки

могу. Ну, полно, госпожа-мамзель, не стыдись, здѣсь въ лавкѣ никого нѣтъ, потѣшь, прочти что-нибудь...

Я съ удовольствіемъ-бы, но право не знаю, что вамъ... — начала сдаваться дѣвушка.

— Да такъ стихъ какой нибудь, а нѣтъ просто: шпилензи полька, се тре журавле...

— Нѣтъ, ужъ увольте меня отъ этого!

Купецъ кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, значитъ, изъ шаршавыхъ, со щетинкой, а такъ на мѣстахъ жить нельзя,—сказалъ онъ.—Ну, а какъ фортупьянная музыка? Намъ чтобы и съ музыкой.

— Игру на фортопіано я тоже могу преподовать... Я хорошо играю.

— На самоигральныхъ фортупьянахъ или на настоящихъ?

— Зачѣмъ-же на самоигральныхъ...

— Ну, то-то... Опять-же, чтобъ и танцы танцовать, потому эта вся отеска въ вашихъ рукахъ будетъ: кадрель покажите, польку, лансе—одно слово, какъ графскимъ дѣтямъ.

— Это такіе пустяки, что я тоже могу,—съ улыбкой проговорила дѣвушка.

— Ну, значитъ, и давай дѣло клеить! А какъ ваша цѣна?

— Вы мнѣ дадите отдѣльную комнату и пятьсотъ рублей въ годъ.

— Пятьсотъ рублей? Фю фю!—просвисталъ купецъ.—Да у меня, сударыня, молодцы по триста рублей въ годъ живутъ и спятъ въ повалку, а они, все-таки, мужчины. Рубликовъ за двѣсти?

— Нѣтъ, это мнѣ не подходитъ. Прощайте!

Дѣвушка поднялась съ мѣста и направилась къ выходу.

— Постой, постой!—остановилъ ее купецъ.—Видишь, какая ретивая! Ужъ будто и поторговаться нельзя. Ты то разочти: вѣдь мы къ Рождеству и Пасхѣ на платье дарить будемъ. Ну, бери триста!

— Я за четыреста рублей ужъ жила на мѣстѣ, извольте тоже и съ васъ возьму—отвѣчала остановившись дѣвушка.— Ахъ, да! Сколько-же у васъ дочерей, которыхъ я должна?...

— Двѣ дуры: одна по одиннадцатому, другая по двѣнадцатому годку. По печатному читать ужъ обучены, ну и насчетъ писанья тоже. Конечно, ихъ писательство на манеръ

какъ-бы слонъ брюхомъ по бумагѣ ползалъ, а все-таки... Вы, мамзель, возьмите триста рублевъ.

— Не могу.

Купецъ почесалъ затылокъ и смотрѣлъ на гувернантку.

— Далъ-бы и четыреста, ужъ куда не шло,—сказалъ онъ,— да изъ себя-то вы больно субтильны и жидки, вотъ что... Боюсь, что вамъ съ моими дурами и не справиться. У меня старшенькая то—дѣвка хоть сейчасъ замужъ отдавай: рослая, полная, раздеретесь, такъ вамъ ее и не обуздать. Ей Богу! Пожалуй, и васъ изобидитъ.

— Надѣюсь, что мы будемъ жить въ мирѣ...

Купецъ задумался,

— Ну, ладно!—сказалъ онъ.—По рукамъ! Четыреста я дамъ, только ужъ, пожалуйста, чтобы по господскому, а главное, чтобъ насчетъ насъ самихъ безъ шаршавости. Да вотъ еще что: за туже цѣну,—прибавилъ онъ,—теперича въ баню съ супругой будете ходить, а она у меня женщина сырая, толстая, такъ ужъ чтобъ ей и спину мочалкой тереть, коли попроситъ. Согласны?

На глазахъ дѣвушки показались слезы.

— Нѣтъ, не согласна,—отвѣчала она. Это все можно сдѣлать изъ любезности, но чтобъ уговариваться—это ужъ оскорбленіе. Прощайте! Ищите себѣ другую!—прибавила она и стала спускаться съ лѣстницы.

— Мамзель! мамзель! вернитесь! — кричалъ ей вслѣдъ купецъ, но она не оборачивалась.

ВЪ „КОНКѢ“.

— Охо-хо-хо! — зѣвнулъ средних лѣтъ купецъ въ сизой сибиркѣ и дутыхъ сапогахъ, садясь въ стоящій на Разъѣзжей улицѣ калашниковскій вагонъ конно-желѣзной дороги, зѣвнулъ и сталъ крестить ротъ.

Публики въ вагонѣ было немного: какая-то баба, засучивъ рукавъ у платья, ловила у себя на рукѣ блоху, да пожилой господинъ въ очкахъ читалъ газету.

— Конница одолѣла? — спросилъ купецъ бабу и тутъ-же прибавилъ:—Здѣсь, въ вагонахъ этого войска достаточно. Надо полагать, кондуктора спятъ въ вагонахъ, ну и развели. Ты смотри, коли поймаешь, на меня не пусти.

— Зачѣмъ-же это я на тебя-то пущу? спросила баба.

— А такъ ради охальства. Ты вдова, замужняя или дѣвушка?—отнесся онъ къ ней съ вопросомъ.

— Замужняя.

— Ну, и веди себя хорошенько, потому мужъ тебя поитъ, кормитъ, а ты ему потрафлять должна, — ни съ того ни съ сего началъ читать купецъ нравоученіе бабѣ.

— Да я и потрафляю.

— То-то, и потрафляй! У хорошаго мужа, послѣ дѣловъ своихъ собственныхъ, только и заботы что о бабѣ, значитъ вы должны чувствовать. Вонъ у меня жена разхворалась, такъ я ей сейчасъ за докторомъ ѣздилъ и нашелъ настоящаго, простаго доктора, что наговоромъ отъ всѣхъ болѣзней лѣчитъ. Значитъ онъ ее лекарствомъ неволить не будетъ. Хорошій докторъ, у Пирогова учился,—прибавилъ онъ.

— А что у тебя съ женой-то?—спросила баба.

— Да разпотѣлая въ воду на перевозѣ сверзилась, ну, послѣ этой окупаціи и разхворалась. Ѣхали мы это съ Пороховыхъ отъ Ильи-пророка, были, извѣстно, праздничные, стали выходить изъ ялика, а она и бултыхнулась. Еще спасибо, что городо-

вой за шиворотъ ухватилъ, а то-бы, пожалуй, и рыбамъ на обѣдъ досталась.

— Упаси Богъ!—прошептала баба.

Купецъ опять началъ зѣвать. Думалъ, думалъ о чемъ-бы спросить бабу и наконецъ разрѣшился вопросомъ:

— Не бьетъ тебя мужъ-то?

— Нѣтъ, Богъ милуетъ.

Разговоръ съ бабой изсякъ. Купецъ присѣлъ къ господину съ газетой.

— Что, ваше благородіе, насчетъ англичанъ-то пишутъ?—спросилъ онъ. — Правда-ли, говорятъ, что они у турки всѣ хмѣльные острова забрали?

— Какіе хмѣльные?

— А разные, гдѣ это самое елисейское вино дѣлаютъ. Теперича Кипръ, Мадеру-островъ, Хересъ, Коньякъ-островъ. «Ты, говоритъ, турка малодушествомъ насчетъ вина не занимаешься, такъ на что тебѣ хмѣльные острова?» И Ромъ-Янманскій, сказываютъ, флотомъ окружили и бомбардируютъ, на Портвейнъ рекогносцировку дѣлаютъ. Правда это?

— Нѣтъ, не правда. Такихъ островов какъ коньякъ и ромъ даже и не существуетъ,—отрѣзалъ читающій господинъ и уткнулъ носъ въ газету.

— Ну, вотъ! Толкуй слѣпой съ подлѣкаремъ! Не существуетъ! —протянулъ купецъ.—Давно ужъ я не читалъ газетъ-то,—продолжалъ онъ.—Да не интересно и пишутъ нонѣ. Прежде, бывало заглянешь въ газету и сейчасъ тебѣ такой суприсъ, что на такихъ-то тоняхъ поймали осетра въ двѣнадцать пудовъ, въ такомъ-то мѣстѣ женщина родила тройни, а теперь Бисмаркъ да Бисмаркъ—вотъ и все. Вы, господинъ, женатый или холостой?

— Да вамъ-то какое дѣло? Оставьте меня въ покоѣ!—огрызнулся читающій господинъ.

Купецъ опѣшилъ.

— А будто ужъ такъ тебѣ покой нуженъ?—сказалъ онъ.— Ну, Богъ съ тобой! Вишь какой Іоанъ Грозный выискался! Сиди, сиди, я трогать не буду!

Купецъ отвернулся, подышалъ на стекла и началъ выводить по немъ пальцемъ вавилоны.

ПОСЛѢ СПЕКТАКЛЯ.

Въ лѣтнемъ помѣщеніи Приказчичьяго клуба кончился спектакль. Давалась, между прочимъ, пьеса «Простушка и воспитанная», въ которой особенный эфектъ произвелъ актеръ, плясавшій въ присядку. «Дербалызнувшіе» въ антрактахъ купцы пришли въ неописанный восторгъ и заставили повторить пляску два раза. Нѣкоторые не могли придти въ себя отъ восторга и послѣ спектакля и все еще время отъ времени восклицали: «ахъ, волкъ его заѣшь, какъ ловко онъ эту самую дробь дѣлалъ!» Въ особенности умилялась значительно подгулявшая компанія, сидѣвшая на балконѣ и распивавшая «шато-марго пополамъ съ пятирублевымъ шипучимъ квасомъ». Тутъ была пара пожилыхъ купцовъ, былъ одинъ среднихъ лѣтъ купецъ и одинъ молодой. По фуражкамъ, надѣтымъ вмѣсто шляпъ, и по пестрымъ «глухимъ» жилеткамъ можно было сейчасъ догадаться, что это пріѣзжіе. На диво постояннымъ посѣтителямъ клуба пробки «пятирублеваго квасу» такъ и хлопали у нихъ на столѣ. Было шумно. Кто-то изъ компаніи даже спрашивалъ:

— А что ежели этой самой бутылкой шваркнуть вонъ въ энту березу?

Въ это время черезъ балконъ прошелъ актеръ, плясавшій въ присядку, и направился въ буфетъ.

— Вонъ онъ! Вонъ онъ идетъ! —зашептали купцы и начали указывать пальцами.

— Ужъ и ловкачъ-же, лягушка его заклюй! Сеня! Нельзя-ли его къ нашему шалашу приалтынить, чтобъ онъ намъ потомъ въ отдѣльной комнатѣ эту самую дробь сдѣйствовалъ?—обратились они къ молодому купцу.

— Да неловко, дяденька, Парамонъ Захарычъ. Тутъ въ Питерѣ все актеръ съ купоросомъ. Можетъ обидѣться и къ чорту подъ халатъ послать.

— Ничего, трафь! Ежели драка—выручимъ!—ободряли его купцы.

Молодой хватилъ для храбрости стаканъ вина и направился въ буфетъ. Тамъ, около стойки стоялъ актеръ и закусывалъ выпитую рюмку водки бутербродомъ. Купецъ остановился противъ него, подперъ руки въ боки и сталъ смотрѣть ему прямо въ глаза, время отъ времени улыбаясь. Смотрѣлъ на него и актеръ. Купецъ кивнулъ ему головой и сказалъ:

— Актеръ? Актеры будете?

— Ну да, актеръ. Что-жъ изъ этого?—недоумѣвалъ тотъ.

— Ничего, такъ... Ловко даве дробь эту самую дѣлали,—пробормоталъ купецъ и одобрительно потрепалъ его по плечу.—Послушайте, насъ тамъ компанія на балконѣ...—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Шипучій квасъ пьемъ... Пойдемъ къ намъ. Купцы просятъ. И чтобъ передъ нами эту самую дробь...

— Какую дробь?..—выпучилъ на него глаза актеръ.

— Ну, эту самую дробь ногами, что даве въ театрѣ-то дѣлалъ. Тамъ у насъ и вино. Небось, мы заплатимъ.

— Вы хотите, чтобъ я передъ вами на балконѣ плясалъ? Да за кого-жъ вы меня считаете?—возмутился актеръ.

— Тише, тише! Не буянь!—остановилъ его купецъ.—Мы съ дружествомъ пришли, а не для того, чтобъ на ссору лѣзть. Ну, что тебѣ стоитъ на шабашъ дробь эту самую для насъ сдѣлать? Покрайности на спиньжакъ себѣ заработаешь. Право, пойдемъ! Тамъ у насъ все купцы обстоятельные, не надуютъ. И деньги тебѣ сейчасъ въ шляпу.

— Да ты должно быть, почтенный, совсѣмъ съума спятилъ, коли думаешь, что я передъ вашей пьяной компаніей на балконѣ плясать буду!—крикнулъ на него актеръ.

— Что-жъ, у насъ въ Рыбинскѣ актеры передъ нами плясали и завсегда довольны оставались,—отвѣчалъ купецъ.—А разъ у Макарья одинъ актеръ цѣлыя сутки въ номерныхъ баняхъ съ нами гулялъ и все разсказы разсказывалъ, да куплеты пѣлъ.

Актеру сдѣлалось смѣшно.

— Такъ такого себѣ и теперь ищи, а я не такой, чтобъ на балконѣ плясать,—сказалъ онъ.

— Ой! Ужъ будто и не такой, чтобъ на балконѣ... А ты гордость-то брось! Тебя купцы просятъ.

За молодымъ купцомъ стоялъ уже старый купецъ, явившійся ему на подмогу и улыбался.

— Да не на балконѣ. Совсѣмъ не ту антресоль толкуешь,— поправилъ онъ.—Господину актеру почтеніе!—прибавилъ онъ, взялъ актера за руку и обнялъ его за плечи.—Вотъ, видишь-ли. въ чемъ дѣло,—шепнулъ онъ:—Намухоморились мы теперь и хотимъ перемѣну мѣста для плезиру сдѣлать, ѣдемъ Палестины обозрѣвать, такъ сдѣлай намъ дробь въ отдѣльной комнатѣ. Понялъ? Ну, на̀ синенькую впередъ.

Пожилой купецъ полѣзъ за бумажникомъ. Актеръ презрительно скосилъ на него глаза.

— Какъ посмотрю я на тебя, борода у тебя сѣдая выросла, а ума не вынесла,—сказалъ онъ.

— Что?—заоралъ купецъ, поплевалъ на руки и ринулся на актера.

— Дяденька, Парамонъ Захарычъ, оставьте!—схватилъ его за руки молодой купецъ.—Ну, бросьте его, коли онъ такой шаршавый! Мы къ цыганамъ лучше поѣдемъ. Тѣ намъ съ вывертомъ танецъ докажутъ.

— У меня борода ума не вынесла?—горячился пожилой купецъ.—Ахъ ты песъ! Да знаешь-ли ты, что я потомственный почетный гражданинъ и медали имѣю!

— Дяденька, Бога-ради, бросьте! Ну, плюньте на него! Что тутъ! Здѣсь вѣдь не Рыбинскъ, а Питеръ. Сочинителевъ на каждомъ шагу и не оберешься. Сейчасъ подслушаютъ, опишутъ и смотришь—на утро съ всей своей фамиліей въ газету влетѣлъ. Ну, что за радость, ежели эдакій альбомъ про васъ у насъ въ Рыбинскѣ прочтутъ? Вонъ онъ сочинитель-то въ углу стоитъ и смотритъ. Мнѣ даве его показывали.

Пожилой купецъ присмирѣлъ.

— Сочинитель?—переспросилъ онъ.—Который?

— А вонъ энтотъ, что носъ-то набалдашникомъ и одинъ глазъ на васъ коситъ. Здѣсь этихъ сочинителевъ, что собакъ нерѣзанныхъ!

— Вотъ дуракъ-то!—шепталъ актеръ, отходя въ сторону.

Пожилой купецъ чесалъ затылокъ, посматривалъ въ уголъ на сочинителя и что-то соображалъ. Минуты черезъ двѣ онъ вынулъ изъ бумажника десятирублевую бумажку, и скомкавъ ее, понесъ въ уголъ, къ смотрящему на него во всѣ глаза пожилому мужчинѣ.

— Бери отступнаго, господинъ сочинитель, а только насъ не трошь,—сказалъ онъ суя ему въ руку деньги.

— Позвольте, что вамъ угодно? Въ чемъ дѣло?—недоумѣвалъ тотъ и спряталъ руки за спину.

— Бери, коли даютъ! Вѣдь ты сочинитель?—спросилъ его пожилой купецъ.

— Ошибаетесь-съ. Я титулярный совѣтникъ! Восемнадцать лѣтъ вѣрой и правдой служу!—обидчиво отвѣчалъ мужчина, и обернувшись къ купцу спиной, сталъ уходить.

ПЕРЕДЪ ПѢТУШЬИМЪ БОЕМЪ.

Проживающій у себя на дачѣ мѣняла Рыбоплесовъ, охотникъ до куръ, задумалъ у себя устроить въ одно изъ воскресеній пѣтушій бой. Дѣло съ начала для чего-то держалось въ тайнѣ, но дворникъ разболталъ по сосѣдямъ, вслѣдствіе чего въ назначенный день передъ дачей-особнякомъ, гдѣ проживалъ мѣняла, сновали дачники и заглядывали въ рѣшотку сада. Въ саду ничего не было видно, только желто-лимоннаго цвѣта безбородый мѣняла время отъ времени выходилъ на балконъ и злобно улыбался на заглядывавшую въ его садъ публику. Среди публики были и дамы. Нѣкоторыя лорнировали мѣнялу и говорили:

— Совсѣмъ обезьяна!

— Катичка, вышла-бы ты за него замужъ?—спрашивала молоденькая дѣвушка въ малороссійскомъ костюмѣ другую дѣвушку, въ синемъ сарафанѣ.

— Ни за что на свѣтѣ!

— Ну, а ежели бы онъ тебя силой похитилъ и заперъ въ необитаемомъ замкѣ?

— Я отказалась-бы отъ пищи и умерла съ голоду. Не только что за него, но даже и за нашего учителя музыки Карла Богданыча не вышла-бы,—прибавила дѣвушка.

У воротъ дачи стоялъ дворникъ и смотрѣлъ вдоль по дорогѣ, ожидая гостей мѣнялы. Къ нему подошла пожилая набѣленная дама съ взбитыми волосами, сунула ему въ руку пятіалтынный и спросила:

— Скажи, любезный, что за женщины съ этимъ мѣнялой вмѣстѣ живутъ? Жены это его?

— Нѣтъ, тетки-съ. У нихъ, по ихъ мѣняльной вѣрѣ, женъ не полагается. Теперича, ежели прежде у кого и была жена и та теткой дѣлается,—разсказываетъ дворникъ.

— Мерси, — протягиваетъ дама.—Ахъ, да! — спохватилась она.—Правда, что они мяса никогда не ѣдятъ?

— Сами не жрутъ-съ, ну, а пѣтуховъ передъ боемъ и сырой говядиной кормятъ и водкой поятъ. Сегодня, вѣрите-ли, даже жалости подобно: купили сороковку и давай пѣтухамъ въ глотку вливать. Гляжу и думаю: чѣмъ-бы зря въ птицу вино травить, дали-бы дворнику. Такъ нѣтъ, не даютъ. Такихъ жадныхъ для посторонняго человѣка поискать!..

— Мерси еще разъ.

Дама отошла отъ дворника, но къ нему подбѣжалъ лакей безъ фуражки и съ пустой бутылкой въ рукахъ.

— Я вотъ теперь въ лавочку, а ужо, какъ пѣтушій-то бой начнется, ты пусти меня посмотрѣть.

— Пущать, которые ежели не бабъеголосаго согласія, никого не вѣлено, а ты забѣги къ намъ съ задовъ, да на заборъ и залѣзай. Тамъ и посейчасъ ребятишки сидятъ. Все увидишь.

— Ладно. Бутылка пива за мной!—крикнулъ лакей и пустился бѣжать, подбрасывая на бѣгу мѣдный пятакъ и снова ловя его.

Между тѣмъ, къ калиткѣ дачи подъѣхала извощичья крытая пролетка съ двумя мѣнялами: старымъ и молодымъ.

— Печешь-ли пирогъ-то для гостей, Пантелей Селиверстычъ? —крикнулъ пискливымъ голосомъ старый мѣняла, завидя на балконѣ хозяина, и началъ разсчитываться съ извозчикомъ.

— Пеку, пеку! Такъ изъ печи вонъ и лѣзетъ! Милости просимъ!—любезно откликнулся хозяинъ.

Слѣзъ съ линейки и молодой мѣняла и вынулъ стоявшую въ ногахъ обвязанную тряпицами корзину. Тряпица замѣтно шевелилась.

— Пѣтухъ внутрѣ-то сидитъ!—воскликнули въ одинъ голосъ прогуливающіеся около дачи, и дѣйствительно изъ корзины послышалось громкое кудахтанье.

— Это нашъ гостинодворскій мѣняла и вмѣстѣ въ прикзчикомъ,—шепнулъ своей женѣ заглядовавшій въ дачу купецъ, и

подбѣжавъ къ мѣнялѣ, крикнулъ:—Амосу Тарасычу почтеніе! —Пѣтушкомъ побаловаться пріѣхали?

— Да, да, пѣтушкомъ,—пищалъ мѣняла.—Что-же изъ этого? Пѣтушекъ птица Божья. Многіе вотъ насъ осуждаютъ за эту охоту, а чего тутъ! По лѣсамъ-то съ ружьемъ ходить, да птичекъ стрѣлять—хуже. Тамъ смертоубійство, а у насъ вся бѣда, что пѣтушки себѣ гребни въ кровь расклюютъ, такъ, вѣдь, мы потомъ имъ залѣчимъ, запользуемъ,—оправдывался онъ.—Прощенья просимъ, сосѣдъ!

Мѣняла шмыгнулъ въ калитку. За нимъ понесли и пѣтуха въ корзинѣ. Купца окружили дамы и начали разспрашивать.

— Очень богатъ этотъ мѣняла?

— Страсть! Кого хошь купить, перекупить и выкупить можетъ. А что: не хочетъ-ли кто изъ вашего сословія за нимъ поухаживать?—пошутилъ купецъ.—Женишокъ выгодный.

— Ну, вотъ! Обидѣлись дамы. Будто ужъ и спросить нельзя.

Къ калиткѣ еще подъѣхалъ экипажъ и изъ него опять вышелъ мѣняла съ корзинкой.

— Купцу Кошкодавлеву тысячу лѣтъ жить!—крикнулъ купецъ.—Съ пѣтушкомъ самъ-другъ пріѣхалъ?

— Съ пѣтушкомъ-то съ пѣтушкомъ,—отвѣчалъ мѣняла:—да, кажись, больно сильно онъ у меня въ корзинкѣ-то замотался. Боюсь, какъ-бы на ноги не сѣлъ. Пожалуй, передъ боемъ-то какъ рыбинско-бологовскіе колебаться начнетъ.

— А ты играй на пониженіе.

— Шутникъ!—весело произнесъ мѣняла и потащилъ пѣтуха въ калитку.

Между-тѣмъ на дворѣ дачи раздалось громогласное пѣтушье пѣніе.

— Поди ужъ начинается. Пойдти на заборъ садиться!—произнесъ купецъ и побѣжалъ на сосѣдскій дворъ.

БАБА.

Время подъ-вечеръ. Перевалило за шесть часовъ. Погода хорошая. По одной изъ улицъ Лѣснаго бродитъ молодая, красивая и нарядная баба въ синемъ суконномъ кафтанѣ, вертитъ въ рукахъ какую-то записку и то и дѣло даетъ ее читать встрѣчнымъ дачникамъ. Баба—кровь съ молокомъ: полная, бѣлая, румянецъ во всю щеку, перламутровые зубы такъ и блещутъ при говорѣ. Она кого-то разъискиваетъ по адресу. Встрѣчные мужчины пожираютъ бабу глазами, долго смотрятъ ей въ слѣдъ и невольно восклицаютъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго:

— Вотъ такъ баба! Родитъ-же Господь Богъ такихъ бабъ!

Вышелъ пожилой купецъ за калитку своего сада, икнулъ, потрепалъ себя по жирному животу и сказалъ:

— Вотъ мы, по благости божьей, и сыты послѣ трудовъ своихъ праведныхъ!

Баба подошла къ купцу. Купецъ, увидавъ бабу, осклабился во всю ширину своего лица.

— Кого тебѣ, умница? спросилъ онъ.

— Да вотъ тутъ прописано, отвѣчала баба. — Полковницу Подпяткину. Ищу, ищу—разъискать не могу. Вѣрите-ли, смучилась даже. Да полковница-то она не настоящая, такъ можетъ оттого... Мужъ у нея поштанѣ въ писаряхъ служитъ. А ужъ и народъ-же здѣсь! Охальникъ на охальникѣ. Записку прочтутъ, а потомъ приставать начнутъ. Ей-Богу! прибавила она, улыбаясь.

Купецъ оглянулся, посмотрѣлъ, нѣтъ-ли въ саду жены и потрепалъ бабу по спинѣ.

— Да какъ къ тебѣ не приставать-то?—сказалъ онъ.—Вишь здобья-то въ тебѣ сколько! Ну, вотъ что... Давай я тебя про-

вожу. Такъ на самую дачу дворнику и сдамъ. Вотъ тутъ черезъ дорогу лѣскомъ будетъ ближе.

Баба замахала руками.

— Нѣтъ, господинъ купецъ, не пойду я съ вами! Вы лучше такъ мнѣ скажите, куда идти. Я и разъищу. Водили ужъ меня тутъ лѣскомъ-то, да что!..

Баба плюнула.

— А еще мужчина-то какой!—прибавила она—Въ соломенной шляпкѣ, въ очкахъ, скулы съ просѣдью. Срамъ!

— А что?

— Да какже: повелъ будто и путный, а самъ заигрывать началъ, сталъ за щеки щипать. Я женщина замужняя. У меня мужъ огородъ держитъ на Выборгской. Окромя того, мы холстомъ торгуемъ. Привезли нонѣ по веснѣ изъ деревни, распустили въ долги, а теперь ходи да получай. А не получу, такъ мужъ тоже и учить начнетъ. Онъ мужчина строгій. Вы, господинъ купецъ, меня пожалѣйте и коли знаете, то укажите куда идти.

— Тебѣ, родная, одной не найти. Это въ такой трущобѣ, что и сказать нельзя. Пойдемъ, я тебя провожу. Я человѣкъ женатый, меня бояться нечего.

Баба смотрѣла недовѣрчиво.

— А побожись, что по дорогѣ обижать не будешь,—сказала она.

— Ей-ей, пальцемъ не трону!

Пошли. Свернули въ переулокъ, но черезъ минуту баба оттуда выскочила. Купецъ догонялъ ее.

— Акулина! Куда-жъ ты, дура?—кричалъ онъ.

— Нѣтъ, сударь, я лучше къ кому-нибудь другому!..—замотала головой баба, и остановясь на улицѣ, безнадежно смотрѣла въ записку, держа ее кверху ногами.

— Показался рослый юноша въ гимназической фуражкѣ и съ удочкой въ рукахъ.

— Не знаете ли, господинъ, гдѣ-бы мнѣ вотъ это самое мѣсто разыскать?—робко обратилась къ нему баба и подала записку.—Сама я не грамотная, а ищу, ищу...

Юноша раскрылъ ротъ и улыбнулся

— Такая красивая баба и не грамотная!—сказалъ онъ.—

Ай-ай-ай! Вѣдь ты прехорошенькая! Хочешь я тебя грамотѣ выучу?

— Нѣтъ ужъ это зачѣмъ-же... А вы лучше покажите куда мнѣ идти.

— Тебѣ одной не найдти. Кромѣ того, тамъ собаки злыя. Напасть на тебя могутъ. Пойдемъ я тебя провожу. Мнѣ по дорогѣ.

— Ни-ни! Ни за что на свѣтѣ!—замахала руками баба и бросилась въ сторону.

— Дура! Да я рыбу туда удить иду! Мнѣ по дорогѣ. Вотъ тутъ только въ переулочекъ свернуть и по задамъ пройтись—такъ рукой подать!—кричалъ ей вслѣдъ юноша.

Баба шла по дорогѣ, не оглядываясь. Юноша-гимназистъ и купецъ шли за ней въ отдаленіи одинъ за другимъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ! Вы это зачѣмъ бабу обижать вздумали?—кричалъ ему купецъ.

— Помилуйте, да я и не думалъ, — конфузливо отвѣчалъ юноша.

— То-то не думалъ! Нешто это порядокъ? Красивой женщинѣ и показаться нельзя!

Баба подошла къ разнощику, повстрѣчавшемуся ей съ пустымъ somethingлоткомъ подъ мышкой.

— Не прочтешь-ли, землякъ, гдѣ-бы мнѣ тутъ полковницу розыскать?—спросила она.

— Полковницу? Да ты янтарная сама краше полковницы!—прищурился онъ.—Вишь сдобья-то сколько нагуляла! И чѣмъ только тебя кормили? Совсѣмъ прозрачная! Ухъ!

Мужикъ схватилъ ее за бокъ. Баба отскочила.

— Что ты, Христосъ съ тобой! Я не волкъ! Ну, давай, давай сюда записку-то! Я прочту,—прибавилъ онъ.

Баба подала записку. Мужикъ долго вертѣлъ ее въ рукахъ, шевелилъ губами и наконецъ отдалъ ее обратно.

— Темно что-то написано...—сказалъ онъ.—А ты вотъ что: мы лучше пойдемъ вмѣстѣ. Въ трактирѣ я тебя чайкомъ попою. Тамъ и разспросимъ.

— Ни-ни! Какой тутъ чай. Я замужняя. Мужъ ждетъ и потомъ ругать будетъ.

— Мужъ подождетъ. А мы первымъ дѣломъ сейчасъ буты-

лочку пивка.... Ужъ больно ты баба-то важная! Не угостить-то грѣхъ!

На сцену эту смотритъ дачникъ съ обезьяньимъ лицемъ, въ жакейской фуражкѣ и съ оскаленными зубами.

— Чего тебѣ, милая?—подкрался онъ къ ней, какъ кошка и протянулъ руку къ запискѣ.—Обижаютъ тебя? Войди ко мнѣ въ садикъ, отдохни на скамеечкѣ. Я прочту тебѣ и разскажу все что слѣдуетъ. А ты пошелъ прочь, дуракъ! Чего ротъ-то разинулъ?—крикнулъ онъ на мужика.

Глаза дачника съ обезьяньимъ лицомъ искрились, нижняя губа тряслась. Баба смотрѣла на него подозрительно и раздумывала.

— Нѣтъ, господинъ, лучше ужъ я въ мелочную лавочку...—махнула она рукой и пошла по дорогѣ.

Сзади ея въ отдаленіи слѣдовали одинъ за другимъ купецъ, юноша, мужикъ и дачникъ съ обезьяньимъ лицемъ. Они оглядывались и зло смотрѣли другъ-надруга.

За воротами стоялъ сѣдой длинноволосый мужчина безъ шляпы и держалъ лѣвую руку на желудкѣ. Замѣтивъ красивую бабу, онъ сталъ на нее коситься и улыбнулся. Баба подошла къ нему и подала записку.

— Адресокъ тебѣ прочесть, вавилонская искусительница?—обратился онъ къ ней съ вопросомъ, принимая записку. — Изволь, изволь, прочесть можно. Аще кто путницу... Только вотъ что, родная,—прибавилъ онъ:—очковъ при мнѣ нѣтъ. Войди-ко въ садикъ, а я очки разъищу. Вотъ мы и прочтемъ твою хартію.

Старикъ распахнулъ калитку. Баба вырвала у него записку и выбѣжала на середину улицы.

— Господи, что-же это такое! Что я за несчастная, что путнаго человѣка найдти не могу!—воскликнула она.

На красивыхъ черныхъ глазахъ ея заблестѣли слезы.

А на бабу, между-тѣмъ, остановившись въ рядъ на аллеѣ, смотрѣли купецъ, юноша въ гимназической фуражкѣ, мужикъ, дачникъ съ обезьяньимъ лицемъ и старикъ и пожирали ее глазами.

ПО ГАЗЕТНОМУ ОБЪЯВЛЕНІЮ.

Въ газетахъ было напечатано: «За скорымъ отъѣздомъ продается фортепіано, трюмо и говорящій попугай». Далѣе слѣдовалъ адресъ.

Въ тотъ-же день, у дверей квартиры, гдѣ была публикована продажа, звонились разныя лица, приходившія посмотрѣть вещи. Ихъ встрѣчала пожилая женщина съ завязанной щекой. Нѣкоторые покупатели приходили неизвѣстно зачѣмъ и спрашивали такія вещи, которыя и не значились въ объявленіи.

Вошла тощая дама подъ вуалью, и не дожидаясь приглашенія, сѣла въ кресло.

— Фу, какъ высоко вы живете!—сказала она. — Какъ это можно: въ пятомъ этажѣ и публиковать... Сняли-бы на время куда-нибудь пониже.

— Вамъ трюмо, фортопіано или попугая? — спросила ее женщина.

— Нѣтъ, мнѣ-бы нужно было собачку маленькую: левретку, болонку или шпица.

— Собаки у насъ и не продается.

— Ну, вотъ видите, а заставляете въ пятый этажъ подниматься!—упрекнула дама.

— Да мы о собакѣ и не публиковали.

— Мало-ли что не публиковали. Все-таки не хорошо. Я такъ и шла, думала, что у васъ собачка. Неужели вы безъ собаки живете?

— Мы не любимъ собакъ.

— Ахъ, Боже мой! Какъ это можно не любить. Это пока-

зываетъ, что у васъ черствое сердце. Вы знаете есть сказано: блаженъ рабъ ежели и скоты милуетъ. Что это у васъ: зубы?.. Возьмите вы мятнаго масла на вату и ущемите...

Въ дверяхъ, между тѣмъ, стоялъ толстый купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, мялъ въ рукахъ картузъ и искалъ въ углу образъ, чтобъ перекреститься, но, не найдя его, спросилъ:

— Кто у васъ здѣсь хозяйка-то?

— Я-съ,—отвѣчала женщина.—Вамъ фортепіано?

— Фортопьяны посмотримъ, и попугая поглядимъ, —протянулъ купецъ. Вы нѣмки будете, что-ли?

— Нѣтъ, русская.

— Руская, а въ углу божьяго милосердія не держите. Вотъ оттого-то васъ Богъ зубною болью и накавываетъ. А вы, коли ужъ очень зубъ-то ноетъ, возьмите жженаго купоросу да краснаго стручковаго перцу...

— Вотъ фортепіяно-съ...—перебила его женщина и открыла крышку у инструмепта.

Купецъ заглянулъ внизъ, пощупалъ дно, пошаталъ всѣ четыре ноги, ткнулъ перстомъ въ клавишу и сказалъ:

— Съ виду струментъ крѣпкій. Ну, а струны всѣ цѣлы?

— Всѣ цѣлы. Фортепіяно малодержанное. Развѣ можно безъ струнъ продавать?

— Всякое бываетъ. Иногда ребятишки балуются. Что съ ними подѣлаешь! Вы вдова?

— Вдова.

— Ну, вотъ сейчасъ и видно, что на вдовьемъ положеніи. Былъ-бы живъ мужъ, такъ онъ-бы поучилъ какъ Бога-то не забывать. У него-бы, небось, въ жилой горницѣ безъ божьяго милосердія не сидѣла. А ну-ко, заведи-ко машину-то... — кивнулъ купецъ на инструментъ.

— Да у насъ фортепіано не самоигральное.

— Не самоигральное? Ну, такъ эта музыка мнѣ не подходитъ. Я думалъ такъ, чтобъ и дочку на нихъ перстами учить и чтобъ жена по праздникамъ вертѣть могла, ну, а она у меня баба совсѣмъ безъ понятія.

Хозяйка улыбнулась.

— На самоигральныхъ фортепіянахъ вамъ трудно будетъ дочку учить. Вы купите простое, настоящее фортепіано.

— Настоящее! Я настоящее и ищу. По твоему вотъ это настоящее, а по моему то, которое съ заводомъ. Вамъ, конечно, свой товаръ хвалить надо, ну а я покупатель и долженъ сообразить,—заговорилъ купецъ.—Крѣпкое-ли оно въ нутрѣ-то?—спросилъ онъ.

— Совсѣмъ крѣпкое. На немъ только годъ и играли. Фортепіано бекеровское, прочное...

Купецъ чесалъ затылокъ и соображалъ.

— Ты говоришь прочное,—произнесъ онъ.—Знаемъ мы эту прочность-то! Вылей въ него чашку кипятку—вотъ и раздеретъ его.

— Помилуйте, да зачѣмъ-же кипятокъ-то выливать?

— Какъ зачѣмъ? Всякое можетъ случиться. У меня ребятишекъ полонъ домъ. Тоже подчасъ балуются. Ну, а гость хмѣльной на имянинахъ рюмку-другую въ него прольетъ — что съ нимъ подѣлаешь?

Хозяйка недоумѣвала и только разводила руками.

— А играть на немъ всѣми перстами можно, какъ слѣдоваетъ?—допытывался купецъ.

Хозяйка сѣла и взяла нѣсколько акордовъ.

— Я даже и не слыхала, чтобъ были такіе портепіано, на которыхъ только однимъ перстомъ играть можно,—сказала она.

— Мало-ли что вы, сударыня, не слыхали. Вотъ у насъ въ Апраксиномъ рынкѣ на линіи фертепіяны стоятъ, такъ на тѣхъ и однимъ перстомъ нельзя: духъ выходитъ, ну, а звуку никакого. Нѣтъ, я ужъ лучше самоигральныя куплю, а эта статья не подходящая,—закончилъ онъ и тутъ же прибавилъ:—Вотъ насчетъ нотъ—стопочку продайте, потому мнѣ мою дѣвочку всеравно по нотамъ придется учить.

— Эти ноты у насъ для корнета и тромбона,—отвѣчала хозяйка.

— Для корнета Тромбона! Вотъ видите у васъ какая изводка,—упрекнулъ ее купецъ.—Что подешевле, такъ вы господамъ офицерамъ продали, а купцу, что подороже наровите спулить. Купецъ за всѣхъ въ отвѣтѣ!

Хозяйка, не взирая на зубную боль, даже разсмѣялась.

— Вы не такъ меня поняли, господинъ купецъ. Эти ноты не проданы, а они для корнета и тромбона, то-есть для игры на трубахъ, а для фортепіяно не годятся.

Купецъ недовѣрчиво кивнулъ головой и сталъ уходить.

— Ну, вотъ, толкуй тутъ!—сказалъ онъ. — Не годится. У меня дочка дѣвчонка махонькая, несмышленая, ей все годится. Впрочемъ, мы съ своими деньгами не навязываемся. Ну, а попугай говорящій почемъ?—спросилъ онъ въ дверяхъ.

— Попугай сорокъ рублей вмѣстѣ съ клѣткой.

— Фю-фю! — просвистѣлъ купецъ. — Тоже деньги-то драть умѣете! А нехорошими словами онъ не ругается?

— Что вы такое говорите!—начинаетъ выходить изъ себя хозяйка. — Вѣдь, вы его изъ хорошаго семейнаго дома покупаете.

— Это въ составъ не входитъ. У насъ сосѣдъ по лавкѣ изъ графскаго дома попугая купилъ, подошелъ по утру къ птицѣ, а она его: «банкрутъ! воръ!» Взялъ и свернулъ ему шею. Одначе, прощенья просимъ! За попугаемъ другой разъ зайдемъ.

За купцомъ послѣдовала и дама.

— Такъ не продается у васъ собачки-то? — спросила она еще разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! здѣсь не псари живутъ! — сердито крикнула хозяйка и захлопнула за ней дверь.

ОКОЛО ЕГЕРСКИХЪ КАЗАРМЪ.

День вступленія въ Петербургъ Егерскаго полка послѣ похода. Далеко за полдень. На улицѣ, противъ казармъ, толпится народъ: мужики, бабы; есть и купцы съ женами. Всѣ стараются заглянуть въ ворота казармъ, гдѣ обѣдаютъ егеря.

— Городъ это самое угощеніе имъ дѣлаетъ, разсказываетъ чуйка.—Теперича, ежели кто съ Егоріемъ за храбрость—что хошь можетъ спросить и все ему подается. «Хочу молъ кильку»—и сейчасъ ему кильку на подносѣ. «Хочу самовины съ хрѣномъ, либо тешки»—и сомовина съ тешкой есть.

— Неправда, поясняетъ купецъ. — Въ вѣдомостяхъ такъ было писано, что всѣмъ безъ изъятія одинаковая пища: щи, пирогъ, каша и говядина, а на промочку горла чарка водки и бутылка пива.

— Чарка-то, поди, большая?—интересуется мастеровой.

— Знамо дѣло: праздничная. Господской порціи не подадутъ. Съ той чарки солдату и не облизнуться. А такъ полъсороковки.

— Чтожъ это за праздничная! У насъ вонъ на дворѣ ундеръ сапожникъ живетъ, такъ тотъ въ торжество такой фокусъ: выльетъ въ ковшъ полштофъ и ни въ одномъ глазѣ!...

У воротъ начали показываться солдаты въ бѣлыхъ фуражкахъ на затылкахъ. Толпа такъ и хлынула къ нимъ. Начались разспросы.

— Въ пылу-то были? Въ какое мѣсто поранены?

— Я цѣлъ остался. Меня Богъ сохранилъ, отвѣчаетъ солдатъ.

— А сами-то многихъ пронзили?

— Да вѣдь кто-жъ тутъ разберетъ. Дымъ, свѣту божьяго не видать. Досталось!

— А что, кавалеръ, вѣдь больше двухъ турокъ, поди, на одинъ штыкъ не нанижешь? слышится вопросъ.

Солдатъ не успѣваетъ и отвѣчать. Онъ показываетъ турецкія деньги.

— Скажите на милость — совсѣмъ какъ бы и православная монета! дивится кто-то.—А говорили, что турецкія деньги какъ-бы рогулькой, наподобіе луны и на нихъ песъ изображенъ въ ермолкѣ съ кисточкой. Сердца-то турецкаго сушеннаго съ собой не захватилъ?

— Что ты! Да насчетъ этого бѣда! машетъ рукой солдатъ.—Мы сами звѣрство унимали.

— А серьгу турецкую изъ ноздри?

— Да закого ты турку-то считаешь? Они такіе-же солдаты какъ и мы, только эта самая ермолка на головѣ. Есть, правда, и съ чернымъ арапіемъ въ обликѣ, но мало.

— А бабы ихъ турецкія пронзительныя? Правда, говорятъ, что онѣ взамѣсто кедровыхъ орѣховъ трубки курятъ?

— Сосутъ. Только первое ихъ удовольствіе, какъ и у нашихъ бабъ, сахарная сладость, но этой самой гульбы и чтобъ съ мужемъ подъ ручку, у нихъ нѣтъ.

Сквозь толпу протискивается купецъ и тащитъ за руку жену.

— Съ счастливымъ прибытіемъ, кавалеръ!—говоритъ онъ,—можете вы намъ сейчасъ, чтобы пару турецкихъ словъ.... Сожительница моя ужъ очень интересуется. «Турецкія слова, говоритъ, хотѣлось-бы послушать». Ну, проси, дура, господина героя!—обращается онъ къ женѣ.

— Что вы, Иванъ Сидорычъ! Да когда же я?... Можетъ быть страшно... Да я боюсь турецкихъ словъ. Страшныя они эти слова-то?

— Ну, это какъ кому. Есть страшныя, есть и не страшныя,—поясняетъ солдатъ.—Вотъ по ихнему....

— Не хочу и слушать, не хочу!—машетъ головой купчиха и зажимаетъ уши.

— Вотъ п ихнему: хлѣбъ — экмекъ; соль — тузъ; миръ — барышъ:

— Тузъ... Скажи на милость, словно у насъ въ картахъ!—восхищается толпа.

— Водка—раки,—продолжаетъ солдатъ.

— А у насъ раки—водяные звѣри. Поди-жъ ты какъ чудно. Всякое слово у нихъ наоборотъ.

— Еще-бы, потому-то они и супротивники нашей вѣры. Теперича по нашему тарелка, а по ихнему—табакъ. А табакъ по ихнему—тютюнъ называется; баня—хаманъ.

— А что хорошія, кавалеръ, тамъ на Балканѣ бани были?

— Бань никакихъ. Ежели теперича искупаешься въ рѣчкѣ, тѣмъ и сытъ. Рубаху надъ дымомъ поразвѣсишь.

Купчиха оттоткнула уши.

— А какъ потурецки жена или баба, къ примѣру?..—спросила она у солдата.

— Жена—кары.

— Вотъ это вѣрно! — воскликнули въ одинъ голосъ мужчины.—Жены для нашего брата совсѣмъ кары карательныя, особливо, когда онѣ во всемъ своемъ язычномъ звонѣ!

— Ну, а какъ кабакъ по турецки?—доносится изъ заднихъ рядовъ.

— Мей-хане,—удовлетворяетъ любопытство солдатъ.

— Мей-хане, мей-хане..,—твердитъ толпа. — Ну, вотъ мы теперь и будемъ знать. Какъ отъ жены или отъ кары захочется украдкой въ кабакъ уйдти—сейчасъ и скажемъ товарищу: пойдемъ-ка, Селиверстъ Потапычъ, въ мей-ханы—раки глотать.

— Однако, господинъ кавалеръ, вы этихъ самыхъ турецкихъ словъ страсть что произошли!—говоритъ повеселѣвшій купецъ.— Но дозвольте учливо еще одинъ опросъ сдѣлать: какъ трактиръ по басурманскому произносится?

— Трактиръ—конакъ.

Купецъ хлопнулъ солдата по плечу.

— Мерси! Коли такъ, то вотъ что: сейчасъ съ этого мѣста и скорымъ шагомъ идемъ съ нами въ этотъ самый конакъ! Вы наши защитники и герои и стало быть мы обязаны васъ чествовать, а супруга наша за ваше здоровье вамъ изъ своихъ ручекъ стаканчикъ поднесетъ. Мало того, въ землю тебѣ ее кланяться заставлю! Ходитъ, что-ли? Руку!

Солдатъ ударяетъ купца по рукѣ и они идутъ. Толпа валитъ сзади.

— Купецъ, а, купецъ! Веди его на черную половину, тогда и мы пойдемъ!—слышатся голоса.

ВЪ МОНУМЕНТНОЙ ЛАВКѢ.

Въ монументную лавку входитъ, переваливаясь съ ноги на ногу, пожилая и рыхлая купчиха въ ковровомъ платкѣ и въ шелковой косынкѣ на головѣ. Уши поверхъ косынки завязаны бѣлымъ носовымъ платкомъ. Ее сопровождаетъ старуха въ черномъ суконномъ платьѣ. Голова повязана такимъ-же платкомъ концами назадъ. Въ рукахъ ридикюль. Ихъ встрѣчаетъ приказчикъ.

— Ухъ!—говоритъ купчиха.—Смучилась вся. Дайте сѣсть.

— Сядьте, матушка, Василиса Савельевна, сядьте вотъ тутъ на лавочку,—суетится около нея старуха.

Купчиха садится.

— Разкисла, совсѣмъ разкисла!—продолжаетъ она.—Въ пяткахъ свербленіе, въ глазахъ мельканіе, подъ колѣнками трясеніе и сердце не въ себѣ.

— Что прикажете, сударыня?—вопросительно наклонился къ ней приказчикъ, опираясь одной рукой на столъ.

— Да погоди, молодецъ! Ну, что ты къ душѣ-то пристаешь? Дай ей отдышаться!—обрываетъ его старуха.—Въ монументную лавку пришли, такъ ужъ, знамо, тешки осетровой подъ хрѣномъ не спросимъ.

— Памятничекъ-бы мнѣ новопреставленному супругу... Только какой получше.

— Монументъ-съ? Можно. Я вотъ вамъ сейчасъ рисунки покажу. Во вкусѣ рококо, въ готическомъ стилѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Какой монументъ! Онъ вѣдь у меня православный былъ, а не нѣмецъ. Просто памятникъ. Зачѣмъ ему монументъ?

— Въ такомъ разѣ можетъ плиту желаете или гранитную глыбу?

— Да что ты тараторишь-то!—снова перебила приказчика старуха.—Ты товаръ показывай. Ну, гдѣ-жъ это видано, чтобъ подъ плитой лежалъ купецъ? Ты купеческій памятникъ кажи.

— Извольте-съ, можно и купеческій. Купцы вотъ больше подъ такими сѣрыми мраморами любятъ ложиться,—стукнулъ онъ по памятнику.—Урну на него можно съ ангеломъ поставить.

— А что это за урна такая?—спросила купчиха.

— Ваза-съ, въ которую ангельскія слезы капаютъ.

— Ну вотъ! Еще, пожалуй, иные за рюмку примутъ. Скажутъ: нашла чѣмъ помянуть! Покойникъ у меня, не тѣмъ будь помянутъ, тоже любилъ насчетъ виннаго-то малодушества...

— Помилуйте, сударыня, рюмка маленькій предметъ, а тутъ большой сосудъ. Это и не похоже.

— Ничего не значитъ. Онъ всегда изъ большаго сосуда и пилъ.

— Коли такъ—два горящихъ факела крестъ на крестъ прикажите.

— Что ты, что ты!—вскинулась на приказчика купчиха.—Того и гляди за поджигателя примутъ. У него два раза лавка горѣла.

Приказчикъ развелъ руками.

— Ежели ужъ не то и не другое, то позвольте трубу и опрокинутую чашу изобразить,—сказалъ онъ.

— Ты опять съ чашей! Говорятъ тебѣ, что отъ чаши-то онъ и Богу душу отдалъ. Разъ даже въ окошко выпрыгнуть порывался. Тѣмъ и спасли, что за халатъ ухватили.—А труба ему ужъ и совсѣмъ не идетъ. Онъ купецъ былъ, а не музыкантъ.

— Такъ что-жъ что купецъ? Нельзя-же, сударыня, на памятникѣ аршинъ съ ножницами крестъ на крестъ и кота изобразить. Наконецъ, тутъ труба не музыкантская, а ангельская, и чаша тоже... Желаете змію? Это эмблема вѣчности будетъ.

Купчиха замахала руками.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуй еще за зеленаго змія примутъ. А онъ, голубчикъ, два раза доходилъ до него.

— Ну, надломленное древо,—предложилъ приказчикъ, подумавъ.

— И древъ не надо. Мы дровами не торговали. У насъ двѣ

башмачныя лавки были. Нельзя-ли что-нибудь такъ, чтобъ и благородно было, и божественно, и фигуристо?

— Ей-Богу, ужъ не знаю, что вамъ предложить—зачесалъ затылокъ приказчикъ.— Заходящее солнце не прикажете-ли и лучи въ разныя стороны?..

— Не надо солнце. Солнце онъ и при жизни не любилъ. Какъ, бывало, солнце—сейчасъ сердится. Въ хорошую-то да въ солнечную погоду, вишь ты, калошъ резинковыхъ не покупали, а у насъ въ лавкѣ большой складъ былъ. Какъ солнечный день—меня ругать начнетъ. Такъ зачѣмъ-же я его въ могилѣ-то солнцемъ дразнить буду?

— Ахъ, продавецъ, продавецъ!—закачала головой старуха.— Какъ-же ты это покупательницѣ потрафить не можешь?

Приказчикъ вспыхнулъ.

— Помилуйте, бабушка, да какъ-же ей потрафить, коли она небывалаго хочетъ. Вѣдь калошу на памятникъ нельзя... Ужъ я и такъ изъ кожи вылѣзъ.—Ну вотъ-что, сударыня: за двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ я вамъ поставлю гладкій, бѣлаго итальянскаго мрамора памятникъ, а на верху золотой крестъ. Внизу доска...

— Постой, постой!—перебила его купчиха.—А подъ итальянскимъ-то мраморомъ русскому купцу не грѣшно будетъ лежать?

— Насчетъ этого будьте покойны. Протоіереи лежатъ, а не токма-что купцы. И такъ-съ,—продолжалъ онъ:—внизу будетъ доска мѣдная и на ней надпись: «здѣсь погребено тѣло...»

— Зачѣмъ тѣло? Тѣло это у чиновника, а у купца—прахъ.

— Ну, прахъ, такъ прахъ. «Здѣсь погребенъ прахъ купца...» По которой гильдіи онъ платилъ-то?—спросилъ приказчикъ.

— По второй.

— «Погребенъ прахъ второй гильдіи купца такого-то и такого, скончавшагося...»

— Купца и кавалера,—поправила его купчиха.—Онъ двѣ медали имѣлъ. Да и что тутъ «скончавшагося!..» Надо какънибудь по слезливѣе...

— Поставьте, матушка-благодѣтельница, слово: «въ Бозѣ». Это ужъ всегда у купцевъ...—вмѣшалась старуха.—«Пріявшаго въ Бозѣ дни кончины своей горестной смерти...»

— Какъ на запискѣ надпись дадите, такъ и изобразимъ-съ,—успокоилъ ихъ приказчикъ.

— Ну, хорошо,—согласилась купчиха.—Только ты, почтенный, скинь что-нибудь. Боюсь, какъ-бы покойникъ-то по ночамъ не сталъ являться и грозить мнѣ, зачѣмъ дорого дала.

— На поминальный кисель двѣ красненькія скинуть можно-съ, а больше не могу. За 230 извольте.

— Ну, трафь. Только мнѣ чтобъ и стихи. Вотъ тутъ мнѣ одинъ сочинитель написалъ на запискѣ. Онъ хоть и полоумный, а пишетъ славно. Куда я записку-то задѣвала?

Купчиха начала рыться въ карманѣ.

— Вотъ она, кажется.

Приказчикъ взялъ записку и началъ читать:

— «Водки очищенной, лучшей, два ведра по четыре съ полтиной, пива...»

— Ахъ, нѣтъ, это не то. Это изъ виннаго склада на годовое поминовеніе. Надо полагать, на оборотѣ стихи-то.

Приказчикъ обернулъ и прочелъ:

«Сей памятникъ супругу
Какъ истинному другу
Поставила жена
Бывъ съ нимъ двадцать годовъ, три мѣсяца и шесть денъ сопряжена».

— Очень прекрасные стихи. Будьте покойны, все какъ слѣдуетъ вырѣжемъ,—сказалъ онъ.—Теперь потрудитесь только самую надгробную надпись продиктовать.

Начинается составленіе надписи.

НА ОТКРЫТІИ ИТАЛЬЯНСКАГО СЕЗОНА.

Понедѣльникъ. Первый абонементъ. День открытія сезона итальянской эперы. Капельдинеры, снимая верхнее платье, ласково привѣтствуютъ прошлогоднихъ посѣтителей. Къ восьми часамъ всѣ въ сборѣ. Шумитъ партеръ, пестрѣютъ ложи, темной тучей нависли балконъ съ галлереей. На всѣхъ лицахъ торжественность. Бинокли въ ходу. Знакомые кланяются другъ другу. Первый абонементъ—аристократическій абонементъ. Мѣста передаются по наслѣдству. Здѣсь всѣ знакомы. Появленіе въ ложѣ новыхъ лицъ составляетъ предметъ разговоровъ.

— Кто это такіе въ первомъ ярусѣ слѣва? Въ прошломъ году ихъ не было...—задаетъ вопросъ желто-лимонному гладкобритому человѣку роскошный бакенбардистъ.

— Да должно быть купецъ какой нибудь, разбогатѣвшій подрядчикъ,—отвѣчаетъ тотъ, наводя бинокль.—Чернотемная сила, набившая себѣ карманъ и считающая своимъ долгомъ обезъянничать,—прибавляетъ онъ.—Смотрите, какъ его жена пестрѣетъ всѣми цвѣтами радуги! На головѣ цѣлый огородъ цвѣтовъ.

Дѣйствительно, въ первомъ ярусѣ, въ глубинѣ ложи, сидѣлъ жирный купецъ въ черномъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ, таковомъ-же галстухѣ и откинувшись на спинку стула, позѣвывалъ потиралъ лысину и гладилъ подстриженую бороду. На шеѣ орденъ, на чревѣ массивная цѣпь съ желѣзно-дорожными жетонами. Впереди, у борта ложи разряженная жена въ бриллiантахъ—рыхлая женщина. Сзади ея, на стулѣ, непремѣнный, что-то нашептывающій «племянникъ»—молодой человѣкъ, занимающій видное мѣсто въ какомъ-то банкѣ.

Но вотъ капельмейстеръ Гоула взялся за смычекъ и все присмирѣло. Грянулъ оркестръ. Черезъ нѣсколько минутъ взвилась занавѣсъ. На сценѣ «божественный» и «божественная». Все обратилось въ слухъ.

Купецъ проглядываетъ афишу.

— Сеня! который Паникадило-то тутъ?—спрашиваетъ онъ племянника.

— Падилла, дядюшка, а не Паникадило. Только его теперь нѣтъ на сценѣ.

— То-то я смотрю, сказано: царь эфіонскій, а эфіонства никакого, все полубѣлыя лица. Ты скажи, какъ Паникадило-то выдетъ. Фамилія-то, прахъ его побери, ужъ очень забавная!

Актъ тянулся долго. Купецъ зѣвалъ, перебиралъ часовую цѣпочку, отиралъ платкомъ лысину, качалъ въ тактъ головой и видимо скучалъ, но когда всѣ зааплодировали, сталъ и онъ хлопать.

— Пойти въ зало промяться послѣ этой самой панихиды-то,—сказалъ онъ въ антрактѣ женѣ.—Паникадило и Мазини,—твердилъ онъ.—Ужъ подлинно, что Мазини.—Краски на физіономію привлекъ много, мазанья было достаточно. Пойдемъ,—обратился онъ къ женѣ и подставилъ ей руку.

— Нѣтъ ужъ я съ Сеней, а вы идите сзади,—сказала та.

Купецъ вздохнулъ и поглаживая животъ поплелся.

Въ фойе прогулка. Статскіе, военные, звѣзды подъ бортомъ фрака, ордена съ мечами. Дамы въ черномъ. Рѣзко появилась коротенькая жакетка длинноволосаго студента и скрылась.

— А, почтеннѣйшій, Тарасъ Кузьмичъ!—обратился сѣдой статскій звѣздоносецъ къ купцу и протянулъ ему руку.—Какими судьбами? Не чаялъ тебя въ оперѣ встрѣтить, не чаялъ...

— На людей глядя, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ купецъ, обѣими руками потрясая генеральскую руку и улыбаясь во всю ширину лица.—Люди насчетъ глупостевъ и мы за ними. А главное жена сманила. «Всѣ, говоритъ, путные аристократы къ тальянцамъ ѣздятъ». Ну, думаю, давай и мы въ путные полѣземъ. Отчего бабу не потѣшить. Такъ такъ-то, ваше превосходитество: вотъ теперь она аристократка. Мавра Пантелѣевна, кланяйся генералу-то!—обратился онъ къ женѣ.—Это нашъ пріютскій. Вмѣстѣ служимъ, и окромя того, въ банкѣ засѣдаемъ.

Генералъ раскланялся.

— Ну, какъ тебѣ, Тарасъ Кузьмичъ, нравится Скальки-Лолли?—спросилъ онъ купца.

— Это эфіопка-то? Ничего, актриса въ акуратѣ. Да я-бы и не поѣхалъ, признаться сказать, пусть-бы жена съ племяшомъ ѣхала, да вотъ Паникадило на афишѣ смутилъ. Дай, думаю, посмотрю, что за Паникадило такой. Думалъ не изъ семинаристовъ-ли въ тальянца переряженый. Опять-же эти самые эфіопы...

— Что-жъ, музыку хорошо послушать. Она утишаетъ страсти, бурные порывы, возвышаетъ душу, -- продолжалъ генералъ.

— Душу-то возвышаетъ, а карманъ понижаетъ. Ужъ и дерутъ-же семь шкуръ эти тальянцы! А насчетъ порывовъ, это кому какъ... У насъ одинъ подрядчикъ былъ, такъ какъ, бывало, хмѣльной услышитъ «Персидскій маршъ»—сейчасъ въ драку.

— Гдѣ ты ложу-то добылъ? Вѣдь это трудно. Совсѣмъ не продаются.

— Абонементъ спроворили на всю зиму. Одному прогорѣлому барину двѣ радужныя выходу далъ.

— Это много. Въ третьемъ ярусѣ?

— Ну, вотъ! Станетъ мы срамиться третьимъ ярусомъ! Въ первомъ. Въ третій-то ярусъ я когда десятникомъ былъ, такъ тогда лазилъ, а теперь другая антресоль. Жалко, ну да ужъ за то по людски, какъ господа. Думаю, вѣдь въ пріютъ-же вносимъ, на нищенскій комитетъ даемъ, въ разныя общества платимъ, такъ пусть и тальянецъ попользуется. У нихъ страна бѣдная, сказываютъ, только шарманками и берутъ.

— Ты пополамъ съ кѣмъ-нибудь абонировался?—спросилъ генералъ.

— Зачѣмъ пополамъ. Я не половинкинъ сынъ. Какъ есть цѣльную ложу взялъ.

Генералъ скорчилъ мину.

— Ого!—сказалъ онъ.—Въ первомъ ярусѣ вѣдь это пятьсотъ рублей!

— Да-съ, такъ пять Екатеринъ и отвалили въ дирекцію да двѣ прогорѣлому барину. Да что, пущай! Лишь-бы только господа тальянцы канитель не тянули, а что-нибудь посмѣшнѣе... Вотъ балетное голоножіе, ваше превосходительство, я люблю.

— Кутишь ты на старости лѣтъ!—одобрительно потрепалъ купца по плечу генералъ.—А я во второмъ ярусѣ.

— Зато въ молодости лямку тянули и щи лаптемъ хлебали. А ужъ теперь будемъ во всемъ графской модѣ подражать! И то сказать! ежели насчетъ грабежу, то теперь насъ никакой тальянецъ въ конецъ не ограбитъ. Позапаслись.

Купецъ самодовольно хлопнулъ себя по карману.

— Ну, не хвались. Итальянецъ не ограбитъ, такъ итальяночка, какая-нибудь, черноокая букашка раззоритъ или балетная бабочка съ голенькими ножками,—пошутилъ генералъ.

— Этого ужъ совсѣмъ не можетъ-быть,—отрицательно потрясъ головой купецъ.—Потому, у насъ такой сюжетъ въ засадѣ: на актерку гляди, пропотчуй ей, сотельную на булавки ради бѣдности дай, а жену въ головѣ содержи. У меня своя баба во всей своей тѣлесной прозрачности!

Публика начала расходиться изъ фойе. Генералъ простился съ купцомъ и тоже сталъ уходить.

— Ваше превосходительство!—крикнулъ тотъ ему вслѣдъ.— Коли ежели что случится, то изъ втораго-то яруса милости просимъ къ намъ въ первый. У васъ тоже ноги-то не молодыя. Да и супругу съ собой захватите. А въ вашу ложу можно секретаря пустить. Мы съ женой только въ двоемъ болтаемся. Зачѣмъ намъ цѣльная ложа подъ двоихъ? А въ компаніи-то веселѣе, да и съ генераломъ рядышкомъ намъ лестно.

— Послѣ поговоримъ, послѣ!—замахалъ руками генералъ.

— Ну, пойдемъ Паникадилу смотрѣть! Авось во второмъ дѣйствіи онъ какое ни-на-есть почуднѣй колѣно выкинетъ,— сказалъ купецъ женѣ.

За рубкой капусты.

Сентябрь. Еще за двѣ недѣли до рубки капусты хозяйскія дочери, встрѣчаясь послѣ обѣдни на паперти съ кавалерами, говорили:

— Приходите къ намъ капусту рубить. Весело будетъ.

— Когда прикажете явиться?

— Папенька говорилъ, что зарубать будемъ въ Рождество Богородицы, потомъ въ воскресенье и на Воздвиженіе кончимъ.

— Не преминемъ-съ,—отвѣчали кавалеры.—Конечно, угрызеніе кочерыжекъ теперь не модная модель, но придемъ ради пріятнаго разговора съ барышнями.

Въ назначенный день на дворѣ дома купца Канурова, послѣ обѣдни, все стукало сѣчками. На рогожахъ грядами лежала капуста. Въ сараѣ былъ накрытъ столъ; на столѣ стояли большой графинъ съ «бальзамной», двѣ бутылки «женской слабости» въ видѣ лисабону, арбузъ, пастила и двѣ селедки.

Около одной изъ кадокъ стоятъ другъ противъ друга хозяйская дочка и кавалеръ въ «цимерманѣ». Хозяйская дочка рубитъ, кавалеръ срѣзаетъ съ кочерыжки капусту.

— Ежели Васька Трубачевъ будетъ васъ отъ всеношной провожать и вы ему станете миндальныя улыбки дѣлать, то, ей-ей, и ему тоже самое будетъ, что вотъ этой капустѣ,—говоритъ кавалеръ.

— Ахъ, скажите пожалуйста! А какую такую вы имѣете праву на это?

— А ту праву, что мои чувства давно открыты, а ежели онъ стоитъ на дорогѣ, то ему карамболь по зубамъ. Неужели-же вы не видите, что вы для меня желтый шаръ, и я васъ срѣзать хочу?

— Ахъ, какъ это прекрасно, что вы дѣвицу къ бильярду приравниваете!

— Мочи моей нѣтъ—оттого. И наконецъ, что-жъ такое желтый шаръ? Желтый въ среднюю, карамболь по красному—выше нѣтъ. Также и мы васъ цѣнимъ.

— Вы это просто изъ одного коварства говорите, а у самаго у васъ Таничка Оконцева въ головѣ сидитъ,—жеманится дѣвушка.

— Ошибаетесь. Таничка Оконцева для меня все равно, что вотъ эта кочерыжка.

— Амурныя слова стрѣлою на водѣ... — протягиваетъ дѣвушка.

— Стрѣлою на водѣ-съ?—вскрикиваетъ кавалеръ.—Лизавета Васильевна, хотите я вотъ сейчасъ для васъ мою цимермановскую шляпу вмѣстѣ съ капустой разрублю?

— Тише! Что вы кричите!

Дѣвушка усиленно зарубила сѣчкой. Кавалеръ тоже забилъ тактъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: хотите?..—приставалъ онъ къ ней.

— Это зачѣмъ-же?

— А чтобъ показать, что для васъ я ничего не пожалѣю. Не токма что шляпу, а и часы съ цѣпочкой туда-же.—Ходитъ, что-ли?

— Но что-жъ изъ этого выдетъ?—спрашиваетъ дѣвушка.—Вашъ тятенька хочетъ васъ непремѣнно женить на каменномъ домѣ, а за мной только десять тысячъ. Вонъ за Таничкой Оконцевой три пустопорожнихъ мѣста за Нарвской заставой. Это все-таки лучше. Наконецъ, мнѣ извѣстно, что вы ужъ смотрѣли невѣсту въ Измайловскомъ полку, а тамъ даже съ двумя домами на каменномъ фундаментѣ и окромя того огородъ.

— Ну, такъ чтожъ что смотрѣлъ? Смотрѣли и больше ничего. Отъ посмотра мы не ослѣпли. Опять-же тятенька. Мало-ли къ кому онъ всей душой, да я то затылкомъ... Вчера промежду насъ во время разговора вотъ какой калинкоръ вышелъ: плюнулъ онъ да и говоритъ: «отдѣлю я тебѣ, подлецу, два трактира и два кабака и женись ты хоть на капоркѣ отъ Никольскаго рынка, только не мучь ты меня, пусть тебя, скота, безпримѣнно нонѣшній Покровъ вѣнцомъ покроетъ». А я ему въ отвѣтъ...

— Рубите тише, а то не слышу,—прерываетъ его дѣвушка.— А что вы ему въ отвѣтъ?—спрашиваетъ она.

— А я ему: «я, говорю, тятенька, васъ не осрамлю и на такой дѣвушкѣ не женюсь, у которой приданаго скота пѣтухъ да курица, а мѣдной посуды солдатская пуговица. Мы, говорю, на одной мануфактурѣ дѣвушку высмотрѣли и даже при хорошемъ фабричномъ производствѣ». Это про васъ.

— Ошибаетесь. У папеньки моего салотопенный заводъ, а не фабрика. Ну вы и будьте счастливы съ вашей мануфактурной невѣстой.

— Лизавета Васильевна, зачѣмъ такое запусканіе ядовитыхъ стрѣлъ въ наше нутро? Эй-эхъ! взопрѣлъ даже!

Кавалеръ бросаетъ сѣчку. Дѣвушка тоже. Молчаніе.

Хозяйская дочка и кавалеръ сѣли за столъ и начали вздыхать. Кавалеръ выпилъ рюмку лисабона, вырѣзалъ изъ кочерыжки сердце и показавъ дѣвушкѣ, съѣлъ его.

— Это я ваше сердце съѣлъ,—сказалъ онъ.

— Ошибаетесь. Это сердце Танички Оконцевой,—отвѣчала она.—Вы сами-же сказали, что она кочерыжка.

— Ахъ ты Господи! Далась-же вамъ эта Танечка!—вздохнулъ кавалеръ.—Лизавета Васильевна, порѣшите вы меня: въ рай или въ могилу?

— Это насчетъ чего-же?

— А насчетъ того, чтобъ сейчасъ-же вашему тятенькѣ опросъ сдѣлать: можетъ-ли нынѣшній Покровъ насъ съ вами вѣнцами покрыть?

— Да вѣдь вашъ тятенька не отдѣлилъ еще вамъ двухъ кабаковъ и двухъ трактировъ.

— Отдѣлитъ-съ, будьте покойны. Онъ знаетъ, что коли не такъ, я могу ему завтра же на десять тысячъ убытку сдѣлать. Пришелъ въ винный складъ, прорубилъ бочки со спиртомъ, вотъ-тѣ и утечка!

— Погодите, дайте подумать...—колеблется дѣвушка и рѣжетъ изъ кочерыжекъ палочки.

Пауза.

— Такъ какъ же, Лизавета Васильевна?—снова дѣлаетъ вопросъ кавалеръ.—Я теперь, какъ Блонденъ на канатѣ: или дальше идти, или внизъ турманомъ... Да или нѣтъ?

Дѣвушка потупилась, сложила на столѣ изъ кочерыжныхъ палочекъ слово: «да» и указала на него кавалеру. Тотъ, какъ сумасшедшій выскочилъ изъ-за стола, уронилъ скамейку и побѣжалъ по двору, крича:

— Василій Евлампьичъ! Василій Евлампьичъ!

А между тѣмъ, въ сараѣ молодцы, чады и домочадцы, мѣрно рубя сѣчками, затянули хоровую: «Сѣку, сѣку—три, высѣку три»... и т. д.

ТУРЕЦКАЯ КОМПАНІЯ.

Мальцевскія бани. Суббота. Народа достаточно. Въ одной изъ раздѣвальныхъ коморокъ то и дѣло слышатся возгласы.

— Эй, мальчикъ! Поднеси-ко намъ еще пару стаканчиковъ мадернаго былія, а на закуску соленый огурецъ!

Въ коморкѣ говоръ, хохотъ. Время отъ времени выскакиваетъ оттуда мѣдно-красное тѣло съ бородой клиномъ и бѣжитъ по раздѣвальной комнатѣ. За нимъ гонится съ вѣникомъ въ рукахъ такое-же тѣло съ бородой лопатой и старается стегнуть нагоняемаго. Посѣтители начинаютъ морщиться.

— Что это у васъ за стоялые жеребцы разыгрались?—спрашиваютъ они у банщика.

— А это купцы тѣшатся-съ. Почитай, часа три ужъ у насъ въ банѣ сидятъ,—отвѣчаетъ банщикъ.—Извѣстное дѣло: въ голову попало, ну и игра началась.

Въ одну изъ такихъ погонь одного тѣла за другимъ, дверь отворилась и въ раздѣвальню вошелъ третій купецъ — борода окамелкомъ. Бѣгающія тѣла какъ разъ наткнулись на него.

— Тихонъ Савельичъ! Какими судьбами?—воскликнули они въ одинъ голосъ.

— А вотъ знакомаго героя попарить привелъ. Онъ у меня въ лавкѣ мясо на всю роту закупаетъ,—отвѣчаетъ купецъ борода окамелкомъ.—Спервоначалу въ трактирѣ чайку съ нимъ напились. Онъ мнѣ про войну разсказывалъ, а потомъ я и пригласилъ его въ Мальцевскія, чтобъ на дворянской половинѣ съ парадомъ попарить.

За купцомъ дѣйствительно стоялъ бравый ефрейторъ съ

георгіевскимъ крестомъ. Тѣла почтительно поклонились ему и протянули руки.

— Оченно пріятно...—заговорило тѣло съ бородой-клиномъ.— А мы вотъ тоже побѣду празднуемъ. Подрядъ у жидовъ сегодня въ интендантствѣ отбили. И подрядишко-то ледященькій, да ужъ борьба-то съ жидами велика была. Спервоначала поѣхали въ Мало-Ярославецъ уху стерляжью съ рястягаями хлѣбать, а оттуда куда дѣться? Въ театрѣ нѣмецкое представляютъ, въ клубъ—въ мушку полушубокъ, пожалуй, еще вычистятъ, ну мы сюда и надумали.

— Эй, мальчикъ! Тащи сюда четыре шкалика мараскину съ коньякомъ, а на закуску буквиротъ съ тешкой! — крикнуло тѣло съ бородой-лопатой.—Позвольте ужъ васъ, господинъ герой, какъ подобаетъ здѣсь встрѣтить,—обратилось оно къ солдату.—Мы вѣдь тоже не свиньи и понимаемъ...

— Отъ хлѣба, отъ соли не отказываются, — отвѣчалъ солдатъ и сталъ раздѣваться.

Купцы съ любопытствомъ осматривали его и даже щупали.

— Скажи на милость, всѣ мѣста у него цѣлы, ни одной царапины!—дивились они.—И бомбой не задѣло и контузіи не было?

— Какимъ въ походъ пошелъ, такимъ и изъ похода вернулся! Всѣ части на своихъ мѣстахъ, — далъ отвѣтъ солдатъ, хлопнулъ себя по голымъ бедрамъ, и чокнувшись, выпилъ предложенную ему рюмку.

— Вотъ и прекрасно!—заговорили купеческія тѣла.—Пусть эта раздѣвальная для насъ Румыніей будетъ, — и направились въ мыльную, но вдругъ тѣло съ бородой окамелкомъ у самыхъ дверей крикнуло:

— Стой! Стой! Пили мы отъ васъ, а теперь выпейте и вы отъ насъ. Давеча была Румынія, а теперь пусть будетъ переходъ черезъ Дунай. Нельзя! Въ мокрую Туретчину идемъ.— Эй ты, Suleманъ-паша! Изобрази-ка намъ такую-же перестрѣлку, какая давеча была: четыре митральезы подай, а на закуску лимончика,—отдало тѣло приказаніе мальчику.

— Вотъ это дѣло!—одобрили всѣ хоромъ и сѣли около дверей въ мыльную.—Инженеры, чего стали? Наводите понтонные мосты-то!—отдали они приказъ, смотрящимъ на нихъ, какъ

на диво, парильщикамъ.—И вамъ за храбрость по стаканчику дадимъ.

— У насъ все готово-съ,—отвѣчали радостно парильщики.— Только мыло взмылить. Пожалуйте!

Выпили и хотѣли идти въ мыльную, но вдругъ опять команда:

— Ни съ мѣста! Ровняйся! Сначала антилерію черезъ Дунай переправимъ!

Тѣло съ бородой-лопатой побѣжало въ раздѣвальную коморку и вернулось оттуда съ тремя бутылками пива и стаканомъ.

— Вотъ и пушки при насъ. Теперь «ура»!

Всѣ ринулись въ мыльную при громкомъ смѣхѣ публики.

— Казачьими-то пиками запасайтесь! Пиками!—кричалъ въ дверяхъ кто-то, хватая изъ ящика охапку вѣниковъ.

Парильщики начали окачивать «гостей» водой.

— Фу ты, дунайская-то вода какая важная! Не въ примѣръ лучше нашей! — раздался возгласъ. — Вотъ мы и на турецкой землѣ. Что теперь у насъ въ рукахъ?

— Никополь.

— А коли Никополь, то за Никополь надо выпить! Сядемъ спервоначала въ пивную траншею, а потомъ Плевну начнемъ брать.

Пивная траншея была выполнена.

— Въ жаркую баню попотѣть пойдете? — спрашивали парильщики.

— Необразованность! Какъ ты спрашиваешь въ своемъ невѣжествѣ?—перебило одно изъ тѣлъ.—Теперича такая модель, чтобъ говорить: подъ Плевну пойдете-ли, а не въ жаркую баню.

Вошли въ Плевну и опять команда:

— Мальчикъ! Тащи сюда четыре рюмки прежняго сословія!

— Позвольте, здѣсь нельзя-съ... У насъ только въ раздѣвальныхъ комнатахъ пьютъ, —останавливали парильщики расходившіяся тѣла.

— Врете вы, баши бузуки! Коли ежели мы теперича ранены, то нужна-же намъ медицинская помощь!

Какой-то парильщикъ нашелся.

— Не извольте безпокоиться! — сказалъ онъ. — Все будетъ исполнено. Я незамѣтнымъ манеромъ въ шайкѣ пронесу.

— То-то. Ахъ вы, интенданты! Не учить васъ, такъ бѣда Ребята! Вонъ гора Балканъ виднѣется! Теперь на Шибку «ура»!

Тѣла съ радостнымъ гоготаніемъ залѣзли на полокъ и начали хлестаться вѣниками. Залѣзъ и солдатъ.

— Служивый, голубчикъ, разсказывай намъ теперь про войну!—упрашивали его.—Ну что подъ Дубнякомъ жарче было?

— Помилуйте, господа купцы, нешто на полкѣ можно про сраженіе?.. Я лучше вамъ потомъ...—конфузился солдатъ.

Парильщикъ принесъ въ шайкѣ, что у него просили. Тѣла отъ жару и отъ выпитаго совсѣмъ развезло. Еле сошли они съ полка, и держась другъ за друга, вышли въ мыльную. Тамъ ужъ ждали ихъ парильщики съ мочалками въ рукахъ. Тѣла, какъ снопы, повалились на скамейки.

— Ну, баши-бузуки! Теперь начинайте ваши турецкія звѣрства.

Парильщики налегли на мочалки и начали протирать спины тѣлъ. Одно тѣло кряхтѣло, кряхтѣло и вдругъ коснѣющимъ языкомъ спросило:

— Ребята! А когда-же мы въ Андріанополь вступимъ?

ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ.

Былъ первый часъ дня, а Амалія Карловна Вурстъ только еще воспрянула отъ сна, напудрилась, надѣла пеньюаръ и позѣвывая пила у себя въ гостиной кофе, сидя на диванѣ поджавъ ноги. Это была сильно помятая, но все еще красивая женщина лѣтъ двадцати-пяти. Ротъ ея дымилъ папироской. Миловидная горничная доложила, что пришелъ извозчичій хозяинъ.

— Охъ, опять!—поморщилась та.—Сказала-бы, что нельзя, что у меня полковникъ сидитъ.

— Говорила, да не внимаетъ. Тѣмъ лучше, говоритъ, покрайности я хоть у него свои деньги выужу!—отвѣчала горничная.

— А изъ-за горничной уже выглядывала сѣдая бородатая голова извозчичьяго хозяина. Наполнивъ комнату легкимъ запахомъ дегтя и деревяннаго масла, коимъ были смазапы его волосы, онъ вошелъ въ гостиную и сталъ искать въ углу образъ чтобъ перекреститься, но не найдя его, махнулъ рукой.

— Тьфу ты! Я вѣдь и забылъ, что вы по нѣмецкой вѣрѣ,—сказалъ онъ.—Желаю здравствовать, сударыня!

— Здравствуй, Маркелъ Иванычъ. Садись.

— Маркелъ Ивановъ, это сынъ мой-съ, а я Иванъ Маркеловъ. Ну, да разницы не состоитъ. Я, сударыня, за деньгами. Прикажите получить. Пора ужъ. Надо и честь знать. На сто двадцать рублевъ наѣздили. Коляски въ самую горячую пору брали.

— Что ты! что ты! Откуда столько? Всего рублей восемьдесятъ, я думаю.

— Нѣтъ, ужъ это вы—ахъ оставьте! Восемьдесятъ-то рублевъ за вами состояло въ тѣ поры, когда еще вы съ полковникомъ покумившись не были. А потомъ за юнкаремъ гонялись—за красненькую коляску брали, кадета ловили—двѣ коляски, да на Елагинское гулянье мы васъ предоставляли.

— Врешь, врешь! Юнкеръ тогда отдалъ за коляску.

— Не можетъ этого быть-съ. Купцу ловля тогда отъ васъ была, такъ тотъ, это точно, что отдалъ, а юнкарь не отдавалъ. Да и откуда этому юнкарю взять? Коли-бы онъ былъ купеческій юнкарь, то дѣло другое, а то онъ такъ, изъ плохенькихъ. Мы тоже денежныхъ-то юнкарей по Петербургу всѣхъ знаемъ. Я тебѣ, Амалія Карловна, вотъ что скажу: ты хорошихъ-то юнкарей ловитъ не умѣешь. А ты прежде узнай каковъ онъ или насъ спроси, а потомъ и лови. Юнкарь юнкарю рознь.

Амалія Карловна слегка сконфузилась.

— Ну, все равно,—пробормотала она.—Сто двадцать рублей, такъ сто двадцать. Только теперь у меня денегъ нѣтъ. Ты на будущей недѣлѣ зайди.

Извозчикъ махнулъ рукой.

— Знаемъ мы эту будущую-то! Какъ-же это такъ? Такъ нельзя. Вѣдь у насъ лошади-то, чай, живыя. Тоже корма просятъ. Овесъ-то теперь почемъ! Ты прицѣнись-ка, поди. Гдѣ у тебя полковникъ-то?

— Полковникъ ушелъ. Зачѣмъ тебѣ онъ?

— А такъ. Напрасно отпустила. Я бы на тебя покричалъ, ты-бы къ нему подластилась, а онъ-бы за тебя изъ жалости деньги отдалъ. Ты, Амалія Карловна, своей выгоды не понимаешь, вотъ что,—прибавилъ извозчикъ.

— Ты кофею, Маркелъ Иванычъ, не хочешь-ли?

— Маркелъ Ивановъ это сынъ старшій, а я Иванъ Маркеловъ. А насчетъ кофею увольте. Намъ кофей все равно, что козлу апельсинъ. Вы деньги-то пожалуйте.

— Гдѣ-жъ я тебѣ ихъ возьму, коли у меня ихъ нѣтъ?

— Заложись. Пошли брошку, либо брислетку въ мытье, а потомъ барину амурные глаза подстрой да фонталъ слезъ припусти—онъ выкупитъ.

— Подожди, Маркелъ Иванычъ, я отдамъ сама.

— Маркелъ Иванычъ это сынъ, а я Иванъ Маркеловъ. Подожди! Отдамъ! Коли-бы ежели ты была путная и съ настоя-

щими людьми вязалась, мы-бы и подождали, а то ты хорошихъ осетровъ хороводить не умѣешь.

— Въ томъ то и дѣло, что я больше насчетъ влеченія сердца.

— А ты сердце-то брось. Оно тутъ не причемъ. Ты осетра ищи, а при осетрѣ можно корюху для сердца имѣть. Осетръ— хлѣбъ, а корюха—баловство. Пора ужъ научиться-то. Ты который годъ вдовѣешь-то?

— Вотъ ужъ скоро два года, какъ мужъ умеръ.

— Шутка! Два года на мужской охотѣ, а не научишься какъ осетровъ ловить.

— Я-бы и сама рада осетровъ-то ловить, да гдѣ ихъ взять— вотъ вопросъ.

— На Калашникову пристань тоню закинь, а то такъ съ инженеромъ свяжись. При банкахъ осетра ловятся. А то у тебя съ одного—юнкарь да юнкарь! Да вотъ тебѣ еще мой совѣтъ: въ актерки ступай. На актерку-то хорошій купеческій осетръ ходчѣе ловится.

Амалія Карловна вздохнула.

— Ты говоришь въ актерки,—сказала она.—Ну, какъ я въ актрисы пойду, ежели у меня таланта нѣтъ?

— Этаго ничего и не надо, а нуженъ только блезиръ одинъ. Ты только приснастись, а тамъ все само-собой. Какъ только тебя осетръ увидитъ—сейчасъ и пойдетъ въ мережу. Твое дѣло тогда только улыбки коварныя строить да потрошить его. Мы на эту музыку-то ужъ понаглядѣлись.

— Подожди, Иванъ Маркелычъ, до осетра-то. Ей-ей, тогда отдамъ деньги.

Женщина встала съ мѣста и потрепала извозчика по плечу. Извозчикъ крякнулъ.

— Коли ежели-бы ты была французинка — слова-бы не сказалъ, тебѣ-бы еще сто рублевъ на разживу далъ, ну, а при твоей теперешней безмятежности—нельзя. Капиталъ въ оборотъ пущать не умѣешь. Зимой мы тебѣ изъ-за Московской заставы съ фабрики купецкаго сына подсдобили—много-ли ты имъ пользовалась? А человѣкъ былъ—хлѣбъ насущный.

— Да онъ меня бить началъ.

— Бить! Это-то и хорошо. Значитъ привязанность возъимѣлъ. Стерпи, коли бьетъ,—потомъ будетъ хорошо. У путевой

мамзели каждый синякъ въ сотенную обращается. Нѣтъ, барыня, ты мамзель непутевая! Давай деньги! Давай хоть половину!

— Потерпи, Иванъ Маркелычъ, право у меня нѣтъ денегъ.

— Ну, давай хоть двѣ красненькія.

— Даша! Принеси изъ спальной со столика пятнадцать рублей,—крикнула Амалія Карловна горничной.—Право, это послѣдніе. Такъ можно будетъ завтра мнѣ за коляской прислать?—спросила она.

— Нѣтъ, обождать надо,—замахалъ руками купецъ.—Поступай въ актерки—ну, тогда курсъ тебѣ подыму на триста цѣлковыхъ, а теперь, пока, поворотъ отъ нашихъ воротъ. Прощенья просимъ!

ТРЕТЬЯ ЖЕНА.

Въ небольшомъ деревянномъ домикѣ одной изъ улицъ, прилегающихъ къ большому проспекту Петербургской стороны, плачетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка, а окружающіе ее родственники ликуютъ.

— Эдакое вѣдь счастье тебѣ, Настенька, привалило! Эдакое счастье!—восклицаетъ мать въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ въ кисейномъ чепцѣ.

— Ну, Настасья, сходи ты завтра къ Фирсу Миронычу—большой начетчикъ онъ—и проси какимъ угодникамъ бѣдныя невѣсты должны молиться,—говоритъ отрепанная тетенька съ подвязанной скулой:—потому такъ оставить нельзя, а то могутъ они и другія мысли въ голову ему вложить. Шутка! Эдакій богатѣющій купецъ! Вѣдь у него тринадцать кабаковъ однихъ, окромя лабазовъ и мелочныхъ лавочекъ!

Старичекъ-отецъ съ необычайно краснымъ гладко-бритымъ лицемъ совсѣмъ растерялся отъ радости. Ради торжественности онъ «преобразился» изъ своего вѣчнаго рванаго халата въ старый вицъ-мундиръ съ голубенькой ленточкой въ петлицѣ, надѣвъ его на гороховыя брюки, и бормочетъ женѣ:

— Прасковья Кузьминишна! Возьми ты сейчасъ свой бѣличій салопъ и тащи къ жиду! А на обратномъ пути, во-первыхъ, четвертную крымской, потомъ миногъ, полъ-коробки сардинокъ, да не худо-бы бутылку рому. Купцы любятъ.

— Ничего не надо! Ни чуточки не надо!—откликается повязанная шелковой косынкой сваха.—Все до капельки самъ съ молодцами вамъ пришлетъ: и фрукты, и ведро водки изъ собственнаго кабака, и вино, и закуска разныя. Спрашивалъ даже меня: не надо-ли имъ грешневой крупы?

— Да гдѣ онъ ее видѣлъ-то?—приставали къ ней родственники.

— Я.... все я.... Помните, на Смоленскомъ-то кладбищѣ на могилкѣ сидѣли? Ну, вотъ и онъ тутъ былъ. У него тамъ двѣ жены похоронены. Я ему и указала на Настеньку. Увидалъ—и распалился. На утро за мной шлетъ. «Первая, говоритъ, у меня жена была въ тѣлесахъ и мелкая, вторая крупная, а теперь маленькую и субтильную хочу—сватай». Только изъ-за непочтенія сыновей и женится, а то при такихъ деньгахъ могъ-бы и въ подержаніе себѣ субтильную сыскать.

— Здѣсь чиновникъ Чободыркинъ живетъ?—вопрошаетъ въ сѣняхъ молодецъ съ корзинкой вина на головѣ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ: — получайте отъ купца Огузкина!

Сзади его мальчишка держитъ въ объятіяхъ ведерную бутыль.

— Вотъ ужъ щедроты, такъ щедроты!—торжествуетъ отецъ, принимая пойло.

— И все это сыновьямъ въ пику,—продолжаетъ сваха.— «Я, говоритъ, ей кровать съ музыкой куплю и бархатный балдахинъ сверху поставлю! Мнѣ, говоритъ, главное субтильность въ ней нравится». Сами знаете, тѣла-то молодые любятъ, но старичку тоненькая дѣвушка всегда пригляднѣе, — прибавляетъ она.

— Настенька, знаешь что, другъ любезный:.. надѣнь ты барежевое платье съ голенькой шейкой,—совѣтуетъ мать.— А то что за охота въ этой удавкѣ?..

А дѣвушка между-тѣмъ плачетъ да плачетъ.

— Настасья! Ты это что глаза портишь?—кричитъ на нее отецъ.—Я вѣдь изъ вѣника и прутьевъ понадергаю, не посмотрю, что тебѣ семнадцатый годъ. Вспомню и старину. Чтобъ живо веселыя улыбки и игра глазъ!

А въ прихожей опять возгласъ:

— Получите изъ овошенной лавки! Купецъ Огузковъ прислалъ.

— Да одѣвайся-же, тебѣ говорятъ!—топаетъ на дочь мать.

— А вотъ мы съ нее сами это платьишко сдернемъ и открытое надѣнемъ!—угрожаетъ тетка.—Послушай, Андревна, ты не сказала ему, что есть, молъ, у невѣсты тетка, бѣдная вдова двѣнадцатаго класса?—обращается она къ свахѣ.

— Нѣтъ, не сказала. А только обѣщалъ всѣхъ одарить. «Удивлю, говоритъ, міръ и всѣ мнѣ въ ноги кланятся будутъ».

— Напомни ему, голубушка, чтобъ черное гроденапливое платье и куній воротникъ, а я тебя кофейкомъ попою. Да не осталась-ли у него перина послѣ покойницы жены?

— Перина намъ-съ, а не вамъ! Мы отцы съ матерью, мы ее родили, а не вы!—огрызаются родители.

— Ахъ, Боже мой! Вы родили, а я грамотѣ учила. Нѣтъ, ты скажи, чтобъ мнѣ перину...

— Скажу, скажу родные! У него этихъ перинъ до десятка будетъ.

— Примите изъ лабаза разныя разности!— снова слышенъ голосъ въ кухнѣ.—Отъ купца Огузкова. Тише, тутъ бутыль керосину.

Всѣ выскакиваютъ въ кухню.

— Скоро самъ-то?

— Слѣдомъ. Сѣлъ въ пролетку и поѣхалъ въ кондитерскую, —отвѣчаетъ молодецъ.

— Ахъ, Боже мой! Марфа, ставь самоваръ! Настасья! Да что-жъ ты въ самомъ дѣлѣ идоломъ сидишь? Тащите ее!— суетятся родственники.

Мать и тетка хватаютъ дѣвушку за руки и тащутъ въ другую комнату. Сваха растегиваетъ у ней лифъ платья. Отецъ бросается вынимать изъ корзинъ съѣдобное.

— Ахъ, живодеры! живодеры!—вопіетъ въ дверяхъ кухарка.—Да вѣдь онъ двухъ женъ-то поѣдомъ съѣлъ, живьемъ въ гробъ вколотилъ!

— Такъ что-жъ что вколотилъ? А теперь она его вколотитъ. Не много ужъ ему жить-то осталось, выскакиваетъ къ кухаркѣ сваха.—Ему докторъ такой куплетъ сказалъ, что какъ только его разсердить хорошенько, то такъ онъ, какъ снопъ, и свалится. У него невризъ въ головѣ.

Изъ другой комнаты слышутся рыданія дочери и громкій возгласъ матери:

— Андревна, родная! Напомни ему ужо, что у отца-то шубы нѣтъ.

— Да вѣдь онъ звѣрь лютый! Онъ второй-то женѣ, сказываютъ, десятифунтовой гирей голову проломилъ и тысячу рублей доктору далъ, чтобъ тотъ доказалъ, что скоропостижно!..— вопитъ кухарка.

— Ну, такъ что-жъ-то второй женѣ проломилъ!—откликается

сваха.—А третьей не проломитъ. Да пойми ты, дура, что онъ на Настенькѣ изъ-за скоропалительной любви жениться хочетъ, и опять-же чтобъ сыновьямъ на зло, а прежде на капиталахъ женился. Ну, убьетъ онъ ее... Какая ему польза? Вѣдь это третья жена будетъ. На четвертой жениться ему не позволятъ.

— Вѣрно, Андревна, вѣрно!—одобряетъ ее отецъ, роющійся въ корзинахъ.—Помоги-ко мнѣ бутылки-то раскупорить.

— Андревна! смотри за нимъ, чтобъ онъ до жениха-то не нализался!—опять доносится изъ другой комнаты голосъ матери.

Невѣсту буквально вытащили и пихнули на диванъ. Декольтированное платьѣ надѣто было кой-какъ. Она была блѣдна, какъ полотно, глядѣла безсмысленно, не плакала уже болѣе, а только какъ-то судорожно подергивалась.

— Не послать-ли къ дѣвицамъ Окуркинымъ за румянами?—говорила тетка.—Подрумянить-бы ее, а то блѣдна очень.

— Не надо, не надо, родныя!—крикнула сваха.—Онъ блѣдность любитъ. Блѣдностью-то только и прельстился. Первыя-то у него жены были румяны, такъ теперь для перемѣны на блѣдность мода.

Въ это время у дома остановилась пролетка. Съ нея слѣзалъ сѣдой старикъ.

— Пріѣхалъ! Пріѣхалъ!—завопилъ весь чиновничій домъ и бросился въ кухню.

Тамъ въ дверяхъ стоялъ уже женихъ, державъ въ рукахъ громаднѣйшій бумажникъ, и вынувъ оттуда трехъ-рублевую бумажку, «серебрилъ» кухарку, суя бумажку ей въ руки.

— Благодѣтель!—взвыла та и прилипла къ рукѣ губами.

Къ старику подскочилъ отецъ невѣсты, поцѣловалъ его въ плечо и началъ стаскивать съ него пальто.

— Будущій тестюшка?—спросилъ тотъ.

— Точно такъ-съ.

— Въ такомъ разѣ въ губы...

— Пожалуйте! Пожалуйте въ комнаты! На порогѣ-то не хорошо!—кричали женщины.

Старикъ-женихъ вошелъ въ комнату и набожно началъ креститься на образа.

Невѣста лежала на диванѣ въ обморокѣ.

У театра.

Идетъ спектакль. Темно на площади Большаго театра. Только огоньки каретныхъ фонарей мелькаютъ сквозь запотѣлыя стекла. Слякоть. Сверху моросить. Экипажи выстроились въ рядъ. Нѣкоторые извозщики залѣзли въ кареты и храпятъ, но кучера сидятъ на козлахъ или бродятъ около лошадей—отойти невозможно: лошади шалить начнутъ.

— Балуй!—слышится то тамъ, то сямъ.—Вишь, каторжные! Согодня генеральша гоняла-гоняла по городу, а все нѣтъ на васъ угомону!

— Гдѣ были-то?—спрашиваетъ съ козелъ наваченный кучеръ.

— Спервоначалу въ Гостинномъ. Ермолку бархатную съ кисточкой у армянъ покупали, а потомъ къ зубному врачу на свиданіе. Тамъ ему и подарила.

— Наша такъ все больше къ корсетницѣ ѣздитъ съ воздахторомъ-то повидаться, а то такъ въ фотографію—патретъ снимать. И что она этихъ патретовъ — страсть! Весь кабинетъ у мужа увѣшала и все изъ-за этого самого воздахторскаго свиданія. Мужъ говоритъ: «душечка, довольно, куда мы ихъ вѣшать будемъ?» А она ему: «нѣтъ, говоритъ, у тебя еще такого манера нѣтъ, чтобъ я голову на бокъ и глаза врознь». Ну, и опять къ фотографу, а ужъ воздахторъ тамъ какъ тамъ. Долго въ фотографію ѣздила, да ужъ мужъ сталъ въ сумнѣніе входить, такъ на корсетницу перемѣнила.

— Нѣтъ, наша завсегда къ зубному врачу.

— Чудакъ-человѣкъ! И наша къ зубному врачу ѣздила—я вотъ у нихъ четвертый годъ живу—но опять-таки мужъ сталъ

замѣчать, потому ужъ очень часто. По его расчету такъ выходило, что она себѣ, можетъ статься, шестьдесятъ зубьевъ повыдергала. Нешто у человѣка столько бываетъ? По два зуба на недѣлю приходилось.

— Не все-же дергаютъ, бываетъ, что и вставляютъ, подпиливаютъ. За недѣлю по два зуба дергать, такъ лошадь не выдержитъ и та падетъ.

— Наша выдержала-бы. Она супротивъ барина-то головой выше, а насчетъ тѣла—куда рыхлѣе нашего сѣраго! Ежели теперича шнуровать въ корсетъ, то всегда двухъ горничныхъ взмылитъ. Теперь скоро и корсетницу-то мѣнять надо на портниху. Тоже въ подозрѣніе вошелъ, —закончилъ было второй кучеръ.

Первый продолжалъ:

— Все-таки зубной жидъ имъ подходячѣе. Ихней сестрѣ зубная боль нужна. Какъ мужъ обойметъ—она сейчасъ: «ой, зубъ болитъ!» Ну, онъ и прочь.—У васъ въ воздахторахъ-то французъ?—спросилъ онъ.

— Былъ и французъ, а теперь гувернеръ изъ нѣмцевъ. Да что! У насъ всѣ дванадесять языкъ перебывали!

Второй кучеръ махнулъ рукой и въ свою очередь задалъ вопросъ:

— А у васъ?

— Мы такъ второй годъ за француза держимся. Вывезла она было въ прошломъ году изъ заграницы аглицкаго попа—но тотъ не долго просуществовалъ. Во-первыхъ, въ вѣру свою ее сталъ переманивать, а потомъ спился. Ну, она опять къ французу...

— Скажи на милость! Вѣдь и у насъ аглицкій тоже попъ былъ. Лысый?

— Лысый.

— Ну, онъ самый и есть. На Фурштатской жилъ. Два мѣсяца мы съ нимъ возились. Только онъ не спился, а землемѣромъ объявился. То-есть Господи! за четыре-то года кого-кого у насъ не перебывало! Да что! Всѣхъ и не перечтешь.

Къ кучерамъ подошелъ ливрейный лакей съ охапкой верхняго платья.

— Канитель!—сказалъ онъ.—Сидѣлъ-сидѣлъ въ коррпдорѣ, инда задремалъ! Сначала капельдинера на мѣдяки въ четъ и

нечетъ на двугривенный намазалъ, а потомъ тотъ отказался играть. Тоска! Я, Трифонъ Семенычъ, положу тебѣ въ карету платье-то, ты покарауль, а самъ на гривенничекъ выпить сбѣгаю. Дай-ко трубочки затянуться.

— Скоро у насъ тамъ панихида-то отойдетъ?—спросилъ кучеръ.

— Сегодня не панихида, а балетное ногодрыганіе. Танцы. Сейчасъ второй антрактъ былъ.

— Это что-же обозначаетъ?

— А вторая передышка. Танцорки взопрѣли, такъ паръ изъ себя вывѣтриваютъ. Кто яблочко ѣстъ, кто съ боку изъ-за занавѣса коварныя улыбки въ ложу дѣлаетъ. Антрактъ по ихнему.

— Значитъ скоро?

— Куда! Еще два дѣйствія. Такая длинная прокламація будетъ, что страсть! Спервоначалу торжественный ходъ со слонами будетъ, потомъ облизьяньи танцы, два убійства, а тамъ какъ вознесутся на небо при бенгальскомъ огнѣ, ну, и конецъ.

— О, чтобъ ихъ! Вотъ черти-то! Охота тоже!—воскикнулъ кучеръ.

— Такъ ты покарауль, Трифонъ Семенычъ, а я тѣмъ манеромъ спорхаю.

— Ладно. Только принеси и мнѣ бутылку пива. Ужо сочтемся.

Ливрейный лакей кладетъ въ карету барское верхнее платье и бѣжитъ черезъ площадь.

КРАШЕНЫЙ КУПЕЦЪ.

Купецъ Трифонъ Мироныч Запалкинъ былъ вдовъ, дѣтей законныхъ не имѣлъ, ходилъ по нѣмецки, бороду брилъ по чиновничьи, и не взирая на свою сѣдину, былъ забалуй-старикъ. Сосѣди по лавкѣ про него говорили:

— Ты не смотри, что у него голова снѣгомъ покрыта, а насчетъ мамзельнаго племя его въ одно ухо вдѣнь, а въ другое вынь! Къ нему вонъ дѣвочка-магазинщица придетъ въ лавку по образчику матерiю покупать, такъ у него даже нижняя губа затрясется. Ядъ, а не старикъ!

Однажды лѣтомъ купецъ Запалкинъ пробирался по Лештукову переулку къ себѣ въ лавку на Апраксинъ, и какъ водится, глазѣлъ по окнамъ. У одного изъ оконъ сидѣла молоденькая дѣвушка съ вздернутымъ къ верху носикомъ и набивала на подоконникѣ папиросы. Запалкинъ встрепенулся, подбоченился и пошелъ мимо ея фертомъ, скосивъ глаза и осклабя свое лице въ улыбку.

Она засмѣялась. Онъ вернулся и прошелъ вторично. Тоже самое. Онъ въ третій разъ.

— Мамзели почтеніе!—сказалъ онъ.—Охота это вамъ табачную пыль глотать? Шли-бы гулять.

— Кавалеровъ антиресныхъ нѣтъ,—отвѣчала она:—а что до табачной пыли, то мы съ тятенькой этимъ питаемся, такъ-какъ при папиросномъ рукомеслѣ состоимъ.

— А я чѣмъ не интересный кавалеръ? У насъ, слава Богу, и на мороженое и на щиколадъ для васъ хватитъ.

Запалкинъ остановился ударилъ себя по карману.

— Это вы-то антиресный! Да вы совсѣмъ старикъ въ своемъ составѣ!—воскликнула дѣвушка.—У васъ сметанная голова, а мы ищемъ брюле и съ усиками. Вотъ купите банку ваксы да

начистите себѣ волосы, тогда я и пойду съ вами гулять. А то срамъ, подруги засмѣютъ.

У, бутонъ!—процѣдилъ сквозь зубы Запалкинъ и отправился въ лавку.

Хорошенькая дѣвушка, между-тѣмъ, не шла у него изъ головы Онъ былъ золъ на неудачу, переругалъ въ лавкѣ молодцевъ, далъ здоровый подзатыльникъ мальчишкѣ и отправился въ трактиръ.

— Дѣвченка-то очень шустренькая!—мелькало у него въ головѣ. Такъ, дьяволенокъ, и вертится! А что и въ самомъ дѣлѣ, ежели мнѣ насчетъ ваксы и въ брюлетный цвѣтъ?... Вѣдь люди-же красятся. Дѣвчонка права, съ сѣдымъ старикомъ увидятъ—сейчасъ подруги глазъ колоть начнутъ. Рѣшено!—воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу, выпилъ залпомъ двѣ рюмки водки, а на-утро сидѣлъ уже у парикмахера и брился.

— А что можно мнѣ немножко мою песью шерсть на головѣ подкрасить?—сказалъ онъ и испугался своихъ словъ.

— Возрожденіе волосъ хотите сдѣлать?—воскликнулъ парикмахеръ.—Въ лучшемъ видѣ! За два рубля такой вамъ вальдеганъ наведу, что даже блестѣть будетъ. Брюнетъ, шатинъ, золотистый? Можно и съ отлизомъ.

— Нѣтъ, золотистый и съ отливомъ зачѣмъ-же? А ты меня немножко брюлетной мазилкой мазни.

— Зачѣмъ-же немножко? Я васъ такъ выкрашу, что никогда и не слиняетъ. Тридцать лѣтъ съ костей долой...

Запалкинъ подумалъ, покраснѣлъ и сказалъ: «ну жарь!» Черезъ часъ онъ былъ выкрашенъ. Парикмахеръ дѣйствительно постарался, но такъ-какъ въ этомъ дѣлѣ былъ не особенно искусенъ, то замазалъ въ черную краску и широкій проборъ купца и часть лба.

— Зачѣмъ-же ты это лобъ-то?—спросилъ купецъ.

— А это ужъ виноватъ-съ, рука дрогнула. Ну, да ничего придете домой, разведите въ бутылкѣ синяго купоросу и какъ рукой сниметъ. Немножко обожгетъ, правда, потому краска прочная, ну да ужъ потерпите.

Купецъ Запалкинъ прямо бросился въ Лештуковъ переулокъ. Дѣвушка набивала у окна папиросы.

— Мамзели особое почтеніе съ бонжуромъ! — сказалъ онъ снимая шляпу.—Вотъ я и брюле. Пожалуйте съ нами на чашку щиколаду и на порцію мороженаго!

Дѣвушка, какъ увидала его, такъ и покатилась со-смѣху.

— Лиза! Маша!—кричала она.—Идите на крашенаго купца смотрѣть. Звѣрь морской! Звѣрь.

Купецъ бросился бѣжать. Добѣжавъ за уголъ, онъ остановился и посмотрѣлъ назадъ. Изъ окна глядѣли три дѣвушки и натягивали ему носы. Онъ пустился еще прытче, запыхавшись вбѣжалъ въ лавку и только снялъ шляпу, чтобъ обтереть со лба потъ, какъ приказчики такъ и выпучили на него глаза, а мальчишки даже фыркнули.

Онъ былъ какъ ужаленый и весь вспыхнулъ.

— Дурьи головы! Ну чего смѣетесь? Это я отъ болѣзни лѣчусь. У меня вонъ голова болитъ, три дня не спалъ, ну докторъ и велѣлъ. Вы думаете это краска? Это мазь.

Приказчики еле удерживали смѣхъ. Купецъ Запалкинъ стиснулъ зубы и кулаки и пошелъ въ верхнюю лавку. Взглянувши въ зеркало, онъ увидѣлъ, что лобъ у него совсѣмъ почернѣлъ.

— Ахъ, ты Господи! Вотъ не было-то печали, такъ черти накачали!—шепталъ онъ.—Вѣдь смѣяться будутъ сосѣди. Вотъ этого я не сообразилъ. И дернула меня нелегкая!

Онъ вынулъ изъ кармана платокъ, помусолилъ его и сталъ оттирать пятно на лбу, но ляписная краска не отходила и пятно приняло даже какой-то глянецъ. Купца Запалкина ударило даже въ жаръ. А между тѣмъ сосѣди по лавкѣ уже успѣли узнать отъ молодцовъ, что ихъ хозяинъ выкрасился, стояли внизу и кричали:

— Покажись-ка, покажись ка, крашеный купецъ!

Дѣлать было нечего, рано или поздно надо было показаться. Чуть не плача и дѣлая болѣзненный видъ, сошелъ онъ внизъ. Купцы-сосѣди, какъ увидали его, такъ и заржали хохотомъ.

— Чудакъ человѣкъ! Да ты-бы лучше въ зеленый цвѣтъ! А то такъ въ малиновый съ синеватымъ отливомъ! — острили они.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, теперь я весь въ вашихъ рукахъ, а только надо и меня пожалѣть. У меня голова-то расколотся хотѣла отъ боли. Заболишь, такъ не только черной мазью, а и другимъ чѣмъ вымажешься!

— Толкуй слѣпой съ подлѣкаремъ!—подмигивали купцы.— Знаемъ для чего ты выкрасился!

А въ лавку такъ и бѣжали другіе купцы со всей линіи смотрѣть на крашенаго купца.

— Вонъ!—затопалъ ногами Запалкинъ и снова побѣжалъ къ себѣ ва верхъ.

Тамъ онъ даже заплакалъ. «Что тутъ дѣлать?» мелькало у него въ головѣ и вдругъ онъ слышитъ внизу возгласъ покупательницы:

— Скажите пожалуйста, не здѣсь-ли купецъ Крашеный торгуетъ? Меня изъ 117 № послали.

Запалкинъ закрежеталъ зубами и сталъ рвать на себѣ волосы. Черезъ четверть часа онъ бѣжалъ изъ лавки. На углу его схватили подъ руки знакомые купцы. Онъ вырывался. Его держали.

— Дай на арапскую-то масть посмотрѣть,—сказалъ одинъ изъ нихъ и стащилъ съ него шляпу.—Зачѣмъ-же это ты лобъ-то ваксой вымазалъ?

— Голубчики, изо лба-то только вся и музыка произошла. Это-то мѣсто у меня и болитъ,—отвѣчалъ безпомощнымъ голосомъ Запалкинъ, вскочилъ на извозчика и помчался къ парикмахеру.

— Можно, чтобъ опять въ сѣдую масть перекраситься?— спросилъ онъ.—Бери четыре цѣлковыхъ, бери пять, бери десять!

— Да невозможно это, господинъ купецъ,—отвѣчалъ парикмахеръ: — краска прочная, она въ шкуру вьѣлась. Развѣ недѣли черезъ четыре, но спервоначалу пѣгимъ сдѣлаетесь.

— Какъ пѣгимъ? Ахъ вы разбойники, разбойники!

Дома купецъ началъ мыться щелокомъ, но и это не помогло: попробовалъ водкой, скипидаромъ—то-же самое. Съ отчаянія онъ взялъ и напился пьянъ до безчувствія. На утро, когда онъ проснулся, на столѣ у него лежало письмо, присланное по городской почтѣ. На адрессѣ стояло:

«Его степенству, господину арапу первой гильдіи Трифону Миронычу Запалкину».

Запалкинъ схватилъ письмо и разорвалъ его, не читая.

— Водки!—закричалъ онъ кухаркѣ, схватился за голову, застоналъ отъ злости и повалился на постель.

ВЪ ТРАКТИРѢ.

Яичникъ Трефановъ сидѣлъ въ трактирѣ и ѣлъ селянку. Это былъ молодой человѣкъ, очень тучный и съ жирнымъ лицомъ, такъ-что изъ-за жира у него даже не росла борода, а то тамъ, то сямъ лѣзли какіе-то травки изъ подбородка, какъ онъ самъ выражался.

Вошелъ его знакомый мебельщикъ. Поздоровался.

— Чего сидишь, носъ-то повѣся? Давай померанцевый срубъ срубимъ, а потомъ пивнымъ тесомъ покроемъ. Я, братъ съ горя. Торговлишки никакой. Продалъ по-утру плевальницу да вѣшалку—на томъ и закаялся. Сейчасъ приходилъ попъ на двухъ-спальную кроват торговаться и только обозлилъ. Ни шьетъ, ни поретъ, съ алтыномъ подъ полтину подъѣзжаетъ да товаръ хаетъ: то будто скрипитъ она, то рѣзьба не подходящая. Зачѣмъ, видишь, песьи морды на ней вырѣзаны и змѣиные хвосты. Взорвало меня. Ангеловъ, говорю, что-ли. вамъ на двухъ-спальной-то кровати вырѣзать! Такъ и не купилъ. Такъ какъ-же насчетъ померанцеваго-то древа?

Яичникъ замоталъ головой.

— Нѣ...—сказалъ онъ.—Во-первыхъ, я своего актера жду и съ нимъ козырну по рюмкѣ, а во-вторыхъ, иностранныхъ древъ мы не употребляемъ, а ежели ужъ нечистую слезу пьемъ, то березовымъ древомъ пользуемся. На березовыхъ почкахъ чудесно! Кровь полируетъ.

Мебельщикъ выпилъ одинъ, спросивъ себѣ у буфетчика «четверомѣстный экипажъ», и закусилъ «сельдяной травкой», которую вынулъ изо-рта лежавшей на буфетѣ гарнированной селедки.

— Удивляюсь, кой чортъ связалъ тебя съ этимъ актеромъ!— сказалъ онъ, подсаживаясь къ яичнику.—Словно вы нитка съ иголкой! Ну, съ дьякономъ дружбу вести, съ монахомъ, съ пѣвчимъ, наконецъ, а то вдругъ съ актеромъ! И не диво-бы актеръ-то былъ хорошій, а то вся его игра, что онъ въ «Хижинѣ дяди Тома» по собачьи лаетъ. Нечего сказать, хороша роля!

— Актеръ-то онъ дѣйствительно не важный, но за то докторъ хорошій: — отвѣчалъ яичникъ. — Онъ меня отъ вередовъ лѣчитъ. Вереда у меня на спинѣ садятся. Опять-же образованности меня учитъ. Теперь я, по его милости, даже устрицы могу ѣсть, а коли въ пріятномъ обществѣ съ барышнями, то я и фокусы могу. Сейчасъ вотъ взялъ гривенникъ, завернулъ его въ платокъ и нѣтъ его, а смотришь онъ у какой-нибудь дѣвицы за шиворотомъ. Мнѣ модная полировка учливости нужна. А онъ ее знаетъ. Я теперь тебѣ польку трамбланъ въ лучшемъ видѣ и даже безъ отдавленія дамскихъ ногъ... А онѣ это цѣнятъ. Или вотъ взялъ цигарку, затянулся въ горло, а изъ ушей дымъ выпустилъ.

— Пустое! Этому-бы и пѣвчій научилъ. Я знавалъ одного, такъ тотъ водку выпьетъ, а стеклянную рюмку съѣстъ. А то учился я у одного дьякона, чтобъ Апостола читать и верха брать... Срубимъ, Сеня! Ну, что тебѣ актеръ?..—перемѣнилъ вдругъ тонъ мебельщикъ и ударилъ яичника по плечу.

— Руби одинъ, а я не стану,—на отрѣзъ отвѣчалъ яичникъ.

— Дай-ко померанцовую фанерочку, только потолще,—обратился мебельщикъ къ буфетчику, выпилъ и спросилъ яичника:—Ну, а какъ-же у васъ теперь съ фортепьянной игрой?

— Подвигаемся. Фортепьяны испортили, но все-таки я теперь въ «Стрѣлочкѣ» до втораго колѣна дошелъ.

— Однимъ перстомъ?

— Поднимай, братъ, выше! Обѣими пятернями жаримъ. Мы нотъ однѣхъ на сорокъ три рубля купили, четыре камертона,—отвѣчалъ яичникъ и самодовольно улыбнулся.—Ты вотъ говоришь, зачѣмъ мнѣ актеръ... А безъ этого актера я все равно, что сковорода безъ селянки. Теперича тятенька, пріявши въ Бозѣ свою кончину смерти, оставили и домъ и всѣ яичныя депы маменькѣ, а я на-легкѣ. Въ депахъ онѣ при своей скупости сами сидятъ, и ежели и тратятся, то только насчетъ

спасенія своей души. По этому самому монахъ для нихъ человѣкъ, а сынъ все равно, что песъ. Она вонъ выдастъ мнѣ красненькую на недѣлю, на томъ и заговѣйся. А что мнѣ красненькая? Слизнуть на ея глазахъ я также не могу, потому она сама за выручкой сидитъ. Товаромъ нашимъ тоже не утянешь. Вѣдь лукошко яицъ не схватишь, чтобъ изъ депы тащить. Вотъ я съ помощію этого самого актера въ нее мережу и закидываю. Понялъ? Придетъ онъ теперича вечеромъ ко мнѣ на квартеру и принесетъ чертовскіе костюмы. Сейчасъ мы это одѣнемъ ихъ и давай маменьку пугать. Комнату бенгальскимъ огнемъ освѣтимъ, будто жупелъ, да и начнемъ на нее кидаться съ рычаніемъ. Ну, она сейчась во всемъ своемъ визжаніи на колѣни: «отпустите душу на покаяніе!»—«Давай пятьсотъ цѣлковыхъ»! Тѣмъ и живы.

— И не стыдно это тебѣ такъ мать родную?..—покачалъ головой мебельщикъ.

— А тебѣ не стыдно было изъ отцовской лавки по два буфета да по три трюма къ столярамъ въ передѣлку увозить?

— Такъ вѣдь я увозилъ въ передѣлку, а не выманивалъ съ пуганіемъ.

— Твой товаръ увозить въ передѣлку можно, а нашъ яичный товаръ въ передѣлку нешто повезешь? Ну, за неволю приходится пугать. Опять-же у нея деньги все равно на монаховъ прахомъ уйдутъ, а мнѣ онѣ на образованную полировку нужны, потому я хочу на модной барышнѣ съ французскимъ языкомъ жениться и приданое взять. А она мнѣ два кислощейныхъ заведенія сватаетъ. Я человѣкомъ быть хочу. Пора ужъ.

Яичникъ посмотрѣлъ на часы.

— Удивительно, что до-сихъ-поръ мой актеръ нейдетъ,—сказалъ онъ.—Я вотъ вчера съ нимъ не видался и хорошую театральную игру упустилъ. Говорятъ, Юханцева на театрѣ представляли подъ названіемъ «Расточитель».

— Врешь! Неужто это про Юханцева игра?—встрепенулся мебельщикъ.

— А то про кого-же? Кто у насъ, кромѣ Юханцева, расточитель? Купцу, по нынѣшнимъ временамъ, расточать нечего. Вонъ яйца-то головку прежде полтора рубля продавали, а барыша было больше, нежели теперь за два-рубля-десять сотню.

— Юханцевъ, Юханцевъ!—твердилъ совсѣмъ уже опьянѣвшій мебельщикъ.—Отпили-ко мнѣ померанцевую болвашку за Юханцева!—обратился онъ къ буфетчику.

Въ двери вошелъ актеръ.

— Наконецъ-то!—радостно воскликнулъ яичникъ и чуть не бросился на шею актеру.

ВСТАВНЫЕ ЗУБЫ.

Купецъ съ купчихой, очевидно провинціальные, долго искали зубнагѡ врача, сходили съ тротуара на мостовую и все читали вывѣски, спросили у городоваго «гдѣ тутъ зубье вставляютъ» и наконецъ попали въ подъѣздъ. Пришлось идти въ пятый этажъ. На поворотахъ лѣстницы попадались вывѣски съ указывающими руками въ синемъ рукавѣ съ надписью «зубной врачъ».

— Подишь ты какой искустникъ!—говорилъ купецъ женѣ, кивая на вывѣску.—Вонъ онъ и руки вставляетъ, а не токма что зубы.

У самыхъ дверей зубнаго врача купчиха остановилась и сказала:

— Страшно. Сердце-то словно овечій хвостъ, такъ и трепещетъ. Ну, вотъ что, Макаръ Терентьичъ: ежели онъ калеными щипцами вставлять начнетъ или гвоздемъ прибивать будетъ— я сбѣгу.

— Да говорятъ тебѣ, что онъ на резинкѣ вставляетъ,— откликнулся мужъ.

— А вѣдь резинка-то изъ лошадиной губы дѣлается. Вотъ мы объ этомъ-то у нашего протопопа разрѣшенія не спросили.

— Ну, ужъ ничего, иди. На свою душу грѣхъ беру.

— На томъ свѣтѣ этого въ разсчетъ не берутъ. Меня черти-то терзать будутъ, а не тебя.

— Замолимъ. Можно свѣчку фунтовъ въ пять поставить.

— Ну, ладно, я пойду, — согласилась купчиха.—Только чтобъ онъ мнѣ изъ православнаго человѣка зубы вставилъ, ;

не изъ нѣмца. Чего еще, Боже оборони, вставитъ турецкіе. Нынче послѣ турецкой-то войны поди, страсть сколько зубовъ имъ отъ убитыхъ турокъ привезли. А то православной купчихѣ и мухоѣданскіе зубы!

— Иди, иди! Завтра поговоримъ.

Купецъ схватилъ жену подъ руку и впихнулъ ее въ квартиру зубнаго врача.

Вошли въ залу. Въ витринахъ были выставлены цѣлыя челюсти зубовъ, сіяющіе розовыми деснами. Купчиха перекрестилась и попятилась.

— Батюшки! Даже съ живымъ мясомъ!—сказала она.— Нѣтъ, ужъ ты тамъ, какъ хочешь, а съ мясомъ я себѣ зубовъ въ ротъ вставлять не дамъ.

Въ залу вышелъ элегантно одѣтый еврей, поклонился и вопросительно потиралъ руки.

— Зубье-бы вотъ ей вставить,—отнесся къ нему купецъ.

— Можно-съ,—отвѣчалъ зубной врачъ.—А корни у нихъ цѣлы?

Купецъ улыбнулся.

— А этого, признаться сказать, мы не запримѣтили, потому когда этотъ грѣхъ я ей надѣлалъ, то, извѣстно, былъ праздничнымъ и въ хмѣльномъ образѣ. Вѣдь трезвый, сами знаете, такихъ карамболей съ женой дѣлать не будешь. Корни-то у тебя цѣлы?—спросилъ онъ жену.

Та дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Да право ужъ не помню. До того-ли тутъ было!..—заговорила она.—Помню, что вышибъ, а съ корнями или безъ корней—не доглядѣла.—Только ужъ пожалуйста господинъ зубныхъ дѣлъ врачъ, безъ мяса мнѣ и чтобъ отъ русскаго человѣка... Даже такъ, что я попрошу васъ прежде всего побожиться, что турецкихъ зубовъ мнѣ не вставите.

Зубной врачъ понялъ не вдругъ, но сообразивъ сказалъ:

— Ахъ, сударыня, насчетъ этого будьте покойны! Это зубы не человѣчьи, а фарфоровые и эти розовыя десны вовсе не мясо, а каучукъ. Изъ фарфоровой чашки чай пьете? Ну, вотъ...

Купчиха ободрилась. Купецъ потрепалъ ее по плечу.

— Ну, вотъ и съ фарфоровыми зубами у меня будешь,— прибавилъ онъ.—А то пужалась...

— Позвольте, господинъ зубныхъ дѣлъ врачъ, что это та-

кое каучукъ? Это не изъ падали? Не волчья снѣдь?—спросила она еще разъ.

— Нѣтъ, это смола, древесная смола.

— Ну, то-то. Смолу-то ужъ я отъ живота пила, такъ все равно.

— А дозвольте еще опросъ сдѣлать,—въ свою очередь спросилъ купецъ.—Крѣпки эти фарфоровые зубья будутъ?

— Крѣпче настоящихъ. Кромѣ того, вы ихъ всегда на ночь вынимать можете и опять вставлять.

— Какъ!?—воскликнулъ радостно купецъ.—Значитъ, коли ежели опять въ праздничный день и грѣшнымъ дѣломъ въ хмѣльномъ образѣ баловство выдетъ, то и самому вставить можно?

— Сколько угодно. Выпадутъ, а вы подымете ихъ и поставите на мѣсто.

— Вотъ такъ уха!—протянулъ купецъ.—Руку! Вставляй! Хоть вы и еврейской шерсти, а для меня первый другъ будете!

Еврей поморщился, но посадилъ купчиху въ кресло и сталъ ей смотрѣть въ ротъ.

— Бога ради за языкъ не трогайте! За языкъ не трогайте! Я щекотки боюсь!—кричала та.

Купецъ ходилъ по залу, разсматривалъ зубы въ витринѣ и говорилъ женѣ:

— Потерпи Настасья! языкъ не пятки, а щекотка только подъ мышкой да въ пяткахъ бываетъ.—А что господинъ зубной еврей: ежели теперича ухо оторвать, вы и ухо вставить можете?—обратился онъ къ зубному врачу, не глядя на него.

Купчиха вздрогнула и чуть не откусила еврею пальцы.

— Голубчикъ! Не говорите, что можете ухо приставить, а то оторветъ, ей-Богу оторветъ,—забормотала она.

— Нѣтъ, уши я не вставляю.

— Не вставляешь? Вотъ это жаль. А то у насъ въ нашемъ городѣ городской голова совсѣмъ безъ уха. Хмѣльной отморозилъ. Вотъ я-бы тебѣ и прислалъ его. И носы значитъ не клеишь?

Зубной врачъ смотрѣлъ купчихѣ въ ротъ, считалъ нехватающіе зубы и говорилъ:

— Шести зубовъ нѣтъ, да три гнилые—итого девять.

— Наскажешь тоже!—махнулъ рукой купецъ.—Неужто-жъ

я шесть штукъ?.. Я и погладилъ-то слегка. Вы тоже народъ торговый, рады чтобъ побольше денегъ взять.

— Однако не могу-же я больше чѣмъ слѣдуетъ вставить,— пояснялъ зубной врачъ.—Во рту и мѣста не хватитъ для лишнихъ зубовъ.

— Толкуй! Вы и въ два ряда вставите. Во рту мѣста не хватитъ, такъ и въ носъ вдѣнешь. Ну, а какъ цѣна?

— По пяти рублей за зубъ. Девять зубовъ —сорокъ пять рурлей.

— Фю-фю!—просвисталъ купецъ.—Это за фарфоровые-то зубы да по синенькой? Нѣтъ, братъ, дорого берешь—домой не донесешь. А ты возьми по зелененькой да и вставь ей четыре зуба. Ну, пятнацать рублей за четыре зуба даю—куда не шло!

— Позвольте,—остановилъ его зубной врачъ.—Какъ-же я ей четыре зуба вставлю, коли у нея девяти не хватаетъ? Вѣдь пустыя мѣста будутъ. Ну, что хорошаго?

— Врешь, врешь! Вставь зубье пошире—вотъ и пустыхъ мѣстъ не будетъ. Чего фарфора-то жалѣешь? Матеріалъ не дорогой. Самъ-же говоришь, что изъ чашекъ дѣлаешь зубья-то. Коли хочешь, такъ я тебѣ потомъ всю свою разбитую посуду высылать буду.

— Да нельзя, господинъ купецъ. По четыре рубля я съ васъ возьму за зубъ, пожалуй, и четыре зуба вставлю, но обыкновенныхъ размѣровъ. Право нельзя!

— А нельзя, такъ и не надо! Сбирайся Настасья!—скомандовалъ купецъ.—Отчего-же двухъ-спальныя кровати бываютъ, а двухъ-спальныхъ зубовъ сдѣлать нельзя?—прибавилъ онъ.

Купецъ и купчиха начали уходить.

— Желаете за всѣ девять зубовъ двадцать пять рублей?— кричалъ имъ въ слѣдъ зубной врачъ.

Купецъ вернулся и чесалъ затылокъ.

— Ну, вотъ что: такъ-какъ ужъ это мой грѣхъ—хочу женѣ подарокъ сдѣлать. Вставляй за двѣ красненькія!

Зубной врачъ подумалъ и ударилъ по рукамъ.

ИМЯНИНЫ КУХАРКИ.

Мужъ просился у жены въ клубъ.

— Мурочка, я въ клубъ пойду,—говорилъ онъ женѣ.

— Ахъ, Шурочка, какъ возможно! Сегодня имянины нашей кухарки,—отвѣчала жена.—У нея будутъ гости Придетъ ея кумъ-пожарный, придетъ кумъ-солдатъ, дядя-сторожъ изъ Александровскаго театра и еще кто-то. Я просто боюсь одна остаться. Она вонъ цѣлую четвертную водки для нихъ купила. Ну, вдругъ напьются и буйство подымутъ? Ты лучше дома останься. Все-таки мужчина и гроза для нихъ. Да наконецъ, ты самъ цѣлѣе будешь. А то какъ пойдешь въ клубъ—всегда домой не въ своемъ видѣ...

— Ну, пошла, поѣхала!—замахалъ руками мужъ.—Да когда-же я?.. Что я, въ самомъ дѣлѣ, за пьяница?

— А третьяго дня-то, Шурочка? Вѣдь ужъ какъ ты притащился—одному Богу извѣстно. Пришелъ въ спальную, раздѣлся, полѣзъ подъ кровать за туфлями и уснулъ на коврѣ. Гляжу—ты на полу внизъ лицомъ лежишь.

— Врешь, врешь. Это я на сонъ грядущій Богу молился и въ землю кланялся.

— Хороша молитва, коли я тебя насилу растолкала! Въ воскресенье то-же самое.

— А приливъ крови въ головѣ у меня не могъ сдѣлаться? Что-же касается до воскресенья, то я былъ чистъ какъ голубица! И даже ни въ одномъ глазѣ...

— Насчетъ кармановъ ты былъ чистъ какъ голубица дѣйствительно, потому-что проигрался въ мушку до тла, ну, а что насчетъ глазъ—сомнительно. Спрашивается: какъ же ты могъ трезвый лечь въ постель, забывъ снять съ головы шляпу?

— Просто по разсѣянности. А я было думалъ, Мурочка, на твое счастье въ полтинный столъ сѣсть...

— Сиди дома. И карманъ будетъ завтра цѣлѣе и голова свѣжѣе.

Мужъ остался дома. Онъ былъ недоволенъ. Надѣлъ халатъ, кусалъ губы и остервенительно затягивался папиросой.

У кухарки въ кухнѣ, между тѣмъ, собрались гости, кумъ-пожарный, кумъ-солдатъ, дяденька-сторожъ и двѣ-три женщины. На столѣ стояли: пирогъ съ кашей, арбузъ, селедка и четвертная, а также бутылки съ пивомъ. Гости, говорившіе сначала чуть не шопотомъ, все болѣе и болѣе возвышали голоса. Разрѣзая арбузъ, кухарка вспомнила о хозяевахъ, откромсала добрую горбушку и понесла ихъ угощать.

— Прикусите, сударыня, отъ имянинницы-то, — говорила она, кланяясь. — Не обидьте. Пожалуйте, сударь, и вы кусочекъ.

— Ты знаешь, матушка, что я фруктовъ не ѣмъ, — отрѣзалъ хозяинъ.

— Въ такомъ разѣ, сударь, водочки рюмочку выкушайте и селедочкой закусите. Водка у меня, баринъ, хорошая, апельсинными корками настоенная. Долго сбирала и сушила, корочки вычистила. Не обидьте, сударь...

— Водки, пожалуй, я выпью,—отвѣчалъ мрачно хозяинъ и дѣйствительно выпилъ.

Минутъ черезъ десять мрачность пропала. Онъ ходилъ по комнатѣ, шлепалъ туфлями и мурлыкалъ себѣ подъ носъ пѣсню: «Лукичъ идетъ! Лукичъ идетъ!»

— А вѣдь, водка-то у нея, Мурочка, дѣйствительно хорошая,—сказалъ онъ женѣ.—Вотъ ты никогда не настоишь мнѣ апельсинными корками. Настасья! Принеси-ко мнѣ еще одну рюмку!—крикнулъ онъ кухаркѣ.

— Не пей, Шурочка, побереги себя, — остановила его жена.—Тебѣ вредно.

— Двѣ-то рюмки? Ахъ, Господи! — всплеснулъ руками мужъ.—Да я-бы и не пилъ, Мурочка, да у меня что-то подъ ложечкой...

Вторая рюмка была выпита. Мужъ совсѣмъ повеселѣлъ и «Лукичъ идетъ» пѣлъ уже громко.

— А удивительно, право, какъ у меня животъ болитъ,—обратился онъ къ женѣ.

— Животъ болитъ, а самъ поешь.

— Это я, чтобъ боль заглушить. Знаешь что, Мурочка, я думаю еще спросить рюмку у кухарки и накапать туда мятныхъ капель.

— Шурочка!—воскликнула жена.

— Что такое Шурочка! Чего ты ужасаешься? Неужто ужъ я съ трехъ-то рюмокъ!..

Кухарка поднесла барину съ радостью. Она и сама уже была навеселѣ. Баринъ хлопалъ ее по спинѣ и сказалъ:

— Мастерица ты водку дѣлать. Выходи замужъ, Настасья, за твоего кума-солдата, а мы съ Мурочкой образомъ тебя благословимъ.

Кухарка захихикала.

— И вышла бы, сударь, да вотъ все колеблюсь: за пожарнаго или за солдата? И тотъ и другой сватаются. Солдатъ изъ Туречины вернулся, теперь можетъ въ безсрочные выйдти.

— А вотъ постой, я посмотрю, который лучше. Я загляну въ дверь.

— Шурочка, неловко!

Но баринъ полетѣлъ въ кухню. Раскраснѣвшіеся отъ вина гости встали при его приходѣ съ мѣстъ.

— Сидите, сидите, господа!—заговорилъ онъ.—Я вотъ только героя пришелъ посмотрѣть. Ну, что, кавалеръ, никуда не раненъ?

— Богъ миловалъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ солдатъ.

— Душевно радуюсь и пью за твое здоровье. Настасья, налей-ко мнѣ еще рюмку водки! Жена отдастъ тебѣ завтра натурой. Господа! За героя «ура»!

«Ура!» раздалось въ кухнѣ. Съ четырехъ большихъ рюмокъ баринъ совсѣмъ осоловѣлъ и началъ разспрашивать солдата, какъ они брали Горный Дубнякъ, хорошъ-ли городъ Софія, въ какой одеждѣ ходятъ баши-бузуки? и т. п. Явившаяся въ кухню жена прервала бесѣду и потащила барина въ комнаты.

— Шурочка, не стыдно это тебѣ?—упрекала она мужа.

— Чего-жъ, матушка, тутъ стыдиться? Онъ герой, кровь вою проливалъ, черезъ Балканы переходилъ. И наконецъ, когда мы оставимъ этотъ ложный взглядъ на солдата? Спраши-

вается, что такое солдатъ при нынѣшнихъ усвіялохъ?.. Родится у насъ сынъ и онъ можетъ быть солдатомъ.

Языкъ барина заплетался. Въ комнаты явилась кухарка.

— Пожалуйте, сударь, въ кухню. Вы пили за здоровье кума, а теперь мои гости хотятъ выпить за ваше... — говорила она, а между-тѣмъ изъ кухни шли уже гости съ рюмками въ рукахъ.

— За барина надо выпить, непремѣнно за барина! Такой господинъ, что нарѣдкость! И нашимъ братомъ не гнушается, — слышалось у нихъ.—Ваше здоровье! Пригубьте и сами. Ура!

Баринъ опять выпилъ и уже совсѣмъ сдѣлался пьянъ. Гости обратно въ кухню не шли и стояли въ гостиной. Пожарный даже сѣлъ на диванъ. Всѣ непремѣнно хотѣли выпить за здоровье барыни. Выпили. Пилъ и баринъ. Барыня махнула на все рукой и заперлась у себя въ спальной.

— Съ народомъ сливаться надо, сливаться,—бормоталъ баринъ.—Въ народѣ сила.

Черезъ-полчаса онъ игралъ на фортепіано казачка, а кухаркины гости плясали. Четвертная и селедка были перенесены въ гостиную. «Ура» такъ и гремѣло. Водки и пива не хватило и баринъ послалъ на свои. Черезъ часъ онъ уже цѣловался съ солдатомъ, сторожемъ и пожарнымъ. Пожарный надѣлъ его халатъ, а онъ мундиръ пожарнаго и даже не обратилъ вниманія, что находится безъ брюкъ. Кто-то игралъ на гармоніи, а онъ плясалъ. Солдатъ какимъ-то манеромъ приревновалъ его къ кухаркѣ. Вышла ссора. Жена выскочила изъ спальной.

— Вонъ отсюда!—кричала она на гостей.

Тѣ не шли.

Еще черезъ-полчаса баринъ лежалъ на диванѣ внизъ лицомъ въ мундирѣ пожарнаго. Около него стоялъ пожарный и расталкивалъ его.

— Сударь, ваше благородіе! Мнѣ домой пора! Бери свой халатъ да давай мой мундиръ!—говорилъ онъ.

Баринъ только мычалъ. Изъ спальной доносились всхлипыванія барыни.

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Лабазникъ Козлятниковъ ходилъ по своимъ знакомымъ и приглашалъ ихъ къ себѣ «на чашку чая и на героя».

— А на козырнаго короля съ двумя простыми этотъ герой-то ходитъ?—спросилъ содержатель ломовыхъ извозчиковъ. —Смерть не люблю кто жмется въ игрѣ. Самъ я на плеваго козыря стучу, такъ каково играть съ тѣмъ, кто туза высиживаетъ? У меня вонъ вчера съ полушубка и то четыре красненькія заплатки сняли.

Лабазникъ махалъ руками.

— Что ты! Что ты! Никакой и стуколки не будетъ!—заговорилъ онъ. — Просто зову на героя, чтобъ про турецкія звѣрства послушать. Недѣли двѣ какъ вернулся онъ и такія вещи разсказываетъ, что волосъ дыбомъ!

Въ назначенный вечеръ собрались гости—женщины и мужчины. Закуска и водка стояли въ углу, но къ нимъ никто и не подходилъ. Всѣ ждали «героя». Дѣвицы подходили къ зеркалу и украдкой репетировали, дѣлая «пронзительныя улыбки», чтобы ими покорить героя. Одна молодая вдова, у которой пахло изо рта, то и дѣло жевала жаренный кофій. Пронзительный звонокъ—и въ комнату влетѣлъ «герой». Это былъ молодой интендантскій писарь въ мундирѣ съ иголочки, съ толстой золотой цѣпью по борту и съ бриліантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

— А я сейчасъ отъ нашего генерала,—сказалъ онъ, поздоровавшись и звонко сморкаясь въ фуляровый платокъ.—Прелестнѣйшій человѣкъ. «Я, говоритъ, Сидоровъ, непремѣнно тебя въ офицеры выведу, потому я безъ тебя все равно, что иголка

безъ нитки». Поговорили съ нимъ насчетъ турчаночекъ, чаю съ ромомъ выпили. Генеральша сама изъ своихъ ручекъ...

Гости слушали съ благоговѣніемъ. Дѣвицы складывали губы сердечкомъ. Одна мелочная лавочница такъ вздохнула, что даже задула стоящую передъ ней на столѣ свѣчку. Хозяинъ подвелъ писаря къ закускѣ. Выпили.

— Хороша тамъ водка-то?—спрашивали гости.

— Мерзость и настоящей нѣтъ. Красная такая... Все больше на вареныхъ ракахъ настоена, потому ее зовутъ раки,—отвѣчалъ писарь.

— Перстенекъ-то жалованный?

— Нѣтъ. У одного арапа отбилъ. Въ пылу жаркаго сраженія наскакиваетъ на меня арапъ съ саблей и кричитъ «смерти или живота?» Гляжу—на лицѣ у него зеленыя полосы. Это по ихнему значитъ арапскій полковникъ. Сейчасъ это я схватилъ отъ убитаго унтеръ-офицера тесакъ и бацъ его по рукѣ. Руки съ саблей какъ не бывало, а онъ завизжалъ на своей арапской словесности и прочь... Гляжу рука валяется и на ней брилліантовый перстень, ну я и снялъ. Зачѣмъ-же ему пропадать?

— Ахъ, какіе вы безстрашные!—проговорила одна дѣвица, стоявшая въ дверяхъ.

— Страху, сударыня, въ насъ не было, а былъ только одинъ геройскій вопль.

— Вы чѣмъ-же сражались? Какимъ инструментомъ?—выглянула изъ-за двери другой комнаты еще одна дѣвица.—Вѣдь у васъ шпаги нѣтъ.

— А чѣмъ попало, тѣмъ и сражались. Пика—такъ пикой, ружье — такъ ружьемъ, а то шашку схватишь. На Шипкѣ я даже изъ митральезы палилъ.

— А изъ торпеды супротивъ монитора?..—прибавила третья дѣвица.

Мужчины начали коситься на дѣвицъ, что онѣ отбиваютъ у нихъ собесѣдника. Мелочной лавочникъ даже крикнулъ.

— Марья Степановна! Уберите вашихъ долгогривыхъ стрекозъ-то, а то онѣ не въ свое дѣло мѣшаются! Пущай свою карусель насчетъ кедроваго сластолюбія тянутъ. Вѣдь тамъ имъ и орѣхи и пастила поставлены.

Дѣвицы сконфузились и скрылись. Къ писарю приставали съ вопросами мужчины. Тотъ пилъ и вралъ невыносимо.

— Да-съ, насчетъ пищи мы терпѣли страшныя лишенія, особливо на Балканѣ,—разсказывалъ онъ.—И главное, что интендантство при всемъ своемъ патріотическомъ благоутробіи ничего сдѣлать не могло. Гора на горѣ, внизу буеракъ и по ней тигры бѣгаютъ. Какъ тутъ повезешь провіантъ? Лошади звѣрья боятся и какъ что—сейчасъ кверху ногами въ оврагъ. Разъ я такимъ манеромъ тринадцать саженъ летѣлъ и тѣмъ только и спасся, что на стогъ сѣна упалъ. Самъ живъ, но за то восемнадцать мѣшковъ казенной муки растерялъ. Насчетъ пищи ужасно!

— Значитъ щецъ похлебать на Балканѣ—ни-ни?—задавали вопросъ.

— Щецъ-съ! Разъ акридами три дня питались. Поднимешь съ полу акриду—и ѣшь. До щецъ-ли тутъ!

— Что-же это за акрида такая?

— А съ одной стороны, какъ-бы паукъ, а съ другой, какъ-бы пчела и подъ животомъ у нея дикій медъ.

— Тсъ... — качали головами гости.—Ну, а баши-бузукъ страшенъ? Какъ онъ насчетъ турецкихъ звѣрствъ?

— Турецкія звѣрства у него только въ рукахъ и потому онъ силенъ только тогда, когда на конѣ, а какъ пѣшій и на ногахъ—тутъ ты его руками бери. Вотъ эфіопъ—тотъ пострашнѣе.

— Развѣ и эфіопы дрались?

— И эфіопы, и египтяне, и арапы, и лазы, и даже полубѣлые народы. Однихъ прислала Турція, а другихъ Порта. Кромѣ того шли албанцы отъ Отоманской имперіи. Иду это я разъ послѣ сраженія по Балканамъ, папироску курю, револьверъ при мнѣ, вдругъ эфіопъ на конѣ скачетъ: въ одной рукѣ у него пика, въ другой неописанной красоты женщина съ распущенными волосами...

Дѣвицы опять начали выглядывать изъ другой комнаты.

— Турецкая женщина или наша православная?—робко спросили онѣ.

— Не могу знать-съ. Видѣлъ только одно, что во всей своей наготѣ была.

— Ахъ, срамъ какой!

— Ну-съ. Одежи на ней никакой. Точь точь какъ вотъ купидоновъ дѣлаютъ. Сейчасъ я папироску бросилъ, прицѣлился въ него—бацъ!...

Въ это время вошелъ въ комнату новый гость. Онъ кашлялъ басомъ и былъ въ отставномъ военномъ сюртукѣ безъ погонъ. Писарь смутился и умолкъ.

— Ну, такъ что-же? Бацъ?...—приставали къ нему гости. Не церемонься, разсказывай. Это самъ военный человѣкъ и тоже въ крымскую кампанію видалъ виды. Ну: бацъ!

Писарь на отрѣзъ отказался разсказывать.

— Да что тутъ!—бормоталъ онъ.—Не стоитъ! Страшно! Дай Богъ чтобъ и во снѣ всего этого никому никогда не снилось. Я вамъ послѣ... Сядемте-ка лучше по маленькой постукать.

Раскрыли столъ и начали садиться играть.

— Турки-то на короля бланкъ стучатъ?—приставалъ къ писарю содержатель ломовыхъ извозчиковъ.

Тотъ косился на отставнаго военнаго и молчалъ.

— Мундирчикъ-то новый послѣ похода сшилъ?

— Новый. Тотъ весь въ крови пропитался,—отвѣчалъ писарь, но уже шопотомъ, и громко спросилъ:—«почемъ аршинъ стукать-то будемъ?»

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ.

Вечеръ. На Большой Морской, противъ оконъ бѣлошвейнаго магазина Флорана остановился на панели народъ и смотритъ на яркое электрическое освѣщеніе.

— Совсѣмъ день бѣлый. Словно лиминація,—говоритъ извозчикъ, стоящій около лошади.—Сказываютъ,—даже Бореля убилъ. Идетъ, къ примѣру, господинъ къ Борелю рюмку померанцевой перекувырнуть, анъ смотришь — увидалъ освѣщеніе въ рубашечномъ магазинѣ и забѣжалъ на эти деньги рубаху купить.

— Ну, вотъ, толкуй!—возражаетъ какой-то мужикъ въ синемъ армякѣ.—Рубахой водку ни за что не перешибить. Рюмка водки стоитъ пятакъ серебра, а рубаха полтора цѣлковыхъ.

— Пятакъ серебра!—Такъ тебѣ сейчасъ въ здѣшнемъ мѣстѣ за пятакъ серебра и поднесли! Тутъ татара за пятакъ-то серебра и по затылку тебѣ не накладутъ, а нетомка-что выпить. Здѣсь у француза такая такса, что вотъ выпилъ ты—сейчасъ полтина серебра, закусилъ — другая. Я съ однимъ хмѣльнымъ купцомъ разъ ѣздилъ, такъ тотъ мнѣ только махонькій стаканчикъ изъ этого заведенія поднесъ и то съ него полтину взяли.

— Это вѣрно, — откликается сзади чуйка. — Къ французу идти водку пить—все равно, что въ аптекѣ дрожди на пирогъ покупать. Семь шкуръ сдерутъ.

— Такъ-то оно такъ, землякъ,—стоитъ на своемъ мужикъ, обращаясь къ извозчику.—Но только ты это напрасно. Кто выпить хочетъ, то отъ водки его никакимъ освѣщеніемъ не переманишь.

— Чудакъ-человѣкъ, да вѣдь тутъ особенный свѣтъ. Мнѣ

одинъ баринъ сказывалъ, что тутъ березовой уголь на золотой проволокѣ горитъ, ну, каждому и лестно посмотрѣть.

— Это лектрическое освѣщеніе,—замѣчаетъ лакей безъ шапки и съ пустой бутылкой въ рукахъ.

— Какое лектрическое!— машетъ рукой мужикъ. — Просто газъ во всѣ лопатки изъ рожковъ пущенъ—во и все.

Лакей презрительно скашиваетъ на мужика глаза.

— Ахъ, ты деревня! Коли ужъ не знаешь чего въ своемъ невѣжествѣ, то молчи! — говоритъ онъ. —Газъ особь статья, а лектричество само по себѣ. Газъ — это воздушная кислота, а лектричество — машина и даже трещитъ. Сейчасъ завели эту машину, она и горитъ. А газъ какъ дѣлаютъ? Я на заводѣ у англичанина жилъ, такъ видѣлъ. Раскалятъ эти трубки чугунныя каменнымъ углемъ да и льютъ въ нихъ кислоту самоварную, а она духомъ и выходитъ. Въ газѣ нешто можетъ быть благородство? Онъ все-равно, что керосинъ. При немъ и портной шьетъ, и мелочной лавочникъ селедку тебѣ продаетъ, а лектричествомъ только въ театрѣ танцорокъ освѣщаютъ. Какъ ихъ въ концѣ представленія на небеса возносить понадобится—сейчасъ на нихъ и лектричество пущаютъ. А на портнаго нешто можно его наводить?

Лакей пояснилъ и умолкъ, но на этомъ дѣло не кончилось. За электричество вступился извозчикъ.

— А отчего-же нельзя?—возразилъ онъ. — Когда во время лиминаціи его съ миралтейства наводили, то и портныхъ и сапожниковъ освѣщали, которые ежели гуляющіе по пришпекту. На новомъ Литейномъ мосту въ прошломъ году при постройкѣ— то-же самое. Самъ видѣлъ. Стоитъ это мужикъ на быкѣ и какъ ангелъ въ сіяніи.

— Ну, такъ чтожъ, что мужикъ? Все-таки не портной, а каменщикъ,—сдается лакей.

— А чѣмъ каменщикъ чище портнаго? — подбочениваетcя извозчикъ.

— Не чище, дура съ печи! Въ лектричествѣ совсѣмъ другая дипломатія. Въ немъ сусальное золото горитъ, а чтобъ портнаго да золотомъ освѣщать слишкомъ жирно. Портному съ сапожникомъ и газъ-то не по чину. Имъ далъ сальный огарокъ— вотъ ихъ и честь. На все на это законная препона есть и въ судейскихъ книгахъ обозначена. Теперича ежели кто при ка-

зенной квартирѣ съ освѣщеніемъ живетъ и тамъ по чину. Писарю или ундеру сальныя свѣчи даютъ, чиновнику пальмовыя отпущаютъ, а генералу восковыя преподносятъ. Аптекарь по закону имѣетъ такое положеніе, чтобъ ему купоросомъ въ пузыряхъ освѣщаться, ну онъ и ставитъ ихъ на окна, чтобъ полиція видѣла, что онъ безъ злоупотребленія. Видаешь въ аптекѣ на окнахъ пузыри съ краснымъ и зеленымъ зельемъ? Ну, вотъ въ нихъ купоросное освѣщеніе и налито.

Лакей совсѣмъ заврался. Чѣмъ бы его вранье объ электричествѣ кончилось—неизвѣстно, но въ это время къ толпѣ подбѣжала миловидная горничная съ корзинкой, изъ которой выглядывали булки.

— Послушайте, что здѣсь смотрятъ?—спросила она.

— Ничего-съ. Плевое дѣло. Новое лектричество публику заинтересовало,—отвѣчалъ лакей, умильно щуря на нее глаза.— Но теперь мы отведемъ свои взоры отъ этой модели и будемъ разсматривать васъ. Ваше сіяніе улыбокъ много чище электричества.

— Ахъ, какіе вы насмѣшники! Какое-же во мнѣ сіяніе!

— Не токма что сіяніе, а даже и благоуханіе, а внутри огонь.—Теперича я такъ въ своемъ головномъ воображеніи содержу, что ежели къ вашему сердцу папироску приложить, то она загорится, а что насчетъ рукъ — спалишь. Позвольте попробовать?

— Ну, вотъ! У васъ ужъ сейчасъ и ахальство началось,— пятится дѣвушка.

— Какое же тутъ ахальство, коли это горячность нашихъ чувствъ.

— Пожалуйста руки подальше!

— Чистыя-съ. Не извольте сумлеваться. Давеча лампу заправлялъ, такъ мылъ послѣ всего этого.

— Все равно. Женское сердце не для того сдѣлано, чтобъ его руками трогать.

— А для чего-же-съ, позвольте опросъ сдѣлать? Вотъ если бы оно было изъ щиколату, тогда совсѣмъ другая политика; взялъ-бы да и съѣлъ его. А тутъ тѣлесный видъ во всей своей красѣ и ежели его зубами... то чувствительно будетъ. Позвольте узнать, вы гдѣ квартировать изволите?

— Не доходя прошедшаго. Отселева не видать, а ежели и увидите, то ослѣпнете!

Горничная бѣжитъ. Лакей за ней. И извозчикъ, и мужикъ слушали всю эту болтовню, разинувъ ротъ, и дивились ловкости лакея. Когда онъ убѣжалъ, извозчикъ развелъ руками.

— Лакей-лакей, а смотри какъ около господъ насчетъ разговорной части насобачился! По женской слабости ежели — то онъ теперь любому гостиннодворскому приказчику носъ утретъ! Ей-Богу!—сказалъ извозчикъ, и увидавъ выходящаго изъ магазина барина, воскликнулъ:—Возмите, сударь, извозчика!

ВЪ МУЗЕѢ ЛЕНТА.

Къ кассовой будочкѣ на верхней галлереѣ Пассажа подходятъ три чуйки среднихъ лѣтъ. Двое трезвыхъ слегка поддерживаютъ третьяго пьянаго.

— Можно намъ, господинъ казначей, съ хмѣльнымъ человѣкомъ войдти?—спрашиваютъ они.—Вотъ у насъ товарищъ съ мухой обрѣтается. Извѣстно, дѣло праздничное, шли съ Калашниковой и понахлебались. Онъ ничего, но только сморившись очень.

— Коли бурлить не будетъ—идите,—отвѣчаетъ кассиръ.

— Зачѣмъ бурлить? Онъ у насъ во хмѣлю смирный, даже жену не бьетъ. Можешь-ли ты, Петръ Игнатьичъ, ножнымъ инструментомъ правильно шагать?

— Могу.

— Ну, въ такомъ разѣ получайте шесть двугривенныхъ и давайте намъ три входныхъ плаката. Маргофонъ-то у васъ говорящій показываютъ?

— Это микрофонъ то-есть? Показываютъ. Пожалуйте! Швейцаръ пропуститъ.

— А Финогенъ или Фотогенъ?.. Какъ онъ еще тамъ?..

— Все показываютъ.

— А турецкія звѣрства новыя у васъ?

— Новыя и самыя свѣжія. Только что съ послѣднимъ пароходомъ получены.

Двѣ чуйки берутъ товарища подъ руки и ведутъ къ входнымъ дверямъ.

— Тише, Петръ Игнатьичъ, тутъ ступеньки, не запнись.

— Верхнее платье не желаете-ли оставить? — предлагаетъ швейцаръ.

— Нѣтъ, братъ, верхнее платье не оставимъ, — отвѣчаютъ трезвыя чуйки. — Вотъ купца хмѣльнаго за гривенничекъ подъ номеръ на сохраненіе оставили-бы... Да вѣдь, поди, не возьмешь?

— Нѣтъ, купцовъ на сохраненіе не беремъ. А ежели-бы и брали, то за такую кладь и рубль не грѣшно заплатить.

Чуйки входятъ въ залъ музея и осматриваются по сторонамъ.

— Фю-фю-фю! — свиститъ одна изъ нихъ. — Однако, звѣрства-то все старыя! Вонъ и птичка поющая.

— Здѣсь, господа, свистѣть нельзя, — замѣчаетъ чуйкѣ служитель.

— Разводи бобы-то! Вѣдь вонъ у васъ игрушечная птица свиститъ-же, такъ отчего-же живому человѣку нельзя? Ты, господинъ нѣмецъ, моли Бога, что деньги-то назадъ не требуемъ. Говорите, что новыя звѣрства въ получкѣ, а сами старый канифоль показываете. Всей этой механикой намъ и Гаснеръ глаза давно намозолилъ.

— Помилуйте, у насъ много новыхъ предметовъ. Вотъ, вотъ, вотъ, — показываетъ нѣмецъ.

— Что ты намъ въ елки-то тычешь! Елокъ новыхъ дѣйствительно вы на двугривенный разставили, такъ неужто за посмотрѣніе ихъ шесть двугривенныхъ платить?

— А вотъ неугодно-ли дивную мексиканку Зенону Пастрану, извѣстную своимъ деликатнымъ обращеніемъ, посмотрѣть? Только на-дняхъ привезли изъ Бразиліи.

— Это что-же за музыка будетъ?

— Женщина съ бородой и усами, на подобіе какъ-бы мужской полъ. Пожалуйте на верхъ.

— На верхъ? Ладно. Шагай, Петръ Игнатьичъ! Можешь-ли вкарабкаться?

— Не могу, — отвѣчаетъ пьяный, котораго въ теплѣ совсѣмъ уже развезло.

— Ахъ, ты Господи! Вотъ связалъ насъ Богъ! — восклицаютъ чуйки. — Нельзя-ли, господинъ нѣмецъ, гдѣ-нибудь тутъ у васъ хмѣльнаго купца приткнуть? Мы заплатимъ.

— Нѣтъ, господа. Ужъ коли ввели, то наблюдайте за нимъ сами, а то онъ у насъ вещи попортитъ.

— Да не попортитъ. Онъ во хмѣлю все равно что овца.

Теперича ежели положить его въ уголокъ, онъ до утра пролежитъ, не шелохнется. Развѣ кваску испить попроситъ.

— Нельзя, господа, нельзя!

— Въ такомъ разѣ придется гужомъ его наверхъ тащить. Федоръ Ивановъ, берись подъ правое крыло, а я подъ лѣвое.

Чуйки втаскиваютъ пьянаго товарища на верхъ. Тамъ опять касса и въ кассѣ дѣвушка.

— Потрудитесь, господа, билеты взять, — говоритъ она — По пятнадцати копѣекъ.

— Какъ? Еще? Ну, поборы! Да это хуже, чѣмъ въ управѣ благочинія. Дѣлать нечего, получай деньги и давай три ярлычка. Мы, мамзель, только потому беремъ, что ужъ товарища хмѣльнаго наверхъ втащили, чтобъ не задарма значитъ; а будь онъ тверезый и вниманія-бы не взяли. Вы, можетъ быть, самая Зенона Пастрана и есть?

— Нѣтъ, та тамъ, та съ бородой, — отвѣчаетъ конфузясь дѣвушка.

— Разности не составляетъ. Будто долго бороду отцѣпить. Вотъ что, госпожа мамзель: мы тебѣ три пятіалтынныхъ цѣльностью внесли, такъ сохрани ты намъ за эти деньги вотъ этого купца. Пусть онъ тутъ затылкомъ приткнувшись у будочки постоитъ, а на обратномъ пути мы его опять возьмемъ. Онъ смирный, мухи не обидитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—машетъ руками дѣвушка.

— Коли такъ, дѣлать нечего! Шагай, Петръ Игнатьичъ!

Пьянаго подводятъ къ столу, за которымъ сидитъ въ коротенькой юбочкѣ бородатая женщина Зенона Пастрана, «извѣстная своимъ деликатнымъ обращеніемъ».

Та говоритъ имъ что-то по-англійски.

— Вотъ онъ бразильскій-то языкъ какой! На подобіе какъ-бы мычаніе,—разсуждаютъ трезвыя чуйки.—А можетъ статься это переодѣтый мужикъ?

— Гдѣ мужику быть. Нешто не слышишь бабій голосъ?

— А можетъ быть онъ изъ мѣняльнаго согласія?

— Въ такомъ разѣ борода-бы не росла. Скорѣй-же облизьяна. Вѣдь говорящіе попугаи есть, такъ отчего-же не быть и говорящимъ облизьянамъ. Петя, видишь-ли ты что?—спрашиваютъ пьянаго.

— Ничего не вижу,—бормочетъ тотъ.

— Ну-ка, мадамъ бразильская баба, покажи зубы и бороду,— говоритъ одна изъ трезвыхъ чуекъ и протягиваетъ руку къ ея лицу.

Та откидывается назадъ и ударяетъ его по рукѣ.

— Вотъ тѣ и деликатное обращеніе!—восклицаетъ чуйка.— Ну, Федоръ Ивановъ, поворачивай оглобли назадъ. Шагай, Петя! Шагай! — ободряетъ онъ пьянаго и крѣпко подпираетъ его плечомъ. — Теперь ужъ скоро. Только маргофонъ съ финогеномъ посмотримъ, и конецъ.

Хмѣльнаго свели внизъ и посадили въ уголокъ на стулъ, а сами отошли. Пьяный тотчасъ-же заснулъ. Передъ нимъ начала останавливаться публика, принимая его за восковой автоматъ. Начался споръ: настоящій человѣкъ или дѣланный.

— Развѣ не видите, что онъ дышетъ и отъ него виномъ пахнетъ.

— Это ничего не значитъ. Теперь и съ дыханіемъ куколъ дѣлаютъ, а что насчетъ вина, такъ ихъ завсегда отъ моли спиртомъ смазываютъ.

Кто-то, желая сдѣлать пробу, ткнулъ пьяному пальцемъ въ глазъ. Тотъ закричалъ «караулъ», вскочилъ съ мѣста и упалъ. Сдѣлалась суматоха. Прибѣжали трезвые, подняли его и опять повели.

— Послушайте, господинъ нѣмецъ, скоро маргофонъ показывать будутъ? Мы только для маргофона...

— Микрофонъ, господа, еще вчера у насъ сломанъ, разводитъ руками нѣмецъ.

— Вотъ тебѣ и клюква!—восклицаютъ чуйки.

Пьянаго берутъ «подъ крылья» и тащутъ къ выходу.

ПЕРЕДЪ ВОЕННОЙ ПОВИННОСТЬЮ.

Великій вой стоитъ въ купеческомъ семействѣ. Въ первыхъ числахъ ноября старшему сыну надо будетъ вынимать жребій по военной повинности. Женская половина купеческаго гнѣзда встанетъ по-утру и начнетъ причитать, какъ по покойникѣ, да такъ вплоть до ночи. Сядутъ пить чай и сейчасъ:

— Ахъ, Васинька! Ахъ голубчикъ ты нашъ небесный! Вотъ теперь чай пьешь, а тамъ въ казармахъ можетъ и водицы-то простой не допросишься!..

Старшая дочка махнула рукой и сдѣлала гримасу, хотя и самой ей слезы подступали къ горлу.

— Что это, маменька, опять спозаранку свое скуленіе начали!—сказала она.—Ну, самоваръ ему съ собой дадимъ.

— Десять-бы дали, Настенка, самоваровъ-то этихъ самыхъ, да не позволятъ ему его ставить въ казармахъ-то, а чисть сейчасъ ружье, скажутъ. А какъ онъ его чистить станетъ, коли винтовъ незнаетъ? Тронетъ въ какую-нибудь пружину, а она въ него и выстрѣлитъ.

Сынъ храбрится. Сначала онъ говорилъ, что будетъ проситься въ лезгинцы, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и заговорилъ о поступленіи въ писаря.

— У насъ съ тятенькой есть теперь одинъ генералъ знакомый. Мы ему въ лавкѣ буфетъ по своей цѣнѣ продали. Вотъ къ нему и обратимся.

— Что тебя генералъ!—шамкаетъ бабушка.—Ты больше на Николая Угодника уповай. Вѣдь возили тебя къ нему, батюшкѣ, въ Колпино. Онъ, святитель,—защитникъ всего купечества.

— Угодникъ угодникомъ, а генералъ самъ по себѣ,—отвѣ-

чалъ будущій рекрутъ. — Да наконецъ. ежели не въ писаря, то можно къ митральезѣ изъявить желаніе, чтобъ въ антиллерію... Ммѣ сказывали, что митральезу только разъ въ годъ чистятъ, къ Пасхѣ, и то въ компаніи съ ундерами.

Отецъ даже попивать началъ съ тоски.

— Конечно, Богъ съ нимъ! Теперь кругомъ замиреніе и ежели Афганъ поднимается, то мы тутъ причинны не будемъ и насчетъ сраженіевъ глупо головное воображеніе содержать; значитъ смертоубійственнаго страха нѣтъ,—говорилъ онъ.—Но вы то возьмите: вѣдь онъ мнѣ въ лавкѣ приказчика замѣняетъ, а приказчикъ съ кормежкой девятьсотъ цѣлковыхъ стоитъ. Опять-же и у Родивона Михайлыча ему невѣста наклевывалась, а за ней пятнадцать тысячъ, окромя бриллiантовой нитки и черно-бураго салопа. Такъ вотъ тутъ и подумаешь! Попадешь въ солдаты—невѣсту изъ-подъ-носа склюютъ, а вернется назадъ, такъ, Богъ-вѣсть, дастъ-ли еще тогда за него кто пятнадцать-то тысячъ! Все-таки ужъ будетъ отставной солдатъ, а за отставнаго солдата и пять тысячъ напросишься. Торговли ущербъ! —заканчивалъ онъ свою логику.

Передъ обѣдомъ пришла сосѣдка со двора, то-же купчиха.

— Плачетъ сама-то?—спросила она въ кухнѣ кухарку.

— Плачетъ.

— Ну, пусти и меня съ ней вмѣстѣ поплакать. Одной-то вѣдь тоже ей скучно.

Сосѣдка вошла и завыла.

— Вы его, голубушка, потомъ во флотъ попробуйте. Тамъ, говорятъ, можно по году въ гошпиталѣ лежать, — заговорила она.—Да вотъ-что: пригласите вы съ кладбища старика Гермогена Федосѣича. Онъ вамъ его по Соломоновой книгѣ отчитаетъ.

— А развѣ помогаетъ?—спросила мать.

— Рыбакамъ Никодимовымъ помогло. У нихъ сынъ въ прошломъ году тоже жребій вынималъ, такъ вотъ его передъ этимъ самымъ старикъ Гермогенъ отчитывалъ. Вынуть-то онъ вынулъ жребій, но потомъ докторъ нашелъ, что у него становой жилы поврежденіе. Такъ и забраковали.

— Надо, матушка, попробовать, надо.

— Попробуйте. Десять рублей ежели старичку за это пожертвовать, то за глаза....

— Сто дадимъ, родная, только-бы помогло.

— А-то юродиваго Зосиму позовите отъ Іоанна Предтечи. Дурачекъ такой есть и тоже помогаетъ. Онъ творитъ бреніе и мажетъ имъ лобъ. Вѣдь у нихъ въ думѣ, коли принять, то «лобъ» кричатъ, а нѣтъ, то—«затылокъ». Вотъ ему со лба на затылокъ и оттянетъ.

— Знаемъ, знаемъ. Его даже сегодня вечеромъ хотѣли къ намъ привести, — отвѣчала мать и предложила гостьѣ чайку, такъ-какъ на столѣ стоялъ самоваръ.

Та сѣла, взяла чашку съ чаемъ и изъ учтивости залилась слезами. Хозяйки начали вторить.

— Ахъ, какое вы угрызеніе сердцу дѣлаете!—воскликнула старшая дочь и ушла въ другую комнату, хлопнувъ дверью. И гостья и хозяйки наплакались въ волю.

— А то, вотъ что еще хорошо сдѣлать,—вспомнила гостья. —Это и отъ трудныхъ родовъ и отъ рекрутчины разрѣшаетъ. Сдерите съ живаго угря шкуру, да и велите ему по голому тѣлу опоясаться передъ тѣмъ, какъ онъ жребій-то вынимать пойдетъ. Нѣкоторые избавлялись такимъ манеромъ. И еще есть примѣта...—продолжала она. — Ежели ужъ такой грѣхъ случится, что и вынетъ онъ жребій, то вѣдь надо къ доктору потомъ на свидѣтельство идти. Чудесно. Какъ пойдетъ къ доктору, то пусть про себя семь сестеръ трясовицъ-лихорадокъ поминаетъ. Это на доктора дѣйствуетъ и онъ сейчасъ у него нутреную болѣзнь найдетъ.

Въ дверяхъ стояла кухарка, держалась за притолку и слушала.

— Анна Тихоновна, — сказала она:—а что ежели родителямъ колоколъ на колокольню пожертвовать — не освободятъ?

— Нѣтъ, не освободятъ. Люди церкви строили да и то не принимали во вниманіе. Одно упованіе на Бога.

Кухарка не унималась.

— А что ежели пособрать ундеровъ хорошихъ,—продолжала она:—угостить ихъ и пораспросить: какъ и что... Хотите я сегодня въ казармы сбѣгаю? Тамъ у меня деверь въ ефрейторахъ служитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—замахала руками хозяйка.—Что ундеръ?.. Придутъ, водку выпьютъ да съ тѣмъ и уйдутъ. Лучше эти деньги на два молебна Александроневскому святителю.

— Напрасно, Анна Тихоновна. Ундеръ всякіе подходы знаетъ,—стояла на своемъ кухарка.

— Уйди ты, Матрена! Не раздражай ты меня!—крикнула на нее хозяйка.

— Отецъ-то поди у васъ теперь звѣрь звѣремъ? — спросила гостья.

— Вообразите: — нѣтъ. Въ мягкость впалъ и какъ-бы въ унынiе. Проснется это ночью, толкнетъ это меня въ бокъ и скажетъ: «Анна, что мнѣ чудится, что какъ-будто у насъ въ комнатахъ казакъ ходитъ?» А казака никакого. Одинъ разъ черкесъ ему тоже приснился. Прежде онъ, бывало, Васинькуто за каждую рюмку водки по затылку... даже ежели и при гостяхъ; а вчера вечеромъ сѣли за ужинъ, глядимъ—самъ ему водки подноситъ и говоритъ: «пей, солдатъ!» А у самаго на глазахъ слезы. Такъ мы всѣ вкупѣ и заревѣли!—разсказывала мать.

Въ это время раздался сильный звонокъ. Вошелъ сынъ, будущій рекрутъ и развалился на диванѣ. Онъ былъ уже выпивши. Глаза красны.

— Былъ у Всѣхъ Скорбящей-то?—робко спросила его мать.

— Нѣтъ. Вмѣсто онаго въ трактирѣ на бильярдѣ желтаго въ среднюю рѣзалъ,—отвѣчалъ онъ и крикнулъ:—Что за разспросы! Поднесите мнѣ лучше рюмку коньяку во всемъ своемъ составѣ!

— Сейчасъ, сейчасъ, родной!—засуетилась мать.

Женщины опять завыли.

При чтении афиши.

Утро. На живорыбный садокъ разносчикъ только-что доставилъ афиши. Хозяйскій сынъ въ синемъ кафтанѣ и бѣломъ передникѣ, пившій за стойкой чай изъ граненаго стакапа, тотчасъ-же подхватилъ ихъ и началъ просматривать.

— Бенефисъ Леонидова... «Лакомый кусочекъ»... «Дочь адвоката»... «Отъ радости не умираютъ»... «На рѣкѣ»...—бормоталъ онъ.

У стойки на деревянномъ диванѣ сидѣлъ жирный поваръ съ бульдого-образнымъ лицомъ, пришедшій за покупками, держалъ въ рукѣ кулекъ и тоже пилъ чай.

— Да не токма что на рѣкѣ, а и на постели отъ радости-то не умираютъ, — отвѣчалъ онъ, зѣвая.—Вотъ теперича мой баринъ мнѣ то и дѣло говоритъ: «ну, Сидоръ, при твоемъ ужасномъ полнокровіи каленая плита тебѣ просто гробъ; когда-нибудь около нея тебя хватитъ кондрашка». Это точно, что подчасъ съ похмѣлья ежели, то плита мнѣ туманъ въ голову нагоняетъ, но приди ты, къ примѣру, ко мнѣ, когда я около этой самой плиты дѣйствую и скажи: «Сидоръ Пантелѣевъ, ты по своему билету двѣсти тысячъ выигралъ»—не умру. А ужъ, кажись, чего больше радости, какъ нашему брату двѣсти тысячъ выиграть?

— Ты, Сидоръ Пантелѣичъ, совсѣмъ не въ ту меланхолію попалъ,—возражаетъ ему хозяйскій сынъ.—Тутъ только названіе пьесъ. «Отъ радости не умираютъ» само по себѣ, а на «На рѣкѣ» само по себѣ. Тебя Сидоромъ звать, трактиръ нашъ «Карсомъ» зовется, а пьесу «На рѣкѣ» назвали, значитъ и разговору быть не можетъ—умираютъ отъ радости на рѣкѣ или не умираютъ.

Поваръ нахмурился.

— Будто ужъ и поговорить нельзя, — мрачно произнесъ онъ.

— Отчего нельзя? Давай сколько угодно говорить, но только при другомъ пьедесталѣ. — Вотъ какъ ты думаешь: стравить мнѣ актеру Леонидову за билетъ три порцiонныхъ стерлядки или не стравить?

— Отчего-же... Страви, въ убыткѣ не будешь, на насъ-же потомъ наверстаешь. Леонидовъ—актеръ хорошiй, голосъ у него зычный, роста онъ крупнаго. Кому другому не стоитъ, а ему стоитъ. Роли отхватывать онъ мастеръ.

— То-то, я думаю, что стравить, — продолжалъ купеческiй сынъ.—Главное, что игра хорошая. Теперича «Лакомый кусочекъ»... Тутъ непремѣнно что-нибудь насчетъ балетнаго голоножiя.

— Въ Александринскомъ-то театрѣ да насчетъ балетнаго голоножiя?—воскликнулъ поваръ.—Махнулъ тоже! Балетная игра только въ Большомъ театрѣ и непремѣнно по воскресеньямъ. Я это знаю чудесно. Нашъ старый баринъ завсегда туда ѣздитъ и передъ этимъ самымъ мы ему въ супу *дьябле* съ каеной приготовляемъ.

— Такъ какой-же можетъ быть тутъ лакомый кусочекъ, коли не женское балетное прельщенiе?—стоялъ на своемъ хозяйскiй сынъ.

— Разное прельщенiе. Почемъ ты знаешь, можетъ быть въ пьесѣ и дѣйствительно дѣло идетъ что-нибудь о поварской стряпнѣ. Напримѣръ такой сюжетъ: кулебяка съ налимьими печенками

Хозяйскiй сынъ махнулъ рукой.

— Гдѣ-жъ это видано, чтобъ въ театрѣ актеры стряпню представляли!

— А отчего нѣтъ? Болѣзни-же представляли и самъ ты меня звалъ ихъ смотрѣть.

— Ахъ, это «Болѣзни вѣка»-то. Ну, чтожъ, и смотрѣлъ я ихъ, только ни о какой болѣзни разговора не было, а просто у адвоката жену отравили.

— Пирогомъ?

— Нѣтъ, снадобьемъ. Вылила это адвокатская воздахторша ядъ въ стаканчикъ и говоритъ адвокатской женѣ: «на, пей». Та съ дуру и выпила да такъ безъ болѣзни и Богу душу отдала.

— Ну, а здѣсь тоже самое отравленiе будетъ, только лако-

мымъ кускомъ. Понялъ? Каждый актеръ будетъ изъ себя какой-нибудь лакомый кусокъ изображать и соблазнять, чтобъ на него невинная жертва прельстилась.

Хозяйскій сынъ захохоталъ.

— Эко мелево! — воскликнулъ онъ. — Гдѣ-же это видано, чтобъ актеры кушанья изъ себя изображали! Вотъ Нильскій и хорошій актеръ, онъ на всѣ руки мастеръ, даже женскую ролю играть можетъ, а кулебяку съ налимьими печенками ему не изобразить.

— Изобразитъ,—упрямился поваръ.—Сошьютъ ему костюмъ кулебячій и онъ изобразитъ кулебяку.—Да и отчего нѣтъ? Вѣдь въ балетѣ же вихрь, градъ и снѣгъ играютъ. Разъ я видѣлъ даже, что змѣю и слона играли, такъ отчего-же въ Александринскомъ театрѣ кушанья не сыграть? То-же самое.

— А оттого, что въ Александринскомъ театрѣ одна разговорная часть.

— Пустое! Всякая тамъ часть и окромя разговорной бываетъ.—Я самъ видѣлъ, какъ въ пьесѣ «Безъ собаки быть-бы дракѣ» актеръ Петипа изъ-подъ кровати по собачьи лаялъ, а актеръ Зубовъ въ «Опричникахъ» безъ всякаго разговора изъ-за стола затылкомъ падалъ и въ томъ его вся роль была. Нашлись актёры, чтобъ собачій лай и паденіе изображать, найдутся и на кушанья. Только, братъ, деньги плати, а не токма что кушанья, а даже и что другое похуже изъ себя изобразятъ. Вотъ, напримѣръ, господинъ Бурдинъ могъ-бы разварнаго судака играть, Малышевъ росбифъ, Озеровъ угря маринованнаго, Зубовъ бараній бокъ съ кашей, Каратыгинъ треску по польски съ масломъ и съ яйцами, Петипа фазана, Горбуновъ осетрину по русски. Да что, каждому актеру роль насчетъ кушаньевъ найдется!

На садкѣ всѣ хохотали. Поваръ умолкъ и нюхалъ табакъ.

— Нѣтъ, постой! Ужъ коли началъ, то продолжай,—подзадорилъ его хозяйскій сынъ.—Какую ты роль, къ примѣру, актрисѣ Савиной-бы далъ?—спросилъ онъ.

— Стерлядь, соусъ, пиканъ,—отвѣчалъ, незадумываясь, поваръ.

— Ну, а Сазонову?

— Соусъ съ пѣтушиными гребешками и сладкимъ мясомъ

при отварной пулярк. Марковецкому, какъ старому человку,— размазню, Бродникову—жаренаго каплуна.

— Вы вотъ давича Петип фазана посулили, а ему самое лучшее пирожное безе играть,—вмшался въ разговоръ молчавшій до сего молодой приказчикъ.

— Молчи, Гаврила, не перебивай!—оборвалъ его хозяйскій сынъ.—Продолжай, продолжай Сидоръ Пантелвичъ, — приставалъ онъ къ повару.—Какую роль ты актрис Струйской дашь играть?

— Пусть уху изъ корюшки играетъ. Лучше ее на это и актрисы не подберешь. Стремляновой—куропатку.

— А Варламову?

— Индюка жаренаго и непремнно, чтобъ съ огурцомъ.

— Самойлову ныншнему, не настоящему? — допытывался хозяйскій сынъ.

— Самойлову... Самойлову телятину можно дать съиграть.

— А Полонскому?

— Полонскому... Полонскому,—замялся поваръ.—Актеръ-то онъ такой нескладный... Ну, пусть его бычачье ребро играетъ. Однако, ребята, довольно лясы-то точить! Пора и ко дворамъ...

Поваръ поднялся съ мста и сталъ потирать поясницу.

— Такъ ты мн пришли пару сиговъ-то на пирогъ,—сказалъ онъ хозяйскому сыну. — Это для меня самого, а не для господъ. Кума у меня завтра имянинница, такъ хочу ей презентъ сдлать.

— Ладно, пришлемъ, дари нашимъ товаромъ, только ужъ и ты насъ при случа не обижай, ежели иногда живая стерлять съ запашкомъ легкимъ будетъ. У васъ при поварскомъ приготовленіи сойдетъ въ лучшемъ вид.

— Ну, вотъ! толкуй тутъ! Знамо дло, что сойдетъ. А ты сиговъ-то въ счетъ не ставь. Когда-нибудь тебя за нихъ я чаемъ попотчую, ну и сочтемся. За симъ письмомъ до пріятнаго свиданія!

Поваръ крякнулъ, и переваливаясь съ ноги на ногу, ушелъ съ садка.

При вынутии жребія.

Въ залѣ городской думы — группы. На возвышеніи вынимаютъ жребій по воинской повинности. Около возвышенія совсѣмъ уже толпа. Отъ группы къ группѣ бродитъ какая-то полупьяная чуйка съ жиденькой клинистой бородкой и краснымъ лицемъ. Волосы у чуйки растрепаны и свѣсившись на лобъ; одинъ глазъ попорченъ оспой. Чуйка то и дѣло натыкается на людей и расшаркиваясь говоритъ: «пардонъ». Это вызываетъ у всѣхъ улыбку, но одна дама возмутилась и воскликнула:

— Непонятно, что сюда пьяныхъ впускаютъ!

— Вовсе даже и не пьянъ, а что выпивши, такъ это съ горя, мадамъ,—откликается чуйка.—Эдакое страшное дѣло и вдругъ не выпить—не возможно! У насъ племяшъ въ солдаты идетъ. Самъ онъ хмѣльнаго не потребляетъ—ну, я за него. За него и пью. Ей-Богу! А то-бы и вниманія не взялъ. Какъ я теперича поутру отъ одра востану—сейчасъ онъ: «пей, дяденька, теперь ужъ все-равно»! И вынимаетъ для меня тридцать копѣекъ. И вотъ въ эдакомъ манерѣ я седьмой день. Рѣзчикъ-то онъ какой! Ужасти подобно! На однихъ аптечныхъ орлахъ четыре красненькія безъ синюхи въ прошломъ мѣсяцѣ наковырялъ.

Дама давно ужъ отошла, передъ чуйкой стоялъ купецъ. а чуйка все еще продолжалъ бормотать:

— Теперича дай ты ему березовый корень—и онъ тебѣ живымъ манеромъ трубку курильную, либо щикатулку вырѣжетъ; такъ какъ тутъ съ горя не пить, коли берутъ? Правильно я ваше степенство?...

— Вовсе не правильно, качаетъ головой купецъ.—Ну, куда тебя взять? Ты и на лазаретную фуру, такъ и то ни лбомъ, ни затылкомъ не вышелъ.

— За то у меня всѣ зубы цѣлы.

— Ну, такъ что-жъ что зубы? Вѣдь тебя не на выжигу брать-то, а въ солдаты.

— Да меня ваше степенное степенство и не берутъ, а берутъ племянника нашего. Анну Ивановну Булкареву изволите знать?.. Такъ вотъ онъ имъ туалетъ изъ мериканскаго орѣха рѣзалъ.

— Эхъ, дерево стоеросовое! А я думалъ, что ты съ своего собственнаго горя пьянъ,—говоритъ купецъ и отворачивается.

Чуйка слегка треплетъ его по плечу.

— Господинъ купецъ, ваше благоутробіе,—шепчетъ онъ.— Для цигарочнаго куренія тутъ въ думѣ мѣсто отведено, а для распивочной потребности—отказъ... Понялъ? Давай сюда двадцать копѣекъ... Я живымъ манеромъ со стекломъ въ рукавѣ пронесу. Вонъ въ томъ углу изъ горлышка и самъ выпьешь, и меня поподчуешь.

Купецъ нахмурился, озирается по сторонамъ и ни къ кому не обращаясь, говоритъ:

— Странно, что здѣсь при такомъ безпутствѣ и городоваго нѣтъ, чтобъ ему хмѣльныхъ поручить, которые ежели въ безобразіи!

Чуйка, услыша о городовомъ, отходитъ отъ купца, натыкается на священника и проситъ у него благословенія.

Тотъ исполняетъ.

— Сынка, ваше высокопреподобіе сдаете?—обращается чуйка къ нему съ вопросомъ.

— Нѣтъ, не сына, но деверь племянницѣ моей по женину колѣну сегодня жребій вынимаетъ,—отвѣчаетъ священникъ.

— Жалко, жалко... Все-таки близкій родственникъ. А овчинный тулупъ шерстью вверхъ вы на немъ не изволили для счастія выворачивать?

— То-есть какъ это?..—недоумѣваетъ священникъ.

— А такъ: надѣть на него тулупъ на изнанку да водой съ семи углей отъ семи печей и спрыснуть. У меня тоже племяшъ вотъ въ солдаты намѣченъ, такъ мы съ нимъ для счастья эту прокламацію дѣлали. Говорятъ, помогаетъ.

— Сомнительно. Мы пуще уповаемъ на Бога, а волхвованіемъ не занимаемся. Да и вамъ не совѣтовалъ-бы, потому это великій грѣхъ.

— Знаемъ, что грѣхъ, да племяшъ-то ужъ очень хорошъ— оттого. Авось Богъ проститъ. Потомъ къ вамъ-же придемъ молебенъ служить. Вы отца дьякона у Екатерины Великомученицы изволите знать? Такъ вотъ онъ ему кіоту къ образу рѣзалъ. Да вѣдь какъ вырѣзалъ-то! Ангелы, а поверхъ всего кипарисная вѣтвь. Мы, ваше преподобіе, тоже рѣзчики, но такихъ художествъ не можемъ... Вотъ ежели-бы сапожную колодку на вашу ногу—въ лучшемъ видѣ!.. Шаня! Шань!—окликаетъ чуйка опрятно одѣтаго парня, и когда тотъ подходитъ, говоритъ священнику:—Благословите и его, батюшка. Онъ, дай ему Богъ здоровья, седьмой день меня угощаетъ.

— Окрилитесь рѣшимостью, молодой человѣкъ, — говоритъ священникъ, благословляя.—Помните, что вы за вѣру идете.

— Да-съ, это точно что за вѣру, но пуще за брата. У меня братъ женатый; такъ за него. Мы близнецы, — поясняетъ парень.

— Ну, вотъ и чудесно, коли вы такую христіанскую любовь къ брату питаете.

Чуйка не дослышалъ.

— Брата онъ, ваше благородіе, совсѣмъ не питаетъ, говоритъ онъ. — А вотъ меня, такъ это дѣйствительно... Теперича со вторника каждый день отъ него такія слова слышу: «нате вамъ, дяденька, тридцать копѣекъ на вино»... А теперь я послѣ него сирота круглая! — слезится чуйка, и поднявъ полу, отираетъ ею свои глаза.—А что до храбрости, то онъ даже вопль въ себѣ чувствуетъ. Можешь ты, Шаня, сейчасъ Афганъ брать идти?—спрашиваетъ чуйка племянника.

— Могу, дяденька!

— Ну, вотъ извольте видѣть, какъ разсуждаетъ! И это вѣрно-съ. Я то разсужденіе въ себѣ содержу, что онъ даже самое мурзу афганскую въ полонъ взять, по своему храброму воплю, можетъ, потому онъ, будучи еще мальченкой махонькимъ, подрался на голубятнѣ съ товарищемъ изъ-за турмана и оттелева кверху тормашками вмѣстѣ съ нимъ внизъ. Ей-ей. Сейчасъ околѣть! Выбѣжали мы въ тѣ поры, чтобъ его поднимать, а онъ, страху подобно: лежитъ весь въ крови, товарища держитъ за шиворотъ и ухо ему кусаетъ. Храбрости въ немъ хоть отбавляй! А вотъ я сирота!

Чуйка совсѣмъ уже плачетъ пьяными слезами, пятится къ

скамейкѣ и не оглянувшись садится на колѣни къ какой-то купчихѣ. Та вскрикиваетъ:

— Послушайте! Вѣдь это безобразіе! Нешто не видите, что тутъ дамское тѣло!

— Пардонъ, пардонъ, мадамъ, — бормочетъ чуйка, но къ нему уже подходитъ купецъ.

— Достаточно ужъ мы къ твоему художеству приглядываемся и хоша здѣсь нѣтъ городоваго сословія, но мы и безъ полиціи тебя вонъ выведемъ,—говоритъ онъ, беретъ чуйку подъ руку и тащитъ его къ двери.

Тотъ упирается.

ИГРА ВЪ ФАНТЫ.

У купца Трехшерстнаго на Гурія, Самома и Авива были гости. Самъ Гурій Тереньтьичъ былъ имянинникъ. Мужчины играли въ мушку съ «Авганомъ Эмирскимъ», то-есть съ пиковымъ тузомъ, дамы долго толковали о синякахъ какой-то Анны Дмитріевны, которые имъ удалось видѣть на ней въ банѣ, долго спорили, кто виновникъ этихъ синяковъ—мужъ или басистый пѣвчій Никодимовъ, выпили по четыре «мадерки» и умолкли, заклевавъ носомъ на диванѣ. Дѣвицы сначала танцовали «подъ альбомъ». За неимѣніемъ фортепьяно и гитары, музыкой имъ служилъ альбомъ съ органчикомъ, наигрывающимъ кадриль. Кавалеровъ было достаточно, такъ-какъ хозяинъ пригласилъ для танцевъ четверыхъ приказчиковъ изъ своей рыбной лавки. Танцы и продолжались-бы, но вдругъ дѣвицы замѣтили, что приказчики пахнутъ соленой рыбой и селедками и на отрѣзъ отказались танцовать съ ними. Приказчики обидѣлись, ретировались къ закускѣ и начали «глотать горностаевый забалуй».

— Это ты вѣрно, Семенъ, забылъ обмыться? Отъ тебя несетъ сельдями, упрекали они своего товарища.

— Забылъ обмыться!—оправдывался тотъ.—Нѣтъ, я не забылъ, да что-жъ подѣлаешь, коли даже сѣрое мыло не беретъ. Я сегодня по-утру полѣзъ въ лавкѣ на верхнюю полку да и опрокинулъ себѣ на голову сельдяной боченокъ съ разсоломъ. Да и что тутъ такого противнаго? Вѣдь ѣдятъ-же онѣ сами селедки.

— Однако, братъ, все-таки, ты-бы хоть палку фикстуару себѣ не голову вымазалъ, что-ли, чтобъ задушить запахъ.

— Мазалъ, но никакого толку. Просто тутъ хозяйская гордость, а не селедка. И кто это первый выдумалъ про селедку?— Пелагея Трифоновна. Отъ нея самой дегтемъ несетъ, такъ-какъ она у своего отца на извозчичьемъ дворѣ живетъ, однако, я ей не подпустилъ куплетъ насчетъ дегтя!

Дѣвицы начали скучать. Два купеческихъ сына, одинъ лабазникъ, другой желѣзникъ, предложили играть въ фанты, но кавалеровъ было мало. Стали звать опять приказчиковъ.

— Идите въ фанты играть,—кричали имъ дѣвицы.—Только садитесь отъ насъ подальше и близко не подходите.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ-же... Мерсисъ бонжуромъ за такой комплиментъ,—обидчиво отвѣчали приказчики.—Мы вотъ лучше около закуски стойку будемъ дѣлать.

— Идите-же, коли вамъ говорятъ!—строго крикнула хозяйская дочка.

— Не пойдемъ-съ, Раиса Гурьевна! Скажите прежде вашему папенькѣ, чтобы онъ амбреемъ съ гвоздичной помадой взамѣсто селедокъ торговать началъ. А то мы ему капиталъ рыбнымъ духомъ составляемъ, а вы насъ конфузите!

Фанты начались безъ нихъ.

— Барыня прислала сто рублей, что хотите то купите, да и нѣтъ не говорите, чернаго и бѣлаго не покупайте. Что вы себѣ купите?—вопрошалъ молодой купеческій «соврасикъ» въ рукавчикахъ съ запонками, на которыхъ были изображены трехъ-рублевая и пяти-рублевая бумажки.

— Ничего-съ,—жеманилась передъ нимъ курносенькая бѣлокурая дѣвушка.—Вы съ вашимъ папенькой такимъ товаромъ торгуете, что у васъ барышнѣ и покупать нечего. У васъ скипидаръ да вохра.

— Ошибаетесь-съ. Вареное масло и купоросъ есть,—отвѣчалъ «соврасикъ».—Наконецъ каретный лакъ и копытная мазь.

— Мой папенька извозомъ не занимается. Къ Пелагеѣ Трифоновнѣ ступайте. У нихъ извозъ.

— Но наконецъ у насъ и для васъ есть товаръ по москательной части. Персидскаго порошка не желаете-ли?

— Нѣтъ, не надо. У насъ нѣтъ ни блохъ, ни таракановъ...

— Фантъ пожалуйте! Вы два раза «нѣтъ» сказали,—словилъ ее «соврасикъ».

Дѣвица дала платокъ. «Соврасикъ» пошелъ далѣе съ своимъ «барыня прислала сто рублей». Мужчины изъявляли желаніе пріобрѣсти слѣдующія покупки:

— Торпеду, чтобъ женскій сердечный мониторъ взорвать,—сказалъ купеческій сынъ изъ лабаза, и вздохнувъ, стрѣльнулъ глазами по направленію къ хозяйской дочкѣ.

— Вы не антилеристъ и съ торпедой не сладите, — отвѣчала та.

— Но скоропалительная любовь моихъ чувствъ можетъ обратить меня даже въ лезгинскаго черкеса. Для васъ я хоть въ морскую кавалерію пойду при воздушной пѣхотѣ...

Молодой желѣзникъ относительно покупки произнесъ:

— А мнѣ штыкъ требуется. Мы желѣзомъ торгуемъ и умѣемъ съ оружіемъ обращаться. Штыкомъ-бы я сейчасъ тому вьюношѣ глаза выкололъ, который на Варвару Панфиловну свои глазенапы запускаетъ и коварные вздохи произноситъ.

«Вьюноша» не стерпѣлъ и тотчасъ-же брякнулъ въ отвѣтъ:

— Хоша мы суровскимъ, а не желѣзнымъ товаромъ торгуемъ, но изъ-за разпрекрасной дѣвицы, по своимъ чувствамъ, желѣзнымъ аршиномъ сразиться можемъ и повѣрьте, что нашъ аршинъ всегда супротивъ вашего штыка выстоитъ.

— Ахъ, какая шарада противъ насъ! Вашъ ребусъ мы такъ поняли, что это дуэль?

— Не дуэль, а просто подмикитка подъ вашъ длинный языкъ!

Поднялась ссора, но дѣвицы помирили кавалеровъ.

Начали вынимать фанты. Смирившійся приказчикъ, съ сельдянымъ запахомъ, подошелъ къ играющимъ, и какъ лицо нейтральное въ игрѣ, сталъ отвѣчать на вопросъ: «чей фантъ вынется—кому тогда чѣмъ быть». Въ своихъ отвѣтахъ онъ старался «гнуть на современность».

— Ежели кавалеръ, то Юханцевымъ ему быть, а ежели барышня, то Гулакъ-Артемовской, — отвѣчалъ онъ на первый вопросъ.

Вынули первый фантъ желѣзника. Тотъ тотчасъ-же подбѣжалъ къ востроносенькой Варварѣ Панфиловнѣ:

— Честь имѣю рекомендоваться!—сказалъ онъ.—Я кассиръ Юханцевъ, а вы касса и потому я васъ ограбить хочу. Пожалуйте сто штукъ рыбинско-бологовскихъ....

— Я совсѣмъ не понимаю тотъ сюжетъ, про который вы говорите,—жеманилась дѣвушка.

— Сюжетъ нашъ очень простъ: сотню рыбинско-бологовскихъ поцѣлуевъ требую. Выставляйте ваши малиновыя губки на биржу!

— Ни за что на свѣтѣ! Пожалуйста, поворотъ отъ нашихъ воротъ!

— Въ такомъ разѣ я, какъ Юханцевъ, ограбленіе сдѣлаю. Своя рука—владыка! Разъ, два, три!—воскликнулъ желѣзникъ, и схвативъ дѣвицу въ объятія, началъ чмокать ее въ глаза, носъ и губы.

Дѣвушка визжала, но кавалеръ не унимался. Его насилу оттащили отъ нея.

— Дуракъ!—сказала она, оправляя на себѣ платье и отряхиваясь.

— Изъ прелестныхъ устъ пріятно даже и такой куплетъ слышать!—Но вы изволили въ фальшъ проникнуть: Юханцевъ никогда дуракомъ не былъ. Дураки крупными кушами не хапаютъ.

— Чей фантъ вынется, тому кѣмъ быть?—снова слышится вопросъ.

— Ежели дамскому племени, то Гулакъ-Артемовской, а мужскому согласію, то Безобразовымъ, что Ковальчукову изъ замужней во вдову превратилъ.

— Фантъ вынули хозяйской дочери. Мужчины согласились, что поцѣлуевъ требовать не будутъ. Она подошла къ желѣзнику.

— Я Гулакъ-Артемовская. Давайте въ дураки играть.

— Мерси вамъ. Варвара Панфиловна и такъ ужъ сейчасъ мнѣ дуракомъ бокъ нагрѣла. Заживите сію проницательную рану тремя поцѣлуйчиками...

— Нельзя-съ. Поцѣлуевъ обѣщали не просить,—отрѣзала дѣвушка.

— Я московскій адвокатъ Веселовскій и для меня обѣщаніе ничего не составляетъ. Тотъ тоже за кассацію хотѣлъ взять дешевле пареной рѣпы. Сорвемъ и мы!

Чмокъ, чмокъ, чмокъ!—расцѣловалъ хозяйскую дочку желѣзникъ, но у него ее вырвалъ изъ рукъ приказчикъ съ сельдянымъ запахомъ, и крикнувъ: «а мнѣ за маклерство!»—въ свою очередь началъ чмокать.

— Папенька, заступитесь! Меня нашъ собственный молодецъ Герасимъ цѣлуетъ!—вопила хозяйская дочка.

Отецъ и гости выскочили изъ-за картъ. Сдѣлалась суматоха. Приказчикъ бросился въ бѣгство и удралъ на дворъ.

ВЪ ПРИКАЗЧИЧЬЕМЪ КЛУБѢ.

Воскресенье, а потому въ приказчичьемъ клубѣ и публика «воскресная». Главнымъ образомъ свирѣпствуетъ приказчикъ съ Апраксина двора и съ Маріинской линіи. Попадаются и лабазники изъ Никольскаго рынка, очень много мастерицъ изъ модныхъ магазиновъ, отъ портнихъ и бѣлошвеекъ; пришли два офицера «поохотиться» на женскій полъ, гуляетъ по залу армянинъ въ восточномъ костюмѣ и марширует около буфета, гремя шпорами, берейторъ. Рейнбольдъ играетъ польку; въ залѣ танцуютъ, въ буфетѣ «опрокидываютъ», въ зимнемъ саду пьютъ чай, въ мушкарской комнатѣ «жарятъ» и «нажигаютъ бокъ».

Въ залѣ къ молоденькой, но уже начинающей «линять» дѣвушкѣ подходитъ армянинъ.

— Позволте васъ просыть, баришна, ходить на насъ танцы,— говоритъ онъ, откидывая длинные рукава восточнаго костюма за спину.

— Извольте. Только вы не очень трясите и главное не напирайте на публику, — отвѣчаетъ дѣвушка, поднимаясь съ мѣста. — А то прошлый разъ налетѣли и ударили меня затылкомъ о даму: у нея шпилка въ голову воткнулась, а я гребенку пополамъ сломала. Что хорошаго? Гребенка шесть гривенъ стоитъ.

— Ходите безъ задержка... Какъ самый учтивый кавалеръ танцы танцовать будемъ. Тры звонки было и желѣзная дорога не ждетъ,—остритъ армянинъ, подхватываетъ дѣвушку за талію и мчится.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, онъ сажаетъ ее на мѣсто.

— Ну, что, хорошо было? И теперь въ самое то гнэздо, съ котораго взялъ, туда и посадылъ,—поясняетъ онъ.

— Мерси васъ. Хорошо-то хорошо, только очень крѣпко прижимаете,—даетъ отвѣтъ дѣвушка.

— Жаркія чувства всегда лучши чэмъ холодныя чувства. Позволте проситъ на кадрилъ?

— Извольте, только пожалуйста подолъ не оборвите. Послушайте, вы изъ магазина съ Невскаго? — задаетъ ему вопросъ дѣвушка.

— Нэтъ, я армэнскій офицеръ.

— Неправда, я васъ видѣла въ халатной лавкѣ, гдѣ канаусъ продаютъ.

— Это вѣрно. А я лошадиное сэдло себѣ и персидска парашокъ на блохъ покупалъ.

— Коварный обманъ съ вашей стороны и больше ничего! Я сама видѣла, какъ вы за прилавкомъ стояли и шаль барину продавали. А говорите, что офицеръ! Вы приказчикъ.

— Это ничего нэ значитъ. У насъ всяки приказчикъ армenски офицеръ, а хозяинъ армenски генералъ, вывертывается армянинъ.—А что ваша грэбэнка—я вамъ куплу грэбэнка.

— Лучше мороженнымъ поподчуйте.

— Хорошо, изволте. Ходи на насъ!

Армянинъ подаетъ дѣвушкѣ руку и ведетъ ее въ зимній садъ.

Въ зимнемъ саду сидятъ два юные приказчика съ Апраксина. Одинъ блондинъ, другой брюнетъ. Передъ ними бутылка шампанскаго съ бѣлой пробкой. Приказчики, видимо, хвастаются передъ публикой бутылкой, курятъ длинныя сигары, которыя то и дѣло у нихъ потухаютъ,—и куражатся.

— Сеня! А вѣдь никто не можетъ замѣтить, что наши отцы теперь въ деревнѣ во всемъ своемъ невѣжествѣ существуютъ и на толокнѣ съ треской сидятъ, — говоритъ бѣлокурый приказчикъ.

— Никто. Совсѣмъ на полномъ купеческомъ положеніи состоимъ, а ежели французскихъ словъ подсыпать, то и за господъ сойдти можемъ,—отвѣчаетъ брюнетъ. — Хочешь сейчасъ ананаса себѣ спросимъ? Ну, жги! Заказывай!

— Зачѣмъ ананасъ! Лучше по порціи раковъ и по рюмкѣ мараскину. А ты устрицу съѣсть можешь?

— Ежели на споръ дѣло, то съѣмъ. Я разъ у Бореля черепашью ногу глодалъ.

Мимо ихъ проходитъ фрачникъ.

— Человѣкъ! огня! кричитъ блондинъ и показываетъ ему потухшую сигару.

Тотъ останавливается и трясетъ головой.

— Вихры-то у тебя цѣлы?—спрашиваетъ онъ.—Коли цѣлы, такъ я тебѣ этотъ самый апраксинскій-то «капуль» почище хозяина растреплю! На цѣлую подушку изъ него шерсти понятаскаю.

— Ахъ, пардонъ, что васъ за человѣка приняли!—говоритъ брюнетъ, и вставъ съ мѣста, раскланивается.

— И пардонъ тебѣ этотъ въ лучшемъ видѣ отзвоню. Награбилъ изъ хозяйской выручки за голенищу, да и куражишься! У насъ, братъ, расправа коротка: вдоль — выволочка, а поперегъ—тряска!

— Чего-съ? протягиваютъ брюнетъ и блондинъ и становятся въ воинственную позу.

— Ничего-съ. Проѣхало, и колесо цѣло!

— Однако, въ какомъ составѣ вы имѣете такую праву, чтобы насъ въ грабительствѣ обвинять! Нешто вы прокуроръ?

— Ничего это не значитъ,—горячится фрачникъ. — Мы и прокурору насчетъ вашего брата носъ утремъ. На двадцать-то рублей въ мѣсяцъ безъ грабительства немного съ шампанскимъ напляшешь! А тутъ такой фокусъ: хозяинъ въ трактиръ, а ты взялъ изъ выручки—и въ сапогъ...

— А можетъ не въ тотъ альбомъ попалъ! Межетъ быть у меня на Калашниковой семи-этажный домъ выстроенъ?

— Семи-этажная грабля у тебя къ плечу привинчена, а не семи-этажный домъ! Брысь! Чего напираешь? А то такъ хрястну, что петли въ скулахъ заскрипятъ.—кричитъ фрачникъ.

Собирается публика.

— Господа! Я требую протоколъ составить! — говоритъ брюнетъ.—Онъ меня назвалъ хозяйскимъ грабителемъ, а у меня тетка свой собственный домъ на Васильевскомъ островѣ имѣетъ, и окромя того, у нея шесть огородовъ.

При словѣ «протоколъ» фрачникъ старается улизнуть. Брюнетъ бѣжитъ за нимъ; блондинъ его останавливаетъ.

— Сеня, брось! Какой тутъ протоколъ! — говоритъ онъ.— Еще неравно до хозяина дѣло дойдетъ. Ну, что тутъ! Поругались и будетъ. А ты лучше вотъ что сдѣлай: встрѣтишься съ нимъ опять и ткни его цигаркой въ нюхало.

Брюнетъ успокоивается. Наскоро допивъ шампанское, приказчики идутъ искать фрачника въ билліардную, но попадаютъ

въ «мушкарскую». Тамъ, за столомъ, окруженный шестью дамами, сидитъ ихъ знакомый купецъ и играетъ въ мушку.

— Селиверстъ Парамонычъ! Какъ дѣйствуешь среди дамскаго сословія?—кричатъ они ему.

— Да что, братики, какъ пѣтухъ между шести куръ попалъ!—отвѣчаетъ купецъ.—По ходу пѣтушинаго дѣла мнѣ-бы ихъ сестру щипать надо, а въ нашемъ манерѣ онѣ меня клюютъ. Семь зеленыхъ съ гребня отполосовали.

— За то ты теперь съ Афганомъ вровень и на подобіе какъ бы въ гаремѣ дѣйствуешь. Одно только трубки султанской для афганскаго вида не хватаетъ. Дѣйствуй, Селиверстъ Парамонычъ!

— Дѣйствовать-то, ребята, статья неподходящая! Овчинка выдѣлки не стоитъ,—снова откликается купецъ.—Вонъ вокругъ меня какой товаръ сидитъ! Какъ на него польститься-то?

— Не кричите, господа! Играйте, господинъ купецъ!—замѣчаютъ ему дамы.

— И играемъ-съ. Четыре карты пожалуйте. Къ Гулакъ Артемовской покупаемъ. Авось на сей разъ не надуетъ.—Сеня коли нравится кто—выбирай изъ моего курятника,—не заспорю!—Есть здѣсь и нѣмка, есть и чухонской масти, есть и жидовскаго сословія. Одно только, французинки для комплекта не хватаетъ,—не унимается купецъ.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же?—опять откликается брюнетъ Это твое счастье, а намъ такой товаръ, который ежели старѣе попова кота безъ хвоста,—не требуется!

— Господа! Это оскорбленіе! Мы старшину позовемъ!—возмущается какая-то дама.—Послѣ этого мы съ вами играть не хотимъ!—говоритъ она купцу.

— Те-те! Не горячись, печенка лопнетъ!—дразнитъ ее тотъ Обобрала да и играть не хочу. Ловко!

Мушка кончается. Ее выигрываетъ возмутившаяся дама.

— На, обирай сайки съ квасомъ! — говоритъ купецъ, разсчитываясь.—Я, братъ, и самъ продолжать не намѣренъ. Надъ тоже и щетину свою пожалѣть. Довольно!

Купецъ встаетъ съ мѣста, и обратясь къ приказчикамъ, восклицаетъ:

— Клюнемте по горшечку горностаю!

СОВРЕМЕННЫЙ РЕВНИВЕЦЪ.

Чистенькая гостиная: лампа подъ абажуромъ, каминъ съ зеркаломъ; на стѣнахъ олеографіи въ золотыхъ рамахъ, въ углу на тумбочкѣ бронзовые часы. По комнатѣ съ угла въ уголъ ходитъ среднихъ лѣтъ мужчина. Онъ въ какой-то ажитаціи пощипываетъ свои элегантные бакенбарды и то и дѣло смотритъ на часы.

— Скоро двѣнадцать, а ея все еще нѣтъ! Нѣтъ, для порядочной, замужней женщины это уже слишкомъ! — бормочетъ онъ.—Пусть только пріѣдетъ, я ей покажу!

На лѣстницѣ кто-то громко хлопнулъ дверью, раздаются шаги. Мужчина бѣжитъ въ прихожую, прислушивается, но звонка не слышно.

— Нѣтъ, это не она! Ай да Марья Ивановна! И это за все то, что я сдѣлалъ для нея!—продолжалъ онъ.—Чудесно, прекрасно! Содержанка, что живетъ надъ нами, и та давеча, когда я входилъ по лѣстницѣ, уже пріѣхала домой, а мать семейства—еще нѣтъ.

Къ подъѣзду подъѣхала карета. Мужчина вскочилъ на стулъ, отворилъ форточку и сталъ смотрѣть въ нее. Свѣтъ уличнаго фонаря освѣщалъ хорошо. Изъ кареты выскочила его жена и захлопнула дверцу.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ мужъ, соскочивъ со стула, нахмурилъ брови и сдѣлалъ грозный видъ.

Звонокъ. Въ гостиную вбѣжала жена. Она была запыхавшись и на ходу снимала съ себя шляпку.

— А, ты ужъ дома, Сергѣй Петровичъ! — проговорила она и бросилась къ мужу.

Тотъ отстранилъ ее отъ себя и по наполеоновски сложилъ на груди руки.

— Давно дома, какъ и подобаетъ семейному человѣку, — отвѣчалъ онъ. — Но гдѣ это вы шлялись, сударыня, и съ кѣмъ?

— Что за тонъ! — фыркнула жена.

— Тонъ для васъ самый подходящій. Я васъ спрашиваю: гдѣ вы шлялись?

— Сначала я отправилась къ Варварѣ Семеновнѣ, потомъ она меня пригласила въ театръ и наконецъ была на-столько любезна, что довезла меня даже до нашего подъѣзда.

— Въ каретѣ? И на прощаньи подала вамъ руку изъ окна кареты?

— Да, въ каретѣ. И подала мнѣ руку. А вы подсмаривать за мной!

— Я не подсматривалъ, а просто видѣлъ изъ окна руку вашей Варвары Семеновны въ рукавѣ съ краснымъ обшлагомъ.

— Однако, ужъ это слишкомъ, милостивый государь! Вы больны.

— А вы здоровы? Прихожу изъ клуба, звонюсь, думаю васъ застать дома и вдругъ...

— Не могу-же я сидѣть дома и какъ медъ киснуть.

— Вы обязаны киснуть, сударыня. Я женился на васъ безъ приданаго, не взявъ даже обычныхъ тряпокъ, далъ вамъ обстановку, познакомилъ васъ съ почтенными людьми.

— Плюю я на вашихъ почтенныхъ людей съ выѣденными молью головами!

— Отлично! И это говоритъ нищая, которую я призрѣлъ!

— Что это? Упреки! Такъ знайте-же, что женясь на мнѣ, вы разсчитывали на мою красоту, а это для мужа тоже въ нѣкоторомъ родѣ капиталъ. Вы хитрый мужиченко и ежели поправили свои дѣлишки, то благодаря мнѣ и моей красотѣ! Я для васъ выпросила мѣсто кассира, а то-бы вамъ долго пришлось ползать простымъ конторщикомъ. Черезъ меня вы и двойную награду къ празднику получили.

— Молчать!

— Не буду я молчать! Видно правда-то глаза колетъ!

— Въ такомъ случаѣ я тебя заставлю молчать!

Мужъ схватилъ каминные щипцы и замахнулся.

— Тронь, тронь только! Еще одинъ жестъ, и я сейчасъ разобью стекла въ окнѣ и буду кричать, что меня бьютъ, рѣжутъ! Пусть выдетъ скандалъ, пусть сбѣжится народъ. Мало того, пріѣдетъ къ намъ твой директоръ и я разскажу ему какой ты извергъ, какой ты тиранъ! — кричала женщина и въ свою очередь вооружилась подсвѣчникомъ, чтобы пустить имъ въ стекло окна.

— Безумная женщина! — проговорилъ мужъ и опустилъ щипцы.

— Ага, испугались! Вы знаете, что вашъ директоръ ни въ чемъ мнѣ не откажетъ; не откажетъ даже въ томъ, ежели-бы я попросила его даже выгнать васъ со службы. Вашъ директоръ всецѣло преклоняется передъ капиталомъ той женщины, которую вы назвали нищей.

Женщина отчеканила слова и умолкла. Водворилась пауза. Мужъ положилъ щипцы и ерошилъ себѣ волосы.

— Но объясни-же мнѣ, пожалуйста, кто тебя привезъ къ нашему подъѣзду?—спросилъ онъ уже двумя тонами ниже. — Варвара Семеновна, какъ мнѣ извѣстно, не куритъ, а я ясно видѣлъ, какъ въ окнѣ кареты мелькалъ огонь папиросы.

— Прощайте, я спать пойду. Довольно. Мнѣ нужно поберечь свое здоровье для нашего ребенка,—рѣшительно произнесла жена.

— Ужъ будто для нашего? Я думаю скорѣй для вашего, — укололъ ее мужъ, подчеркнулъ слово «вашего»!

— Ахъ, вы мерзавецъ! Мерзавецъ!

— Марья Ивановна, не забывайся! Кто былъ тотъ мужчина, съ которымъ ты сидѣла въ каретѣ, иначе я тебя и въ спальню не пущу?

— Никогда не скажу и всегда буду съ нимъ ѣздить. Не троньте меня, а то этотъ подсвѣчникъ!..

Мужъ смирился.

— Мари, Машенька, я тебя честью прошу, скажи кто съ тобой былъ въ каретѣ? — умолялъ онъ.—Ну, дай мнѣ клятву, что на будущее время ты не будешь такъ опрометчива. Обѣщай мнѣ, что это въ послѣдній разъ.

— Нѣтъ, не въ послѣдній. Какъ только ты уѣдешь въ купеческій клубъ, сейчасъ и я исчезну изъ дома и вернусь въ

опровожденіи Варвары Семеновны съ краснымъ обшлагомъ и папироской.

— Дурочка, да пойми ты, что я уѣзжаю изъ дома для нашего общаго блага.

— Для какого это такого нашего общаго блага?—спросила жена.

— Да, для блага, для дѣла, для благасостоянія. Такъ было и сегодня. Зачѣмъ-же ты хочешь, чтобы я, принося такую жертву еще безпокоился во время моего отсутствія, не бывъ увѣренъ дома ли ты...

— Жертву? Вы приносили сегодня жертву?

— Да, жертву. Вѣдь сегодня обѣщался пріѣхать къ намъ въ гости нашъ директоръ, но я замѣтилъ, что онъ всегда бываетъ недоволенъ, когда я дома, вотъ я и ушелъ. И представь себѣ, онъ пріѣзжалъ два раза, два раза спрашивалъ о тебѣ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Я тебѣ вѣрю, но ревную ради директора. Ну, посуди сама, что онъ скажетъ, ежели узнаетъ объ этой несчастной рукѣ въ красномъ обшлагѣ? Вѣдь онъ ухаживаетъ за тобой, какъ за скромной, замужней женщиной и, какъ всѣ старики, ужасно ревнивъ. Онъ перестанетъ къ намъ ѣздить и тогда полетитъ къ чорту все наше благосостояніе! Подумай, другъ мой, и о себѣ и обо мнѣ...

Произнеся эту тираду, мужъ умолкъ и бросилъ на жену умоляющій взоръ. Посмотрѣла на него и жена, гордо откинула назадъ голову и плюнула ему прямо въ лицо.

ВЪ КОНЦЕРТѢ КОНСЕРВАТОРІИ.

Концертъ въ консерваторіи. Антрактъ. Публика высшая, все больше постоянные посѣтители и въ большинствѣ случаевъ знакомые другъ съ другомъ. Виднѣются фраки, бѣлые галстухи, нарядныя женскія платья. Чинно до чопорности. Образовались группы, бесѣдуютъ объ искусствѣ. Есть и скучающіе наблюдатели, неизвѣстно для чего пріѣхавшіе, есть купецъ. Одѣтъ онъ по послѣдней модѣ, во фракѣ, также какъ и всѣ въ бѣломъ галстухѣ, въ перчаткахъ, съ складной шляпой въ рукахъ, но всякій скажетъ, что онъ купецъ—складка ужъ такая. Рыжеватая борода подстрижена, лице сіяетъ цвѣтущимъ здоровьемъ, объемистое брюшко и дорогой брилліантовый перстень поверхъ бѣлой перчатки. Купецъ старается держать себя развязно, ходитъ по залѣ, прижавъ къ груди шляпу, и даже наступая кому-нибудь на ногу или на шлейфъ, говоритъ, «пардонъ».

— А! Почтеннѣйшій Антиподистъ Семеновичъ!—встрѣчаетъ его маленькій плѣшивый старичекъ съ орденомъ на шеѣ. — Какими судьбами! Вотъ ужъ не чаялъ, не гадалъ именно здѣсь васъ встрѣтить.

Купецъ поклонился и отвѣчалъ:

— Во всю цивилизацію, ваше превосходительство, зажили, оттого... Мы ужъ нынче наше мясное дѣло по боку... Какъ папаша нашъ кончину праведную пріяли, мы взамѣсто того чтобъ покупать на площадкѣ рогатое сословіе, сейчасъ это парой домовъ занялись, ну, и на биржѣ тоже фондами ковыряемъ.

— А подряды? Вы вѣдь намъ въ больницу молоко и масло ставили.

— Тоже съ горы спустили. Довольно-съ. Надо и образованіемъ заняться среди нашей сѣрости, вотъ мы по всѣмъ моднымъ мѣстамъ и маршируемъ среди аристократовъ. Полировка мнѣ, ваше превосходительство, нужна, такъ изъ-за нея больше. Супруга наша, баба неотесанная, въ всевышнюю вѣчность отошла, значитъ чего-жъ намъ?.. Теперь я вольный казакъ и насчетъ современности стѣсненья нѣтъ.

Старичекъ, еле сдерживая улыбку, какъ-то удивленно посмотрѣлъ на купца и спросилъ:

— Ну, какъ вамъ нравится сегодняшній концертъ?

— Скрипицы даве маленько душу повытянули, а мадамъ эта самая, что въ голубомъ платьѣ, пѣла важно!—сказалъ купецъ. — Я, ваше превосходительство, нонѣ съ писателями знакомъ и хочу самъ въ ихъ кругъ залѣзть, чтобъ газету издавать.

— Что-жъ, это дѣло хорошее, только вѣдь оно вамъ незнакомо.

— Важности не состоитъ, познакомимся. Чего зѣвать-то? Краевскій литературой этой самой эво какой домина на Литейной выворотилъ, такъ можетъ и намъ Богъ пошлетъ. Теперича вы то возьмите: пріѣзжаетъ сюда изъ-за-границы жидъ нѣмецкій, по русски въ зубъ толкнуть не умѣетъ и дѣло у него какъ по маслу, а мы все таки грамотные.

— Это вѣрно, это вѣрно,—твердилъ старичекъ.

— Да ужъ такъ-то вѣрно, что вѣрнѣе смерти! — отвѣчалъ купецъ. — Жидовинъ въ газетѣ безъ интересовъ, а мы будемъ коммерческіе интересы защищать, чтобъ прямая программа была, а то купечество-то какъ нонѣ въ критикѣ хлещутъ — страсть! Теперь вотъ купилъ лексиконъ и мудреныя слова учу, чтобъ на литературную ногу встать.

— Прекрасно, прекрасно... Что-жъ вы это сами надумали насчетъ газеты-то?

— Своимъ умомъ дошелъ, но инацива газеты отъ одного писателя.

— Инидіатива...—поправилъ его старичекъ.

— Она самая-съ. Ее мнѣ одинъ писатель подсолилъ. Про Переверзіева слышали? Такъ вотъ онъ. У него все больше такіе романы, гдѣ онъ высшій кругъ въ цыганство пущаетъ.

— Слышалъ, слышалъ. Это человѣкъ не безъ таланта.

— Таланта въ немъ хоть отбавляй, а главное онъ какую угодно статью въ семь минутъ... Такъ вотъ его и посажу у себя въ газетѣ приказчикомъ на отчетѣ. Тридцать тысячъ ему въ зубы — на, пиши и защищай интересы, а мнѣ чтобъ барыши... Да гдѣ онъ запропастился?

Купецъ обернулся и сталъ искать глазами писателя Переверзіева.

— Вонъ онъ какъ ковыль мотается, — указалъ онъ. — Михайло Сафронычъ! Михайло Сафронычъ! — раздался голосъ купца.

— Не кричите, онъ самъ подойдетъ, — остановилъ его старичекъ.

— Подойдетъ-то подойдетъ, только когда? — протянулъ купецъ и началъ дѣлать руками знаки по направленію къ писателю. — Говорильная-то механика ужъ у него очень сильна, — прибавилъ онъ. — Какъ зарядитъ свою словесность, такъ водой не разольешь. Вонъ и теперь передъ дамой зубы натачиваетъ, а я было хотѣлъ его вамъ представить, чтобъ на манеръ аудіенціи. Теперича, ваше превосходительство, мнѣ этотъ Переверзіевъ первый другъ и мы съ нимъ какъ нитка съ иголкой. Онъ меня и на лекціи тянетъ, и въ итальянскую оперу, два раза въ недѣлю у меня обѣдаетъ, журы фиксы мнѣ завелъ. Вездѣ со мной. Съ позволенія сказать, даже въ баню и то вмѣстѣ ходимъ. Ей-Богу! Эво какъ прилипъ-то къ дамѣ. Постойте тутъ, ваше превосходительство, а я его приведу къ вамъ. Ужъ больно мнѣ хочется съ вами-то его познакомить. Сейчасъ-бы я въ любимую жилу ему попалъ, а онъ-бы и пошелъ садить свою словесность. Говоритъ-то ужъ очень хорошо, совсѣмъ собаку съѣлъ, и съ такими словами новомодными, что иной разъ слушаешь-слушаешь и, хоть ты тресни, — ничего понять не можешь, до того мудрено! Я въ моментъ-съ...

Купецъ, переваливаясь съ боку на бокъ, побѣжалъ къ писателю.

— Михайло Сафронычъ, пойдемъ я тебя съ хорошимъ человѣкомъ познакомлю! — тронулъ онъ за рукавъ длиннаго и тощаго человѣка во фракѣ и въ очкахъ.

— Тише ты! Сейчасъ... Развѣ можно такъ неосторожно! — слегка огрызнулся тотъ, извинился передъ дамой и отошелъ. —

Послушай, Антиподистъ Семенычъ,—обратился онъ къ купцу.— Ты опять за свои мужицкія невѣжества! Ну, какъ тебѣ не стыдно? Чего ты за рукавъ треплешь?

— А ты-бы еще тамъ годъ простоялъ,—отвѣчалъ купецъ.— Ужъ теперь ау, братъ! Продался въ приказчики на отчетѣ, такъ ходи вмѣстѣ, нечего вилять. Пойдемъ, я тебя съ человѣчкомъ познакомлю. Эва, да онъ ужъ и убѣжалъ...

— Ну, и слава Богу. Что за знакомства такія!—съ неудовольствіемъ сказалъ писатель.

— Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь съ генераломъ, а не съ кѣмъ другимъ.

— Это тебѣ генералы-то въ диво, а у меня ихъ пядьдесятъ человѣкъ знакомыхъ. Ну, что, не скучаешь? — спросилъ писатель купца.

— Скучать-то не скучаю, а только буфета здѣсь нѣтъ — вотъ что обидно. Знаешь что, Михайло Сафронычъ, довольно ужъ здѣшней канители, ѣдемъ лучше къ Борелю.

— Что-жъ, я пожалуй!.. Сегодня концертъ очень и очень неудаченъ...

Купецъ и писатель пошли къ выходу.

— Михайло Сафронычъ, — шепталъ ему на ухо купецъ. — Можно отселева пару пѣвицъ на холодную-то шипучку пригласитъ, такъ за одно-бы ужъ?..

— Что ты, что ты! — дернулъ его за рукавъ писатель. — Вѣдь здѣсь не Демидовъ садъ. Вотъ дуракъ-то!

— Ну, пардонъ, коли такъ.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА.

— Ну, кажется, что теперь я уже всѣхъ одѣлилъ денежной милостью, можно сѣсть за столъ, выпить рюмочку водочки и закусить гуськомъ, — сказалъ послѣ полудня рождественскаго дня небогатый купецъ Бережковъ.—Только развѣ священники изъ прихода придутъ, а то всѣ были, поздравили съ праздникомъ и взяли деньги. Прасковья Ивановна!—вели-ка подавать гуся на столъ!—крикнулъ онъ женѣ.—Миша, Сеня, Аннушка! Идите гуся ѣсть! А гусь сегодня важный! Что твой боровъ,—прибавилъ онъ, садясь за столъ.—Ну-ко, Господи благослови!

Купецъ рюмку водки выпилъ и хлѣбцемъ закусилъ.

— Полотеры тамъ въ кухнѣ пришли и съ праздникомъ поздравляютъ,—доложила кухарка, подавая на столъ гуся.

— Какъ полотеры и съ праздникомъ? Да вѣдь я сейчасъ далъ полтину серебра полотерамъ!—воскликнулъ купецъ.—Гони ихъ вонъ! Что за музыка!

— Я и говорила имъ, да не идутъ-съ. «Мы, говорятъ, настоящіе полотеры, а то у васъ были не настоящіе».

— Какъ не настоящіе! Я самъ собственноручно отдалъ двумъ мужикамъ полтинникъ.

Хозяинъ вскочилъ изъ-за стола и бросился въ кухню. Дѣти высыпали за нимъ.

— Желаемъ здравствовать, вашему степенству!—кланялись два мужика.—Съ праздникомъ!... Мы полотеры.

— У меня, други любезные, полотеры были уже и я имъ далъ праздничныя...

— То были, сударь, тѣ, которые у васъ прежде полы натирали, а мы натираемъ теперь. Извольте хоть у кухарки спро-

сить. Тоже и младенцы ваши скажутъ. Они ангельскія души и врать не станутъ. Мы при нихъ съ мастикой да со щетками старались. Ковры вытряхали.

— Однако, вчера у насъ были другіе полотеры и я ихъ самъ видѣлъ, упирался хозяинъ.

— Это точно, вчера были другіе, потому намъ было некогда и мы у полковницы натирали, согласился рыжебородый мужикъ: — только въ остальное время — всегда мы у васъ натираемъ. Хоть икону снять, такъ мы... Зачѣмъ-же нашимъ праздничнымъ деньгамъ пропадать? Да неужели сударь вы меня не помните? Я еще колпакъ у вашей лампы въ гостинной разбилъ и вы меня ругали рыжимъ псомъ и анафемой?

— Теперь-то я помню. Ты у меня лампу разбилъ и на чай просишь?

— Эхъ, сударь! Да вѣдь стекло то хрупкое! Не я такъ другой кто нибудь разбилъ-бы. Ужъ стекло на то оно и стекло.. А только мы полотеры настоящіе.

Хозяинъ пожалъ плечами и далъ полтинникъ, а черезъ минуту сидѣлъ за столомъ и разрѣзалъ на части гуся.

— Надо будетъ теперь вторую рюмку водки выпить, говоритъ онъ.—А то давеча выпилъ и не успѣлъ закусить.—Прасковья Ивановна! Налей-ко мнѣ тюричекъ... Руки-то у меня заняты. Вотъ такъ! У какая злая водка! Ну, теперь гуськомъ...

Хозяинъ положилъ себѣ на тарелку кусокъ гуся и хотѣлъ ѣсть, но въ это время опять появилась кухарка.

— Трубочисты тамъ пришли и васъ съ праздникомъ поздравляютъ.

— Ахъ, про трубочистовъ-то я и забылъ. Постой, тѣ-ли это, что у насъ трубы чистятъ? Надо будетъ посмотрѣть, а то опять какимъ нибудь не настоящимъ деньги дашь.

Хозяинъ опять выскочилъ въ кухню и одѣлилъ трубочистовъ по двугривенному.

— Ну, теперь, кажется, всѣхъ одѣлилъ и можно за гуся приняться,—сказалъ хозяинъ, садясь за столъ.—Одно вотъ, что водку надо пить опять сначала. Гусь тогда только и хорошъ, когда его ѣшь сейчасъ послѣ выпитой водки. А страсть, какъ я люблю эту гусятину! Никакого кушанья мнѣ не надо. Ну-ко, Господи благослови! Вотъ такъ водка! Огонь! Первую я выпилъ

за себя, вторую за тебя, Прасковья Ивановна, а третью за дѣтей. Теперь закушу гуськомъ.

Хозяинъ отрѣзалъ кусочикъ гуся и только хотѣлъ положить его себѣ въ ротъ, какъ на порогѣ опять стояла кухарка.

— Тамъ мусорщики пришли и васъ съ праздникомъ поздравляютъ,—сказала она.

— Какіе мусорщики? Что мнѣ за дѣло до мусорщиковъ! Никакихъ я мусорщиковъ не знаю. Это дѣло домоваго хозяина, чтобъ имъ на чай давать!—кричалъ хозяинъ.—Гони ихъ вонъ! Или стой! Я самъ выгоню! Это, господа, ни на что не похоже!—горячился онъ, выйдя въ кухню.—Идите поздравлять съ праздникомъ домоваго хозяина, управляющаго, а я жилецъ и мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла.

— Жильцу-то, сударь, и дѣло, — отвѣчали кланяясь мужики.—Вѣдь жилецъ мусоръ-то дѣлаетъ, а мы его свозимъ со двора, стараемся. За что-же помилуйте, мы вонь нюхаемъ, коли намъ на чай не получить?

— Безъ разговоровъ! Вонъ отсюда!—топалъ ногами хозяинъ.

— Эхъ, ваше степенство! Неужто вамъ по пятіалтынному-то намъ жаль дать? А еще обстоятельный купецъ!—стояли на своемъ мусорщики.

Хозяинъ подумалъ, крякнулъ, почесалъ затылокъ и далъ два пятіалтынныхъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—говорилъ онъ въ столовой.—Такъ я люблю гуся, столько времени его ждалъ и не дадутъ проглотить куска. Вотъ опять надо пить водку сначала. Прасковья Ивановна, положи мнѣ другой кусокъ гуся. Этотъ ужъ остылъ на тарелкѣ. Вотъ вонжу въ себя рюмочку и...

Но хозяину не дали и рюмочки «вонзить». Въ это время у парадныхъ дверей раздался пронзительный звонокъ. Дѣти бросились отворять. У дверей шли переговоры.

— Доложите, что пріѣхали приходскіе пѣвчіе и желаютъ Христа отславить!—ревѣлъ чей-то бассъ.

— Дома нѣтъ, дома нѣтъ,—шепталъ дѣтямъ изъ столовой хозяинъ.

— Папаши дома нѣтъ,—отвѣчали дѣти.

— Все равно. Коли папаши нѣтъ, то мы и при мамашѣ пропоемъ.

— И мамаши нѣтъ!—кричала кухарка, но было уже поздно.

Половина пѣвчихъ пробралась черезъ грязный ходъ и лѣзла въ комнаты. Дисканты и альты сбрасывали съ себя въ передней шинели. Бассы откашливались. Отворилась дверь съ парадной лѣстницы и оттуда посыпали пѣвчіе.

— Извините, маленькое недоразумѣніе тутъ вышло,—говорилъ регенту хозяинъ, доставая пяти-рублевку изъ бумажника.

— Ничего-съ. Что дѣлать! Мы и при недоразумѣніи споемъ.

Въ залѣ раздалось пѣніе «Христосъ рождается», «Дѣва днесь», а потомъ «Многая лѣта». Вскорѣ пѣвчіе кончили. Регенту вручили «синенькую».

— Зазябли мы, хозяюшка. Вишь морозъ-то какой! Дозвольте намъ спиртной сыростью, ради голоса глотку, промочить,—говорили бассы, заглядывая въ столовую.

— Сдѣлайте одолженіе! Пожалуйте! Вотъ и закуска есть. Сыръ, масло, гусь...—отвѣчала хозяйка.

— Господа! Какъ вамъ не стыдно!—усовѣщивалъ пьяныхъ пѣвчихъ регентъ.

— Въ великій праздникъ стыда нѣтъ. Тутъ даже съ распутія странныхъ людей зовутъ и упитываютъ явствами, а мы странные люди не съ распутья, а изъ ихъ-же прихода,—отвѣчали пѣвчіе и вошли въ столовую.

Зазвенѣли рюмки. Кому не хватало рюмки—пили изъ стакана. Чавкали губы. Графина съ водкой не хватило и хозяйка поставила на столъ четвертную бутыль въ корзинкѣ. Альты и дисканты тащили съ блюда кто крыло, кто ногу гуся. Черезъ десять минутъ пѣвчіе опустошили столъ и ушли.

— Ну, слава Богу, ушли. Теперь я гуська... Никакихъ ванельныхъ бламанжеевъ мнѣ не надо, а только дай гуся,—говорулъ хозяинъ.—Только поди ужъ остылъ онъ? Прасковья Ивановна! Вели-ка подогрѣть гуся!

— Да что подогрѣвать-то? Пѣвчіе все до капельки съѣли,—отвѣчала жена.—Какой-то маленькій мальчикъ даже остовъ съ собой утащилъ.

— Какъ утащилъ? Какъ все съѣли?—воскликнулъ хозяинъ,—Вотъ тебѣ и гусь!

Картина.

Надгробный мавзолей.

Въ трактирѣ средней руки органъ играетъ изъ «Пророка» и то и дѣло фальшивитъ поперечнымъ валомъ. Тамъ, гдѣ требуются трубы, нѣтъ-нѣтъ да и раздастся сначала свистъ, а потомъ шипѣніе. У окна за столомъ молодой купецъ въ бриллiантовомъ перстнѣ на указательномъ пальцѣ ѣстъ солянку. Направо и на-лѣво отъ него помѣщаются за отдѣльными столами двѣ группы. Онѣ пьютъ водку и закусываютъ кислой капустой. Группы не отличаются свѣжестью и новомодностью костюмовъ, виднѣются порыжѣлые пиджаки, пальто потертыя по швамъ; на шеяхъ намотаны шарфы. Отъ одной группы доносится возгласъ; «Кажется, я ему ужъ достаточно въ «Русскомъ Мірѣ» носъ утеръ!» Въ другой кто-то ораторствуетъ; «Что мнѣ Стрекаловъ! Мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить! Меня самъ Шталь въ художническій клубъ звалъ хорошія роли играть!»

Купецъ ѣстъ и въ полъ-голоса разговариваетъ съ служителемъ, стоящимъ передъ нимъ въ почтительной позѣ, съ салфеткой подъ мышкой и слегка наклонившись корпусомъ впередъ.

— Я не вашего прихода, мы въ другомъ мѣстѣ торгуемъ, но зашелъ сюда нарочно, потому-что мнѣ сказывали, что у васъ здѣсь сочинители водятся,—говоритъ купецъ.

— Водятся, это точно-съ, и даже въ большомъ количествѣ, отвѣчаетъ служитель.

— Энти, что-ли? указываетъ купецъ.

— Нѣтъ-съ. Это актеры. А вонъ направо, что лица-то красныя, — сочинители.

— Настоящіе актеры?

— Не совсѣмъ настоящіе, но что угодно могутъ изобразить: и танцы, и пѣніе. Они по клубамъ играютъ. Они теперь съ сочинителями не сходятся, такъ-какъ у нихъ намедни большое разногласіе вышло кому за водку платить. Сочинители свою гордость чувствуютъ и трѣбуютъ, чтобъ ихъ актеры угощали, а актеры считаютъ себя выше и говорятъ: «насъ угощайте, потому мы вамъ театральные билеты даемъ».

— Ну, мнѣ актеровъ не надо. А сочинители у васъ что сочиняютъ? По какому сорту?

— Да разное-съ: у кого ежели помойная яма не въ порядкѣ или, къ примѣру, таракан на тарелкѣ попадется, такъ про таракана. Вотъ этотъ крупный-то про одного лабазника написалъ, что у него жена съ докторомъ сбѣжала. И очень чувствительно сочинилъ, а лабазника осетромъ назвалъ.

— А стихи они сочинять могутъ?

— Что угодно могутъ-съ. На то сочинители и тѣмъ живутъ. Критику ежели насчетъ тротуара...

— И не буйны въ разговорѣ?—допытывается купецъ.

— Ежели ихъ амбицію не задѣвать, то ничего. Разъ какъ то, впрочемъ, дверь у насъ съ петлей сорвали.

— А можно будетъ съ ними поговорить по одному дѣлу?

— Сколько угодно.

— Въ такомъ разѣ позови-ка ко мнѣ вотъ этого что покрупнѣе. «Купецъ, молъ, желаетъ познакомиться по сочинительской части, насчетъ описанія».

Черезъ минуту сочинитель крякнулъ, плюнулъ и подошелъ къ столу купца.

— Извините пожалуйста, что тревогу сдѣлалъ. Купецъ Родивонъ Михайловъ Банкинъ,—отрекомендовался купецъ.—Наслышаны объ вашихъ критикахъ... Прошу покорно садиться. Чѣмъ просить прикажете?

— Все пью, кромѣ скипидара и крѣпкой водки,—отвѣчалъ сочинитель и сѣлъ.

— Молодецъ! Изобрази-ка пару двухъ-спальныхъ рюмочекъ коньяку и на закуску два рака!—крикнулъ купецъ.—Вотъ видите въ чемъ дѣло,—началъ купецъ:—Задумали мы нашей мамашѣ надгробный мавзолей отчеканить, такъ какъ онѣ уже съ весны въ Бозѣ кончину смерти пріявши обрѣтаются. Мамаша

у насъ добрыя были и никогда мы отъ нихъ даже ручнаго избіенія на себѣ не видали, а не токма чтобы женскимъ орудіемъ въ родѣ ухвата... Ежели вы по рынку проминажъ дѣлать будете, то и посейчасъ увидите на лавкѣ вывѣску: «продажа пуху, полупуху, щетины и шерсти купчихи Банкиной»—такъ это онѣ самыя. Имъ и мавзолей въ безвременной кончинѣ... Пожалуйте по рюмочкѣ!.. и рачкомъ...

Сочинитель и купецъ выпили.

— Вы памятникъ вашей матери желаете ставить. Но я-то тутъ при чемъ?—спросилъ сочинитель и крякнулъ.

— А чтобъ чувствительные стихи на мавзолеѣ...—отвѣчалъ купецъ. — Только послезливѣе... А за деньгами мы не постоимъ.

— Это мы можемъ.

— Ну, вотъ и чудесно. Но главное намъ такъ, чтобъ этими стихами купчихѣ Гвоздевой носъ утереть. Изволите видѣть: рядомъ съ мамашей купчиха Гвоздева въ погребеніи лежитъ, такъ чтобъ ей и ейному мужу въ пику, такъ какъ онъ въ живности обрѣтается и большое головное воображеніе о себѣ имѣетъ. Услужающій! Вели брызнуть еще пару коньячку! Такъ можете сейчасъ?

— Отчего-же не мочь? Мы во всякое время обязаны, отвѣчалъ сочинитель.—Вдругъ на улицѣ драка—садись и пиши.

Потребовали бумаги. Сочинитель погрызъ карандашъ, подумалъ, написалъ и прочелъ:

„Подъ камнемъ мать лежитъ,
Умершая во цвѣтѣ лѣтъ.
А сына вопль надъ ней дрожитъ:
„Добрѣе агнца ея нѣтъ!
„Она мнѣ скорбь не причиняла
„И лишь совѣты подавала".
А предъ могилой стоитъ сынъ
И въ сердцѣ его горя клинъ".

— Ну, что, хорошо такъ будетъ? спросилъ сочинитель.

— Хорошо-то хорошо, только не совсѣмъ въ правильную жилу попали. У васъ сказано: «подъ камнемъ», а онѣ будутъ лежать подъ мраморомъ; опять-же: «умершая въ цвѣтѣ лѣтъ», а маменька пріяли въ Бозѣ кончину смерти на шестьдесятъ третьемъ году. Опять-же въ сихъ стихахъ, хотя слеза и есть, но пики для купчихи Гвоздевой нѣтъ. А я ей тѣмъ и хочу

носъ утереть, что она жена мундирнаго купца и лежитъ подъ камнемъ, а наша маменька подъ мраморомъ. Поняли?

Сочинитель вспылилъ.

— Однако-же я не могу обругать лежащую рядомъ покойницу! крикнулъ онъ.—Да и васъ самихъ за эти стихи знаете куда?..

Купецъ слегка струсилъ.

— Я васъ прошу такъ, чтобы изъ-подъ политики маленькое зубоскальство,—пояснилъ онъ.—На то вы и сочинитель. И ежели-бы вы, господинъ, только знали, что это за пронзительная женщина была купчиха Гвоздева! Теперича, бывало еще при живности, сойдутся онѣ съ маменькой въ банѣ: и какъ только маменька себѣ голову намылятъ, купчиха Гвоздева сейчасъ ихъ изъ шайки ключевымъ кипяткомъ по тѣлу... Маменька взвоетъ отъ боли, а Гвоздева въ хохотъ... А мужъ ейный еще хуже. Вопервыхъ, онъ три раза банкрутился, а вторыхъ, стоимъ мы это нониче на кладбищѣ, онъ около своей могилы, а я около своей, и вдругъ онъ киваетъ на меня и говоритъ такіе каламбуры: «такимъ купцамъ, какъ Банкинъ, я завсегда по трактирамъ физіономію горчицей мажу!» Это про меня-то! Да при всей публикѣ!.. Срамъ! Заступитесь, господинъ сочинитель!

Сочинитель задумался и чесалъ затылокъ.

— Знаете что, сказалъ онъ.—Здѣсь не ловко. Пойдемте въ отдѣльную комнату, тамъ и сообразимъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ купецъ и крикнулъ: — Мальчикъ! Перенеси всю эту съѣдобную музыку въ отдѣльную комморку!

Купецъ и сочинитель поплелись вонъ изъ комнаты.

УХА.

Дѣло было передъ Рождествомъ.

— Что, Федоръ Ивановичъ, какъ-бы нибудь намъ собраться въ Малый-Ярославецъ налимьей ухи похлебать, да съ растягаемъ въ прикуску?—говорилъ, стоя на порогѣ своей апраксинской лавки, купецъ Иванъ Сидоровъ Граблюхинъ.—Стряпала у меня баба и дома, да все не тотъ калинкоръ выходитъ.

— Такъ чего-жъ зѣвать-то!—отвѣчалъ сосѣдъ.—Дѣло хорошее, и я согласенъ. Ѣдемъ сегодня. Не откладывать-же стать до святокъ. Нонѣ дни постные, а ухой только по постамъ и грѣться. На праздникахъ ужъ не ухи, а разсольника съ гусинными потрохами захочется. Только чтожъ мы вдвоемъ-то другъ другу глаза ковырять будемъ?.. Надо будетъ пригласить и Семена Захарова. Втроемъ поваднѣе, да къ тому-же Богъ и Троицу любитъ.

Пригласили и Семена Захарова.

— Отчего не похлебать,—отозвался тотъ.—Только, господа, чтобъ чинно и благообразно, а главное, чтобъ денежной требухой насчетъ побочной выпивки не шалить, потому дѣло хоть и къ празднику, а насчетъ торговли — чертямъ въ свайку въ лавкѣ играть впору, до того пусто.

— Ну, вотъ! Учи еще!—успокоивали его сосѣди.—Окромя налимьей ухи съ растягаемъ и пары собачекъ забалую россійскаго—ни-ни! Развѣ потомъ сверху бутылочкой пивца польемъ да и баста! А чтобъ брызгать иностраннымъ винодѣліемъ—ни Боже мой. Къ празднику-то тоже расходы какіе предстоятъ—страсть! Въ гильдію внеси, прислугу одари, жену обряди, протопопу дай... А брюшной провіантъ, а мелкая челядь, что праздничныхъ денегъ высосетъ? Да что, всего и не перечтешь! А сви-

нина-то нонѣ почемъ? Къ гусямъ приступу нѣтъ. Такъ тебя выпотрошатъ на Сѣнной, что хоть лѣвой ногой затылокъ чеши!

— То-то, господа. Похлебаемъ ушки, да и шабашъ! А коли хмѣльную музыку заводить, то я не согласенъ. Адье съ бонжуромъ!

— Да чего ты сумлеваешься! Мы просто за каждую заморскую пробку штрафъ положимъ.—Какъ кто спроситъ баловную бутылку—сейчасъ и плати товарищамъ по парѣ канареечныхъ. Одно слово, чтобъ экономія самая политическая!... √

— Въ такомъ разѣ я согласенъ. Ѣдемте!

Купцы вышли на Садовую улицу и начали нанимать извозчика въ Малый-Ярославецъ. Тотъ просилъ съ троихъ двугривенный, а они давали пятіалтынный. Второй, третій и четвертый то-же самое. У гостиндворской часовни наконецъ наняли и пріѣхали въ малый-Ярославецъ.

— Главное, господа, чтобъ все солидарно и съ политической экономіей, — твердилъ Семенъ Захаровъ, подымаясь по лѣстницѣ трактира.

У буфета выпили по первой «собачкѣ горностаю» и стали смотрѣть карту кушаній.

—Да что тутъ по налимьей ухѣ ложкой бить! — сказалъ Иванъ Сидоровъ.—Ужъ ежели тѣшить мамонъ, то тѣшить стерляжьей ухой! Разница-то въ цѣнѣ плевая.

— Какое плевая! Больше чѣмъ на рубль, — ужаснулись товарищи.—Ну, вотъ что, — прибавили они:—Ужъ ежели стерляжьей ухой баловаться, то будетъ довольно и двухъ порцій на троихъ. Дѣло передпраздничное, а съ поросенкомъ-то нонѣ хоть дерись изъ-за цѣны.

Заказали двѣ порціи, выпили по второй, по третьей «собачкѣ» и приступили къ четвертой.

— А штрафъ?—напомнилъ Семенъ Захаровъ.

— Штрафъ только за иностранное баловство, а это наше россійское. Такъ и уговоръ былъ, — откликнулся Федоръ Ивановъ.

Стерляжью уху купцы начали хлебать только послѣ «пятой» и ужъ изрядно захмѣлѣвши.

— Ухъ, важно!—потиралъ съ наслажденіемъ животъ Иванъ Сидоровъ.—Кажись, ежели-бы не тугія времена — каждый-бы

день тѣлеса свои на стерляжьей ухѣ воспитывалъ. А то сунься нонѣ къ окороку-то...

— Ежели кажинный день, то съ утробой не совладаешь. Сейчасъ ребра щемить начнетъ, потому жирна она очень,— возразилъ Федоръ Ивановъ.

— Истинно, что жирна. У меня вотъ ужъ и теперь свербленіе подъ ложечкой началось. Знаете что, братцы: не саданутъ-ли намъ по лампадочкѣ коньячку? Какъ рукой сниметъ!

— Иностраное баловство! Штрафъ!—воскликнули въ одинъ голосъ товарищи.

Иванъ Сидоровъ махнулъ рукой.

— Какое иностранное! Что вы! Этотъ самый коньякъ братья Елисѣевы у себя въ подвалѣ варятъ. Принеси-ка, молодецъ, намъ по коньячкамъ,—прибавилъ онъ. — Только смотри двухспальнаго калибра.

Выпили по большой рюмкѣ коньяку, еще больше одурѣли и потребовали пива.

— А знаете что, ребята?—воскликнулъ Федоръ Ивановъ.— Вѣдь и англійскій портеръ русскаго ремесла. Мнѣ одинъ дурдинскій заправило разсказывалъ, что они съ завода страсть сколько его въ иностранные погреба возятъ. Такъ ужъ чѣмъ на пивѣ мотаться, потребуемте англійскаго портеру.

— А тотъ предметъ, чтобъ экономію политичную соблюдать?—напомнилъ Семенъ Захаровъ.

— Да тутъ экономія и выйдетъ. Пива полдюжины требовать надо, а съ портеромъ и на одной бутылкѣ проѣдемся. Разницы большой не состоитъ.

— Ну, жарь, быкъ тя заклюй!—согласились товарищи.

Выпили бутылку портеру.

— Словно бѣльмо она, окаянная, въ единственномъ видѣ торчитъ, — сказалъ заплетающимся языкомъ Иванъ Сидоровъ, указывая на бутылку.—Надо ей супруга подъ пару поставить. Что ей въ холостомъ-то видѣ мотаться! Молодецъ! Возобнови-ка намъ портерный паспортъ!

Выпили вторую.

— Ну, ужъ и пару ребеночковъ для сихъ согласныхъ супруговъ требуется,—откликнулся Семенъ Захаровъ.—Надо имъ пару полу-бутылокъ подставить. Эй, прислужающій, накали пару половинкиныхъ дѣтей для господъ Портеровыхъ!

— А политичная экономія? — въ свою очередь напомнили ему товарищи.

— Ну ее, къ чорту подъ подкладку! Да троимъ на двухъ бутылкахъ и разсчитываться трудно. Такая бухгалтерія выйдетъ, что и самъ Исаковъ не разберетъ. Тащи! Чего ротъ-то разинулъ!—пугнулъ онъ служителя.

Черезъ полчаса купцы были совсѣмъ ужъ пьяны.

— Бѣлоголовой шипучки!—кричалъ Иванъ Сидоровъ.

— Штрафъ! Иностранное баловство начинается.

— Врешь, сказано, чтобъ этотъ самый налогъ на бутылку былъ, а я пару полубутылокъ требую! Значитъ у насъ та юридическая механика, что отчаливайте! Понялъ?

— Анъ, шалишь! Уговорный законъ былъ, чтобъ за пробку, а про бутылку ничего не сказано, потому получите кассацію съ нашей стороны и деньги на бочку.

— А ты думаешь и не отдадимъ? Да нате, получайте по два рубля на рыло!—вошелъ въ азартъ Иванъ Сидоровъ и выкинулъ товарищамъ четыре рубля.

Охолостили бутылку шампанскаго и въ конецъ осовѣли.

— Ужъ кутить, такъ кутить! Еще бутылку!—заоралъ Федоръ Ивановъ и безпрекословно отдалъ товарищамъ по два рубля.

— А я что за обсѣвокъ въ полѣ!—крикнулъ Семенъ Захаровъ.—Не нищіе, чтобъ чужимъ пользоваться! Получите и съ меня травяную съ канареечной!

Купцы размѣнялись штрафами, но вино не лѣзло уже болѣе въ глотку. Черезъ нѣсколько времени, они придерживаясь за перила, спустились изъ трактира внизъ по лѣстницѣ, и выйдя на улицу, кричали:

— Извощикъ! Въ Зимній Садъ!

— Два двугривенничка положьте!—процѣдилъ сквозь зубы извощикъ.

— Нѣтъ, братъ, политическую экономію держимъ, — бормоталъ Семенъ Захаровъ.—Двугривенный!

— За три гривенничка садитесь!

Купцы начали садиться въ сани, но втроемъ не умѣщались.

— Въ такомъ разѣ я верхомъ... сказалъ Федоръ Ивановъ и полѣзъ на лошадь.

— Безобразно, господинъ купецъ, бросьте!—уговаривалъ его извощикъ.

— Врешь! Карасиры-же ѣздятъ, такъ и намъ по конному привыкать надо! Можетъ и меня въ солдаты...

— Федя! Федя! держи себя солидарно!—цѣдили сквозь зубы товарищи.

— Я и то въ солидарномъ видѣ, — крякнулъ Федоръ Ивановъ, задѣлъ ногой за оглоблю и растянулся навзничъ на тротуарѣ.

— Вотъ такъ уха! — сказали въ одинъ голосъ Иванъ Федоровъ и Семенъ Захаровъ, начали подымать товарища и сами упали на него.

Къ нимъ подошелъ городовой.

Предъ праздникомъ.

Динь-динь! звонится купецъ передъ дверью съ надписью: Ф. Л. Андреева.

— Фанія Лукьянова дома?—спрашиваетъ онъ.

— Дома-съ, съ попугаемъ балуются, только наврядъ, чтобы вы какой-нибудь авантажъ получили, потому они сами на бобахъ сидятъ,—отвѣчаетъ молоденькая горничная.

— Однако, позвольте! Вѣдь это-же невозможно!—горячится купецъ.—Коли кто пьетъ и ѣстъ на чужой счетъ, то надо же и совѣсть знать! Съ самаго дачнаго переѣзда у меня въ лавкѣ чай и сахаръ забираютъ, вина корзинками таскали — обѣщали заплатить къ празднику и вдругъ такая музыка! Передайте хоть счетецъ ей, а я отвѣта подожду, — подаетъ онъ добытую изъ кармана бумагу.

— Что-жъ, я пожалуй... Только все одно, она въ печку броситъ.

— Маша! Кто у тебя тамъ?.. — раздается звонкій женскій голосъ, шлепанье туфель о паркетъ и на порогѣ изъ гостиной въ прихожую появляется красивая крупная женщина въ пестромъ шалевомъ капотѣ и съ папироской въ рукахъ.

— Фаніи Лукьяновнѣ!—раскланивается купецъ. — Прикажите, сударыня, получить по счетцу.

— Да что вы въ умѣ? — удивленно вскидываетъ на него глаза женщина.

— А то какъ-же-съ? Въ самомъ настоящемъ. Пить, ѣсть умѣли, такъ надо-же и отдавать. Сами-же обѣщали къ празднику.

— Къ празднику? Вѣдь я не чиновникъ и наградъ не по-

лучаю изъ департаментовъ. Вотъ сорву съ кого-нибудь на елку, тогда и приходите послѣ Рождества. Я сама вся перезаложилась.

— Одначе-же, сударыня, вѣдь отъ воздахтора свое положеніе получаете.

— Мнѣ моего положенія едва хватаетъ на булавки. Полно, полно, иди съ Богомъ и утѣшай себя тѣмъ, что портниха на мнѣ ждетъ, модистка ждетъ, въ голандской лавкѣ ждутъ, даже извозчикъ и тотъ... Вѣдь у тебя разсудокъ-то есть?

— Это точно что есть, потому намъ безъ разсудка быть невозможно,—чешетъ затылокъ купецъ.

— Ну, то-то... Я женщина откровенная и говорю прямо: вотъ мужчины награды сорвутъ и съ нами на Рождествѣ подѣлятся, а я послѣ Рождества съ тобой. Понялъ наше ремесло?

— Какъ не понять, не махонькой! Въ такомъ разѣ прощенья просимъ!

Купецъ сходилъ съ лѣстницы и бормоталъ:

— Плохо съ этими мамзелями дѣла дѣлать! Толкнусь къ генералу, благо близко живетъ. Тоже и за нимъ сто семдесятъ четыре рубля безъ четвертака.

Минутъ черезъ десять онъ спрашивалъ бакенбардиста-лакея:

— У себя баринъ? Говори по настоящему. Въ убыткѣ не будешь. На вотъ рубль-цѣлковый!

— То-есть они дома, но такъ какъ-бы ихъ нѣтъ дома,—поясняетъ лакей, принимая бумажку. — Потому докладывать не велѣно. Теперь сидятъ у супруги, а та ихъ точитъ.

— А ты доложь поди. Вотъ и бумажку захвати. Коли генеральша его натачиваетъ, то онъ купцу будетъ радъ, только-бы отъ нея освободиться.

Лакей беретъ счетъ, идетъ и черезъ нѣсколько времени возвращается.

— Ну что? Какія радости?—спрашиваетъ купецъ.

— Велѣно тебя по шеѣ гнать.

— Ой! Да я за свою амбицію къ двумъ мировымъ съ жалоой... да еще съ тремя адвокатами!

— Иди, иди, не разговаривай! А то и намъ достанется. И жалко мнѣ тебя, да что-жъ дѣлаль-то!.. А ты вотъ что: ты притаись на лѣстницѣ да и поджидай. Онъ ужъ фракъ надѣлъ и сейчасъ выдетъ.

Купецъ вышелъ на лѣстницу. Минутъ черезъ десять въ дверяхъ показался «самъ».

— Желаю здравствовать! ваше превосходительство—поклонился купецъ.—Прикажите получить по счету за забранный чай и сахаръ и прочую сладость. Обѣщали къ празднику ..

— Вѣдь тебя велѣно въ шею гнать, какъ-же ты не исчезъ?

— Помилуйте, сударь, какъ-же намъ исчезнуть, коли мы приказчики на отчетѣ и изъ фруктовой лавки? — обидѣлся купецъ.—Вѣдь хозяинъ съ насъ требуетъ. Обѣщали къ празднику. Прикажите получить.

— Дуракъ, ты дуракъ! Какъ-же я тебѣ отдамъ къ празднику, коли мы еще сами остаточныхъ суммъ не дѣлили? Вѣдь у тебя соображеніе есть?

— Намъ при торговлѣ безъ соображенія невозможно, потому коли кто пьетъ ѣстъ въ долгъ...

«Самъ» молча началъ сходить съ лѣстницы.

Черезъ четверть часа купецъ звонился около третьей двери. Ему отворилъ пожилой отставной военный въ сюртукѣ безъ погоновъ и съ длинной дымящейся трубкой въ рукахъ.

— А! Терентій Гаврилычъ! Добро пожаловать!—возгласилъ онъ.—Вотъ кстати-то! А я только водку сбираюсь пить! Какая, братъ, селедка!

— Прикажите, ваше высокородіе, по счету получить... — началъ свою пѣсню купецъ.—Обѣщали къ празднику.

— Что тутъ счетъ! Садись. Какую потребляешь? Простую или рябиновую?

— Увольте! Намъ безъ благовременія водка все равно, что псу рѣдька. Прикажите по счету-то...

— Снимай шубу-то! Здѣсь не баня, чтобъ потѣть. Чайку со сливочками отъ бѣшенной коровы?..

— Корова—коровой, сударь, а тамъ шестьдесятъ два рубля за чай и сахаръ... Насъ тоже хозяинъ ругаетъ.

— А ты его ругай. Что за субординація! Вѣдь у васъ лавка, а не эскадронъ. Видалъ ты мою собаку? Познакомься, братъ. Трезоръ! Иси! Дай лапу купцу. Во-фрунтъ. Трезорка! Ну, теперь играй голосомъ и славь купца.

Собака становится на заднія лапы и воетъ. Купецъ затыкаетъ уши.

— Что намъ собака, сударь! Псу песья и честь. Обѣщали

къ празднику...—бормочетъ онъ.

— Къ празднику? А ты вотъ послушайка, что песъ трелью-то выговариваетъ: «пенсіона, молъ, намъ, купецъ, только на гуся да на окорокъ ветчины хватитъ, а ежели къ этому прикомандировать полъ-ведра королевскаго амбре, да пару бутылокъ елисѣевскаго одеколону изъ Ямайки отъ Полицейскаго моста, то и на баню съ вѣникомъ не останется».

— Явите, сударь, божескую милость! Хоть половину...

— Половину? Вотъ тебѣ турецкая монета. Бери, братъ, не бойся! Ее самъ Османъ-паша для счастья носилъ. Трезоръ, дѣлай голосомъ пѣсню: «выгоняйте вы скотину на широкую долину»!

Купецъ серьезничалъ-серьезничалъ и разсмѣялся.

— Что за баринъ такой чудной!—сказалъ онъ, махнувъ рукой. — Прощенья просимъ, сударь! Такъ ужъ я послѣ праздника...

Спустя нѣкоторое время купецъ вошелъ въ церковный домъ и звонился у дверей съ мѣдной дощечкой, на которой стояло: «дьяконъ Зосима Накаменѣсозижденскій». Его встрѣтилъ самъ дьяконъ въ подрясникѣ и спросилъ:

— За исповѣдальнымъ свидѣтельствомъ, надо полагать, или насчетъ метрики для сынка?

— Совсѣмъ не та антресоль, ваше преподобіе! Прикажите по счету за чай и сахаръ получить...

— По счету?—протянулъ дьяконъ.—Какъ же тутъ отдавать, коли мы сами яко евреи на рѣкахъ вавилонскихъ... сѣдохомъ и плакахомъ...

— Обѣщались къ празднику...

— Врешь! Врешь! Къ празднику мы сами наровимъ... Даже супруга наша безъ новаго хитона... Вотъ послѣ Рождества приходи. Отславимъ христа такъ отдадимъ.

— Дайте хоть что-нибудь—взмолился купецъ.

— Даже и благословенія дать не могу, ибо не рукоположенъ... Адресъ твой знаемъ и на праздникахъ сами къ тебѣ съ пѣснопѣніемъ зайдемъ! Съ Богомъ! съ Богомъ!

Купецъ только развелъ руками и ушелъ, какъ не солоно хлѣбавши, а черезъ четверть часа звонилъ у двери купца Окуркина. Окуркинъ былъ въ прихожей, нюхалъ гуся и ругалъ жену. Увидавъ приказчика, онъ остановился и сказалъ:

— Свой человѣкъ, самъ знаетъ что баба безъ страха все равно, что павлинъ безъ хвоста. Зачѣмъ пожаловалъ?

— Прикажите, сударь, по счету получить. Обѣщали къ празднику...

— Къ празднику! Праздникъ-то у меня вотъ гдѣ сидитъ! ударилъ онъ себя по затылку.—Что васъ всѣхъ проняло?

— Да вѣдь и вы по своимъ должникамъ на лягавомъ положеніи...

— Это вѣрно. На̀ получай и больше не вѣрь, а то сбѣжимъ отъ долговъ въ свое мѣсто угодникамъ молиться.

Фруктовщикъ получилъ деньги и сходилъ съ лѣстницы.

— Купцовъ только зря въ газетную критику пущаютъ, говорилъ онъ. — А на самомъ дѣлѣ, ежели денежную икру изъ нихъ передъ праздникомъ выматывать, то ихъ въ рамку вставить да на стѣнку повѣсить!

Около Гагаринскихъ мостковъ.

Въ Петербургѣ новинка. Составилась компанія около Гагаринскихъ мостковъ перевозить публику черезъ Неву по льду на креслахъ съ полозьями. Кресла-сани возятъ мужики, подпихивая ихъ сзади. Они съ коньками на ногахъ и въ шапкахъ-конфедераткахъ съ номеромъ. Новинка привлекаетъ массу публики. На льду, около мостковъ, толпится разношерстный народъ и толкуетъ о нововведеніи. Проходящіе по мосткамъ останавливаются тоже, облокачиваются на перила и смотрятъ на катающіяся зеленыя кресла съ шерстяными зелеными полостями на войлочномъ подбоѣ.

Группа мужиковъ.

— Говорятъ, отъ господъ это. Шесть чиновниковъ съ Петербургской стороны сложились и завели устройство, чтобъ къ празднику, значитъ, на табакъ и на гуся... — разсказываетъ рваный полушубокъ.

— Чиновники?—спрашиваетъ чуйка и тутъ-же машетъ рукой.—Ну, проку не будетъ! Вотъ ежели-бы купецъ, тогда-бы онъ капиталъ высвисталъ.

— Да, чиновники. Вонъ они сами въ шляпахъ-то для пробы катаются. Даве свою чиновницу съ дочкой катали. Что визгу-то было—страсть!

— Почемъ съ носу берете?—спрашиваетъ у измученнаго и запыхавшагося катальщика новый тулупъ.

— У насъ не съ носу, а съ персоны, —отвѣчаетъ тотъ. — Ежели съ одного—пятакъ, а съ двоихъ—по трешнику.

— Вы сами-то на какомъ-же положеніи?....

— На собачьемъ. Пятнадцать рублевъ на своихъ харчахъ въ мѣсяцъ и баня своя.

— Врешь!? Ахъ, ты Господи! Поди-жъ ты! Человѣчью-то душу нонѣ дешевле лошадиной цѣнятъ! — восклицаетъ тулупъ.

— Изъ какихъ народовъ катальщики-то набраны? — спрашиваетъ чуйку купецъ въ енотѣ.

— Да надо полагать изъ извозчиковъ, которые ежели лошадей своихъ пропили.

— Анъ врешь! — откликается катальщикъ. — Есть у насъ и прогорѣлый купецъ. Настоящій купецъ. Онъ заклепками въ желѣзномъ ряду на Апраксиномъ торговалъ, а теперь сани пихаетъ.

— Купецъ? Ахъ, ты Господи! — дивится рваное пальтишко съ собачьимъ мѣхомъ на воротникѣ. — Поди-жъ ты куда купца занесло! А портныхъ-штучниковъ у васъ нѣтъ?

— Пока еще не обозначились. Ты что-ли хочешь поступить?

— А ты почемъ знаешь что я портной? Можетъ я почище инаго барина! — обижается пальтишко. — Мы и въ англичанахъ при одномъ графѣ служили.

— Пятнадцать рублевъ въ мѣсяцъ! — все еще не унимается тулупъ. — Гдѣ тутъ прокормиться!

— Я такъ полагаю, что больше на всякое даяніе благо отъ щедротъ доброхотныхъ дателей разсчитываютъ, — замѣчаетъ дьяконъ въ мѣховой шапкѣ. — Кто одинъ копѣечный динарій сверхъ таксы переложитъ, кто два... Тѣмъ и питаются. — Кружку воздвигли, господа, ради доброхотнаго сбора-то или каждый по карманамъ?.. — отнесся онъ къ катальщику.

— Гдѣ тутъ кружку! Вчера вонъ одинъ хмѣльной купецъ два раза проѣхалъ, такъ рубль на чай далъ. Непремѣнно требовалъ, чтобъ его съ бутылкой возили и чтобъ посреди Невы станц я... Выпилъ, катальщику далъ изъ нея попользоваться и пошелъ домой.

Къ берегу Петербургской стороны подвезли чиновницу въ капорѣ. Рядомъ съ ней въ креслѣ мороженый поросенокъ, вытянувъ рыло кверху. Въ толпѣ хохотъ.

— Вотъ такъ пара! — слышится возгласъ. — Сама самаго привезла!

Чиновница вышла изъ кресла и подаетъ пятачекъ.

— Шесть копѣекъ, сударыня... — говоритъ катальщикъ. — Потому двѣ персоны. За себя три копѣйки и за поросенка три. Такъ и по таксѣ слѣдуетъ. Мы лишняго не просимъ.

— Да развѣ поросенокъ персона?—возмущается чиновница.

— А вы думали какъ? Все равно мѣсто въ креслѣ занималъ,—стоитъ на своемъ катальщикъ.

— Ни зачто не отдамъ. Послушайте, господинъ распорядитель!—кричитъ она.—Неужто вы по таксѣ поросенка за человѣка считаете? Да и у Волпянскаго съ саняхъ за него ни копѣйки не берутъ.

— Садись, землякъ, перевезу! — предлагаетъ тулупу катальщикъ.

— Это еще зачѣмъ? У меня, чай, свои ноги есть. А на пятачекъ-то я, братъ, такой себѣ стаканчикъ завинчу, что у меня подъ языкомъ засвербитъ!

Толстый купецъ въ лисьей шубѣ привелъ купчиху.

— Садись, Марфа Никитишна, и поѣдемъ,—говоритъ онъ.

— Охъ, пужаюсь. Лучше ужъ уволь, Семенъ Панкратьичъ, отвѣчаетъ та.—Ты поѣзжай, а я по мосткамъ...

— Дура! Да чего-жъ тутъ страшнаго-то? Сядемъ будто господа и повезутъ насъ за два трешника.

— Охъ, не могу! Почемъ знать, можетъ и грѣхъ на людяхъ-то ѣздить, коли ежели они въ скота уподобленіе...

— Ну, вотъ! коли новая модель вышла, то всякому свой предѣлъ. Въ заграницахъ вонъ и на мерблюдахъ ѣздятъ.

— То мерблюдъ, а тутъ человѣчья душа...

Купецъ выходитъ изъ терпѣнія.

— Садись-же, говорятъ тебѣ! — возвышаетъ онъ голосъ. — А то силой посажу!

— Уволь, голубчикъ, дай я лучше прежде у духовнаго лица спрошу.—А что, батюшка, не грѣшно на человѣчьихъ-то душахъ кататься?—обращается она съ вопросомъ къ стоящему въ толпѣ дьякону.—Боюсь, чтобы съ нашей стороны живодерства не было.

Дьяконъ улыбается.

— Коли ежели, сударыня, по ихъ собственной волѣ и безъ принужденія, а ради пропитанія, то какой-же тутъ грѣхъ и живодерство?—отвѣчаетъ онъ.

— Спасибо вамъ. Вотъ теперь съ сердца камень и снятъ. Я согласна, Семенъ Панкратьичъ, — обращается купчиха къ мужу.

Купецъ и купчиха начинаютъ садиться въ кресло, но по

толщинѣ своей никакъ не могутъ умѣститься, какъ не бьются, какъ не подбираютъ полы шубъ. Въ толпѣ хохотъ.

— Заклинивай, Марфа Никитишна, заклинивай! Не обращай вниманія на зубоскальство,—говоритъ купецъ, залѣзшій первымъ.

— Да не могу, Семенъ Панкратьичъ, и рада-бы, да не могу!—бьется купчиха.

— А ты бочкомъ потрафь, а потомъ и опускайся. Небось, я плотно сижу, меня вонъ не выпрешь,—приговариваетъ купецъ.— А ты, молодецъ, чего-жъ, разиня ротъ-то стоишь?—отнесся онъ къ катальщику.—Подпихни ее сзади въ подмикитки!

— Да ужъ больно много вы съ сожительницей жиру-то нагуляли, господа, вотъ что,—откликается тотъ.—Гдѣ-жъ такой грузъ одному человѣку везти! Вѣдь я не двухъ-жильный. Въ васъ двоихъ-то, пожалуй, три куля овса будетъ. Раззоритесь ужъ на гривенникъ. Кажется, въ состояніи... Вонъ мошна оттопырилась.

— А ты мои дѣньги считалъ? обидѣлся купецъ.—Можетъ у меня въ бумажникѣ-то старыя газеты понапиханы. Садись, Марья Никитишна, не внимай ему!

— Нѣтъ, ужъ я лучше на отдѣльныя сани. Гдѣ-же тутъ...

— Положи ее сверху! Положи! — острятъ въ толпѣ. — Еще лучше ноги грѣть будетъ! Вишь въ ней сала-то сколько! Хоть въ Крещеньевъ день въ проруби купать, такъ и то въ пору!...

Купецъ и купчиха садятся на разныя сани. Купецъ поѣхалъ впереди, купчиха сзади.

— Марфа Никитишна, не отставай! Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву!—кричалъ купецъ.

У ТАТАРЪ НА КРЕСТОВСКОМЪ.

Обрадовалось «обстоятельное» купечество хорошему санному пути и въ воскресенье вечеромъ пріѣхало съ женами на тройкахъ на Крестовскій. Большая компанія. Есть и банковые конторщики—купеческіе прихвостни, лѣзущіе изъ шкуры, чтобы не отстать отъ богачей и имѣющіе тайное намѣреніе «урвать» за себя купеческую дочку съ каменнымъ домомъ или торговыми банями. Кровожадно оскаливъ зубы, встрѣчаютъ татары ресторана компанію и чуютъ здоровую поживу. Съ ногъ сбились они, снимая съ гостей салопы и шубы, и освѣщая путь канделяброй, ведутъ въ «кабинетъ». Только и слышишь: «ваше сіятельство! ваша свѣтлость»! А купцы и купчихи такъ и улыбаются привѣтствію. Есть и купеческіе сынки.

Сѣли въ «большой кабинетъ». Разрумяненныя морозомъ молодыя купеческія жены такъ и хохочутъ, слушая болтовню банковскихъ конторщиковъ.

— Сегодня двухъ лиловыхъ не досчитаюсь, а завтра придется усиленный рискъ на рыбинско-бологовскихъ...—говоритъ одинъ изъ нихъ.—Впрочемъ, я счастливъ. Я сзади крупныхъ банкировъ иду. На какую сторону они, на ту и я.

Самый обстоятельный купецъ съ рыжеватой подстриженой бородой и съ колыхающимся брюшкомъ взялся распоряжаться угощеніемъ.

— Прежде всего чаю, братецъ ты мой... да съ коньякомъ!.. —заказываетъ онъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство,—отвѣчаетъ лакей. — Каюмъ, якши тарахара-бардачай! — отдаетъ онъ приказаніе другому татарину, и наклонившись корпусомъ впередъ, ожидаетъ заказъ ужина.

— Послѣ, лошадятникъ, послѣ насчетъ ужина!.. Сначала мы посовѣтуемся,—машетъ рукой купецъ. — Господа мужской полъ, составимте конгрессъ насчетъ ужина,—обращается онъ къ мужчинамъ.—Я полагаю, послѣ закусокъ, здоровую стерлядь по русски, чтобъ одна на всѣхъ хватила. Ужъ кутить, такъ кутить!

— Да вѣдь сдерутъ,—пробуетъ возразить другой купецъ.

— Ну, что тебѣ!.. Важная вещь! Завтра прикажешь по лишнему двугривенному на пудъ привозной солонины накинуть, вотъ и сквиталъ! Вѣдь солонинный вопросъ весь въ твоихъ рукахъ. Потомъ индѣйку и компотъ изъ ананасовъ. Красное—шато-лярозъ, а шампанское—редереръ,—продолжалъ онъ.— Завтра я самъ подниму цѣну на мороженую свинину, а Иванъ Степанычъ къ празднику съ мастеровыхъ на банѣ возьметъ; Федя на дровахъ попридержится.

— Тебѣ съ горы виднѣе!—рѣшили, вздохнувъ, купцы и отправились въ буфетъ «поклевать предварительно».

Купцу-солонинщику до того понравился «солонины вопросъ», что онъ, выпивъ у буфета, о чемъ-бы не заговорилъ, непремѣнно свертывалъ на солонину. Другіе купцы старались попасть ему въ тонъ и гнули также каждый насчетъ своей спеціальности, оцѣнивая все: кто мороженой свининой, кто дровами, кто баней и т. д.

Подали къ чаю бутылку дорогаго коньяку финь-шампань.

— За бутылочку-то на пятьдесятъ пудовъ солонины по двугривенному надбавить придется. Ну-ка Иванъ Степанычъ, глотай, да и за шампанею примемся!

— А мнѣ каждая бутылка шампанскаго въ двѣсти трехъкопѣечныхъ банныхъ билетовъ вскочитъ.

— Ничего, мастеровые любятъ къ празднику париться, поддержутъ!—самодовольно шутитъ самый обстоятельный купецъ.— Вонъ жена грушу-дюшессъ гложетъ, а у меня барышъ отъ цѣлаго мороженаго борова съѣла.

— Марья Ивановна, не хотите-ли полъ-фунта восковыхъ свѣчъ скушать?—предлагаетъ пожилой купецъ какой-то дамѣ душистый мандаринъ.

— Но почему-же это полъ-фунта восковыхъ свѣчъ? — улыбается породистая купеческая жена.

— А потому, что татарва навѣрное за него слупитъ столько, сколько мы за полъ-фунта восковыхъ свѣчъ беремъ.

— Анфиса Тихоновна, пригубьте изъ нашихъ рукъ доходъ отъ баннаго визита полусотни мастеровыхъ, — изощряется въ выраженiяхъ баньщикъ, подавая той-же дамѣ вѣтку винограду.

Пузатый дровяникъ ударилъ въ ладоши.

— Человѣкъ! Тащи сюда редеру на пять сажень березовыхъ дровъ!—крикнулъ онъ.

Татаринъ выпучилъ глаза.

— Дуракъ! Развѣ не понимаешь?—оборвалъ его мясникъ.— Почемъ березовыя покупаете? Пять рублей, двадцать? Ну, и тащи на пять сажень шипучки.—А что, господа, не растопить-ли мнѣ хорошую мороженую свинью на хоръ цыганъ?—предложилъ онъ компанiи.

— Дѣло, Петръ Терентьичъ, дѣло! Безъ цыганъ скучно. Пусть ихъ попоютъ; и мы отъ трудовъ своихъ праведныхъ жертвуемъ!—одобрительно загалдили купцы.—Ты, Ваня, сколькихъ мастеровыхъ жертвуешь?

— Да что тутъ мастеровыми мѣрить! — откликнулся баньщикъ.—Сотню посѣтителей изъ четверныхъ бань жертвую! А на шампанское изъ номерныхъ порасходуемъ.

— А я полъ-пуда воску! — сказалъ въ свою очередь свѣчникъ.

— Что полъ-пуда! Сыпьте, господа, больше! Надо, чтобъ цыгане весь вечеръ съ градомъ пѣли. Ты насчетъ воску-то не скупись! Завтра придешь на свѣчную фабрику, велишь въ котлы подсыпать лишнихъ пудовъ пять дешевой японской смолы— вотъ и окупилъ расходъ!

— Штуку солдатскаго сукна на цыганъ стравливаю!

— Три кирасирскихъ палаша и двѣ пары мельхiоровыхъ шпоръ даю!—послышались предложенiя отъ купцовъ.

Принесли шампанское. Шумной толпой ввалились въ «большой кабинетъ» цыгане и началось гиканье, нравящееся только хмѣльному человѣку. Около запѣвалы хора лебезитъ купеческiй сынокъ въ прическѣ à la Капуль и наконецъ отводитъ его въ сторону.

— Здѣсь мой папенька,—говоритъ онъ цыгану: — такъ ты, Бога ради, не проговорись, что я вчера здѣсь съ вами кутилъ.

А то только и видѣли вы мою денежную теплоту души! Да и своимъ чертенятамъ закажи, чтобы они не болтали! Понялъ?

— Еще-бы не понять! Гробъ! Могила! — ударилъ себя въ грудь цыганъ. — Да вы чего робѣете-то? Вы вчера кутили, а вашъ папенька третьяго-дня съ двумя мамзелями здѣсь былъ. Вотъ вамъ его тайна. Какъ что—вы ему сейчасъ носъ и утрите!—прибавляетъ онъ.—А Машѣ то сережки обѣщали привезти? Она васъ вотъ по-сихъ-поръ любитъ!

Цыганъ полоснулъ себя рукой по поясу.

— Только по-сихъ-поръ? усмѣхнулся купеческій сынъ. — Что мнѣ изъ цыганской-то любви шубу шить, что-ли? — продолжаетъ онъ скороговоркой. — Отъ цыганки, братъ, какъ отъ каменной бабы желѣзнаго хлѣба не допросишься. Любовь-то у нихъ только на словахъ и какъ сухая ложка ротъ деретъ!

Цыганъ прищелкнулъ языкомъ, и обратясь къ хору, началъ отдавать на своемъ гортанномъ нарѣчіи приказанія, чтобъ молчали насчетъ вчерашняго кутежа купеческаго сына.

— Много вчера ухлопалъ здѣсь?—спросилъ купеческаго сына банковый конторщикъ.

— Цѣлаго черкаскаго быка,—шепнулъ тотъ ему на ухо.— А папенька сегодня мороженой свиньей хвастается! Гдѣ ему за нами....

— Ивушку! Ивушку!—кричали подгулявшіе купцы и купчихи и начали дѣлать сборъ на цыганъ, выкладывая деньги на тарелку.

— Примите и меня въ свою компанію!—обратился къ купцамъ банковый конторщикъ.—Я желаю пятницкую биржевую разницу отъ десяти рыбинско-бологовскихъ пожертвовать!

— Ну, тебя! Слушай на даровую! Куда конь съ копытомъ мчится, туда нечего раку съ клешней лѣзть! отстранилъ его самый обстоятельный купецъ.

Цыганскій хоръ настроилъ гитары, и грянулъ «Ивушку».

СТРАДАНІЯ СРЕДИ УДОВОЛЬСТВІЙ.

I. Въ театрѣ.

— Позвольте мнѣ одно кресло; только нельзя-ли поближе къ сценѣ... —обращается къ кассиру Александринскаго театра мрачный господинъ съ желтолимоннаго цвѣта лицомъ и съ подвязанной черной косынкой щекой.

— Извольте получить. Это будетъ въ пятомъ ряду, но только около самаго бенуара, —отвѣчаетъ кассиръ.

— Около бенуара? Нѣтъ, покорнѣйше благодарю! Даромъ не возьму этого кресла. Помилуйте, мнѣ еще на прошлой недѣлѣ слетѣла прямо въ голову жестяная коробка съ ландринскимъ монпасье изъ четвертаго яруса и оцарапала щеку. Упадетъ бинокль, такъ до смерти убьетъ.

— Тогда вотъ въ послѣднемъ ряду возьмите: третье кресло отъ прохода.

— Давайте хоть въ послѣднемъ ряду. Все-таки лучше.

Мрачный господинъ покупаетъ билетъ, идетъ въ театръ и садится въ кресло.

Воскресенье, а потому и публика «воскресная». Театръ биткомъ набитъ. Рядомъ съ мрачнымъ господиномъ сидитъ купецъ, а дальше купчиха. Купецъ хотя и въ новомъ сюртукѣ, но отъ сюртука его пахнетъ рыбой, а отъ головы отдаетъ деревяннымъ масломъ, коимъ обильно смазаны волосы. Мрачный господинъ начинаетъ нюхать воздухъ, смотритъ подъ стулъ.

— Что баринъ нюхаешь? — говоритъ купецъ. — Съѣдобнымъ

пахнетъ, а не чѣмъ-либо другимъ супротивнымъ. Не ищи, это отъ меня, потому мы этимъ самымъ товаромъ торгуемъ.

— Однако, не можете-ли вы быть настолько любезны чтобы посадить рядомъ со мной вашу супругу, а сами сѣсть на ея мѣсто,—проситъ господинъ.—Меня просто съ души воротитъ отъ деревяннаго масла.

— Не любишь? А это грѣхъ, потому мы его Богу въ лампадкѣ жжемъ. Ну, да ужъ потѣшу.

Купецъ и купчиха пересаживаются.

— Только пожалуйста вы въ меня локтемъ не тычьте, потому я щекотки боюсь,—говоритъ господину купчиха и обдаетъ его запахомъ лука.

— Сударыня, отъ васъ лукомъ... Пожалуйста не разговаривайте со мной.

— Такъ что-жъ что лукомъ?.. Вѣдь это снѣдь. Я давеча съ сиговой икоркой... Нонѣ дни то постные.

Занавѣсъ еще не поднимали. Представлять будутъ какую-то «костюмную» пьесу изъ древняго русскаго быта. Изъ-подъ занавѣса виднѣются то красные, то зеленые сапоги актеровъ. Между купчихой и купцомъ начинается споръ чьи это сапоги.

— Въ зеленыхъ сапогахъ, надо полагать, Леонидовъ ходитъ,— догадывается купчиха.

— Ври больше! Нешто можетъ Леонидовъ въ зеленыхъ сапогахъ, когда онъ кровожадныя роли играетъ, —откликается купецъ. — Для кровожадныхъ актеровъ сапоги красные полагаются. А это, надо полагать, Нильскій въ зеленыхъ сапогахъ. Вонъ и нога нильская торчитъ съ серебрянымъ каблукомъ. Кому другому серебряный каблукъ дадутъ?—Никому.

— А можетъ-быть Полонскій....

— Полонскій опять-таки изъ кровожадныхъ. Развѣ Зубовъ. Впрочемъ, тотъ желтый цвѣтъ любитъ.

Занавѣсъ подняли. Мрачный господинъ сидѣлъ въ послѣднемъ ряду, а потому затылкомъ къ проходу. Въ проходъ начала набираться даровая публика. Эта были «театральные» и «полутеатральные» знакомые капельдинеровъ. Отъ двоихъ несло водкой; они разсказывали другъ-другу кто сколько выпилъ и сбирались кого-то «поддерживать».

— Хорошій человѣкъ! Сегодня я съ нимъ въ «Европѣ» на билліардѣ... Поддержи его; какъ крикнетъ онъ послѣднее сло-

во и убѣжитъ со сцены—жаръ во всѣ лопатки,—слышится разговоръ.

— Постараюсь. У меня руки здоровыя!

Мрачный господинъ ежится. Ему мѣшаютъ слушать. Рядомъ съ нимъ сидитъ дѣвица съ подведенными глазами. Въ самомъ интересномъ мѣстѣ пьесы она наклоняется къ нему и спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, Петипа будетъ играть? У меня афиши нѣтъ.

— Не знаю, сударыня.

— А онъ женатый или холостой? Разъ я съ нимъ видѣлась въ маскарадѣ, но онъ таилъ коварство и молчалъ. Только вы не подумайте что-либо... Въ настоящемъ маскарадѣ. Руки были въ перчаткахъ и обручальнаго кольца было не видать. Вы не знаете?

— Не знаю.

— Говорятъ, въ него семь купчихъ и три графини влюблены. Правда это?

— Не мѣшайте мнѣ пожалуйста слушать!—вопитъ мрачный господинъ.

— Ахъ, Боже мой, какія строгости! Съ вами дѣвица о нѣжномъ предметѣ, а вы отпоръ....

— Ну, и оставайтесь съ вашимъ нѣжнымъ предметомъ, а меня оставьте въ покоѣ....

— Съ вашимъ! Отчего-же онъ мой? Всѣ говорятъ, что онъ душка.

Стоящіе сзади начинаютъ заговаривать съ дѣвицей.

— Мамзель! У насъ теперь есть нѣжнѣе актерикъ и болѣе душка.

— Это вы про Сазонова?—оборачивается дѣвица.—Ахъ, оставьте пожалуйста, я перестала его обожать.

— Нѣтъ, не про Сазонова, а про Паншина. Онъ десять разъ Петипѣ носъ утретъ и тридцать очковъ впередъ дастъ.

— Ахъ, Боже мой! Да это истинное наказаніе!—вскрикиваетъ мрачный господинъ, вскакиваетъ съ кресла и не дождавшись конца акта, бѣжитъ въ буфетъ.

Въ буфетѣ бродитъ какой-то пьяный.

— Ба! знакомый!—восклицаетъ онъ.—Скажите, не были-ли

вы въ то время у Каролины Карловны, когда у меня тамъ золотые часы украли?

— Нигдѣ я не былъ, сударь!

— Скажите, какое сходство! У того мусьи, также какъ и у васъ, была скула подбита.

Мрачный господинъ прячется въ задній уголъ курильной, но пьяный находитъ его здѣсь и кричитъ: «выпьемъ, братъ, за актерокъ, которыя тебѣ нравятся!» Тотъ бѣжитъ отъ пьянаго и натыкается на идущую изъ залы публику. Актъ кончился. Кто-то, подтолкнутый сзади, тыкаетъ ему зажженной папиросой прямо въ лицо и говоритъ «пардонъ».

— Лучше я въ театральной залѣ отдохну!—думаетъ мрачный господинъ и уходитъ изъ буфета.

Онъ сидитъ въ креслѣ, но вотъ антрактъ приходитъ къ концу и публика начинаетъ занимать мѣста. Такъ-какъ онъ помѣщается у прохода, то по ногамъ его шмыгаетъ весь рядъ зрителей. Трое наступили на мозоль. Онъ даже взвизгивалъ отъ боли. Одна дама, проходя на свое мѣсто, запнулась, не удержалась на ногахъ и шлепнулась ему на колѣни.

— Сударыня! Это ужъ изъ рукъ вонъ!

— Что-жъ мнѣ дѣлать, коли здѣсь тѣсно! Вѣдь я не нарочно. Я женщина замужняя.

Всѣ усѣлись. Начался актъ. Купчиха вынула изъ кармана вологодскій орѣхъ и пробовала его раскусить, но не могла и передала мужу. Тотъ бился-бился, тоже не могъ и сказалъ:

— Попроси, вонъ, барина. Можетъ у него зубы-то помоложе. Пусть онъ разгрызетъ.

— Послушайте, купецъ, да вы съ ума сошли! — разгорячился мрачный господинъ.

Въ это время актеръ проговорилъ монологъ и побѣжалъ со сцены.

— Браво! Браво! — заорали стоящіе сзади «на дыбахъ» и неистово зааплодировали надъ самымъ ухомъ мрачнаго господина, а одинъ изъ нихъ такъ усердно размахнулся, что изъ всей силы ударилъ его рукой по затылку.

— Это ужъ ни на что не похоже! Довольно!—заскрежеталъ зубами мрачный господинъ, вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ въ

корридоръ.—Пальто мое! Скорѣй пальто!—кричалъ онъ капельдинеру, и накинувъ пальто на себя, выскочилъ изъ театра безъ оглядки.

II. Въ клубскомъ маскарадѣ.

Серьезный господинъ хочетъ развлечься. У него хандра, приливъ крови къ головѣ отъ кабинетныхъ занятій, болитъ поясница и геморой разыгрался. Случайно узналъ онъ изъ афишъ, что назначенъ маскарадъ въ клубѣ, подумалъ, надѣлъ фракъ и поѣхалъ потолкаться среди замаскированныхъ русско-финляндско-нѣмецкихъ Фринъ и Аспазій.

Вотъ онъ входитъ въ подъѣздъ клуба и его окружаетъ цѣлая толпа продрогшихъ отъ холода масокъ въ ветхихъ пальтишкахъ, подбитыхъ вѣтромъ, въ потертыхъ байковыхъ платкахъ.

— Миленькій статскій! Дай даровой билетикъ для входа. Я тебя знаю. Ты на Черной Рѣчкѣ на дачѣ жилъ и за генеральской кормилицей ухаживалъ въ Строгоновомъ саду! — кричитъ одна маска.

— Душечка, пѣгій старичекъ! Мнѣ дай. Познакомиться не трудно. Я тебѣ потомъ квартиру свою покажу!—вторитъ вторая маска.

— Милый сердцу человѣкъ! Нѣтъ-ли у тебя дароваго билетика? Я тебѣ про твою жену интригу разскажу! Вообрази: она и музыкантъ вотъ съ эдакой скрипкой!..—упрашиваетъ третья.

Голоса масокъ сиплы; отъ нѣкоторыхъ даже сквозь кружево попахиваетъ пивомъ. Онѣ хватаютъ серьезнаго господина за рукава пальто, удерживаютъ его за прорѣхи кармановъ. Онъ отбивается отъ нихъ, стремится впередъ, трахъ! — разорвали карманъ.

— Эдакое безобразіе! Ахъ вы нищія! Ахъ вы разбойницы!—восклицаетъ онъ, бѣжитъ по лѣстницѣ, но въ догонку ему доносятся возгласы: «Жадная свинья! Старый песъ»! и въ довершеніе всего цѣлая горсть скорлупы отъ кедровыхъ орѣховъ летитъ ему прямо въ шляпу.

Онъ въ прихожей, снялъ пальто и причесывается передъ зеркаломъ. Мимо проходитъ маска въ высокихъ нитяныхъ чулкахъ; середина туловища драпирована кучерскими плисовыми шароварами, сверху красная вязаная фуфайка и кокошникъ на головѣ.

— Чешись не чешись, а все лысина сіять будетъ,—говоритъ она серьезному господину, дергая его за фалды. — Послушай, фараонова мышь: ты лучше мажь лысину дегтемъ и посыпай ее рубленымъ волосомъ, авось тогда и заростетъ отъ посѣва.

Прислуга при верхнемъ платьѣ смѣется. Серьезнаго господина коробитъ и онъ говоритъ: «дура»!

Вотъ онъ входитъ въ залу. Мужчины, обхвативъ масокъ, неистово пляшутъ польку. Онъ заглядѣлся на какой-то дѣйствительно миловидный подбородочекъ въ свѣженькомъ коротенькомъ платьѣ и голубыхъ чулочкахъ, но какая-то танцующая пара налетѣла на него, ударила его локтемъ въ спину и сшибла съ головы шляпу.

— Совсѣмъ необъѣзженныя лошади! — пробормоталъ онъ, и поднявъ шляпу, подвинулся къ сторонкѣ.

На хорахъ сидитъ интимничающая пара и смотритъ внизъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ему кто-то плюнулъ на лысину.

— Послушайте! Это ужъ мерзость!—заоралъ онъ и бросился на хоры.

Ему загородила дорогу маска въ сарафанѣ.

— Ангелъ души моей, крокодилъ моего сердца! Угости меня мороженымъ и коньякомъ,—произнесла она. — Я тебя хорошо знаю. Ты живешь у Пяти Угловъ и забираешь чай и сахаръ въ магазинѣ братьевъ Лапиныхъ, а я тамъ кофій покупаю.

— Брысь, окаянная!—отталкиваетъ онъ ее.

— Скажите, пожалуйста, какой недотрога! Ужъ нельзя съ нимъ и интригу завести!—доносится до него.

Онъ вбѣжалъ на хоры, но плевавшейся пары ужъ и слѣдъ простылъ. Пара успѣла скрыться, непозволительно пошутивъ и съ другими такъ-же, какъ съ нимъ. Онъ одинъ на хорахъ.

— Эдакая досада!—говоритъ онъ, но передъ нимъ какъ изъ земли выростаетъ дежурный старшина.

— Это, милостивый государь, свинство! Въ ваши лѣта и вдругъ—такія штуки!—строго читаетъ ему старшина нотацію.— Солидный человѣкъ, серебро въ волосахъ, а шалите какъ маль-

чишка! Развѣ хоры для того устроены, чтобы съ нихъ плевать на публику?

Серьезный господинъ остолбенѣлъ.

— Что вы! Что вы!—машетъ онъ руками.—Со мной самимъ удрали такую штуку, и я нарочно пришелъ на верхъ, чтобы отыскать виновнаго, но онъ успѣлъ скрыться.

— Ну что же изъ этого? Ежели вамъ самимъ плюнули и вы не нашли виновнаго, такъ неужели изъ того слѣдуетъ, что вамъ самимъ позволительно вымещать свою обиду тѣмъ-же плевкомъ на танцующей публикѣ?!

— Помилуйте, да я и не думалъ плеваться!

— Врете, милостивый государь! Вы здѣсь одни и больше некому. Пойдемте въ контору!

Серьезнаго господина ведутъ въ контору. Онъ совсѣмъ потерявшись. Его провожаетъ толпа.

— Что онъ сдѣлалъ?—доносится до него вопросъ.

— Да, говорятъ, танцовалъ съ какой-то маской и вытащилъ у нея изъ кармана портмоне, — поясняетъ та-же маска въ сарафанѣ, которая заводила съ нимъ «интригу» насчетъ мороженаго и коньяку. — Я сама видѣла, какъ онъ бѣжалъ скрыться на хоры, но вотъ теперь старшина поймалъ его и ведетъ въ контору,—прибавляетъ она.

— Въ контору! Просто оттаскать его хорошенько за песью шерсть, сдѣлать хорошее награжденіе по затылку да и выгнать вонъ!—замѣчаетъ какой-ко купецъ.

Привели въ контору.

— Вотъ вамъ плевака!—предъявляетъ старшина серьезнаго господина жаловавшемуся.

— Нѣтъ, не онъ-съ,—отрицательно качаетъ тотъ головой.— То былъ молодой блондинъ и съ бородкой.

— Ну что я вамъ говорилъ!—сжимаетъ кулаки серьезный господинъ. Такъ какъ же, милостивый государь, вы смѣете изъ-за одного только подозрѣнія клеветать на человѣка!

— Извините, извините!—разводитъ руками старшина.

— Что мнѣ изъ вашего извиненія шубу шить, что-ли? Когда вы меня вели по комнатамъ, меня въ публикѣ воромъ называли, говорили, что я портмоне у дамы укралъ.

Радуясь, что освободился, серьезный господинъ бѣжитъ въ буфетъ.

— Дайте мнѣ рюмку полынной водки! — говоритъ онъ буфетчику, но только-что ему налили рюмку и онъ, намазавъ бутербродъ горчицей, приготовился выпить водку, какъ его предупредилъ какой-то пьяный бородачъ въ сюртукѣ съ подшпиленными фалдами, изображающимъ фракъ.

Онъ выхватилъ у него изъ-подъ носа рюмку, залпомъ выпилъ ее, и опрокинувъ себѣ на голову, произнесъ:

— Ты, говорятъ, господинъ, у какой-то мамзели во время танцевъ кольцо съ перста сдернулъ, а я у тебя рюмку водки слимонилъ и теперь мы квитъ! Понялъ? Руку, братъ! А за кольцо хвалю! Такъ ихъ, шкуръ барабанныхъ, и надо учить! Вѣдь ихъ сестра все равно нашего брата на лѣвую ногу обдѣлываетъ. Хмѣльной купецъ только не догляди—въ пазушномъ истинникѣ двухъ лиловыхъ и не досчитался! Я у тебя рюмку водки штурмомъ отбилъ, а въ обратный карусель могу бѣлой головкой тебя поподчивать!

— Однако позвольте, милостивый государь!..—весь вспыхнувъ и поднявъ голову, вопитъ серьезный господинъ.

— Чего тутъ позвольте! Садись да и дѣлу конецъ!—ударяетъ его по плечу бородачъ. — Люблю ловкачей, будь онъ хоть съ висѣлицы! А вотъ и моя комерція: купецъ Огускинъ, шерстью и пухомъ въ Александровскомъ проходѣ торгую. Прислужающій мужчина! Шампанскаго!

Серьезный господинъ бѣжитъ и направляется прямо въ прихожую. Его дергаетъ за рукавъ какая-то маска, но подруга останавливаетъ ее.

— Оставь его, Маша! Этотъ кавалеръ хуже стручковаго перцу: онъ у одной дѣвушки часы стянулъ,—поясняетъ она.

— Пальто! — кричитъ серьезный господинъ, бросая номеръ отъ платья на прилавокъ, и одѣвшись, стремглавъ пускается внизъ съ лѣстницы, убѣгая изъ веселаго маскарада.

III. Въ семейномъ домѣ.

«Въ семейный домъ надо по-раньше ѣхать. Просили запросто», рѣшаетъ солидный господинъ и въ половинѣ восьмаго часа вечера звонится уже у наружныхъ дверей съ надписью: П. И. Раструбовъ.

— Петръ Иванычъ дома? — спрашиваетъ онъ, отворившую ему дверь, кухарку.

Та какъ-то недовѣрчиво смотритъ на него и не впускаетъ въ квартиру.

— А вы не портнихинъ мужъ?—задаетъ она въ свою очередь вопросъ.

— Что за дичъ ты, моя милая, городишь! Я въ гости пришелъ.

— Ей-Богу, ужъ не знаю, право... Баринъ нездоровы. Они объѣлись гусемъ за обѣдомъ и теперь спятъ, а барыня кололи сахаръ и губу себѣ разсѣкли, такъ у доктора...

— Странно...—говоритъ солидный господинъ. — Въ такомъ случаѣ передай вотъ имъ...

Онъ лѣзетъ въ карманъ, чтобъ достать оттуда свою визитную карточку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Они и счета не велѣли брать! — вскрикиваетъ кухарка и передъ самымъ его носомъ захлопываетъ дверь.

Солидный господинъ въ недоумѣніи. Ругаясь, что напрасно проѣхалъ съ Васильевскаго острова на Пески, онъ уже начинаетъ сходить съ лѣстницы, какъ вдругъ слышитъ голосъ хозяйки, выглянувшей изъ-за угла:

— Ахъ, Боже мой! Семенъ Семенычъ! Это вы? Извините, пожалуйста! Прошу покорно!—ворочаетъ она его съ лѣстницы и кричитъ на кухарку: — Погоди, дура, вотъ уже Петръ Иванычъ тебѣ задастъ!

— Да вѣдь самъ-же онъ велѣлъ, коли портнихинъ мужъ, то въ шею...—возражаетъ кухарка.

— Молчи! Пожалуйте, Семенъ Семенычъ... А у насъ тутъ маленькое недоразумѣніе... Надоѣдаетъ намъ одинъ человѣкъ,

такъ вотъ мужъ... Сейчасъ я разбужу его. Садитесь пожалуйста на диванчикъ. А у насъ такъ поздно гости собираются, что мы еще и лампъ не зажигали. Мавра! Зажигай!

Солидный господинъ садится. Хозяйка отправляется въ сосѣднюю комнату будить мужа. До гостя доносятся мычанія и слова: «Оставь!.. Погоди!»

— Чего годить, коли Семенъ Семенычъ пришелъ! Вставай!

— А ну его къ чорту!—раздается возгласъ съ просонья.

— Тише ты! онъ въ гостиной... Возьми вотъ твои сапоги.

Въ гостиной между тѣмъ зажигаютъ лампы. Изъ прихожей выглядываютъ хозяйскія ребятишки и подозрительно смотрятъ на солиднаго господина.

— Это жидъ. Онъ пришелъ папу въ тюрьму сажать,—довольно громко шепчетъ своему брату маленькая дѣвочка и указываетъ пальцемъ.—Вонъ у него волчій зубъ торчитъ!

Услыхавъ это, мальчикъ показываетъ ему языкъ и въ довершеніе всего кидаетъ въ него мячикомъ, который какъ разъ попадаетъ въ лицо.

— Ахъ какіе шалуны!—вскрикиваетъ солидный господинъ, но въ это время въ гостиную входитъ хозяинъ въ сопровожденіи хозяйки и потягивается.

— Семенъ Семенычъ! Очень радъ! Наконецъ-то пожаловали—пожимаетъ онъ руку гостю.

— Я слышалъ, что вы сегодня нездоровы? — спрашиваетъ тотъ.

— Нѣтъ, ничего, теперь прошло. Представьте, какой странный случай: прибивалъ я передъ обѣдомъ штору къ палкѣ, и по нечаянности, проглотилъ обойный гвоздь.

— А все, мой другъ, оттого, что ты небреженъ,—замѣчаетъ жена.—Какъ можно гвозди въ ротъ брать!

— Но я слышалъ, что вы гусемъ за обѣдомъ объѣлись?—говоритъ гость.

— Что вы, что вы! У насъ гуся и въ заводѣ не было!

Хозяйка заводитъ бесѣду о дѣтяхъ. Выносятъ на показъ грудного ребенка. Тотъ реветъ. Солиднаго господина коробитъ.

— Посмотрите, какой прелестный мальчикъ! О, это у меня пѣвецъ будетъ, судя по голосу. Ну, возьмите его на руки.

— Я, признаться, сударыня, не охотникъ до дѣтей. Какъ старый холостякъ...

— Полноте, какъ можно не любить ангеловъ! Няня, поднеси его къ барину.

Солидный господинъ пробуетъ отстранить ребенка, но тотъ, заревѣвъ еще громче, хватаетъ его за носъ. Солидный господинъ стискиваетъ зубы отъ злости, но молчитъ.

— Ты говоришь пѣвецъ,—начинаетъ хозяинъ.—Но хорошій голосъ нуженъ и командиру для командованія.

— Такъ я тебѣ и позволю его отдать въ военную службу!—отвѣчаетъ хозяйка. — Нѣтъ, онъ будетъ пѣвцомъ. Командиру нуженъ бассъ, тутъ сейчасъ видно, что разовьется теноръ.

— Не дамъ я тебѣ изъ него пѣвца дѣлать! — возвышаетъ голосъ злой съ просонокъ мужъ.

— А я сдѣлаю! — вспыхиваетъ жена.— Я мать, а не ты! Мой сынъ.

— Очень хорошо понимаю, что онъ твой сынъ, — вырывается у мужа и онъ особенпо напираетъ на слово «твой».—Знаю въ честь кого ты изъ него и пѣвца-то хочешь дѣлать. Этотъ пѣвецъ, сударыня, у меня вотъ гдѣ сидитъ! Но ужъ довольно!

— При гостѣ-то! При постороннемъ-то человѣкѣ! Ахъ, ты дрянь этакая!—вскрикиваетъ жена.

— Сама дрянь! Даже еще хуже! Изъ-за этого проклятаго пѣвца я еще и по-сейчасъ не могу разплатиться съ долгами! Онъ мнѣ въ тысячу рублей вскочилъ! Я бланкъ-то на векселѣ поставилъ.

Мужъ вскакиваетъ съ мѣста и большими шагами начинаетъ ходить по комнатѣ. Жена плачетъ и сквозь слезы говоритъ: «мерзавецъ»! Гость въ терзаніи.

«И чортъ меня сунулъ пріѣхать къ нимъ»,—думаетъ онъ и пробуетъ успокоить супруговъ.

— Почтеннѣйшій Петръ Иванычъ и Анна Федоровна! И охота это вамъ изъ-за пустяковъ?...

— Какъ изъ-за пустяковъ! — вопитъ мужъ. — А! и вы за нее?.. Прекрасно, милостивый государь, прекрасно!

— Но позвольте!..

— Нечего тутъ позволять! Значитъ это вы тогда записки переносили? Отличную роль играли! Нечего сказать!

— Да какъ ты смѣешь, свинья ты этакая?—вскрикиваетъ

жена и застонавъ: «охъ, не могу, не могу»! падаетъ въ обморокъ прямо на руки гостю.

— Марфа! Вылей на нее ведро воды!—заканчиваетъ мужъ и уходитъ въ другую комнату.

— Вотъ не было печали!—шепчетъ сквозь зубы гость и недоумѣваетъ что ему дѣлать съ женщиной.

У наружныхъ дверей звонокъ. Входитъ тесть и теща хозяина съ младшей дочерью-дѣвицей, и увидавъ изъ прихожей сцену, останавливаются пораженные какъ громомъ. Старикъ первый приходитъ въ себя, сбрасываетъ шубу, вскакиваетъ въ гостиную, и хватаетъ солиднаго господина за рукавъ.

— Такъ это вы тотъ подлецъ, что, врываясь въ семейный домъ, разрушаетъ супружеское счастье?—неистовствуетъ онъ.— Я не вѣрилъ сначала ея мужу, но теперь самъ вижу! Я, сударь, хоть и отецъ, но своей дочери поблажки не даю! Я съ вами по свойски расправлюсь!

— Папаша, оставьте! оставьте! — стонетъ пришедшая въ себя женщина, но старикъ начинаетъ ужъ засучивать рукава.

Солидный господинъ бросаетъ женщину, которая съ визгомъ падаетъ на полъ, а самъ бѣжитъ въ прихожую, но тамъ вцѣпляется въ него хозяйская теща и теребитъ его за воротъ. Гнѣвъ старика начинаетъ проходить.

— Оставь, Марья Степановна!—говоритъ онъ своей женѣ.— Не стоитъ объ него и рукъ своихъ марать! Вонъ отсюда волокита!—топаетъ онъ ногами на солиднаго господина, но въ это время на выручку къ нему является хозяинъ.

— Какъ вы смѣете моихъ гостей выгонять изъ моего дома!— доносится изъ другой комнаты его голосъ.

— Ахъ дуракъ, дуракъ! всплескиваетъ руками теща.—Онъ самъ-же еще и заступается!

Солидный господинъ, радуясь, что освободился, накидываетъ на себя шубу и хочетъ бѣжать вонъ, но двери заперты и онъ не знаетъ, какъ отворить ихъ.

— Маменька, тутъ недоразумѣніе! плачетъ хозяйка. — Ни я, никто не виноваты! за что вы оконфузили человѣка!

Солидный господинъ кой-какъ отворилъ двери, выскочилъ на лѣстницу и бѣжитъ внизъ.

— Семенъ Семенычъ! Куда вы?.. Воротитесь! Все объяснилось! Дайте передъ вами хоть извиниться-то! — доносятся до

него сверху голоса, но онъ не останавливается, и перескакивая черезъ нѣсколько ступенекъ, бѣжитъ далѣе, хотя чувствуетъ, что забылъ наверху свои калоши и шейный платокъ.

IV. На обѣдѣ запросто.

— Ахъ, Боже мой! Наконецъ-то пожаловали!— встрѣчаетъ въ прихожей солиднаго господина хозяинъ. — Прошу покорно въ гостиную! Машурочка! Семенъ Семенычъ пришелъ, — оповѣщаетъ онъ жену.

— Здравствуйте!—вылетаетъ та изъ другой комнаты, держа за руку маленькаго сынишку. — Ну вотъ умница за это, что пришли. А мы сегодня съ мужемъ только объ васъ и говорили. Я говорю: «этакій прекрасный человѣкъ и вдругъ до-сихъ-поръ холостой!» Ну, да мы васъ женимъ!—прибавляетъ она.—Ахъ, да! Рекомендую вамъ моего сына. Васенька! хлопни ручкой дядѣ...

— Боюсь! Онъ меня съѣстъ... — отвѣчаетъ ребенокъ и тыкается головой въ юбку матери.

— Хлопни же, душенька. Онъ умныхъ мальчиковъ не ѣстъ,—продолжаетъ мать и опять прибавляетъ: — Удивительно какой умный ребенокъ! Ну, полно-же, не упрямься...

Ребенокъ смотритъ букой и спрашиваетъ гостя:

— А вы гостинцы принесли?

— Вотъ гостинцевъ-то и не принесъ,—смущаясь разводитъ руками гость и садится.

— Ай-ай-ай! Развѣ можно гостинцы просить! осуждаетъ его мать. — Поди прочь, коли такъ... — но ребенокъ тронулъ уже гостя за шапку, которую тотъ держалъ въ рукахъ, и лѣзетъ къ нему на колѣни.

— Вы старый песъ?—задаетъ онъ вопросъ. —Мама говорила: «вотъ старый песъ придетъ»...

— Господи! Что-жъ это такое! Какъ ты смѣешь! —всплескиваетъ руками мать. — Петръ Иванычъ! Да дай ему по затылку и выгони его вонъ,—обращается она къ мужу. — Это ужъ ни на что не похоже! Могутъ и въ самомъ дѣлѣ подумать... Ахъ, какъ совѣстно!...

— Пошелъ вонъ, дрянь эдакая! — топаетъ ногой на сына отецъ.

Ребенокъ выхватываетъ изъ рукъ гостя бобровую шапку и убѣгаетъ.

— Ужъ вы пожалуйста извините, — упрашиваетъ гостя хозяйка.—Нянька, отними у него шапку!—кричитъ она.

— Ничего, помилуйте! Кто-же сердится на ребенка?—скрѣпя сердце и морщась, успокаиваетъ ее гость. — А насчетъ шапки вы не безпокойтесь. Пусть поиграетъ.

— Конечно, пусть поиграетъ, — говоритъ хозяинъ. — По крайней мѣрѣ займется ею и уже сюда не придетъ. Однако, пора и за столъ! Семенъ Семенычъ, пожалуйте въ столовую. Такимъ, батюшка, я васъ поросенкомъ сегодня поподчую, что просто пальчики оближете! На сливкахъ поенъ. Для меня нарочно приготовляли.

— Поросенокъ хорошая вещь—соглашается, придя въ себя, ость. и направляется въ столовую.—Вотъ мнѣ пришлось разъ ѣсть...

— Нѣтъ, вы эдакаго не ѣдали! — перебиваетъ его хозяинъ. — Съ этимъ поросенкомъ баба двѣ недѣли няньчилась, какъ съ ребенкомъ. Да-съ. А здѣсь въ лавкахъ какіе поросята? Кошки драныя!

Сѣли за столъ. Гость сѣлъ между хозяиномъ и хозяйкой. Подали борщъ.

— Пожалуйте тарелочку!...—сказалъ хозяинъ.—Вотъ тоже произведеніе, которое вы здѣсь ни за какія деньги не достанете. Вѣдь это настоящіе квашеные бураки. Ихъ мнѣ тесть изъ Малороссіи прислалъ. Посмотрите какой багровый цвѣтъ! Рембранду не удавалось такихъ красокъ составлять.

— Да, цвѣтъ хорошъ...—соглашается гость. — Но относительно Рембранда...

— То-есть какъ это хорошъ? И что относительно Рембранда? Вы значитъ Рембранда не видали! Отличный! А Рембранда я вамъ послѣ обѣда покажу! Водочки передъ борщемъ-то... Вотъ такъ водка! Попробуйте-ка... Ни за какія деньги не достанете! Эту водку дестилировалъ мнѣ самъ полковникъ Перебранкинъ черезъ милліонъ двѣсти тысячъ углей, а онъ, батенька, ужъ такой дока, что цѣлый батальонъ питуховъ за-поясъ заткнетъ. Ну-те-ка...

Гость пьетъ и находитъ, что водка самая обыкновенная.

— Ну что, обожгло?—справляется хозяинъ.

— Да, водка недурна.

— Не дурна! Ну, послѣ этого вы ничего не понимаете! Восторгъ! Вѣдь это чистый огонь! А на свѣтъ—слеза, слеза новорожденнаго ребенка! Однако, кушайте борщъ.

Съѣли борщъ, подали отварнаго поросенка. Хозяинъ принялся его рѣзать.

— Мурильо! Совсѣмъ мурильевская головка! — восторгался онъ, тыкая вилкой въ голову поросенка.—А какова бѣлизна-то! Кашемиръ, снѣгъ, лилія не сравняется по цвѣту.

— Да, но все-таки есть легкая синева, — пробуетъ возразить гость.

— Синева!—восклицаетъ хозяинъ.—Ну, послѣ этого вы настоящаго бѣлаго цвѣта не видали! Да развѣ можетъ быть чистый бѣлый цвѣтъ безъ синевы? Вотъ когда мы съ Машуткой были за-границей... Помнишь, Маша?

— Но дайте-же мнѣ выговорить!—упрашиваетъ гость.

— И слушать не хочу! Это, батюшка, невѣжество! Да мы въ Луврѣ видѣли настоящіе кашемиры...

— Другъ мой, не горячись...—успокоиваетъ его жена.

— Не могу я видѣть, когда люди профанируютъ ѣду! Да тутъ даже чистый дуракъ!.. Впрочемъ, довольно!..

Молча съѣли поросенка.

— Вы не хотите-ли квасу?—предлагаетъ гостю хозяйка.

— Да чего тутъ спрашивать! Вели подать. Русское питье къ русскому блюду и слѣдуетъ, а ему такой квасъ и во снѣ не снился! Лучше всякаго шампанскаго! Мнѣ этотъ квасъ одинъ настоятель новгородскаго монастыря прислалъ, а тамъ ужъ насчетъ квасовъ кому угодно носъ утрутъ. Давай я самъ откупорю.

— Да я не пью квасу...—пробуетъ возразить гость.

— Врете! Этотъ будете пить.

Подаютъ бутылку квасу. Хозяинъ начинаетъ откупоривать, кряхтитъ, вырываетъ пробку — трахъ! Квасъ фонтаномъ ударяетъ гостю прямо въ лицо, заливаетъ ему грудь рубашки. Тотъ вскакиваетъ.

— Ахъ, Петръ Иванычъ, какой ты неловкій! восклицаетъ

жена. — Ну развѣ можно такъ?.. Возьмите скорѣй салфетку! Дайте я васъ оботру.

— Камчатной-то салфеткой!—возмущается хозяинъ.—Ни за что на свѣтѣ! Дарья, принеси кухонное полотенце! Эти салфетки, батенька, такія, что ихъ и при дворѣ нѣтъ. Мнѣ ихъ Перегрызковъ прямо съ фабрики изъ Голландіи привезъ. Да и тамъ ему ни за какія деньги не хотѣли ихъ продать, потому что онѣ для бельгійскаго короля дѣлались, такъ онъ взялъ да и укралъ.

Гостя обтерли. Понесли жаркое—жаренныхъ куръ. Хозяинъ опять пришелъ въ восторгъ.

— Эти пулярдки-то каштанами кормлены и три недѣли имъ пить не давали!—разсказывалъ онъ.—Одного сала изъ каждой птицы на двѣ свѣчки хватитъ. Тише ты! Какъ подаешь! Развѣ такъ блюдо держатъ!—крикнулъ онъ на дѣвушку и повернулъ ее, но та въ это время двинула блюдомъ гостя въ затылокъ и вылила ему на спину и за воротъ рубашки всю подливку.

— Ахъ ты мерзкая!—завопила хозяйка. — Ну, какъ тебѣ не стыдно! Простите, Семенъ Семенычъ! Проси сейчасъ прощенья. Гдѣ полотенце?

Гостя опять принялись обтирать. Онъ уже не пилъ не ѣлъ и помышлялъ только какъ-бы удрать домой.

Обѣдъ кончился.

— Мое почтеніе!—раскланивался гость.—Надо переодѣться. Гдѣ моя шапка? Давеча вашъ сынокъ...

— Да полноте, посидите! Шапку сейчасъ найдутъ. А я васъ такимъ кофіемъ напою, что вамъ и во снѣ не снилось. Настоящая мокка! Знаете англичанина Гари? Онъ мнѣ прямо изъ Аравіи...—останавливалъ хозяинъ гостя, но когда тотъ на отрѣзъ отказался, увѣряя, что онъ весь мокръ,—крикнулъ:—Дарья! сыщите шапку Семена Семеныча!

— Ахъ, Боже мой! Вотъ подлая-то сабака! — кричала горничная.—Давеча Васенька взялъ шапку поиграть и бросилъ, а Боксъ всю ее въ клочки изорвалъ.

— Послушайте, но развѣ можно такъ?!—вырывается вопль у гостя.—Вѣдь ее надѣть нельзя! Шапка бобровая.

— Извините пожалуйста! Намъ такъ совѣстно, но что же дѣлать! Щенокъ...—извиняется хозяйка.—Я вамъ свой байковый платокъ дамъ, вы накроетесь. Вѣдь вамъ недалеко до дому.

Гость накрываетъ голову вмѣсто шапки платкомъ, прощается и стремится къ двери.

— Ахъ, да!—спохватывается хозяинъ.—Погодите! Жена у меня лоттерею дѣлаетъ въ пользу одного бѣднаго семейства.—Мы разыгрываемъ двѣ наши картины: одну Рембранда, другую Мурильо. По три рубля за билетъ. Возьмите хоть парочку на доброе дѣло.

— Послѣ, послѣ! Я въ другой разъ заѣду!—машетъ руками гость и исчезаетъ за дверью.

V. За стукслкой.

— Въ стуколку по малости не желаете-ли? — предлагаетъ карту солидному гостю хозяинъ въ купеческомъ домѣ. — Игра самая дружеская — полтора цѣлковыхъ: полтина коренникъ и по полтинѣ двѣ пристяжки.

— Да вѣдь я плохо играю,—отнѣкивается солидный гость, видя, что придется сѣсть за столъ съ людьми мало-знакомыми.

— Ничего-съ, коли деньги изъ кармана вынимать умѣете, значитъ и не плохо играете.

Солидный гость сѣлъ. Пришлось играть съ купцами. Замѣшалась только одна дама въ столѣ. Солидный гость вынулъ убновaго туза и ему пришлось сдавать.

— Плохо дѣло, коли съ каторжникомъ пришлось играть,— замѣтилъ по поводу его карты какой-то рыжебородый купецъ.— Навѣрное обчиститъ и зарѣжетъ.

Козыри выпали пики.

— Ну, еще того лучше! Пикой господинъ каторжникъ колоть-то насъ будетъ,—добавилъ черный купецъ.

Стукнули трое и при-этомъ приговаривали прибаутки.

— Бикштесъ отбиваю,—сказалъ первый.

— А я котлету рублю,— произнесъ второй.

— Что-жъ, и у меня битокъ въ сметанѣ, — откликнулся третій.

Солидный гость посмотрѣлъ въ карты. У него пришелъ козырный тузъ. Стукнулъ и онъ. Стукнувшіе купцы покосились на него.

— Кандалы у каторжника загремѣли! Проку не быть,—протянули они.

Дѣйствительно, обремизились двое. Солидный гость взялъ двѣ взятки.

— Ну что-жъ, пусть его на свои арестантскія нужды возьметъ,—сказали они.

Солидный гость поморщился. Ему непріятно было такое отношеніе къ нему мало-знакомыхъ людей. Сдали опять, опять онъ стукнулъ и опять прибаутка.

— Изъ острога стучатъ, на улучшеніе пищи просятъ. Что-жъ, мы передъ праздниками подаемъ на калачи.

— Господа, нельзя-ли какъ-нибудь полегче выражаться,—проговорилъ онъ и стиснулъ зубы.

— Полегче!—передразнили его. — Каторжные и отъ тѣлеснаго наказанія по закону не освобождены.

— Въ такомъ случаѣ я брошу играть и уйду изъ-за стола!

— Сорвали два ремиза да уйду? Тогда еще хуже: бѣглый каторжникъ будете.

— Иванъ Иванычъ, что-же это такое?—обращается гость къ хозяину.

— Да полноте, вѣдь они шутятъ,—успокоиваетъ тотъ.

— Однако, шутить можно какъ-нибудь иначе...

Еще сдача. Козыри черви. «Сердечная масть!»—возгласилъ сдающій. Солидный гость сказалъ пасъ.

— Ну, какъ-же вы не каторжникъ, коли даже безсердечіе свое показали?—отнесся къ нему рыжебородый купецъ. — Да я-бы на вашемъ мѣстѣ на пустыхъ пошелъ: «вотъ, молъ, ребята, хоть я и клейменный, а сердечной масти не боюсь».

— Еще разъ попрошу васъ бросить эти шутки!

Игра продолжалась. При двухъ стукнувшихъ, у солиднаго гостя пришелъ козырный король бланкъ. Онъ задумался.

— Водовозъ, что-ли? Стучи, баринъ! — крикнули ему.

Онъ стукнулъ и король бланкъ далъ ему взятку.

— Арестантское не горитъ не тонетъ! — воскликнулъ черный купецъ. — И водовозъ ему братъ.

— Еще-бы. Вѣдь въ острогѣ они сами на себѣ воду возятъ, а

свой своему по неволѣ другъ, — поддакнулъ рыжебородый купецъ.

Солидный гость положилъ себѣ проиграть выигрышъ и встать изъ-за стола. Его уже начинало сильно коробить отъ плоскостей. Онъ стукнулъ на пустыя карты и взялъ взятку на червоннаго валета.

— Вона!—возгласили хоромъ купцы.—Даже московскіе мазурики ему почетъ дѣлаютъ!

Въ слѣдующую игру ему пришла опять карта. Купцы побросали карты. Стукнула дама.

— Пощади хоть женщину-то! Вѣдь одна она передъ тобой на дорогѣ!—не унимались игроки.

У дамы были два маленькихъ козыря и она проиграла.

— Нѣтъ, и женщину зарѣзалъ! Совсѣмъ ожесточенный!— дивились купцы.

— Господа! Еще разъ повторяю: ежели вы не оставите вашихъ сальностей, я уйду изъ-за стола, — рѣшительно сказалъ солидный гость.

— А мы не выпустимъ изъ острога. Къ арестанту, да еще буйному двойной караулъ приставленъ. Его въ темную сажаютъ,—отвѣчали ему.—А что до сала, то оно вашему брату, заключенному, взамѣсто масла въ кашу идетъ.

— Звени кандалами-то! Оттачивай ножъ-то противъ насъ! Что-жъ остановился?—говорили они. — Или можетъ быть крестовой масти испугался? Такъ вѣдь и на тѣхъ, кто семь душъ загубилъ, крестъ-то есть.

Солидный гость вскочилъ изъ-за стола и бросилъ карты.

— Довольно-съ! Я потерялъ терпѣніе и больше играть не могу.

— Положилъ подъ кандальную-то подвертку двѣ красненькія, да и играть не могу!—дразнили его.

— Потрудитесъ разсчитаться,—обратился солидный гость къ рыжебородому купцу.—Вы мнѣ должны три рубля.

— Лишенные правъ состоянія, сударь, ни сами долговъ дѣлать не имѣютъ права, ни получать ихъ. За нихъ опека получаетъ.

— Скотина!—кричитъ солидный гость.

— Да скотина-то все лучше каторжника! Скотину хоть про-

дать можно, а каторжнаго арестанта развѣ только чорту подарить да и то незнакомому, чтобъ назадъ не принесъ.

— Господа! Господа! Что вы это? — унималъ гостей хозяинъ.—Ну, какъ можно изъ-за пустяковъ!?

— Нѣтъ, не изъ-за пустяковъ, а меня на цѣлую красненькую выпотрошили!

— У меня портретъ Дмитрія Донскаго стянулъ.

— Трехъ травяныхъ съ парой канареечныхъ и у меня нѣтъ.

Солиднаго гостя отвели въ сторону. Онъ ушелъ въ другую комнату, и тяжело дыша, сѣлъ на диванъ. Къ нему подсѣла какая-то купчиха.

— Что, сударь, видно и васъ намазали въ трехлистную-то чехарду?—спросила она.—И охота вамъ было садиться! Тамъ, говорятъ, какой-то шулеришко изъ бѣглыхъ каторжныхъ появился и всѣхъ навѣрняка шильнымъ образомъ обчистилъ, да и убѣжалъ изъ-за стола.

— Сударыня! Ежели вы слышали глупости, то не повторяйте ихъ, чтобы не быть дурой!—крикнулъ солидный гость, схватилъ шапку и побѣжалъ въ прихожую, чтобы одѣться и уйти.

— Дяденька! дяденька! — приставалъ къ нему хозяйскій сынишка. — Покажите мнѣ, гдѣ здѣсь бѣглый каторжникъ съ пикой?

Солидный гость ударилъ его по затылку, и надѣвъ пальто, выскочилъ изъ прихожей на лѣстницу.

ДВА ИГРОКА.

Дѣло было на страстной недѣлѣ.

— Праздникъ-то у меня вотъ гдѣ сидитъ! Вотъ гдѣ!—колотилъ себя по шеѣ купецъ, выходя изъ своей квартиры на лѣстницу и прощаясь съ женой.

Въ тоже время отворилась дверь другой квартиры, находившейся напротивъ, и вышелъ пожилой чиновникъ въ форменной фуражкѣ, который услыхавъ слова купца и увидавъ его жесты сказалъ:

— Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, сосѣдъ! Охъ, какъ труденъ праздникъ для всякаго человѣка! Всѣмъ дай. Въ одинъ день какой нибудь можешь растаять до послѣдняго полтинника въ карманѣ.

Купецъ посмотрѣлъ ему на фуражку и сдѣлалъ такой отвѣтъ:

— Вамъ что! Вамъ съ полъ-горя и праздникъ-то можно съ хлѣбомъ ѣсть! Вы, ваше благородіе, къ оному награды денежныя получаете.

— А вы, ваше степенство, на товары въ своей лавкѣ надбавляете да и торговля шире идетъ.

— Въ моей лавкѣ не надбавишь, ваше благородіе, да и торговля-то къ празднику дѣлается поуже, вмѣсто ширины. Я пескомъ да известкой торгую. Кирпичъ есть, изразецъ.

— А я къ празднику-то къ чину представленъ, вмѣсто денежной награды. Отъ него не укусишь. Да, кромѣ того проигрался въ воскресенье въ мушку въ Благородномъ собраніи. А гдѣ теперь отыграешься? Всѣ клубы заперты на страстной недѣлѣ. Въ картежные вертепы боюсь сунуться—совсѣмъ разДѣнутъ.

— Представьте себѣ, вѣдь и меня въ прошлое воскресенье выпотрошили на двѣнадцать красненькихъ. Вотъ судьба-то въ одинаковой участи встрѣтиться! А на этой недѣлѣ и въ гости-то къ себѣ никто не зоветъ, потому всѣ говѣютъ. Очищеніе души у всѣхъ на умѣ, а не карты.

— А вы сами то уже говѣли? — спросилъ чиновникъ.

— На первой недѣлѣ еще отхваталъ,—отвѣчалъ купецъ.

— А я на середокрестной недѣлѣ всѣ грѣхи съ себя снялъ. Знаете что: устройте у себя сегодня игру въ стуколку и меня позовите. Хотя мы и незнакомы, но все-таки сосѣди. Честь имѣю рекомендоваться: коллежскій совѣтникъ... А имя, отечество и фамилію сказывать не надо. Вы ихъ по моей дверной досчечкѣ знаете. Какъ васъ зовутъ и кто вы—я тоже знаю.

— Экъ, что хватили! Зачѣмъ-же я на страстной недѣлѣ свою квартиру картежнымъ грѣхопаденіемъ поганить буду? Да и кавардакъ у меня теперь дома: окна и двери моютъ, паутину изъ угловъ и съ потолка снимаютъ, дверные замки кислотой чистятъ. Устройте лучше вы у себя и меня къ себѣ позовите. Важно-бы по три рублика постукали.

— Я-бы и устроилъ да мнѣ жена не позволитъ.

— И у меня жена брыкаться начнетъ. А вы лучше пугните вашу жену.

— Ну, нѣтъ, это ужъ лучше вы сдѣлайте. Въ нашемъ кругу женъ не пугаютъ, а въ вашемъ купеческомъ — даже и ткнуть женщину кулакомъ раза два ни за что не считается.

— Хорошему же вы меня наущаете! А вы, ваше благородіе, вотъ что сдѣлайте: вы ушлите куда нибудь жену-то вонъ изъ дома по дѣлу, а мы, тѣмъ времснемъ, придемъ и засядемъ; значитъ, у меня безъ домашняго кровопролитія обойдется.

— Что-жъ, это можно. Только смотрите: вернется она домой, такъ, пожалуй, ругать васъ начнетъ. Она женщина мстительная, и я за нее не отвѣчаю.

— Ничего, ругательства стерпимъ. Въ одно ухо будемъ впущать, а изъ другаго выпущать. Такъ приходить вечеромъ-то, что-ли?—спросилъ купецъ.

— Очень вамъ благодаренъ, что вы такой снисходительный игрокъ, но вотъ бѣда—у меня не можетъ составиться стуколки. Гдѣ на этой недѣлѣ игроковъ собрать? И пятерыхъ-то не загонишь. Вотъ ваше дѣло—другое, ваше дѣло—купеческое, у васъ

среди купечества игроковъ много да и бумажники-то у нихъ обширнѣе. Ну, чѣмъ тутъ домъ опоганится, ежели въ стуколку поиграть? Выбросьте это изъ головы! Вѣдь мы живемъ въ девятнадцатомъ столѣтіи. Ну, что за предразсудки! Вотъ ежели-бы у васъ совсѣмъ въ домѣ картъ не было. А то все равно лежатъ-же онѣ у васъ въ квартирѣ.

Купецъ задумался.

— Чудакъ-человѣкъ, ваше благородіе! Да у меня и мебель-то вся къ верху ногами опрокинута, шторы и занавѣски всѣ сняты, все выколачиваютъ, вытряхаютъ, — сказалъ онъ.

— Ничего, мы и при опрокинутой мебели поиграемъ. А что до шторъ и занавѣсокъ, то можно и скатертью отъ постороннихъ взоровъ окна завѣсить.

— Все это такъ-то такъ... Но вдругъ, ежели и моя жена васъ ругать начнетъ? Каково въ вашемъ-то чинѣ отъ купчихи такую словесность стерпѣть? Вѣдь купеческіе-то каламбуры чище чиновничьихъ.

— Любезность за любезность. Вы изъявили готовность отъ моей жены претерпѣть непріятности—извольте, и я къ вашимъ услугамъ! Брань на вороту не виснетъ. Да и что такое чинъ? Да и оскорбленія отъ женщины ни во что не считаются. Такъ прикажете ужо вечеромъ приходить къ вамъ?

— Нѣтъ, не рука. Мнѣ еще труднѣе, чѣмъ вамъ собрать стукольщиковъ-то,—отвѣчалъ купецъ. — Купцы много благочестивѣе чиновниковъ. Они на страстной-то недѣлѣ и съ масломъ не вкушаютъ, такъ какія тутъ карты!

— Что правда, то правда. Вотъ незадача! почесалъ у себя въ раздумьи за ухомъ чиновникъ и тутъ-же спросилъ: Вы въ палки играете?

— Въ лучшемъ видѣ.

— Ну, вотъ, и отлично! Чего-жъ намъ горевать-то? Вѣдь тутъ игра одинъ на одинъ. Въ палки можно вдвоемъ играть. Значитъ, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: я приду ужо къ вамъ, какъ покупатель, подъ видомъ того, что будто песокъ и известку покупать для постройки, поговоримъ объ изразцахъ, о кирпичѣ, а потомъ удалимся въ комнату, запремся, засядемъ за зеленый столъ да и сразимся. Согласны?

— Нѣтъ, вдвоемъ не разсчетъ. Вы хотите отыграться и я хочу непремѣнно отыграться, какая-же тутъ картежная му-

зыка можетъ изо всего этого выйдти? Вѣдь кто-нибудь одинъ изъ насъ долженъ будетъ проиграть, оба мы выиграть не можемъ.

— Конечно, не можемъ, но тутъ ужъ чье счастье.

— Этого-то мнѣ и не хочется. Только что мы съ вами познакомились и вдругъ глазъ на глазъ рѣзаться будемъ. Мнѣ хотѣлось-бы такъ, чтобы мы оба выиграли и тѣмъ самымъ для перваго знакомства закрѣпили сердечность нашихъ чувствъ. А то обыграю я васъ — вы на меня коситься будете, обыграйте вы меня—я могу вамъ какой ни-на-есть каламбуръ отпустить.

— Что правда, то правда. Разойдемся! Прощайте! Тогда на праздникахъ ко мнѣ милости просимъ,—сказалъ чиновникъ.

— Прощенья просимъ! и ко мнѣ на праздникахъ пожалуйте. Такимъ купеческимъ окорокомъ угощу, что просто на славу!—отвѣчалъ купецъ.

Сосѣди раскланялись и разошлись въ разныя стороны.

ГАДАЛКА.

Въ роскошной спальной, на роскошной кровати подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ потягивается только-что сейчасъ проснувшаяся молодая, полная женщина. Передъ ней стоитъ укутанная въ двѣ кацавейки и въ нѣсколько байковыхъ платковъ бодрая старуха. Двѣнадцатый часъ дня.

— Что это дрыхнешь до этихъ поръ, матка Алина Федоровна?—говоритъ старуха.—Моталась гдѣ съ вечера, что-ли?

— Гдѣ мотаться! Бубновый король до часу ночи сидѣлъ и поссорились въ концѣ концовъ,—отвѣчала молодая женщина.— Разоболакайся да садись. Сейчасъ кофій пить будемъ.

— Отъ кофію уволь. Что въ немъ? Только потроха сушитъ. Да и пила я. А ты прикажи-ка лучше водочки да на закусочку солененькаго. Иззябла вся... Шутка-ли отъ Египетскаго моста перла!

— Сейчасъ тебѣ и водочки подадутъ. Ну что, здорова-ли?

— Охъ ужъ и не говори! Всѣ мѣста стонутъ. Попала я тутъ въ передѣлъ. Купчихѣ одной тайкомъ отъ трефоваго короля гадала на червоннаго, а трефовый-то накрылъ да и помялъ.

— Вотъ видишь, что значитъ съ купчихами-то вязаться! Наша сестра лучше. У насъ мужей нѣтъ. Горе у меня, Матрена Тихоновна, большое горе! Мой пиковый старичекъ съ французинкой связался. Совсѣмъ на бобахъ... Вѣришь-ли, ужъ вещи къ жиду въ мытье посылать стала. Вотъ потому-то за тобой и посылала.

— Можетъ къ червонному приревновалъ? Ужъ больно ты у насъ неосторожна. Червоннаго надо всегда подъ спудомъ дер-

жать, а ты съ нимъ въ люди лѣзешь! Вонъ прошлый разъ съ нимъ въ циркѣ сидѣла.

— Нѣтъ, червонный тутъ не причемъ. У кого изъ насъ червонныхъ нѣтъ? Это и содержатели знаютъ. Вотъ у толстой Татьяны Алексѣевны ихъ шесть штукъ, а молчитъ-же ейный пиковый. Тутъ просто интрига. Безпримѣнно она ему супротивъ меня что-нибудь въ маскарадѣ въ вино подсыпала. Марью Ивановну, что съ мѣховщикомъ живетъ, знаешь?

— Какъ не знать! Еще на прошлой недѣлѣ ей на гущѣ гадала. Сомнѣвалась она, что у него съ актрисой одной законный марьяжъ выдетъ да вышла пустая тревога. Та за интенданта выходитъ замужъ.

— А Капсюльку, Ольгу Максимовну тоже знаешь?

— Вдоль и поперекъ. Той на купеческаго сына Скрипинскаго приворотъ давала.

— Такъ вотъ онѣ втроемъ супротивъ меня: Ольга, Марья и эта самая французинка, и французинка-то она не настоящая, а нижегородская. Ее и зовутъ-то Авдотьей, а что насчетъ французскаго разговора, то она только сорокъ словъ знаетъ. Жила у французской актрисы въ горничныхъ да тамъ и научилась. Потомъ въ Нижній на ярмарку поѣхала да тамъ и начала купцовъ путать, выдавая себя за французинку. Погадай мнѣ, родная, что мой пиковый у нея дѣлаетъ?

— Изволь, изволь!

Старуха разоблачилась, а Алина Ѳедоровна встала съ постели и накинула на себя пеньюаръ. Черезъ пять минутъ онѣ сидѣли за столомъ. Одна пила кофій, другая, наливъ рюмку водки, чокнулась съ графиномъ и выпила.

— Такъ погадай-же... Сейчасъ я горничной велю карты подать,—сказала Алина.—Груша!

— Не надо, родная,—отвѣчала старуха.—Этотъ струментъ мы завсегда съ собой носимъ, — прибавила она и вынула изъ кармана колоду картъ.—Какъ тебя по настоящему-то звать?

— Акулина.

— Ну, вотъ и чудесно! Раба божья Акулина. Чтобъ тѣлу во здравіе, а не въ сухоту...

Старуха приложила къ губамъ карты и пошептала на нихъ.

— Что-же это ты шепчешь на нихъ?

— А рыбьи слова. Слова такія страшныя есть, которыя

только намъ извѣстны. Мнѣ одинъ грекъ съ Афона ихъ сказывалъ... И вся у него рука булавками синими исколота. Такъ на пиковаго сначала или на бубноваго?

— На пиковаго. Да прежде возьми и выколи ему ножницами глаза. Мерзавцу и гаданіе мерзавское. Шутка ли обстоятельную женщину на дрянь смѣнялъ!

— А вотъ я ему лучше щелчекъ въ носъ... Что карты-то ножницами портить!

— Потѣшъ меня, выколи ему глаза, а что до картъ, то я тебѣ новую колоду подарю.

— Ну, изволь. Вотъ ему, вотъ ему старому псу!

Старуха выколола пиковому королю глаза и продолжала:

— Чтобъ ему тузъ пикъ на сердце!

— Зачѣмъ смертную карту желаешь?—оборвала ее Алина.— Почемъ знать, можетъ-быть онъ мнѣ еще пригодится, назадъ прибѣжитъ. Онъ старичекъ хлѣбный.

— Мой совѣтъ тебѣ: лучше около купцовъ держаться. Тѣ хлѣбнѣе. Вонъ Ксеролина, что на восьми языкахъ говоритъ и Анна Павловна натурщица. Тѣ все вокругъ купцовъ, а оттого и сыты.

— Побоевъ я, душенька, купеческихъ не люблю. Я женщина съ амбиціей, меня и пальцемъ не тронь, а то я сама сейчасъ сдачи дамъ. Ну, а купцы безъ побоевъ не могутъ. Вотъ оттого я и промежъ господъ.

— А напрасно. И побои вещь подчасъ хорошая. Сегодня потреплетъ, а на завтра смотришь—подарокъ несетъ. Ой, мать! Да у твоего пиковаго съ нижегородской французинкой разладъ! Смотри, все трефовая масть пошла. Вонъ и тузовое письмо отъ нея къ нему... Прощенья проситъ.

— Что ты! Да ежели это правда, то я тебѣ свою старую тальму подарю!—встрепенулась Алина и глаза ея блеснули.

— Съ мѣста не сойдти, коли вру! Смотри сама. Вотъ и интрижныя карты пошли. Видишь?

— Такъ и есть. Хвати водочки-то, Тихоновна, поваднѣе будетъ.

— Хвачу. За красу твоего тѣла, чтобъ не дрябло и не портилось!—сказала старуха, и выпивъ, продолжала:—Разладъ у нихъ, большой разладъ! Вотъ и бубновое коварство со стороны

червонной дамы. А трефовая-то француженка видишь въ сторонѣ лежитъ. Теперь съ чѣмъ онъ останется...

— Я и червонную-то даму знаю, сіяла мстительной радостью Алина.—Это Рейнская нимфа изъ цирка. Совсѣмъ новый сюжетъ. Былъ онъ тутъ какъ-то въ циркѣ и втюрился въ триковую красоту. Вѣдь старики это самое триковое голоножіе смерть любятъ. Мнѣ Матильда сказывала. «Сидитъ, говоритъ, въ ложѣ и впивается глазами, словно ракъ клещами». Глазищи-то только у него, у стараго губошлепа, плохи.

— Не ругайся. Назадъ къ тебѣ придетъ. Вонъ обратная дорога по червонной масти,—указала старуха, и сложивъ карты, начала вновь ихъ раскладывать, приговаривая: — «Дому, дамѣ, королю, что сбудется, непремѣнно!».

— Душечка, Тихоновна! Ежели это правда, мы сейчасъ бутылку шампанскаго разопьемъ. Хоть и въ тонкихъ я обстоятельствахъ, а сейчасъ пошлю съ Грушей брошку свою заложить!—воскликнула Алина.

— Сбудется. Получай своего стараго осетра обратно, да и съ его денежной требухой вмѣстѣ,—отвѣчала старуха.—Явится. Вотъ у него и пиковая тоска на сердцѣ. А ужъ на счетъ вѣрности гаданья, то вѣрно какъ въ аптекѣ!

Старуха сбила карты и принялась лобызать Алину.

— Груша!—кричала Алина.—Вотъ тебѣ брошка! Снеси и заложи ее жиду, да купи въ погребѣ бутылку шампанскаго!

ИЗЪ БАЛАГАННАГО МІРА.

Вечеръ. Масляница. Въ одномъ изъ плохенькихъ трактировъ въ Милліонной улицѣ, прилегающей къ Марсовому полю за столикомъ, установленнымъ чайнымъ приборомъ, закуской и графинчикомъ водки, сидятъ двое мастеровыхъ—чистяковъ. Оба трезвы. Графинъ во всей своей неприкосновенности. Одинъ изъ мастеровыхъ, брюнетъ, въ шелковомъ фулярѣ на шеѣ смотритъ на часы, висящіеся надъ трактирнымъ органомъ, и говоритъ своему товарищу-блондину:

— Удивительное дѣло! скоро десять часовъ, представленіе у нихъ въ балаганѣ, надо статься, давно кончилось, а ее все нѣтъ. А хотѣла придти.

— Да ты ее самъ видѣлъ?—спрашиваетъ блондинъ.

— Самъ. Вышла это она ко мнѣ на подъѣздъ въ костюмѣ, а я ей такія слова: «примите, говорю, Авдотья Прохоровна, отъ нашихъ чувствъ, по старой памяти, угощеніе парой пива и по рюмочкѣ, такъ-какъ мы вашей прекрасной игрой до смерти любовались, и можно сказать, даже вопль въ себѣ чувствуемъ»...

— А она что?

— А она, извѣстно, легкую коварную гордость.. «Хоша, говоритъ, меня уже одинъ офицеръ и два купца приглашали сегодня на ужинъ, но я, по старой памяти, и для товарищевъ согласна... Идите, говоритъ, и заказывайте, а я слѣдомъ... Намъ только послѣдній хороводъ отводить»... Ну, тутъ я ей сказалъ въ какой трактиръ приходить. «Знаю», говоритъ, сдѣлала мнѣ ручкой и убѣжала въ балаганъ представлять.

— Ахъ, муха ее заклюй!—весело помоталъ головой блондинъ.—Поди жъ ты, какая музыка! Изъ обшивалокъ и въ ак-

терки! А вѣдь и дѣвчонка-то не особенно казистая... Такъ только улыбки пронзительныя...

— Изъ-за косы, говорятъ, ее, главное, и въ актерки-то взяли. Коса у нея очень чудесная; а имъ въ балаганѣ нужно было, чтобы при сарафанѣ... Да вонъ она, легка на поминѣ-то!..

Мастеровые повскакали съ мѣстовъ и бросились на встрѣчу къ миловидной дѣвушкѣ въ драповомъ пальто и въ голубой гарусной косынкѣ на головѣ.

— Авдотьѣ Прохоровнѣ особое почтеніе!—заговорили они.— Разоболокайтесь и садитесь. Дозвольте съ васъ амуницію снять и отдать половому на храненіе...

— Мерси вамъ, только я въ пальтѣ посижу, потому на одну минуту и больше на-счетъ папироски,—отвѣчала дѣвушка и сѣла къ столу.

— Бафру прикажете подать или Лафермъ первый сортъ?

— Спросите, нѣтъ-ли офицерскихъ пушекъ... У насъ всѣ актрисы офицерскія пушки себѣ за модель взяли. Меня даже сейчасъ одинъ офицеръ на своемъ рысакѣ сюда подвезъ, такъ этой самой пушкой подчивалъ, но намъ, актрисамъ, препона на морозѣ курить, чтобъ голосъ не портить. Вы это зачѣмъ три рюмки наливаете? Я простого не пью...

— Въ такомъ разѣ можетъ дамскаго мадернаго удовольствія, либо наливочной сласти стаканчикъ дозволите?

— Нѣтъ, я лучше пива...

— Даже выкупать васъ можемъ отъ нашихъ чувствъ въ пивномъ угощеніи. Прислужающій, пару пива! Ну какъ тамъ у васъ, Авдотья Прохоровна, на-счетъ этой самой игры въ балаганѣ?

— Съ большимъ сочувствіемъ и даже, когда мы танцы водили, то публика въ ладоши хлопала. Ахъ, какъ я устала! Даве на подъѣздѣ знакомые купцы въ Ливадію на тройкѣ звали и чтобъ шампанское, но я имъ безъ сочувствія и гордый отказъ...

— Съ актеркой, конечно, кажиному лестно...—вставилъ слово брюнетъ.

— Конечно, лестно, но я себя соблюдаю передъ хмѣльными. Они вонъ въ понедѣльникъ одной нашей актрисѣ лицо оцарапали. Нешто это учтиво передъ дамой? А я думаю послѣ поста

въ Псковь представлять ѣхать. Меня одинъ настоящій актеръ звалъ, чтобъ княгиню играть,—хвасталась дѣвушка.

— И княгиню сыграете—это вѣрно, а тамъ и до королевы доберетесь. Ужъ мы не мало на васъ любовались сегодня! Большая у васъ прозрачность въ игрѣ и даже съ пронзительностью, когда вы съ этими самыми убыками при танцахъ платочкомъ машете. Вы теперь, я такъ полагаю, даже супротивъ нѣкоторыхъ александринскихъ актерокъ переду не дадите.

— Ежели деревенская игра, это точно что не дамъ, потому меня даже одинъ газетчикъ хвалилъ, но на-счетъ княгини легкое замѣшательство будетъ, такъ-какъ я въ княжескихъ порядкахъ еще не обрыкалась.

— Обрыкаетесь современемъ. Пивца?..

— Кусочекъ налейте, но на закуску букивротъ съ ветчиной, а насчетъ апельсина это вы напрасно...

— Нѣтъ, ужъ этотъ самый апельсинъ вы изъ глубины нашей души примите. Сувениръ отъ хлесткости сердечныхъ чувствъ... Пожалуйте...

— Ахъ, какіе вы насмѣшники! Коли такъ, я и сама вамъ комплиментъ: тре журавле...

Дѣвушка улыбнулась, взяла апельсинъ и спрятала его въ карманъ.

— А вашъ братецъ?—допытывались мастеровые.

— А онъ черкеса игралъ, но только всего одинъ день представленіе въ балаганѣ имѣлъ, а какъ показалъ свое малодушество къ вину,—сейчасъ хозяинъ и вонъ его изъ балагана. Теперь онъ при горахъ въ катальщикахъ, но тоже чертитъ, а вчера такъ даже несчастіе: каталъ купцовъ съ горы и ничего, а какъ посадилъ околоточнаго, обробѣлъ и на половинѣ горы кверху тормашками.

— Ай-ай-ай! Скажите какая непріятность! Ну, и чтоже?...

— Да на казенной квартирѣ пришлось переночевать. Развѣ околоточный спуститъ? Ахъ, братецъ изъ-за своего запойства и моему актерскому ходу препятствуетъ. Вчерась вечеромъ вышла это я изъ балагана на подъѣздъ къ одному знакомому господину, въ главномъ почтанѣ онъ служитъ... и только этотъ господинъ мнѣ коробку конфектъ въ презентъ, а они ужъ тутъ какъ тутъ и—бацъ его въ ухо.

— Это господина-то? Ахъ, какой патретъ!

— Да, его самого. И за что? За деликатность. А господинъ этотъ самый такое предложенiе, чтобъ мнѣ въ Зимнiй Садъ въ пѣвицы... Ну, сейчасъ ругательная музыка, а теперь въ обидѣ и мнѣ большая препона насчетъ поступленiя, такъ-какъ онъ другъ содержателя...

— Еще стакашекъ не опрокинете-ли?...

— Нѣтъ, адье!

— За что же такая интрига? А мы такое головное воображенiе имѣли, что вы съ нами на чухонцѣ катальную компанiю поддержите и чтобъ во второй трактиръ...

— Большая ошибка съ вашей стороны, потому мнѣ четыре компанiи насчетъ троечнаго удовольствiя приглашенiе дѣлали, а я и то отказъ... Прощайте, пойду ноты театральныя учить.

Дѣвушка подала мастеровымъ руку и направилась вонъ изъ трактира. Мастеровые смотрѣли ей въ слѣдъ.

— Кажись, купоросъ изъ себя корчитъ и ужъ слишкомъ носъ задираетъ!—сказалъ блондинъ.

— Актерка—ничего не подѣлаешь! Пока башмашницей была—одну цѣну себѣ гнула, а теперь, какъ на актерскомъ положенiи, другую цѣну гнетъ,—отвѣчалъ брюнетъ.

Около Самоѣдовъ.

На льду Фонтанки расположился конусообразный самоѣдскій чумъ. Около чума три оленя, запряженные въ санки. Олени чахлые, съ болячками на тѣлѣ, замученные и стоятъ опустя головы. Тутъ-же вывѣска на столбѣ съ изображеніемъ самоѣдовъ въ ихъ національной одеждѣ, а у столба стоитъ самоѣдскій антрепреперъ въ крытомъ сукномъ тулупѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, и зазываетъ въ чумъ зрителей, въ обильномъ количествѣ скопившихся у столба.

— Дикіе народы, во всемъ своемъ дикомъ невѣжествѣ! Самоѣды! Живую рыбу ѣдятъ, одежу взамѣсто иголокъ рыбьими костями шьютъ, а вмѣсто нитокъ кишки употребляютъ. Заходите, господа, посмотрѣть. Любопытно! — выкрикиваетъ онъ и размахиваетъ отъ холода руками.

— Зайти, что-ли? — спрашиваетъ, переминаясь съ ноги на ногу, новый нагольный тулупъ у другаго мужика.

— Не стоитъ. Что на нехристей смотрѣть! Лучше эти деньги пропить, — отвѣчаетъ товарищъ.

— А нешто они нехристи?

— Еще-бы, коли живой рыбой питаются. Теперича для самоѣда живаго налима сожрать — первое удовольствіе. Попался ракъ, и живаго рака на зубахъ схрустятъ. И все безъ соли.

— Да вѣдь и господа живыхъ устрицъ ѣдятъ.

— Тѣ для моды. Иной и плачетъ да ѣстъ. А эти, какъ увидятъ рыбное живье, такъ даже задрожатъ отъ радости. Одно слово — морскіе люди. Опять-же господамъ любо въ устрицѣ то, что она пищитъ и ѣдятъ они ихъ изъ корысти, чтобъ объ закладъ биться, кто больше съѣстъ, ну, а самоѣды задарма. У

нихъ живая рыба, по ихъ вѣрѣ, — присяга, все-равно, что татарвѣ лошадятина. Былъ я у нихъ въ Олонецкой губерніи, такъ видѣлъ. Мы въ тѣ поры съ хозяиномъ дичь по тамошнимъ деревнямъ скупали.

— А Богу они молятся, эти самоѣды?

— У нихъ свой богъ — идолище поганое. Имъ и баня не показана, а такое наущеніе, чтобъ взамѣсто бани ворванью смазываться. Вотъ ужъ самоѣдъ съ голоду не пропадетъ. У нихъ, коли что нехватка насчетъ пищи — онъ самъ себя ѣсть начнетъ, потому и самоѣдомъ называется. Медвѣдь лапу сосетъ, а этотъ—свою руку или ногу, а потомъ снѣжку пожуетъ—и сытъ.

— Не въ ту жилу, землякъ, попалъ,—вмѣшивается въ разговоръ чуйка. — Самоѣдами они на тотъ сюжетъ называются, что онъ самъ на себѣ ѣхать можетъ. Сейчасъ это всталъ на лыжи, шестомъ въ снѣгъ уперся, и поѣхалъ. Ѣдетъ на самомъ себѣ—ну и самоѣдъ. Такъ ихъ и прозвали.

— Ну, ужъ насчетъ этого отложи попеченіе, — отвѣчаетъ новый нагольный тулупъ.—Я ихъ въ Олонецкой губерніи какъ вотъ тебя видѣлъ. Видѣлъ и бабъ ихнихъ пронзительныхъ. Молоденькія-то—ничего, для домашняго обихода туда-сюда, годятся. Вотъ и понравилась одна самоѣдская баба одному олонецкому купцу. Чудесно. Сталъ онъ ее деньгами къ себѣ сманивать, да нарядами—не идетъ; шубу ей бархатную показалъ—то-же самое, а какъ поманилъ на корзину корюшки — пошла. Сейчасъ это онъ ее перекрестилъ въ русскую вѣру и женился на ней, потому купецъ былъ обстоятельный и въ беззаконіи жить не хотѣлъ. Живетъ съ самоѣдкой этой самой, сталъ у нея живую рыбу отнимать и къ гусю да пирогу со щами пріучать—затосковала, плачетъ и ничего не ѣстъ, а сама толстѣетъ. «Что за оказія!—думаетъ купецъ. - Живетъ баба, почитай, совсѣмъ безъ пищи, а сама врозь лѣзетъ». Только проснулся разъ ночью, глядь, а она свою руку сосетъ. Такъ вотъ они самоѣды-то какіе!

— Можетъ-быть это такъ въ Олонецкой губерніи, а на счетъ здѣшнихъ мѣстовъ, такъ мы совсѣмъ о другомъ освѣдомлены,— отвѣчала чуйка. — Въ позапрошломъ году у насъ, въ Питерѣ, такая-же была исторія. Показывали этихъ самыхъ самоѣдокъ на Невѣ и купцы хмѣльные на нихъ смотрѣть ходили. При-

шелъ разъ къ нимъ одинъ блажной подрядчикъ и пронзился сердцемъ въ одну бабу. И вдругъ у него такой засадъ въ головѣ: «съ французинкой я путался и ужъ она достаточно мнѣ бокъ нажгла, съ нѣмкой — то-же, и отъ нея денежное коварство испыталъ, чухонка на три тысячи меня объегорила, съ акробатками и пѣвицами въ большой убытокъ себѣ знался, семь-ка я съ самоѣдкой попутаться попробую!» Купецъ, самособой, чего захочетъ—свое возьметъ. Сманилъ самоѣдку на шелковое платье и чернобурый лисій салопъ, сидитъ она у него въ квартирѣ. Думалъ, что будетъ дешевле. а на самомъ дѣлѣ она у него стала всякой модѣ подражать. Спервоначала все пиво пила, а тутъ подавай шампанскаго; какъ какая дорогая игра въ театрѣ—бери ложу, тройку требуетъ, чтобъ къ татарвѣ въ ресторанъ ѣхать, брилліанты на пальцы ей подай. Онъ-было, по старой памяти, принесъ ей въ подарокъ семги, а она кричитъ: «ананаса подай!», разсердилась да какъ пуститъ ему бутылкой прямо въ темя. Ну, тутъ ужъ онъ не стерпѣлъ, намялъ ей бока хорошенько и выпустилъ на волю.

— Да настоящая-ли самоѣдка то была? — спрашиваетъ нагольный тулупъ.—Иныя бабы тоже на разныя сословія притвориться умѣютъ. Курятника Схимова знаешь?

— Слыхалъ. Большой торговецъ насчетъ дичи.

— Ну, вотъ съ нимъ была исторія. Путался онъ тутъ съ одной французинкой. И слова она ему французскія говорила, и романцы иностранные пѣла, изъ себя совсѣмъ французинка и даже при желтой гривѣ. Только поѣхалъ онъ съ ней кутить, да напившись до зеленаго змія и надѣлалъ буйственныхъ карамболей съ разбитіемъ посуды. Какому-то барину по уху задѣли и она сама съ его мамзелью поцарапалась. Ну, порядокъ извѣстный: сейчасъ ихъ, рабовъ божьихъ, въ полицію, чтобъ протоколъ насчетъ дикаго нрава... Стали спрашивать какъ зовутъ. Купецъ сказалъ. Дѣло дошло до французинки. «А ваше имя, сударыня?»—спрашиваетъ околоточный.—А она ему въ отвѣтъ: «Крестьянка Нижегородской губерніи Аксинья такая-то»... Купецъ и глаза выпучилъ. «Что ты, говоритъ, врешь, Лифосина. Зачѣмъ меня облыжнымъ показаніемъ путать? Говори передъ господиномъ околоточнымъ по-божески, вѣдь ты французскаго сословія». И околоточный ее приструнилъ. А она какъ захочетъ съ хмѣльнаго угара. «Вотъ я, говоритъ, какого фран-

цузскаго сословія, посмотрите!» Полѣзла къ себѣ въ чулокъ и вытащила паспортъ; а тамъ такія слова: «выданъ паспортъ изъ волостнаго правленія...» Вотъ какъ бабы насчетъ иностраннаго вида притворяться могутъ.

— Что-жъ послѣ этого курятникъ-то? задали вопросъ мужики.

— А курятникъ двѣ недѣли подъ-рядъ съ обиды пилъ и только къ тому дню вытрезвился, когда къ мировому потребовали. «Мнѣ, говоритъ, то обидно, что я три мѣсяца ее за настоящую французскую Лифосину считалъ, а на дѣлѣ она выходитъ русская Аксинья!» закончилъ свой разсказъ новый нагольный тулупъ.

— Что говорить! Бабы подчасъ хитрѣе всякой лисицы,— скрѣпили своимъ словомъ мужики.

ПЕРВОЕ МАРТА.

1-го марта, въ день тиража выигрышей втораго внутренняго займа, семейство Селифантьевыхъ возстало отъ сна поутру ранѣе обыкновеннаго.

— Евдокія мученица, помоги хоть семьдесятъ-то пять тысячъ выиграть! — говорилъ заспаннымъ голосомъ глава дома, Мелетій Панфилычъ, натягивая на ногу сапогъ.

— Ну, вотъ... Неужели ты думаешь, что такъ вотъ и будутъ святые угодники помогать корыстному хотѣнію?—возразила жена.

— Да вѣдь я на доброе дѣло прошу. Какъ только выиграю, сейчасъ отъ щедротъ своихъ праведныхъ одинъ колоколъ въ деревню, къ себѣ на родину пошлю, а другой — въ Болгарію разоренную, къ братушкамъ.

— Колоколовъ-то ужъ много-много, что на пять тысячъ пошлешь, а вѣдь остальныя деньги себѣ оставишь.

— Конечно себѣ, потому нужно-же, чтобы и рука дающаго не оскудѣвала. Послѣ Благовѣщеньева дня я думаю подвалы на пустопорожнемъ мѣстѣ строить.

— Тебѣ семьдесятъ пять тысячъ хочется, а мнѣ такъ хоть бы сорокъ, такъ я и то была-бы довольна. И знаешь, у меня даже какое-то предчувствіе есть, что я выиграю на мой билетъ: во-первыхъ, пятки одрябли, а во-вторыхъ, сердце болтается внутри, какъ заячьи уши.

— Такой моды предчувствіе у меня каждый тиражъ бываетъ, однако, я и пяти-сотъ рублей никогда не выигрывалъ,— сказалъ мужъ.

— А я выиграю, потому-что вчера свой билетъ жженой шерстью отъ трехъ-цвѣтной собаки окуривала, а это ужъ такъ помогаетъ, что лучше и не надо. Вонъ Ѳіона Андреевна: окурила свой лотерейный билетъ и что-жъ ты думаешь!—серебряный подносъ выиграла.

— Однако, послушай: вѣдь это не хорошо. Зачѣмъ-же ты хочешь мужу дѣло портить? Я разсчитываю семьдесятъ пять тысячъ пріобрѣсти, а ты колдовствомъ съ собачьей шерстью на сорокъ сбиваешь.

— Такъ вѣдь я себѣ колдовала.

— Себѣ, себѣ!—вскипятился мужъ. — Вѣдь ты въ одномъ домѣ со мной живешь. На одинъ домъ двухъ счастьевъ не полагается. Вѣдь мнѣ по веснѣ строиться надо. То-есть это даже удивительно! — воскликнулъ онъ. — Какъ что хорошее задумаешь—сейчасъ тебѣ каверзу поперегъ и поставятъ.

Мужъ и жена вышли въ столовую чай пить. Тамъ сидѣла старуха, мать Селифантьева.

— Мелетій, а Мелетій!—сказала она. — А мнѣ сегодня въ нощи видѣніе было. Спервоначала будто-бы съ неба кошница съ гадами... И вдругъ изъ кошницы змѣй... Вышелъ и свилъ изъ себя восьмое слово. А вѣдь у меня билетъ-то подъ восьмымъ нумеромъ.

— И вы тоже самое, маменька! Ну, куда вамъ на старости лѣтъ?..—крикнулъ Селифантьевъ.—Впрочемъ одинъ нумеръ билета тутъ не причемъ. Нумеръ серіи главнѣе.

— Постой, постой, погоди! Змѣй этотъ будто подползъ ко мнѣ и возгласилъ: «симъ я тебя, раба Ульяна, уязвляю на счастье». И уязвилъ. Хотѣла я вскрикнуть, а голосу нѣтъ. Сижу и дрожу. И вдругъ змѣй исчезъ, а на мѣстѣ его старецъ съ брадою до чреслъ Стоитъ и съ кротостію въ ликѣ изрекъ: «да будетъ тебѣ по мечтанію твоему»...

Селифантьевъ горько улыбнулся и спросилъ мать:

— А позвольте узнать, въ какой же суммѣ ваше мечтаніе находится?

— Чтобъ десять тысячъ выиграть.

— Ну, эта еще спустила! Эхъ, маменька! Ужъ хоть-бы двѣсти тысячъ мечтали, что-ли, такъ по крайней мѣрѣ хоть мнѣ половину-бы на постройку каменнаго дома удѣлили.

— Да мнѣ, батюшка, больше десяти тысячъ и не надо. Мнѣ только-бы чтобъ келью себѣ въ монастырѣ купить,—отвѣчала старуха.

— Что келья! Только сыну дѣла портите! Выиграй я второй выигрышъ, я сейчасъ-бы вамъ на пальто далъ. И охота это вамъ съ своимъ мечтаніемъ лѣзть!

Къ чаю пришелъ стяршій сынъ Селифантьева, молодой человѣкъ. Поздоровался съ отцемъ, съ бабушкой и началъ:

— А знаете, что я съ своимъ пяти-процентнымъ билетомъ сдѣлалъ? Имя Наума Прокофьева на немъ для счастья написалъ. У меня такой сюжетъ въ головѣ, что Наумъ Прокофьевъ непремѣнно долженъ выиграть. Ужъ ежели онъ отъ чумы отбоярился, такъ неужто тысячу-то рублей?..

— Тысячу рублей! Видали вы дурака-то! Ахъ, ты куричья душа! Ну, что тебѣ тысяча!—восклицаетъ отецъ.

— Какъ что? Сейчасъ бы себѣ шубу ильковую сшилъ.

— Пошелъ вонъ, дубина!

— Помилуйте, папинька!—за что-же?

— А за то, что ты дуракъ! Да и я-то неуменъ, что такому ослу билетъ подарилъ. Какія-же у тебя чувства къ родителю? Коли-бы ты путный былъ человѣкъ, такъ ты-бы о большомъ выигрышѣ заботился, чтобъ отцу помочь. Отецъ бьется, не знаетъ съ какими деньгами каменный фундаментъ на пустопорожнемъ мѣстѣ закладывать, а онъ тысячу рублей!

— Да вѣдь по двѣсти тысячъ только одни портные да армяне выигрываютъ, а я среди ихъ междометіе составляю.

— Врешь. Одинъ разъ даже нищій выигралъ.

— Но вѣдь я не нищій и никогда этимъ художествомъ, по вашей благости, не занимался.

— Писарь выигралъ, а ты у меня въ лавкѣ по писарской части.

— И вовсе не по писарской части, а въ томъ тонѣ какъ-бы булгальтеръ. Вотъ ежели бы вы меня артельщикомъ на биржу въ артель записали, такъ тѣмъ трафилось и по двѣсти тысячъ...

— Молчи ужъ лучше! Запишешь тебя въ артель, а у тебя вдругъ такія желанія, чтобъ тысячу рублей... Значитъ, только даромъ деньги бросить.

— Нѣтъ, ужъ это атанде! Былъ-бы я артельщикомъ, такъ меньше какъ на семидесети-пяти тысячахъ не помирился. А купеческому сыну развѣ когда-нибудь трафилось?..

Въ комнату вошла кухарка и остановилась у дверей, закрывъ лицо передникомъ.

— Мелетій Панфилычъ,—начала она. — У меня есть кумъ въ ундерахъ, при театрѣ онъ около дверей... То-есть изволите

видѣть, онъ не совсѣмъ кумъ, а какъ-бы на подобіе... потому землякъ онъ мнѣ и сорокъ верстъ отъ насъ. Мы-то къ Рождеству ближе, а онъ къ Покрову. Два погоста у насъ...

— Ну?

— Да, ей-Богу мнѣ стыдно... И сказала-бы, да стыдно...— замялась кухарка.—Изволите видѣть, онъ мнѣ кумъ, а у меня билетъ есть, чтобъ на выигрышъ...

— И ты тоже головное воображеніе о выигрышѣ имѣешь? Ну, народъ!

— Да вѣдь нельзя-же, Мелетій Панфилычъ, коли судьба... И былъ у насъ съ кумомъ такой разговоръ. Я говорю: «женись на мнѣ, Петровичъ, чтобъ въ законѣ... Что такъ-то?.. У меня билетъ есть». А онъ такія слова: «Коли выиграешь, то и перевѣнчаюсь съ тобой, а одинъ билетъ ежели безъ выигрыша, то свадебный пропой да обзаведеніе дороже обойдутся». И сказалъ это не безъ свидѣтелевъ. Могу я теперича такое требованіе имѣть, чтобъ онъ обзаконилъ меня, ежели я, къ примѣру, пятьсотъ рублей выиграю?

— Ахъ, ты дура, дура полосатая! — протянулъ хозяинъ.— Пятьсотъ рублей!

— Такъ ужъ, сударь, будто-ужъ мы и не люди! А вдругъ на счастье! Мнѣ вчера одна гадалка рыбьи слова для счастья на билетъ-то нашептывала. Могу я съ ундера-то требовать?

— Можешь, но только такое требованіе, чтобъ онъ тебя за косу хорошенько оттаскалъ. Вонъ!

Селифантьевъ топнулъ на кухарку ногой и началъ сбираться идти въ лавку. Жена провожала мужа.

— Такъ-ужъ ежели ты на семьдесятъ-пять тысячъ мѣтишь, то я, пожалуй, откажусь отъ сорока.

— Да конечно. На сорокъ тысячъ каменный-то домъ еле подъ крышу вытянешь. Уговори-ка балбеса-то да бабушку, чтобъ и они отъ своихъ мечтаніевъ отказались. Вѣдь выигрышъ такая вещь, что только одинъ, единственный на семейство полагается, такъ зачѣмъ-же мнѣ-то въ этомъ домѣ мѣшать?

— Постой, говорятъ, что, выходя изъ дома, надо для счастья непремѣнно лѣвой ногой черезъ порогъ переступать.

Селифантьевъ подошелъ къ порогу, перекрестился и переступилъ черезъ него лѣвой ногой.

У БИРЖИ.

Четвертый часъ дня. Къ зданію биржи на Васильевскомъ островѣ подъѣзжаетъ публика, взбирается по лѣстницѣ и изчезаетъ въ дверяхъ. Плетутся пѣхтурой купцы въ енотахъ и лисицахъ, занимающіеся продажею сырья, бѣгутъ артельщики въ барашковыхъ тулупахъ, крытыхъ сукномъ, спѣшатъ мѣнялы съ озабоченными сморщеными лицами. Кучера и извозчики отъѣзжаютъ отъ биржи и становятся по-одоль въ ряды.

— Да что, братцы, игра какая театральная здѣсь происходитъ, что-ли, что господа такъ льстятся, чтобы не опоздать?— спрашиваетъ, ни къ кому особенно не обращаясь, извозчикъ въ новыхъ желтыхъ рукавицахъ. — Сейчасъ я привезъ сюда барина, такъ онъ то и дѣло кричалъ: «пошелъ да пошелъ», а самъ наровитъ въ загривокъ.

— Игра, только не театральная,—откликается толстый кучеръ съ окладистой бородой. Тутъ публика въ орлянку на большія тысячи играетъ. И ужъ такую горячку порятъ, чтобъ или самому безъ штановъ остаться или съ другаго въ такомъ манерѣ спустить. Въ прошломъ году я у золотопромышленника Букрина жилъ, такъ тотъ въ одну недѣлю домъ каменный спустилъ.

— А женскому полу нѣтъ къ игрѣ допущенія?

— Нѣтъ. Больше изъ за того, чтобы визгу не было. Тутъ все народъ солидарный и съ проигрыша развѣ только вихоръ изъ головы у себя вырветъ, а дама, такъ вѣдь она грошъ проиграетъ, а на рубль цѣлковый визгу пуститъ. Проигралась и давай ревѣть, а то такъ обморочное ногодрыганье начнетъ. Здѣсь степенно. Я вотъ второй годъ сюда ѣзжу, а ни разу не

слыхалъ, чтобы драка или такъ какая ни-на-есть свалка вышла. Поругаться поругаются, а такъ чтобы околоточнаго звать для разнятія—ни Боже мой!—разсказываетъ кучеръ.

— Тутъ игра пронзительная,—прибавляетъ другой кучеръ, тенористый, жиденькій и съ русой бородкой.—Разъ моего барина такъ нажарили, что онъ на вѣки оглохъ и глазъ даже у него выворотило, такъ-что за границей пришлось ему новый вставлять.

— Значитъ ловко обчистили?—задаетъ вопросъ извозчикъ.

— Да ужъ такъ-то ловко, что совсѣмъ на-чистоту. По закону съ человѣка позволяется только семь шкуръ спущать, а съ него девять спустили. Вышелъ это онъ изъ биржи безъ шапки и до того упарившись, что даже шатается. Я подаю.— «Куда, говорю, Петръ Борисычъ, прикажете ѣхать?» Молчитъ. Ну, я и поѣхалъ черезъ Дворцовый мостъ. Гляжу: потъ съ него льетъ градомъ, а на улицѣ морозъ. А самъ все съ открытой головой и шапку въ рукахъ держитъ. Поровнялись съ какой-то барыней въ коляскѣ. Та ему кланяется и ручкой машетъ. Поклонился и онъ ей, да вмѣсто шапки-то парикъ съ головы и снялъ. Весь встрѣчный народъ, что былъ на мосту, такъ на него и выпучилъ глаза. Хохотъ!

— Дивлюсь я, братцы, одному: какъ эти тутъ мѣнялы играютъ! — восклицаетъ извозчикъ. — Вѣдь это такой народъ, что грошъ къ рублю прибиваютъ — чужую полтину проглотитъ и рублемъ чужимъ наровитъ закусить.

— Мѣнялы ужъ такое слово знаютъ, ну и на ножи не лѣзутъ. Опять-же вѣдь и въ орлянкѣ... Почемъ ты знаешь, можетъ у него такія монеты въ рукавѣ, что на обѣихъ сторонахъ орелъ? Мѣнялу разшевелить трудно, чтобъ онъ въ забытье пришелъ.

— Какой мѣняла! Я одного такого зналъ, что онъ хоть и въ мѣняльномъ согласіи состоялъ, а самъ за француженками гонялся и ужъ до того повихнулся, что его изъ согласія-то выгнать хотѣли.

— Мѣнялы тутъ въ биржѣ не играютъ, а только мѣняютъ, да билеты продаютъ,—поясняетъ толстый кучеръ.—Ну, и покупаютъ тоже. Мѣняла какъ увидитъ, что человѣкъ по игрѣ замотался и всѣ деньги проигралъ — сейчасъ онъ къ нему: «нѣтъ-ли билетика продажнаго? А тотъ съ угару да очумѣвши

и продаетъ почемъ попало. Они въ мутной водѣ рыбу удятъ и оболдѣвшаго человѣка ищутъ.

— За входъ-то берутъ здѣсь?—спрашиваетъ кто-то.

— Еще-бы не брать. Берутъ. Все равно такой манеръ, какъ-бы въ клубѣ. Одно только—распивочнаго заведенія здѣсь нѣтъ и кто ежели хочетъ, чтобъ въ пьяномъ видѣ для храбрости, то пріѣзжай сюда на сторонѣ хватившии.

— Все-таки, поди, ундера господамъ подъ полой проносятъ? Гдѣ-жъ это видано, чтобъ игра безъ пьянства! А не подъ полой, такъ за голенищей...

— Ни подъ какимъ видомъ! Допусти-ко здѣсь хмѣльное глотаніе, такъ и всей солидарности конецъ. Какъ проигрался кто—сейчасъ бацъ въ ухо, ну и драка. Видѣлъ швейцара-то? Нарочно онъ и съ палкой стоитъ, чтобъ водку не протаскивали. Дубина у него — во! И на концѣ мѣдная шишка. Звизданетъ противъ сердца, такъ замертво уложитъ.

— Ну, барина-то не посмѣетъ, ежели онъ самъ себѣ подъ полой тащитъ,—возражаетъ кто-то.

— Поколотить барина не посмѣетъ, это точно, а посуду и у него разобьетъ. Дубина-то у него отъ городской думы клейменая и самъ голова ему ее далъ, чтобъ порядокъ соблюдать.

— Ребята! А вѣдь здѣсь и зайцы въ этой самой биржѣ есть!—восклицаетъ лихачъ.—Только не настоящіе, а оборотни, которые, ежели, изъ-за родительскаго проклятія. Мнѣ одинъ купеческій сынъ съ Калашниковой пристани сказывалъ.

— Пустое! Оборотней въ Питерѣ нѣтъ. Они только въ деревняхъ водятся,—сомнѣваются слушатели.

— Есть. Купеческій сынъ даже показывалъ мнѣ одного. «Вотъ,—говоритъ:—заяцъ ѣдетъ». Гляжу—видъ нѣмецкій, на скулахъ бакены словно изъ пакли и такая харя — что вотъ приснись ночью — за чорта примешь. А купеческій сынъ мнѣ и говоритъ: «этотъ,—говоритъ,—заяцъ многихъ богатыхъ людей на своемъ вѣку испортилъ».—Что-жъ они,—говорю—ваше степенство, эти самые зайцы, кровь изъ человѣка сосутъ, что-ли? — «Спервоначала,—говоритъ:—путаютъ, туманъ наводятъ, а потомъ и кровь сосутъ. У меня,—говоритъ—на такомъ зайцѣ мой собственный дяденька въ трубу вылетѣлъ». Потомъ офицеръ одинъ есть у меня знакомый. Славный такой и все шутки шутитъ. Часто онъ со мной ѣздилъ и вдругъ перестал. Что,—

говорю—ваше благородіе, кататься перестали?—«Не на что,—говоритъ,—Сергѣй, теперь мнѣ мотаться: биржевые зайцы такъ меня запутали, что я и пѣшкомъ-то какъ полуумный хожу».

— Можетъ-быть, это фамилія заяцъ, а ты перепуталъ,—возражаетъ кучеръ.

— Нѣтъ, не фамилія, а просто оборотень,—стоитъ на своемъ лихачъ.—Вѣдь и въ деревняхъ не въ однихъ волковъ лихіе люди сажаютъ, а и въ другое звѣрье. Да и по деревнямъ лѣса, такъ волку-то укрыться гдѣ есть. А тутъ, въ Питерѣ, въ какое мѣсто онъ укроется? Сейчасъ убьютъ. Стало-быть, кому родительское проклятіе приказываетъ оборотнемъ быть, онъ, по питерскому положенію, зайцемъ дѣлается, потому въ заячьей шкурѣ на чортовъ совѣтъ ему по улицамъ все-таки легче бѣгать. А на-счетъ того, чтобъ христіанскую душу раззорять, такъ въ какой шкурѣ ни будь, въ волчьей или въ заячьей,—оборотню это все равно. У насъ, въ деревнѣ, одна старуха въ лисицу по ночамъ обертывалась, а сколько-же народу попортила—страсть!—заканчиваетъ лихачъ.

— Сергѣй! — кричитъ ему съ лѣстницы ильковая шуба и бобровая шапка.

— Сейчасъ, подаю-съ! — откликается лихачъ и щелкаетъ возжами.

ПОЛУЧЕНІЕ ПРОЦЕНТОВЪ.

Въ отдѣленіи вкладовъ на храненіе государственнаго банка идетъ выдача вкладчикамъ процентовъ по срочнымъ купонамъ. Вкладчики всѣхъ возрастовъ и состояній наполнили отдѣленіе. У рѣшетки, гдѣ предъявляютъ вкладчики квитанціи, тѣснота. Нѣкоторые ожидаютъ своей очереди и сидятъ на имѣющихся стульяхъ; нѣкоторые прислонились къ стѣнѣ, къ столамъ. Старики и старухи преобладаютъ. Рѣзко бросается въ глаза пикантная дамочка, сидящая на стулѣ. Она въ бархатной шубкѣ съ соболями, то и дѣло сверкаетъ по сторонамъ глазами и облизываетъ губы. Рядомъ съ ней дремлетъ краснолицый купецъ въ лисьей шубѣ и по временамъ даже всхрапываетъ. По другую сторону дамочки—плѣшивый старикъ съ бульдогообразнымъ лицомъ и съ орденомъ на шеѣ. Онъ кашляетъ, поправляетъ орденъ и заговариваетъ съ ней.

— Благодѣтельное учрежденіе, доложу вамъ, для нашего брата. Вотъ я, будучи на службѣ экономомъ, скопилъ кой-какія крохи и теперь спокоенъ. Лежитъ здѣсь какъ у себя въ карманѣ. Ни желѣзнаго сундука дома имѣть не надо, ни особенныхъ запоровъ, ни даже собаки. Вы очевидно вдовствуете? —спрашиваетъ онъ дамочку.

— Нѣтъ, я дѣвица,—отвѣчаетъ она.

— А обликъ дамскій. Скажите пожалуйста, какъ даже и опытному глазу легко ошибиться! Значитъ, сирота и послѣ родителей вкладикъ имѣете?

— У меня вкладъ на ребенка. Одинъ богатый господинъ положилъ, но теперича онъ въ отъѣздѣ.

— Такъ, такъ,—моргаетъ глазами старикъ.—Будучи дѣви-

цей, имѣете обезпеченіе на ребенка? За это вы должны за него вѣкъ Бога молить.

Дремлющій купецъ покачивается и наваливается плечемъ на дамочку.

— Ахъ, Боже мой! Онъ меня совсѣмъ задавитъ!—вскрикиваетъ она.—Даже шляпку мнѣ головой измялъ.

— Почтенный! Проснись! Здѣсь не мѣсто спать!—толкаетъ его старикъ.

— Знаю, что не мѣсто, да сморило ужъ очень,—отвѣчаетъ купецъ зѣвая. —Всю ночь сегодня на очисткѣ мусора пробылъ. По нынѣшнимъ временамъ свой глазъ нуженъ, а то изъ-за анафемскихъ людишекъ и въ тюрьму угодишь. Коли самому присматривать—мусоръ хлѣбъ насущный, ну, а ужъ какъ попущеніе — шабашъ, и сюда бѣгать перестанешь. Простите, судариня!

— Что простите. Вы мнѣ шляпку измяли.

— Неушто башкой хватился? Вотъ тѣ разъ! А вѣдь, поди-жъ ты, даже и не почувствовалъ! И приснился, доложу вамъ, мнѣ сонъ, что будто ангелы «аллилуя» поютъ. У меня вотъ эдакимъ манеромъ разъ сто рублей изъ кармана выудили.

— И ништо вамъ, впередъ наука не спать.

— Именно что наука. Съ той поры вмѣсто кармана за голенищей носить началъ. Что подѣлаешь? Какъ вотъ сопрѣю въ шубѣ — сейчасъ и дремота. Я разъ въ одномъ мѣстѣ «караулъ» закричалъ. Приснилось, что будто грабятъ. Въ Волжско-Камскомъ банкѣ это было.

— А вы не хотите-ли табаку понюхать? — предлагаетъ ему его сосѣдъ старичекъ-священникъ.—Табакъ отбиваетъ сонъ.

— Нѣтъ, батюшка, ни въ ротъ ни въ носъ не потребляемъ. Виннымъ быліемъ, это точно, балуемся.

Въ комнату распахивается дверь и на порогѣ изъ коридора появляется дряхлая старуха съ трясущейся головой. Ее поддерживаютъ подъ-руки пожилая женщина и лакей.

— Можете, Ксенія Яковлевна, сами порогъ то переступить? —кричитъ надъ самымъ ея ухомъ женщина и обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ.

— А? Что? — спрашиваетъ старуха, безсмысленно моргая глазами.

— Порогъ-то, говорю, можете переступить?.. Протискаетесь сами?

— Могу.

Старуха пробуетъ пролѣзть сквозь дверь, но не можетъ.

— Поднимай ее, Иванъ! Перетаскивай!

Лакей беретъ старуху въ охапку и вноситъ въ комнату.

— Гдѣ у васъ квитація-то?—пристаетъ къ ней женщина.— Давайте сюда.

— Я сама, я сама... — шамкаетъ старуха губами, шаритъ на груди, но не можетъ достать.

Ее начинаютъ раздѣвать. Снимаютъ съ головы два байковыхъ платка, надѣтыхъ одинъ на другой, шубку, кофту, опять платокъ. Тамъ оказывается мѣшечекъ, висящій на шеѣ. Его развязываютъ. Старуха вынимаетъ оттуда квитанціи дрожащими руками.

— Позвольте, я ихъ предъявлю,—говоритъ женщина.—Гдѣже вамъ самой...

— Нѣтъ, нѣтъ... Обрадовалась ужъ? Рада? Пусти! Руки прочь!—трясетъ старуха головой.

— Эхъ, старушка-то древняя!—замѣчаетъ купецъ.—Теперича ежели ее отдать чорту въ ступѣ потолочь, такъ онъ изъ нея полъ-дюжины молодыхъ надѣлаетъ.

— И зачѣмъ вы ее привели? Вѣдь она, того и гляди, развалится,—говорятъ женщинѣ.

— Да что-жъ съ ней подѣлаешь, коли она никому не вѣритъ, а проценты получать хочетъ. Тутъ какъ-то въ казначействѣ при получкѣ пенсіона она совсѣмъ было у насъ умерла. Ужъ и дышать перестала. Сами къ рѣшеткѣ-то подойдете?— кричитъ женщина старухѣ.

— Сама, сама...

Старуху подводятъ къ рѣшеткѣ. Она крестится и хочетъ передать квитанціи чиновнику.

— Да вы здѣшній-ли будете, батюшка? Не отдать-бы кому чужому,—слышно ея шавканье.

— Здѣшній-съ. Я чиновникъ.

— Поди разбери васъ. По-прежнему-то чиновники со свѣтлыми пуговицами ходили. Ну, а борода-то зачѣмъ?

— Теперь чиновникамъ разрѣшнео быть безъ вицъ-мундировъ и съ бородами.

— Охъ, а не врешь? Смотри, не обмани меня, сироту. Грѣхъ тебѣ будетъ. Въ большой апраксинскій пожаръ я двадцать рублей не вѣдь кому, батюшка, посѣяла.

— Пожалуйте, сударыня, квитанціи-то.

— Что? Да, квитанціи... А у васъ въ несгараемыхъ сундукахъ билеты-то наши хранятся?

— Въ кладовой-съ. Пожалуйте.

— А запоры-то крѣпки? Надежны-ли, говорю, запоры-то?

— Будьте покойны. Кладовая охраняется часовыми.

— Что?

— Часовыми солдатами наша кладовая охраняется.

— А посмотрѣть мнѣ кладовую-то будетъ можно? Сонъ встревоженъ, не сплю и все думаю: «какъ это билеты-то наши лежатъ». Успокой меня, покажи, голубчикъ...

— Мы въ кладовую никого изъ публики не пускаемъ. Давайте квитанцію-то. Надо же...

— Возьми, только не надуй меня, бѣдную старушку. Зачѣмъ же ты это кому-то глазомъ подмигиваешь? Ну, не дамъ, не дамъ! Надругаться надъ сѣдинами хочешь?

Старуха затряслась всѣмъ тѣломъ и прижала квитанцію къ груди.

— И не думалъ подмигивать, отвѣчаетъ чиновникъ.—Какъ вамъ не стыдно, сударыня! У насъ сотни милліоновъ хранятся.

— Непутные-то милліоны такъ ихъ и не жаль. А я съ покойникомъ кровью-потомъ наживала.

— Уговорите ее отдать мнѣ квитанціи, а то я уйду, говоритъ чиновникъ провожатымъ старухи.

— Уговаривать, такъ еще хуже. Сейчасъ возьметъ въ подозрѣніе—машетъ рукой лакей.

Чиновникъ хочетъ идти.

— Ну, бери, бери! Только смотри какое проклятіе наложу я на тебя, ежели обманешь!—грозитъ старуха.

Къ другому чиновнику подходитъ купчиха въочdовш ко платкѣ на головѣ.

— Можно мнѣ, господинъ, билетики на храненіе отдать, только такъ, чтобы и мужъ мой не могъ ихъ получить? говоритъ она.

— Можно-съ.

— А ежели онъ колотушками начнетъ у меня вымогать? Изволите видѣть: онъ испорченъ буйственнымъ запоемъ.

— Ежели сами не вынете вклада, мы ему не выдадимъ.

— А сюда приведетъ и приказывать мнѣ будетъ, то можете вы не сознаваться, что у васъ есть мои деньги?

— Мы обязаны молчать.

— А побожитесь въ тѣ поры передъ нимъ, что молъ никакихъ ейныхъ билетовъ у насъ нѣтъ?

Чиновникъ въ замѣшательствѣ и еле сдерживаетъ улыбку.

— Право, у насъ не было такихъ случаевъ.

— Ну, вотъ возьмите пять билетовъ по тысячѣ, только пожалуста, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Ежели деверь придетъ и тому не говорите. Деверь у меня хуже мужа. Чистый ядъ, а не мужчина!

Купчиха суетъ чиновнику билеты.

— Господинъ! Нельзя-ли меня отпустить! восклицаетъ священникъ. — Я очередной эту недѣлю и мнѣ сегодня вечерню служить...

ПОСТНЫЙ ИМЯНИННИКЪ.

12 февраля, въ день Алексѣя митрополита, купецъ Конуровъ былъ имянинникъ. Имянины пришлись какъ разъ въ чистый понедѣльникъ, на первой недѣлѣ Великаго поста. Конуровъ возсталъ отъ одра съ большимъ угаромъ въ головѣ послѣ вчерашней выпивки, вышелъ въ кухню и спросилъ у кухарки: выжгли-ли сковороды отъ скоромнаго масла и выпарили-ли горшки.

— Все, все въ порядкѣ, Алексѣй Иванычъ,—отвѣчала та.— Съ ангеломъ поздравляю васъ.

За чаемъ купецъ сказалъ женѣ:

— Оно даже и хорошо, что ангелъ-то пришелся въ чистый понедѣльникъ... Убытка меньше. Придись на масляной—сколько-бы добра гостямъ пришлось стравить, а тутъ по крайности поздравительный пирогъ или крендель возьмешь, а самъ безъ изъяну

— Это я угодника-то замолила, чтобъ онъ въ посту пришелся и тебѣ лишній трезвый день принесъ,—отвѣчала жена.

— Ну, гдѣ тебѣ! Просто календарь такъ вышелъ. По твоимъ грѣховнымъ немощамъ не замолить.

— Такъ чтожъ ты меня за содомскую жену считаешь, что-ли! Ошибаешься. Даже и блудницы...

— Тише, тише! Сохранимъ равновѣсіе...—остановилъ ее имянинникъ.—Сегодня чистый понедѣльникъ, будемъ и мы чисты, аки голубицы, пребывая въ мирномъ житіи... замолила—ну, и ладно. На всѣ твои разговорныя междометія я буду сегодня показывать короткое безчувствіе чувствъ, дабы сподобиться незлобливости и быть хотя на сей день подъ кадрель младенцамъ. И чего, паче чаянія, изрыгнешь ты ежели на меня даже брань и тутъ не трону ни единаго волоса на головѣ твоей, а нетокма

что-бы напасть на тебя съ какимъ-либо инструментомъ въ рукахъ.

— За то вчера хорошо поподчивалъ. Вонъ какой синякъ поставилъ!—огрызнулась жена.

— Вчера грѣховная нечистота, а сегодня праведное житіе и никакихъ карамболей...—вздохнулъ купецъ и прибавилъ:—Я-бы сходилъ сегодня въ баню, но не помню полагается-ли тезоименитымъ банное омовеніе и какъ о томъ въ уставѣ сказано...

— Это въ какомъ-же уставѣ-то?

— А въ уставѣ како мірянамъ жить честно и благообразно и безъ грѣховнаго укушенія.

— Да, кажись, такого устава и не бывало.

— Настасья! удержи языкъ твой отъ дерзостнаго пустословія супротивъ мужа и не дай мнѣ впасть въ когти грѣховныя!—возвысилъ голосъ имянинникъ.

— Да какъ-же удержаться-то, коли ты какія-то не дѣльныя слова говоришь! Ну статочное-ли дѣло, чтобъ по закону былъ запретъ на баню!

— Запрету нѣтъ, это точно; но не есть-ли тутъ оскорбленіе тезоименитству, ежели, къ примѣру, шваркать себя по тѣлу мочалкой и хлестать на полкѣ вѣникомъ?

— Такъ по твоему лучше съ тѣлесной нечистотой ходить? Въ баню сходишь, такъ по-крайности грѣховный пьянственный угаръ изъ себя выпаришь. Вишь у тебя обликъ-то какъ перекосило со вчерашняго заговѣнья! Хоть сейчасъ портретъ лѣшаго писать.

Имянинникъ сжалъ кулаки и вздохнулъ.

— Охъ, какъ-бы удержаться! Такъ длани на заушеніе и чешутся и даже въ суставахъ хрустъ и свербленіе.

— Что-жъ, хвати, хвати меня по уху!—поддразнивала его жена.—Для чистаго понедѣльника это будетъ настоящее мирное житіе.

— Удались отъ жены злоязычной, бѣсами наущенной, и будетъ тебѣ благо!—стукнулъ кулакомъ по столу имянинникъ и поднялся съ мѣста, но въ это время въ прихожей раздался звонокъ и возгласъ: «дома-ли постный имянинникъ-то?»

Въ комнату вошелъ гость.

— Съ ангеломъ! Съ имянинникомъ!—заговорилъ онъ.—А я

было шелъ въ лавку, да «дай, думаю, зайду поздравить». Ну, какъ послѣ вчерашняго?..

— Выпариваемъ. Хотѣлъ въ баню, да думаю, не грѣхъ-ли въ день ангела-то. Ты начетчикъ, разрѣши-ко недоумѣніе...

— Постановленія на сей случай нѣтъ никакого. Въ поученіяхъ на-счетъ бани очень глухо сказано. А ежели на-счетъ хмѣлю, то ты вотъ что: хвати стаканъ огуречнаго разсолу—и какъ рукой сниметъ! Празднованіе своего ангела есть все-таки торжество духовное и въ оный день разрѣшается даже вино и елей.

— Врешь!?—радостно воскликнулъ имянинникъ.

— Ну, вотъ! Нешто я стану грѣхъ на душу для эдакихъ дней братъ? Признаться, я для этого къ тебѣ и зашелъ, чтобъ пропустить единую въ видѣ лѣкарствія. Тебѣ какъ имяниннику, а мнѣ какъ немощному разрѣшеніе.

— Авдотья Кириловна! Изобрази вчерашніе остатки,—приказалъ имянинникъ.—Тамъ въ четвертной бутыли порядочно еще осталось. Да на закуску чего ни-на-есть солененькаго...

Жена поморщилась.

— Вы на рыбной пищѣ сидите или на ростной? — спросилъ гость.

— На злакахъ и на грибномъ положеніи. Сейчасъ она груздочковъ да рыжичковъ... Кисленькой капустки не хочешь-ли?

— Давай. Грѣховную-то душу капустой и очищать. О, многи борятъ мя страсти!..

— Садись, что на дыбахъ-то стоишь! А я, братъ, очень радъ, что ты зашелъ ко мнѣ; по-крайности о благочестіи потолкуемъ. Вѣдь ты большой начетчикъ по умнымъ-то книгамъ. Ну, а какъ, насчетъ виннаго и елейнаго количества для тезоименитыхъ показано?—спросилъ имянинникъ.

— Настоящаго положенія опять нѣтъ, но сказано во умѣренности и глядя по силѣ тѣлесной. Аще слабость имашь—единую красоулю, аще бодръ тѣломъ—повтори, но безъ затемнѣнія ума.

— А красоуля велика-ли должна быть?

— Возьми перстъ десныя своея и обмотай его вервіемъ трижды—се высота и дважды—се ширина. Вотъ тебѣ и модель рюмки.

— Что-жъ, это очень милостиво даже и для двунадесятыхъ празднествъ.

Жена подала полъ-графина водки и постную закуску. Имянинникъ и гость выпили.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ гость имянинника.

— Бодрость тѣла непомѣрная и не токма-что помраченіе ума, а даже просвѣтленіе.

— Въ такомъ разѣ повтори.

— То-есть какъ это повтори! Мы и единой законной красоули не вкусили. Эво у меня какой перстъ десныя-то!

Черезъ полъ-часа графинъ былъ пустъ. Гость и имянинникъ молча смотрѣли другъ на друга.

— Вотъ теперь можно и повторить красоулю-то...—началъ гость.

— Повторить можно, потому бодрость духа такая, что я хоть сейчасъ фонарный столбъ съ корнемъ выворочу,—отвѣчалъ хозяинъ.—Но вотъ въ чемъ запятая... Скажи ты мнѣ по своей книжной начетливости: по какимъ поступкамъ съ женой поступать, ежели ей великопостное ученіе... Возможно-ли насчетъ острастки?..

— Ученіе женамъ во вся дни живота полагается, но остерегись жезла, зане жезлъ костямъ хрустѣніе и тѣлу изъянъ чинитъ, а придержись вервія, либо плеткой легонечко.

— Ну, и чудесно! Авдотья Кириловна! Пошлите намъ еще единую красоулю—крикнулъ имянинникъ въ другую комнату.

— Довольно! Не пошлю! Вспомните, что сегодня чистый понедѣльникъ!—отвѣчала жена.

— Ну, коли такъ, мы на законномъ основаніи къ поученію вервіемъ прибѣгнемъ...

Имянинникъ удалился въ другую комнату. Раздался женскій визгъ.

— Охъ, прибилъ, прибилъ, мерзавецъ!—слезливо кричала жена.

Черезъ десять минутъ на столѣ стоялъ уже полный графинъ водки.

Кислая капуста.

— Вотъ, мой другъ Анфиса Игнатьевна, заладила ты съ самаго чистаго понедѣльника каждый день: судакъ да судакъ, щи съ грибами да щи съ грибами. И въ самомъ дѣлѣ: на завтракъ судакъ жареный, на обѣдъ пареный, къ ужину заливной. Смерть — кислой капустки хочется, ну просто утробой хочется! Словно будто-бы я беременная баба...

Такъ говорилъ вечеромъ на первой недѣлѣ великаго поста мужъ своей женѣ.

— Зачѣмъ же дѣло-то стало? Можно и послать за ней сейчасъ нашу кухарку въ лавочку, — отвѣчала жена. — Сказалъ-бы мнѣ раньше и капуста давно-бы была.

— Что посылать! Да и какая здѣсь кислая капуста въ мелочной лавочкѣ! Капуста банкетное блюдо. Ее надо въ Милютиныхъ лавкахъ покупать.

— Можно и въ Милютины лавки...

— Эдакую даль-то! Да кухарка цѣлые три часа прошляется туда и сюда; да еще чего добраго повстрѣчается на улицѣ съ знакомымъ солдатомъ и вернется только ночью. Что ее вводить въ искушеніе, нынче великій постъ. И наконецъ какую ей тамъ отпустятъ капусту? Видятъ—баба глупая, ну и дадутъ дрянь. Капуста кислая великая вещь! Ее долженъ спеціалистъ покупать.

— Ну, коли такъ, то ты и купи ее завтра самъ.

— Эхъ, завтра! Доживемъ-ли еще до завтра-то! — со вздохомъ произнесъ мужъ. Сегодня живъ, здоровъ, а завтра трупъ хладный. И не токма что вождѣленія къ капустѣ, а и дыханія въ

тебѣ не окажется. О смертномъ часѣ нужно ежеминутно памятовать. Вонъ въ думѣ-то цѣлую санитарную коммисію изъ генераловъ образовали. Такъ послѣ этого и подумаешь: не съѣсть-ли тебѣ сегодня капусты-то, чѣмъ до завтра откладыватъ. А и спеціалистъ-же этой кислой капусты экономъ въ купеческомъ клубѣ! Такую покупаетъ, что просто всѣ пальчики оближешь. Съ анисомъ, съ морковкой—прелесть да и только!

— Такъ не думаешь-ли ты въ купеческій клубъ ѣхать капусту-то ѣсть? спросила жена.

— А хоть и туда. Вотъ эта-то мысль у меня въ головѣ и сидитъ.

— Да вѣдь ты говѣешь?

— Такъ что-жъ изъ этого? Вѣдь не на развращеніе я ѣду, не котлеты съ трюфелями ѣсть.

— Хорошъ говѣльщикъ! А тамъ въ бакару сядешь играть. Бакары тебѣ хочется, а не кислой капусты. Ну, а говѣльщику развѣ можно въ карты?...

— Отчего-же нельзя. Да и что такое карты, что въ нихъ скоромнаго, грѣховнаго? Простая бумага и больше ничего. Вотъ ежели-бы вино, такъ то дѣло другое, тамъ блудъ, ибо оно наущаетъ помыслы. А карты какіе помыслы? Хоть тамъ и есть дамы, но не могу-же я за трефовой или бубновой приволокнуться. Карты даже совсѣмъ напротивъ... Онѣ внушаютъ смиреніе, особливо когда проиграешься.

— Пошелъ, поѣхалъ!—махнула рукой жена.—Я знаю только одно, что на картахъ идолища поганыя о двухъ головахъ изображены.

— Ошибаешься,—тамъ есть и крестовая масть, а это совсѣмъ христіанская; наконецъ пиковая или казачья, а казаки всѣ до единаго православные. Червонная или сердечная...

— За то и бубновая... А съ бубнами плясовицы пляшутъ. Даже Иродіада съ бубнами лукавое коварство подъ Ирода подпускала.

— Ну, къ бубновой масти я и буду относиться съ ненавистью. Какъ бубны, сейчасъ и пасъ, а то такъ безъ милосердія бить ихъ буду. И какъ это ты, Анфисушка, къ картамъ такъ относишься! Положимъ, что ты не играешь, но за то гадаешь на нихъ. Сегодня еще...

— Гаданіемъ и библейскіе патріархи занимались. Наконецъ

я не про любовь гадаю, а только про то, когда тебя дома нѣтъ, то трезвъ ты или пьянъ. Вотъ что мнѣ нужно.

— Постой, постой. Древніе патріархи гадали не по картамъ, а по полету птицъ,—перебилъ жену мужъ.

— И въ картахъ есть птица. Она въ печати на бубновомъ тузѣ сидитъ.

— Тамъ птица-пеликанъ изображена, а она не летаетъ, и все ея занятіе въ томъ, что она рветъ себѣ грудь и собственнымъ мясомъ питаетъ птенцовъ своихъ.

— Но вѣдь есть-же у нея крылья.

— Есть, но только не для летанія, а для пуху, ради мягкаго ложа для птенцовъ своихъ.

— Ну, вотъ видишь, значитъ, птица праведная и для поста пригодная.

— Праведная, но все-таки нелетающая.

— А почемъ ты знаешь, что не латающая! Вишь какой профессоръ выискался,—огрызнулась жена.

— Молчу, молчу! ибо не хочу вводить тебя по нынѣшнимъ днямъ въ грѣховный гнѣвъ,—сократился мужъ.—Но ежели ты находишь безгрѣшнымъ гадать по сидячей птицѣ и называешь ее праведной, то не препятствуй и мнѣ этой птицей заняться. Такъ какъ-же на-счетъ кислой капусты-то? Я-бы съ собой горшечекъ захватилъ и тебѣ-бы ее принесъ изъ клуба.

— Не стану я ѣсть на первой недѣлѣ великаго поста капусту изъ совѣта нечестивыхъ! Вѣдь клубъ, это—совѣтъ нечестивыхъ, а у насъ есть сказано: «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»...

— Такъ тебѣ-то что? Вѣдь это про мужей сказано, а ты не мужъ, а жена.

— Мужъ? Про мужей сказано?—воскликнула радостно жена.—Ну, вотъ, и поймала тебя! А какъ-же ты мужъ, и идешь на совѣтъ нечестивыхъ? Значитъ, тебѣ-то именно и не слѣдъ въ клубъ идти. Сиди дома.

Мужъ прикусилъ языкъ. Онъ чувствовалъ, что самъ предалъ себя въ руки жены своей неловкой фразой, но началъ оправдываться.

— Но какой-же, душенька, тамъ совѣтъ нечестивыхъ?—сказалъ онъ. — Въ клубѣ такіе благочестивые купцы сидятъ, что даже и рыбы-то на первой недѣлѣ не вкушаютъ, су-

хояденіемъ питаются, и безъ елея. Да вотъ, хоть-бы извѣстный жертвователь. Какъ его?... Во-первыхъ, онъ церковный староста, членъ четырехъ пріютовъ...

— Врешь, врешь! Одинъ благочестивый купецъ ничего не значитъ, коли въ картежныхъ комнатахъ цѣлыя стаи нечестивыхъ шулеришекъ бѣгаютъ.—Удивляюсь только, какъ до сихъ поръ этотъ клубъ не провалится! Вѣдь Содомъ и Гомора провалились-же.

— Праведники-то его и спасаютъ. Такъ нельзя мнѣ въ клубъ кислой капусты поѣсть?...

— Нельзя.

— Ну, ладно!

Мужъ надулся и молчалъ. Жена молчала. Прошло минутъ десять.

— Что-жъ ты молчишь?—спросила она.

— Не могу жъ я разговаривать, коли передо мной живая кислая капуста сидитъ! Точно, что я желалъ кислой капусты, но такой, какую говѣльщикамъ ѣсть не запрещается.

— Совсѣмъ дуракъ! — отчеканила жена и молчаніе продолжалось.

НА ТРОЙКѢ.

Вечеръ. Врѣзываясь полозьями саней въ рыхлый, только-что выпавшій снѣгъ, къ подъѣзду загороднаго увеселительнаго заведенія «Ливадія» подъѣхала, гремя бубенцами, ухарская тройка. Молодой нарядный ямщикъ съ серебряной серьгой въ ухѣ ловко осадилъ лошадей. Изъ саней выпрыгнули два франта въ ильковыхъ «пальтахъ» при бобрѣ и молодая женщина въ бархатной шубкѣ, опушенной куницей, но тамъ еще осталось что-то грузное, покрытое скунсовой шапкой и завернутое въ енотовую шубу съ длиннымъ воротникомъ. Это что-то похрапывало въ саняхъ.

— Восьми-пудовый купецъ! Выходи! Пріѣхали! — кричалъ одинъ изъ франтовъ, теребя тѣло за енотъ.

— Заказывай три бутылки!... Я плачу...—пробормотало тѣло.

— Да что ты! Опомнись! Мы на улицѣ. Заказать-то еще успѣемъ. Выходи! Пріѣхали!

— Пріѣхали? Ну, и чудесно! О, Боже мой! Боже мой! Вотъ уха-то!

Тѣло потягивалось.

— Гдѣ это, сударь, изволили такого осетра поймать?—спросилъ извозчикъ-лихачъ, помахивая руками около своей «одиночки», стоявшей подъ ковромъ, и поклонился.

— А, Василій, здорово!—отвѣчалъ франтъ.—Гдѣ осетра-то поймали? Да, братъ, на Калашниковой пристани вытащили и вотъ теперь потрошить привезли. Осетръ! Парамонъ Кузьмичъ, выходи!

— Не прикажете-ли ихъ вынуть, ваше степенство? Можетъ, у нихъ поджилки въ колѣнкахъ ослабли и становая жила съ мѣста сошла...—предложилъ свои услуги лихачъ.

— Ну, высаживай! Дворникъ, помоги ему! Господинъ городовой, подпихивайте!—командовалъ франтъ.

Трое закряхтѣли, взялись за енотъ и высадили его, поставивъ на снѣгъ.

— Грузенъ больно осетръ-то у васъ. Кулье мы, ваше именитство, съ овсомъ таскивали, а тутъ почище кулья будетъ, —сказалъ лихачъ.—Ужъ хорошо съ вашей милости на чаекъ надо!

Франтъ подбоченился и крикнулъ:

— Василій! Кто я?

— Степенный купецъ Михайло Титовичъ Куроглазовъ и завсегда въ своей щедрости,—отвѣчалъ лихачъ и снялъ шапку.

— То-то! Нешто мы когда худо даемъ? На, вотъ рубль-цѣлковый и подѣлись со всѣми!

— Много вамъ благодарны, ваше благоутробіе! Только ужъ прикажите и жидкости выслать мнѣ съ ямщикомъ. Такъ-бы мы васъ и вашего осетра и помянули.

— Жидкости? Въ лучшемъ видѣ! Какой хочешь? Говори смѣло! Мы не сквалыжники. Мадерныхъ травъ хочешь? Все равно столько натребуемъ, что выливать придется.

— Ежели ужъ будетъ на то ваша милость, то лучше пивца, а передъ тѣмъ по стаканчику... Мадерныя травы намъ глазъ выворачиваютъ.

— Ладно. Черезъ пять минутъ весь свой провіантъ получите! Только поминай за здравіе новоосвобожденнаго отъ солдатчины Михайла.

— Миша! Что у тебя тамъ за прокламація? Идите! Пора кончить! Даже знобленіе въ ногахъ сдѣлалось! — кричалъ съ подъѣзда второй франтъ, державшій подъ руку женщину!

— Ахъ, Боже мой! Имѣйте препону терпѣнію чувствъ! Я вотъ съ красной рыбой не могу никакъ справиться!—отвѣчалъ первый франтъ. — Парамонъ Кузьмичъ, можешь самъ ногами дѣйствовать?—спросилъ онъ.

Енотовая туша стояла на снѣгу, молчала и покачивалась.

— Ну вотъ видишь! Какъ-же я могу, коли у него потеря всѣхъ семи чувствъ—продолжалъ онъ.—Иди сюда и возьмемъ его подъ уздцы! Гдѣ-жъ мнѣ одному справиться!

— И какъ онъ можетъ идти коли онъ съ дамой!—откликнулась женщина.—Удивительная вещь, какой у васъ длинный романъ съ хмѣльнымъ купцомъ происходитъ! Подпихивайте его сзади и дѣлу конецъ!

Франтъ пихнулъ енотоваго купца, но тотъ упалъ внизъ лицемъ на снѣгъ.

— Ахъ, ты Господи! Потише, сударь! А то неравно хрусталь разбить можете!—воскликнулъ ямщикъ и слѣзъ съ козелъ.

— Помоги, любезный, взять мнѣ его подъ уздцы. Нешто могу я одинъ, коли у него ни одна струна въ тѣлѣ не дѣйствуетъ. — Не могу же я его бросить. Онъ мнѣ тоже дядя по маменькиной сторонѣ приходится!

Ямщикъ поднялъ купца и съ помощью франта повелъ его по лѣстницѣ. Ввели въ притворъ и прислонили къ стѣнѣ.

— Почемъ у васъ сегодня нутре? И гдѣ тутъ касса, коли я не вижу ее въ своемъ воображеніи? — спрашивалъ франтъ.

— У насъ входъ безплатный. Извольте, ваше сіятельство, только верхнее платье оставить,—отвѣчали при вѣшалкахъ «ундера» и бросились снимать съ франтовъ пальто. — Супруга ваша тоже раздѣнутся?—спрашивали они про даму.

— Какая она наша супруга? Она просто при насъ какъ бы на подобіе гувернантки выходитъ. Машинька, вы будете разоблачаться?

— Ахъ, Мишель! И зачѣмъ такія слова, коли люди въ заблужденіи! — обидѣлась дама. — Нешто я васъ могу замарать своимъ супружнымъ званіемъ? Ошибаетесь. Я всегда себя соблюдаю. Сними съ меня шубку, бравый кавалеръ,—обратилась она къ ундеру и прибавила франту:—Всегда сконфузите!

— Ахъ, Боже мой! Какія телячьи нѣжности!—откликнулся франтъ.—Конфузъ! Да нешто господа ундера-то не видятъ, что у васъ лицо не супружническое и вы даже по своей физіономіи на обстоятельную жену не похожи!

— Ахъ, пожалуста оставьте! А то я брошу васъ и выберу себѣ другихъ кавалеровъ!—огрызнулась дама.

Франты взяли номеръ отъ платья и двинулись въ комнаты, но вдругъ спохватились.

— Ахъ, какой пассажъ! вскрикнули они.—Осетра-то мы во время нашихъ разговорныхъ куплетовъ и забыли! Парамонъ Кузьмичъ! Снимай съ себя енотъ-то! Можешь?

Купецъ попрежнему стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и молчалъ.

— Безгласенъ и бездыханенъ! Только съ такихъ картинъ патреты и изображать въ фотографіи!—сказалъ одинъ изъ фран-

товъ — Господа ундера, развьючьте вотъ намъ этого осетра!— указалъ онъ.

Ундера переминались съ ноги на ногу.

— Хоть вы и хорошіе, господа купцы, но съ пьяными у насъ, ваше сіятельство, запрещеніе на счетъ входа, — говорили они.

— Да онъ нешто пьянъ? Онъ, просто, потерялъ отъ холода свои чувства! Вотъ мы его введемъ въ тепло — онъ у насъ и оттаетъ. Ему теперь рюмку коньяковаго купоросу закатить, такъ онъ такую живность изъ себя покажетъ, что насъ перепьетъ. Онъ смирный! Парамонъ Кузьмичъ, пріободрись и дѣйствуй! Ну, чего сталъ словно тумба на распутьи!

Франтъ дернулъ купца за шубу. Тотъ покачнулся и рухнулся на полъ.

— Сдергивайте съ него, ребята, шубу, а потомъ мы его подымемъ и съ двухъ сторонъ плечами подопремъ!—командовалъ франтъ, поднимая съ помощію ундеровъ купца.

— Да нельзя, сударь, этому быть, — отвѣчали ундера.—У насъ отъ полиціи насчетъ хмѣльныхъ лицъ огражденіе! Теперича вдругъ они на кого-нибудь наѣдутъ своимъ дышломъ, а публика въ амбицію... Невозможно-съ!

— Какъ невозможно, коли у него два каменныхъ дома и онъ семейный человѣкъ! Нешто онъ для безобразныхъ каламбуровъ пріѣхалъ? Онъ потребуетъ полъ-дюжины холоднаго и уснетъ въ лучшемъ видѣ. Парамонъ Кузьмичъ, очнись! Можешь ты тѣлесныя движенія ногъ дѣлать?

— Не могу...—протянулъ тотъ.

— У насъ, господа, съ пьяными нельзя! Какъ вамъ угодно, а нельзя!—вмѣшался распорядитель ресторана.—Мы не можемъ впустить. Извольте ѣхать назадъ.

— Что-жъ, и поѣдемъ!—оскорбились франты, быстро надѣвая на себя пальто.—Только вѣдь вы свою-же выручку черезъ недопущеніе ограбляете! Мы, можетъ-быть, пятерку лиловыхъ оставили-бы за буфетомъ. Машенька! Дѣйствуйте на-лѣво кругомъ къ выходу! Здѣсь не пустили, такъ въ «Самаркандъ» пустятъ! Сеня, бери восьми-пудоваго-то осетра за жабры!—кричали франты другъ другу.

Енотоваго купца потащили къ выходу.

ИЗЪ ЭПОХИ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛЖЕЧУМЫ.

I. Чума.

Подрядчикъ «по части мусорнаго очищенія» купецъ Иванъ Иванычъ Ивановъ пришелъ домой обѣдать. Онъ былъ не въ духѣ, мрачно выпилъ рюмку водки и сталъ закусывать хлѣбомъ.

— На вотъ икорки, что хлѣбъ-то голый жуешь! — сказала ему жена.

— Въ Астраханской лавкѣ икру-то покупала? — спросилъ онъ.

— Въ Астраханской....

— Ну, Богъ съ ней. Отдай ее приказчикамъ. Пусть тѣ во все свое удовольствіе наслаждаются.

— Что ты! Да вѣдь я рубль двадцать копѣекъ за фунтъ платила.

— А хоть-бы и три-двадцать, такъ и то въ ту-же яму. У насъ на погребѣ астраханскіе арбузы соленые есть — тѣ дворникамъ жертвую, а астраханскій балыкъ пусть кухарка рабочимъ въ щахъ сваритъ.

— Да что ты? Съ чего это такъ расщедрился? — недоумѣвала жена.

— Съ чего—извѣстно, съ дезинфекціи. Зря свое добро раскидывать не сталъ-бы.

— Съ какой это такой дезинфекціи? Грѣхъ это какой страш-

ный такъ называется, что-ли, что ты его добрыми дѣлами заглаживать хочешь?

—Совсѣмъ дура полосатыми цвѣтами писанная! Прочти что въ газетахъ-то изъ Ветлянки пишутъ, а вѣдь она Астраханской губерніи по плану числится. А въ Астраханской губерніи чума...

— Ну, такъ что-жъ? До насъ далеко, молись почаще и тебя не тронетъ. А икру и балыкъ я сама съѣмъ.

— Въ такомъ разѣ я тебя и самою отдамъ дворникамъ на съѣденіе.

— Да что ты бѣлены объѣлся что-ли?

— Матрена Тихановна, я тебя трепать начну!—строго крикнулъ мужъ.—Коли ежели Германія, Англія и Италія насчетъ карантинной ассенизаціи заговорили, то намъ и подавно за иностранными державами въ ту же жилу тянуть, потому мы все-таки ближе. Завтра я куплю карантинъ и у себя въ квартирѣ поставлю. Говорятъ, что въ Пассажѣ у очешныхъ дѣлъ мастера онъ по пяти рублей за штуку продается, а для своего здоровья нечего пяти рублей жалѣть. Жизнь-то мнѣ еще не надоѣла. По веснѣ я домъ хочу строить.

— Что это за карантинъ такой? По ночамъ онъ насъ тревожить не будетъ?

— Нисколько. Онъ безъ бою. Просто лектрическая машина, а изъ нея фонталъ ассенизаціи брызжетъ при всей своей купоросной дезинфекціи.

— А ежели котъ нашъ нанюхается, не сдохнетъ онъ, отъ этого самого карантина?

— Вотъ она необразованность-то! Люди карантинъ для здоровья ставятъ, а она,—котъ не сдохнетъ-ли? Охъ, какъ учить сестру вашу надо! И неужто для тебя котъ дороже мужа? Теперича при нашемъ званіи какія у насъ занятія? — Мусоръ Такъ намъ-то кольми паче отъ заразы беречься надо. Поняла? Теперича я приду домой съ свалки мусора—сейчасъ и сяду на карантинъ, а какъ эта самая ассенизація меня очиститъ, вотъ я и правъ. Сидя на карантинѣ, можно и на счетахъ считать, и газеты читать, а ежели сдѣлается ужъ очень скучно, то ты для моего удовольствія самоигральные фортепьяны повертишь. А тебѣ за это я канаусу на платье...

— Ну, въ такомъ разѣ я согласна,—отвѣчала жена.

— Еще-бы... Ты у меня баба вразумительная! Только тебѣ построже кулакомъ пригрози, а потомъ подаркомъ подмажь, такъ ты согласна.—А подумать о себѣ надо, надо, —твердилъ мужъ, хлебая щи.—Объ этомъ во всѣхъ газетахъ пишутъ. Сегодня я такую статью вычиталъ, что кто масломъ и смолой торгуетъ, тотъ совсѣмъ чумой не заражается.

— Такъ что-жъ ты масломъ и смолой хочешь заняться вмѣсто мусорнаго-то очищенія, что-ли?—опять спросила жена.

— Нѣтъ, тебя и обухомъ не вразумишь! Зачѣмъ намъ мусоръ бросать, коли онъ выгоднѣе всякаго масла? А тутъ совсѣмъ иной градусъ. Отнынѣ помаду долой и мажь себѣ косу деревяннымъ масломъ. Я тоже самое дѣлать буду.

— Ну, нѣтъ ужъ уволь. Карантинъ я позволю въ квартирѣ поставить, а этого ты отъ меня не дождешься. Помилуй, вдругъ намазаться деревяннымъ масломъ, а потомъ въ клубъ или въ театръ... Да отъ меня всѣ кавалеры сторониться будутъ.

— А тебѣ чума слаще кавалеровъ?—иронически задалъ вопросъ мужъ.

— Меня чума не тронетъ, я женщина богобоязненная. А насчетъ масла деревяннаго я не согласна.

— Въ такомъ разѣ я тебя самъ мазать буду. Куплю малярную кисть и по всѣмъ мѣстамъ... Мало того, обливать буду, а въ платокъ тебѣ вмѣсто духовъ скипидаръ... Это тоже отъ чумы пользительно.

— Тиранствуй, тиранствуй, тебѣ не привыкать стать!—упрекнула его жена.

— За такое тиранство для твоей-же пользы съ насъ и на томъ свѣтѣ не спросится. Да вотъ что еще: подъ кроватью у насъ я всѣ половицы смолой вымажу.

— А я уйду спать въ гостиную на диванъ.

— А я и у дивана днище дегтемъ смажу. Тебѣ на шею вмѣсто медальона головку чесноку привѣшу. Пожалуй, въ золотую рамку чеснокъ вправлю. Вотъ тебѣ новая обновка!

Жена призадумалась.

— Да, вѣдь, отъ меня тогда жидомъ пахнуть будетъ,—сказала она.

— Лучше пусть жидомъ припахиваетъ, чѣмъ чума. Да и что такое жидъ? Тутъ вотъ какъ-то въ интендантствѣ торги

подряды были, такъ я пожалѣлъ даже отчего я не жидъ. Нонѣ жидамъ-то почудеснѣе православныхъ.

— Ты коли хочешь будь жидомъ; а я жидовкой быть не хочу.

— Небось, заставлю такъ будешь! Ну молчи! — стукнулъ мужъ кулакомъ по столу. — Я о твоемъ санитарномъ здоровьѣ забочусь, а ты кобенишься!

— Въ санитарномъ лагерѣ я не была да и не буду. Я тебѣ вѣрная жена. Мнѣ вонъ конюшенный офицеръ, какъ мимо нашихъ оконъ проѣзжаетъ, сейчасъ ручкой дѣлаетъ, а я ему всегда языкъ показываю.

— Конюшенный офицеръ самъ по себѣ, а ассенизація сама по себѣ. А о себѣ подумать и остеречься подобаетъ,— продолжалъ мужъ.— Береженаго и Богъ бережетъ. Мы вонъ даже въ трактиръ Астрахань и чай пить ходить перестали. Что намнительность-то лѣзть? Подальше лучше. Въ Царицынѣ тоже не пьемъ да и Саратовъ думаемъ по боку...

— Вотъ съ этимъ я согласна. Нельзя-ли ужъ и Москву съ Мало-Ярославцемъ тоже по боку?—отвѣчала жена. — А то изъ этихъ трактировъ только горе намъ, женамъ, приносите!

— Довольно!

— Чего довольно? Прошлый разъ пришелъ изъ Мало-Ярославца и ни за-что ни про-что сапогомъ началъ меня по затылку хлестать.

— Цыцъ, говорятъ тебѣ!

— Пожалуйста, не цыцкай. Трезваго-то я тебя не испугаюсь,—не унималась жена.

— Пошла вонъ изъ-за стола!

— Что-жъ, и пойду, а за это самое, на зло тебѣ, и астраханской икры и астраханскаго балыка наѣмся. На-же, заражайся отъ меня чумой этой самой.

Жена заплакала, вышла изъ-за стола и легла въ спальной поперекъ кровати. Оттуда слышались ея рыданія.

— Вотъ толкуй тутъ съ эдакимъ народомъ о карантинной ассенизаціи! Совсѣмъ сѣрое невѣжество! — разводилъ руками мужъ.

II. Новое страшное слово.

— Говорили вы папенькѣ насчетъ моей пронзительной любви къ Марьѣ Дементьевнѣ?

— Говорила.

— Ну, и что-жъ онъ въ своемъ головномъ воображенiи полагаетъ?

— Да ничего. На Марью Дементьевну твою плюнулъ, назвалъ ее шкурой и сказалъ: «пусть завтра-же готовится ѣхать со мной къ невѣстѣ Богу молиться».

— Въ такомъ разѣ я въ отчаянiи всѣхъ своихъ чувствъ и могу на смертоубiйство собственной персоны рѣшиться.

Сынъ вскочилъ съ мѣста и въ волненiи заходилъ по комнатѣ. Сидѣвшая за самоваромъ мать испуганно слѣдила за нимъ глазами.

— Ахъ, Боже мой! Афоня, Афоня! Опомнись, что ты сказалъ!—бормотала она.

— Для васъ ничего кислаго, потому сами-же вы хотите загубить сына на разлучномъ предметѣ при всей его скоропалительной страсти къ другому лицу.

— Полно, дурашка, стерпится — слюбится. У Марьи Дементьевны твоей въ карманѣ блохи въ свайку играютъ, а у той невѣсты, что тебѣ отецъ нашелъ, бани каменныя да буксирный пароходъ. Да и чѣмъ она плоха: полная, лицо безъ изъяна, носъ какъ слѣдоваетъ? Право, не хуже Марьи...

— Эхъ, хватили! Совсѣмъ другой инструментъ!

— Вы-бы, молодой человѣкъ, къ угодникамъ обратились, чтобъ они васъ вразумили, — ввязалась въ разговоръ старуха-приживалка, сидѣвшая тоже за самоваромъ.

— Нѣтъ-съ, лучше я въ астраханскую рыбную лавку обращусь, спрошу самой что ни-на-есть ветлянской икры и съѣмъ ея сразу три фунта, да еще балыкомъ закушу изъ Селитряной станицы, а потомъ приду сюда да и начну дышать чумнымъ дыханiемъ и на папеньку и на маменьку да и на васъ. Пущай всѣ погибаемъ!

— Ай, ай, ай! Что онъ сказалъ!—застонала мать.—Андрiя-

новна, потри мнѣ затылокъ, мельканіе въ глазахъ началось,— обратилась она къ приживалкѣ.

На лицѣ сына выразилось злорадство.

— Что, испугались? — спросилъ онъ и продолжалъ: — Мало того, куплю книжку Чудновскаго о чумѣ и выучу наизусть, какъ это люди по всѣмъ правиламъ заражаются.

— Охъ, охъ, охъ! Андріяновна, спрысни меня, я вѣдь совсѣмъ сырая женщина и никакихъ этихъ словъ слышать не могу!

— Вы о чумѣ слышать не можете, а я о невѣстѣ! Значитъ, партія вровень, только вамъ тридцать очковъ впередъ дано. Поняли?

— Дуракъ! Да я то тутъ при чемъ? Вѣдь это отецъ тебя на Буркаловой дочкѣ женить желаетъ.

— Разницы большой не составляетъ. Васъ самихъ я дѣлаю въ уголъ, а по папенькѣ карамболь. Терзайте его на каждый часъ, тогда онъ и приметъ во вниманіе мои чувства.

— Ахъ, Господи! И это говоритъ сынъ родной! — воскликнула мать.—Да развѣ можно его терзать? Я его словами донимать начну, а онъ меня, по новой модѣ, желѣзнымъ аршиномъ.

— Пустая кислота и больше ничего! Можете наконецъ изъ-за единственнаго сына и аршинъ претерпѣть, а что насчетъ свирѣпости ихней, то можно и звѣрей дикихъ укрощать.

— Поди-ка, укроти его, сунься!

— Я укрощу, но мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ дѣло мирную окупацію имѣло. А у меня теперь такой ультиматумъ въ головѣ: онъ меня къ невѣстѣ вечеромъ повезетъ, а я на утро въ Ветлянку сбѣгу... И пусть тогда мой хладный трупъ, при видѣ безчувственныхъ родителей, живущихъ во всемъ своемъ варварствѣ, расклевываютъ дикіе враны и гіены! Хороша живая картина?

— Не могу, не могу!

Мать залилась слезами. Сынъ стоялъ торжествующій. Къ нему подошла приживалка.

— И не стыдно это вамъ такъ родителевъ терзать! — сказала она.—Они о вашемъ же добрѣ хлопочутъ, каменныя бани и буксирный пароходъ вамъ отыскали, а вы...

— При немиломъ сюжетѣ Ветлянка и Селитряное лучше бань и парохода,—отвѣчалъ сынъ.

— Молодой человѣкъ, опомнитесь, возрите на слезы маменьки. Ну зачѣмъ ихъ пугать?

— Я молодъ, но справедливъ. Око за око. Они мнѣ сулятъ немилую невѣсту, а я имъ немилую чуму.

— Называйте ее по крайности просто эпидеміей. Видите, какъ онѣ этого слова боятся.

— Торговля тутъ не у мѣста, а когда жалость раздавали, насъ дома не было. Впрочемъ, если хотите, взамѣсто чумы — черная смерть и моровая язва...

— Ахъ, ахъ, умираю!—взвизгнула мать и уронила на полъ чашку съ чаемъ.

Вбѣжалъ отецъ. Онъ былъ въ халатѣ и туфляхъ.

— Что здѣсь у васъ за музыка?—спросилъ онъ.

— А та музыка, что за вашу невѣсту чумнымъ маршемъ маменьку пугаю—далъ отвѣтъ сынъ.

— Что?—заревѣлъ отецъ.

— Пожалуйста подальше, ежели чумой заразиться не хотите. Я сейчасъ фунтъ ветлянской икры съѣлъ.

— Меня, братъ, не испугаешь! Гдѣ аршинъ?

— Даже и ваша аршинная ассенизація тутъ будетъ не причемъ. Довольно! Давай-те напрямки конгрессъ держать. На вашей Буркаловой я не могу жениться, ибо далъ клятвенную клятву Марьѣ Дементьевнѣ, а она для меня вѣчный предметъ и неизмѣнное копье.

— Дурацкія клятвы, все равно, что вексель на пескѣ. Сейчасъ иди въ лавку, коли не хочешь моей дезинфекціи попробовать, а вечеромъ къ невѣстѣ Богу молиться!

— Зачѣмъ-же въ лавку? Лучше ужъ я прямо въ Ветлянку, на чумное зараженіе. Маменькѣ я сейчасъ чумный маршъ отбарабанилъ, а вы можете терзаться при видѣ смертной польки трамбланъ вашего сына, умирающаго въ Селитрянной станицѣ отъ моровой язвы.

— Да кто тебя пуститъ въ эти самыя мѣста? Гдѣ у тебя паспортъ, дура съ печи?

— Туда и съ волчьимъ паспортомъ пущаютъ, коли нѣтъ человѣчьяго.

— На какіе же шиши ты будешь тамъ жить?

— Не на жизнь, папенька, я туда и ѣду, а на смертное существованіе, а что ежели насчетъ проѣзда и тѣхъ средствъ,

чтобъ заразиться, то мнѣ любой газетчикъ денегъ дастъ. Сейчасъ приду въ редакцію и такой калинкоръ: «желаю, молъ, на чумное зараженіе корреспондентомъ ѣхать, позвольте сто цѣлковыхъ»... Неужто вы думаете за человѣческую-то смерть ста рублей не дадутъ? Въ лучшемъ видѣ пожертвуютъ.

Отецъ смирился и почесалъ затылокъ. Слова сына показались ему правдоподобными.

— Дуракъ ты, дуракъ! — мягко сказалъ онъ. — Да вѣдь я Буркаловскія-то бани, что тебѣ за невѣстой дадутъ, хотѣлъ заложить да на эти деньги по веснѣ домъ строить начать.

— Эхъ, папенька! Доживемъ-ли еще до весны-то при этой язвѣ, — отвѣчалъ сынъ. — А вы то возьмите, вѣдь и Марья Дементьевна не совсѣмъ голышъ. За ней три тысячи рублей. Все хоть подвалы у дома вывести годится, а что насчетъ Буркаловой — сейчасъ въ Ветлянку корреспондентомъ и ужъ тогда ни копѣйки не получите!

Отецъ опять почесалъ затылокъ.

— Ну, вотъ что, — закончилъ онъ. — Ступай сейчасъ въ лавку, да икры астраханской больше не ѣшь, а ужо вечеромъ мы съ тобой по душѣ поговоримъ. Авось, можетъ быть, и на твою Марью Дементьевну ейный дядя еще пару тысячъ накинетъ.

— Вотъ такъ-то лучше! — отвѣчалъ сынъ, обернулся и вышелъ изъ комнаты.

III. Четырнадцатаго февраля.

Черный трактиръ. Вечеръ. Мастеровые покончили работу и пьютъ чай. Многолюдно. Разговоры — о чумѣ. За однимъ изъ столовъ сидитъ «ундеръ» съ листочкомъ прибавленія къ «Правительственному Вѣстнику» въ рукахъ и читаетъ его про себя.

— Пришла, говорятъ, окаянная-то? спрашиваетъ его съ другаго стола мастеровой съ ремешкомъ на головѣ.

— Пришла. Въ Наума Прокофьева вселилась. Теперь онъ на Выборгской въ Клиникѣ лежитъ и такой-это ему почетъ, что Боже упаси! разсказываетъ ундеръ. — Дворникъ онъ.

— Какъ дворникъ? А говорили портной.

— Нѣтъ, дворникъ. Такъ и сказано, что дворникъ Антиллерійскаго училища.

— Скажи на милость — дворникъ! Какъ-же это портные-то оплошали? Вѣдь они завсегда во всякомъ дѣлѣ первые. Какъ какая новомодность—сейчасъ портной. Портной и въ лотерейномъ выигрышѣ первый: онъ и въ шарѣ летитъ, съ пятаго этажа ежели вывалиться и при всей своей цѣлости остаться—тоже портной. Даже конно-лошадиная дорога и то портного самаго перваго задавила, а тутъ, на-ко-ся: дворникъ! Такъ на Выборгской лежитъ?

— Тамъ. Чего ему! Онъ такой жизни и не видалъ. Теперича лежитъ и чего хочетъ того и проситъ. Все безъ изъятія давать приказано, только лежи. Захотѣлъ папироску—сейчасъ бафру несутъ самую лучшую, цигарки спросилъ—цигарку даютъ. Первое дѣло, говорятъ, сапоги новые потребовалъ и десять рублевъ на руки.

— Дали?

— Конечно, дали. Всѣмъ удовлетворяютъ. Спросилъ-бы сотенную и ту отпустили-бы.

— А водку даютъ?

— Сколько влѣзетъ. Въ этомъ-то настоящее лѣченіе и есть, потому она этаго запаха ужасти какъ не любитъ и такъ что даже полуштофнаго стекла боится. Теперича все важные господа приходятъ и на него смотрятъ... потому въ диво. «Какъ ты себя, Наумъ Прокофьичъ, чувствуешь, не щемитъ-ли у тебя подъ вздохомъ, нѣтъ-ли свербленія въ позвонкахъ?» А онъ куражится. Папироска это у него въ зубу и даже такую гордость, что въ сторону смотритъ.

— А простой народъ къ нему допущаютъ?

— Нѣтъ. Для простаго народа карантинъ поставленъ. Какъ какой тулупъ либо чуйка покажется, сейчасъ туда его и сажаютъ.

— Гдѣ-же этаго самаго дворника поймали?

— А на дворѣ. Въ баню, говорятъ, шелъ, чтобъ дегтемъ съ солью помазаться. Тутъ его и схватили. Спервоначалу-то, говорятъ, взмолился: «отпустите, говоритъ, ради поста душу на покаяніе». А ему: «дуракъ, чего брыкаешься, тебѣ тамъ хорошо будетъ». Ну, и повели. Какъ пришелъ и узналъ, что все

требовать можно—сейчасъ потребовалъ себѣ куму свою. Сейчасъ это спросили: «изъ простыхъ она?» — «Изъ простыхъ». — «Ну, нельзя». И остальнымъ-то ребятамъ, которые съ нимъ вмѣстѣ въ подвалѣ жили и тѣмъ хорошо. Сорокъ восемь человѣкъ забрали и свезли въ Екатерингофъ, чтобъ жить. Фатера совсѣмъ господская и приказано, чтобъ кормить это ихъ пирогами съ сомовиной, и щи съ рыбой, и чтобъ судакъ жареный. Окромя того ситникъ съ патокой. А на руки—табачный паекъ, чайное удовольствіе и пятнадцать рублевъ съ двугривеннымъ въ мѣсяцъ.

— И ни какой работы? Безъ принужденія? — спрашиваютъ мастеровые.

— Никакой. Только спи больше и ѣшь. И такая, братцы, это у нихъ дрыхня идетъ, что ужасти!

Всѣ переглянулись.

— Вотъ жизнь-то!—воскликнулъ какой-то рваный полушубокъ.—Хоть-бы мѣсяцъ такъ пожить! Вѣдь счастье-же людямъ! тутъ вотъ... тьфу!

Полушубокъ плюнулъ.

— Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь они подъ опаской, что у нихъ чума!—возразили ему нѣкоторые.

— А чорта-ли въ ней, что чума! Съ нашимъ хозяиномъ хуже чѣмъ съ чумой жить, да вѣдь живешь-же! Теперича мы при басонахъ и на ремизахъ бахраму дѣлаемъ, а онъ взялъ да за ламповыя стекла мнѣ семь гривенъ въ двѣ недѣли при расчетѣ и вычелъ. «Это, говоритъ, за бой». Нешто виноватъ я, что стекла лопаются? Нѣтъ, ребята, съ чумой лучше, нежели съ нашимъ хозяиномъ. Работаешь-работаешь, а что? Эво, какой бурнусъ себѣ нажилъ! А тамъ по крайности я бы себѣ на синій кафтанъ скопилъ.

— Эко мелево! Кличь, кличь на себя невзгоду-то! — упрекали его другіе мастеровые.

— А что, господинъ ундеръ, дозвольте опросъ сдѣлать. Купцовъ туда къ этому самому Науму пускаютъ, чтобъ любопытство?—спрашиваетъ синій кафтанъ.

— Обстоятельныхъ и которые ежели именитые тѣхъ пущаютъ, —отвѣчаетъ ундеръ.—Толкнулся тутъ было, сказываютъ, одинъ въ лисьей шубѣ—въ зашей, а въ енотѣ и въ бобровой шапкѣ да съ медалью — прошелъ. Три калача, говорятъ, ему

пронесъ и горшокъ меду, а сзади мальченка съ чаемъ и сахаромъ.

— Ахъ ты, Господи!—вздыхаетъ полушубокъ.—Да что говорить, купцы рады жертвовать, коли, ежели, что особенное обозначится!

— Уповайте, ребята, и вамъ будетъ при чумѣ хорошо!— заявилъ синій кафтанъ.—Теперича отъ думы всѣмъ хозяевамъ такое наущеніе, чтобъ харчевая кормешка для рабочихъ артелей была въ лучшемъ видѣ, а нѣтъ—сейчасъ хозяина на цугундеръ и чтобъ дрова ему пилить для прохлажденія.

— Ой, да ты не врешь?!

— Право слово. Съ кажиннаго такую бумагу берутъ съ рукоприкладствомъ, какъ-бы кондракъ, а коли неустойка—сейчасъ мастероваго человѣка въ карантинъ и на его счетъ держатъ. Теперича при чумѣ мастеровой человѣкъ въ большой почетъ войдетъ и хозяина можетъ совсѣмъ не уважать, а онъ ему потрафлять долженъ.

— Хорошо, кабы твоими устами да медъ пить!—восклицаетъ кто-то и тутъ-же допытывается:—Ну, а какъ-же тогда, когда изъ этого дворника чуму выгонятъ?

— Тогда и почетъ долой. «Иди, молъ, на всѣ четыре стороны»,—поясняетъ ундеръ.—Но допрежъ того всю его одежу сожгутъ, а ему новую выдадутъ, потому ужъ такое положеніе.

— Вотъ уха-то чудесная! Придешь ощипанный, а уйдешь франтомъ. И всѣмъ такъ?

— Гдѣ всѣмъ! Только пока въ первинку-то играютъ, а тамъ какъ почнетъ она садить, да приглядятся, такъ и просто налѣво кругомъ—маршъ! Господа только что новенькое, то и любятъ, а тамъ сейчасъ забывчивость... Да вѣдь немногіе и выживаютъ отъ нея.

— Сильно жретъ?

— Боже упаси! И какъ умретъ человѣкъ, то весь черный и какъ-бы обгрызанный.

— Напасть!—заканчиваетъ синій кафтанъ.—Да, теперь начнутъ пороть горячку. У насъ даве на извозчичьемъ дворѣ управляющій пришелъ, изъ военныхъ онъ, такъ одного въ зубы, другого по сусаламъ, третьяго въ нюхало, а самъ кричитъ: «зачѣмъ навозъ не убираете?» А что такое навозъ? Въ немъ даже пользительность есть.

— Такъ ты говоришь, при чумѣ водка-то хорошо?—спрашиваетъ полушубокъ ундера.

— Первое дѣло.

— А коли первое дѣло, то ей и пользоваться! Эй, молодецъ, завинти-ко мнѣ стаканчикъ съ перечкомъ!

III. Въ Фотографіи.

Заговѣнье передъ великимъ постомъ. Въ фотографію вваливается купецъ съ женой и съ ребятишками. Онъ изрядно выпивши. Въ пріемной его встрѣчаетъ нарядно-одѣтая дама.

— Снятіе-бы легкое съ насъ сдѣлать... Насчетъ портретнаго пейзажа... Можно? обращается купецъ къ дамѣ.

— Можно-съ, отвѣчаетъ та.

— Ну, вотъ и чудесно! А у меня жена, такъ даже на парей со мной о фунтѣ шеколаду шла: «какое, говоритъ, теперь въ заговѣнье снятіе, поди всѣ и фотографщики-то набражничавшись и безъ заднихъ ногъ»... По вашей жидовской вѣрѣ вѣдь вамъ сегодня бражничанье не полагается?

— Да мы не жиды... возражаетъ дама.

— Толкуй слѣпой съ подлѣкаремъ! По облику-то нешто не видно! Да и запахъ есть... Ну да все равно, намъ съ вами не дѣтей крестить. Такъ какъ-же насчетъ портретныхъ картинокъ-то?... Вы ужъ не отуряйте для масляницы цѣнами-то. Положимъ, что у васъ этой самой масляницы нѣтъ, а у насъ она существуетъ.

— У насъ цѣны разныя. Вамъ кабинетные портреты или карточки? Бюстомъ или во весь ростъ?

— Надо ужъ во весь ростъ лупить и чтобъ головы были побольше. Ноги можно и покороче, а головной портретъ, чтобъ основательно... потому снимаемся для чумы и чтобъ вѣчная память...

— То-есть какъ это для чумы?—любопытствовала дама.

— А такъ, что съ завтрашняго дня у насъ, по закону, хотя и грибной интересъ настаетъ, а по нашей слабости и малоду-

шію къ чревообъяденію—рыбный, такъ долго-ли на ветлянскаго судака наткнуться. Ну, и шабашъ! Пиши, что молъ, съ душевнымъ прискорбіемъ души и тѣла увѣдомляемъ о кончинѣ... Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Осетровыя-то башки вѣдь тоже изъ Ветлянки, а съ чѣмъ, окромя ихъ щи-то хлебать? Такъ вотъ и задумали, чтобъ послѣ смерти хоть какой-нибудь обликъ остался. Поняла, мадамъ?

— Поняла. Вы боитесь заразиться въ посту при рыбномъ кушаньи чумой, такъ чтобы послѣ васъ память...

— Она самая. Ну, давай торговаться. Что намъ бобы-то разводить! Отселева мы еще къ Малафѣеву въ балаганъ думаемъ поспѣть. Такъ какже насчетъ цѣны?

— Вотъ за эти кабинетные портреты мы беремъ три рубля за дюжину, а за карточки—два.

— И съ ножнымъ инструментомъ будутъ сняты?

— Можно и съ ногами, во весь ростъ, а то такъ сидя.

— Нѣтъ, ужъ намъ, чтобы на дыбахъ. Три рубли и два рубли... Чудесно! Ну, это со взрослыхъ, а съ младенцевъ?

— И съ младенцевъ то-же самое.

— Ну, ужъ это шалишь! За нихъ и въ балаганахъ то половину берутъ. Что нижній чинъ, что младенецъ—вездѣ половинная уступка.

— Съ дѣтей мы еще дороже беремъ, потому-что они не сидятъ смирно и ихъ приходится нѣсколько разъ переснимать.

— А у васъ вѣникъ есть? Дайте мнѣ только вѣникъ. Пригрожу прутомъ, такъ смирнѣе насъ сидѣть будутъ.

— Да и краски-то на ихъ портреты меньше потребуется,— вставляетъ слово жена купца.

— Молчи, чего суешься! Какая тутъ краска!—перебиваетъ ее купецъ.—Здѣсь духовой кислотой портреты снимаютъ, а не краской. Спусти, мадамъ!

— Нѣтъ, у насъ не торгуются.

— Врешь, врешь! Нонѣ и въ аптекѣ торгуются. Что за музыка! Ребята при взрослыхъ подчасъ даже даромъ... Вонъ насъ сейчасъ въ конно-лошадиномъ вагонѣ везли... Тамъ ни копѣйки... Ну, а здѣсь ужъ я отъ щедротъ своихъ половину жертвую. Ходитъ, что-ли?

— Нельзя.

— Нельзя!—передразнилъ купецъ.—Заладила сорока Якова,

да и зоветъ имъ всякаго. Человѣкъ къ тебѣ, можетъ-статься, передъ смертнымъ часомъ своимъ пришелъ, а ты ему бокъ нажигать хочешь. Побойся Бога-то! Вѣдь и у васъ онъ есть, даромъ что вы жиды! Передъ чумой и грабить. Сама-то ты застрахована, что-ли? И тебя скрючитъ. Али на свой чесночный запахъ надѣешься?

Дама начинаетъ сердиться.

— Что это вы заладили: чума, да чума. Чума уже окончилась. И наконецъ я васъ попрошу быть поучтивѣе,—говоритъ она.

— На колѣни мнѣ за свои-то деньги передъ тобой вставать не прикажешь-ли? Охъ, ужъ и народъ тоже! Да насъ въ лавкѣ иной разъ покупатель какъ огрѣетъ словесами!... Ничего, смолчишь. А я тебѣ и кислаго слова не сказалъ. Изъ-за барыша-то, мадамъ, люди на заушеніе идутъ.

— Фридрихъ! Поди сюда!—кричитъ дама, обращаясь въ другую комнату, и говоритъ что-то по-нѣмецки.

— Вотъ такъ-то лучше. Авось, кто-нибудь поумнѣе придетъ,—бормочетъ купецъ.—Съ нимъ я и поговорю... А то съ бабой какой разговоръ!

Въ пріемную комнату выходитъ пожилой бакенбардистъ.

— Вы здѣсь, господинъ купецъ, зачѣмъ грубости женщинѣ дѣлаете?—строго говоритъ онъ.

— Грубости! А ты ужъ и повѣрилъ. Никакихъ мы грубоствъ не дѣлаемъ, а что торгуемся и мошну свою бережемъ, такъ это вѣрно. Давай въ два слова рѣшимъ. Выпить у васъ здѣсь можно? А то съ блиновъ этихъ самыхъ икота какая-то, ну, и томитъ...

— Въ фотографіяхъ не бываетъ буфета.

— И въ баняхъ не бываетъ, однако мы посылаемъ-же... Нельзя-ли за пивкомъ послать? Я-бы и тебя поподчивалъ. То-ли дѣло за выпивкой сговариваться...

— Я изъ своего заведенія кабака не дѣлаю... Говорите, что вамъ нужно!..

— Не щетинься, не щетинься! Съ сердцевъ у вашего брата печенка лопается! А ты лучше честь-честью... Вотъ въ чемъ дѣло. За свое патретное удовольствіе я три рубля такъ и быть, дамъ, а за женину картинку два рубля, съ ребятищекъ по полтора и чтобъ по дюжинѣ снять.

— У насъ такса. Хотите снимайтесь, хотите нѣтъ.

— Смѣшная такса и больше ничего. У перчаточниковъ вонъ тоже такса, однако, за женскія перчатки берутъ дешевле супротивъ мужскихъ, а за дѣтскія еще меньше. Скинь хоть двадцать-то процентовъ.

— Не могу.

— Ну, десять.

— Я васъ попрошу оставить меня въ покоѣ и уйдти изъ фотографіи!

— Ну, хоть пивкомъ поподчуй, въ видѣ скидки, что-ли? Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ!

— Идите вонъ отсюда!—топаетъ ногой вышедшій изъ терпѣнія фотографъ.

— Тише ты! Чего буянишь! Я вѣдь и самъ сдачи дамъ,—огрызается купецъ, и взявъ за плечи жену и дѣтей, проталкиваетъ ихъ вонъ изъ фотографіи.

V. Бакара.

Въ Нѣмецкомъ клубѣ драматическо танцовальный вечеръ Въ залѣ идетъ спектакль и тамъ публики достаточно, но главная притягательная сила для нея — картежныя комнаты. Въ нихъ положительно толкотня. Ищутъ мѣста, чтобы сѣсть въ стуколку, въ бакара. Нѣкоторые пришли «посмотрѣть, что за новомодная игра такая выискалась». Накурено такъ, что даже дышать больно, но дамы терпятъ и на головную боль не жалуются, хотя то-и-дѣло чихаютъ и кашляютъ отъ дыма.

Въ картежной комнатѣ встрѣчаются два бородача: одинъ рыжій, другой черный съ просѣдью.

— Иванъ Панфилычъ! Какими судьбами въ эти самыя палестины?—восклицаетъ рыжій.

— А вотъ все слышу про новую игру. Бакара да бакара. Дай, думаю, посмотрю, что за бакара такая,—отвѣчаетъ черный.—Давно-ли здѣсь эта самая каторжная модель завелась?

— А вотъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Астраханской губерніи чума обозначилась. Въ Ветлянкѣ чума, а у насъ бакара.

— Тамъ, говорятъ, теперь потише стало на-счетъ чумы-то.

— И здѣсь потише, потому-что ужъ карманы-то очень этой самой бакарой повычистили. Ассенизаторовъ этихъ самыхъ страсть что проявилось здѣсь, ну и дѣйствуютъ они на-счетъ карманной дезинфекціи. Вонъ черноусый-то съ лысиной въ углу сидитъ—это самый главный ассенизаторъ по здѣшнему мѣсту и есть. Къ нему въ лапы попасть, такъ ужъ заранѣе своему карману отходную пой, такую дезинфекцію напуститъ, что страсть! Недавно еще одному актеру купоросное очищеніе воздуха сдѣлалъ при полной карманной выгрузкѣ. Вотъ ты гласный городской думы: порекомендуй его насчетъ очистки-то.

— Это по Буровской высасывательной системѣ дѣйствуетъ, что-ли?—пошутилъ рыжій.

— Много чище. У него система—своя рука граблюха. Вонъ какой брилліантъ-то на указательный перстъ вздѣлъ. Все отъ трудовъ праведныхъ. Имъ и ковыряетъ игрокамъ полушубки.

— Премудрость! Ну, а какъ-же здѣсь теперь насчетъ мушки?

— Муху выкуривать начали. Чудакъ человѣкъ! Коли ждутъ заразы, такъ такъ и слѣдоваетъ. Вѣдь муха, она эту самую заразу съ одного на другаго переноситъ, ну а здѣсь гигіену держутъ. Понялъ?

— Еще-бы не понять, не махонькій. Чтожъ, бакара-то веселѣе мухи, что-ли?

— Еще-бы. Съ бакары этой самой такъ одурманитъ человѣка, что онъ совсѣмъ какъ шальной сдѣлается. Тутъ одинъ чиновникъ вообразилъ даже такъ, что онъ умеръ. Пришелъ послѣ выгрузки въ буфетъ, высвисталъ за упокой своего кармана десятокъ кадетскихъ собачекъ сентифарису бѣлаго, легъ на полъ, да и говоритъ: «хороните меня».

— Ну, и что-жъ, похоронили?

— Два клубные мортуса вывели его на улицу, а настоящее погребеніе, кажется, въ участкѣ происходило.

— Шутникъ тоже! Какая-же разница между мушкой и бакарой?—допытывался рыжій.

— А та и разница, что бакарой скорѣй карманъ чистятъ. Въ мушку все-таки ты весь вечеръ за столомъ проклажаешься, ну насчетъ бакары какъ сѣлъ — такъ какъ куръ во щи и влетѣлъ. Не успѣешь носа утереть—сейчасъ ужъ и готово: пожалуйте на пѣшеходную прогулку. Въ бумажникѣ смеркается,

въ кошелькѣ заря занимается. Все-таки страданіевъ меньше, а нынче ты самъ знаешь, даже и покровительственное общество животныхъ только о томъ и хлопочетъ, чтобъ скота сразу бить и безъ мученіевъ. Вонъ даже маску какую-то придумали. На все, братецъ ты мой, современность, такъ и тутъ.

— А мудрости въ этой самой бакарѣ нѣтъ?

— Никакой. Даже можешь зажмуря глаза играть. Только деньги на карту ставь. Въ концѣ-концовъ тотъ-же антресоль выдетъ. Теперича я такъ полагаю, что и здѣсь скоро заведутъ эти самыя скотскія маски. Да и чудесно: покрайности не будешь видѣть, кто тебя бьетъ и кому твоя требуха достается.

Рыжій купецъ почесалъ затылокъ.

— Напугалъ ты меня, Иванъ Панфилычъ, а то я было и самъ хотѣлъ этой бакары попробовать,—сказалъ онъ.

— Коли къ юханцевскому согласію себя причислить хочешь—попробуй, мѣшать не стану, — отвѣчалъ черный бородачъ.—Только мой совѣтъ—лучше около буфета танцы танцовать. Позвольте васъ анжировать на померанцевую польку трамбланъ?

— Мерси съ почтеніемъ. Я завсегда очищенный трепакъ потребляю.

— Что-жъ, я съ вашей диссертаціей согласенъ. Давайте очищенный трепакъ ковырнемъ.

Рыжій бородачъ взялъ подъ-руку черназо и повелъ его въ буфетъ.

Въ буфетѣ стояли двѣ дамы и разговаривали. У одной лицо было совсѣмъ вытянуто и походило на лошадиное, у другой отъ улыбки щеки раздувались.

— Какъ грецкая губка въ бакару продулась, — говорила дама съ лошадинымъ лицомъ. — Ищу ростовщика, чтобъ часишки заложить. Въ полчаса пучеглазый армянинъ всю меня обчистилъ. Не видали-ли вы тутъ жида краснорожаго въ очкахъ и пенсне? Говорятъ, что угодно въ залогъ принимаетъ. Надо попробовать отыграться, а то боюсь и мужу сказать.

— Не умѣете вы, душенька, играть, оттого—отвѣчала дама съ раздутыми щеками. — Нешто можно нынче по клубамъ въ одиночку дѣйствовать? Завсегда будутъ чистить.

— Да вѣдь и васъ чистили?

— Прежде чистили, а теперь мы въ компаніи играемъ.

Мужъ въ бакара, а я съ ребятами въ мушку. Мы тутъ всей семьей: я и сына гимназиста привела и дочку Машеньку. Конечно, сынку въ мундирѣ ходить было нельзя, такъ мы ему статское платье сшили. Расходъ лишній, но вѣдь онъ когда-нибудь и окупится, а расчетъ большой. Сажусь я съ дѣтьми за одинъ столъ, а имъ ужъ такое приказаніе, чтобъ они меня за мать не признавали, а называли просто Марья Андреевна. Играемъ. Видитъ сынъ, что я покупаю, къ примѣру, и за ухомъ у себя въ это время чешу, онъ ужъ такъ дома отцемъ нахлыстанъ, что не будетъ супротивъ родной матери играть, хотя-бы у него и сносная карта пришла. Дочка тоже по соображенію дѣйствуетъ. Вы вотъ придете сюда, сѣли за столъ, да думаете, что тяпъ-ляпъ да и клѣтка, а у насъ дома передъ клубомъ цѣлая картежная репетиція бываетъ и каждый членъ семейства свою роль выучитъ.

— Да вѣдь это не честно...

— А здѣсь нешто честно играютъ?

— Но какъ-же вы вашу Маничку сюда проводите? Вѣдь она еще ребенокъ, а сюда въ клубъ дѣтей не пускаютъ?—задавала вопросы дама съ лошадинымъ лицомъ.

— Очень просто, мы ей платье со шлейфомъ сшили. Былъ и споръ тутъ съ старшинами, но мы увѣрили, что ей восемнадцать лѣтъ, а по росту, молъ, она карлица, потому-что ее въ дѣтствѣ нянька мѣдью окормила. Вотъ и все.

У буфета все еще стояли черный и рыжій бородачи.

— Коньяковый вальсъ мы станцовали, теперь позвольте васъ на мадерную кадриль пригласить,—говорилъ рыжій.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ васъ на мараскинное лянсье анжировать, кланялся черный.

— Мараскинное лянсье успѣемъ и назагладку отполосовать, а ужъ когда такъ, дернемте пивную мазурку съ вашей стороны.

— Боюсь я помѣси въ танцахъ, голова всегда кружится. Знаете что? Спляшемте по рюмкѣ полыннаго казачка, а тамъ можно будетъ и на шампанскій балетъ перейдти. Вѣдь отъ бакары удержались, значитъ, деньги у насъ въ карманѣ почитай что бѣшеныя. Ходитъ что-ли?

— Вали!

VI. Санитарный осмотръ.

По грязному двору своего дома, заселеннаго разнымъ мелкимъ рабочимъ людомъ, ходилъ домовладѣлецъ. Самъ онъ проживалъ въ другомъ домѣ, но сюда пріѣхалъ для «санитарнаго осмотра», какъ онъ выражался. Онъ былъ изрядно выпивши и то и дѣло заплетался въ полахъ своей ильковой шубы. На видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ, лице сіяло избыткомъ здоровья и было до того жирно, что на немъ еле росла рѣденькая рыжеватая бородка. Сзади его шествовали безъ шапокъ дворники. Одинъ изъ нихъ несъ въ рукахъ бутылку коньяку и рюмку. Домовладѣлецъ былъ не одинъ. Ему сопутствовалъ красноносый, гладкобритый старичонко, въ рваной енотовой шубенкѣ, котораго онъ называлъ то «дровокатомъ», то «докторомъ». Въ сущности это былъ прихлебатель изъ отставныхъ чиновниковъ, которыхъ обыкновенно держатъ около себя богатые купцы ради шутовства и компаніи.

— Прежде всего помойный интересъ! — возглашалъ не совсѣмъ твердымъ языкомъ домовладѣлецъ, обращаясь къ дворнику. — Кажи, въ какомъ порядкѣ у васъ помойный интересъ!

— Пажалуйте-съ, помойная яма вотъ тутъ за угломъ...

— А міазма эта самая въ какомъ составѣ? Прыгаетъ? И какъ насчетъ купоросу?

— Все это одни докторскія выдумки, Терентій Савельичъ, — отвѣчалъ дворникъ. — Помойная яма ямой и есть, какъ ей слѣдоваетъ. Не можетъ же она духами пахнуть.

— Но зловоніе должно-быть въ порядкѣ и сколько его по закону полагается! Давай сюда намъ по рюмкѣ дезинфекціи! Безъ дезинфекціи боюсь и осматривать. Дровокатъ! Хочешь ассенизацію души повторить?

— Само-собой давай. Коли ты зараженія боишься, а я и подавно. У тебя тутъ такой домъ, что въ каждомъ углу тифъ на оспѣ ѣдетъ да чумой погоняетъ, — отвѣчалъ старичонко.

— Коли такъ, соси за здоровье Чудновскаго!

Дворникъ поднесъ по рюмкѣ коньяку и хозяину и прихлебателю. Подошли къ помойной ямѣ.

— Санитарная часть не по закону! Зачѣмъ кошекъ много? Докторъ! По скольку кошекъ на каждую яму гигiена допущаетъ?—ломался домовладѣлецъ.—И какъ медицинскiй персоналъ насчетъ дворовой собаки?...

— Кошекъ по три штуки, а собака одна — упоминается въ положенiи.

— А какое разграниченiе насчетъ цвѣтовъ шерсти?

— Бѣлыя и кошки и собаки лучше, такъ-какъ къ нимъ, ежели зараза пристанетъ, то ее сейчасъ видно.

— Въ такомъ разѣ передушить всѣхъ черныхъ кошекъ и оставить по парѣ бѣлыхъ!

— Не возможно этому быть-съ, Терентiй Сявельичъ,—возразилъ дворникъ.—Вотъ этотъ самый черный котъ повивальной бабки одной, а она за его погибель и такъ сулится меня кипяткомъ ошпарить. У насъ тутъ въ девятомъ номерѣ купецъ съ голубиной охотой живетъ и за съѣденiе голубя этому самому коту усы остригъ, такъ и то изъ-за него промежъ купца и повитухи драка была. Даже инструментами сражались: она кочергой, а онъ сапожной колодкой.

— А какихъ лѣтъ повитуха? И нельзя-ли тамъ ассенизацiю произвести?—спросилъ домовладѣлецъ.

— Лѣтъ пятидесяти съ хвостомъ будетъ.

— Значитъ, староплендiя. Ну, по-боку ее! А молодыхъ сюжетовъ для дезинфекцiи не имѣется?

— Въ одиннадцатомъ номерѣ нѣмка одна на подобiе какъ бы въ гувернанткахъ состоитъ и изъ себя кругла и аппетитна. Прежде къ ней анжинеръ ѣздилъ, а теперь ее жидъ содержитъ, но окромя того у нея аптекарь въ потаенномъ видѣ съ боку.

— Коли такъ, веди къ нѣмкѣ и скажи, что хозяинъ санитарный осмотръ квартиры хочетъ сдѣлать.

— Но должны-же мы прежде всего опредѣлить, какая такая мiазма у тебя на помойной ямѣ, — перебилъ его прихлебатель.—Только прежде всего нужно дезинфекцiю повторить.

— Ходитъ! Умныя рѣчи прiятно и слушать! Гаврила! Давай сюда санитарной жидкости!

Снова выпили.

— Ну, чѣмъ пахнетъ? Какой мiазмой? — спросилъ домохозяинъ.—Порѣшимъ вкупѣ.

— Чумнаго запаха нѣтъ. Его я въ Одессѣ слышалъ и посейчасъ помню. Оспой тоже не припахиваетъ. Той я и самъ болѣлъ и отдаетъ она какъ-бы мятой, ну, а насчетъ тифа зловоніе есть.

— Чѣмъ-же тифъ-то пахнетъ?

— А онъ какъ-бы сушеной трескѣ подобенъ, ежели къ примѣру, къ нему тулупный запахъ подпустить. Опять-же, ромашкой по ноздрѣ свербитъ.

— Врешь! А я что-то не слышу! Гаврила, поддай-ко мнѣ дезинфекціи для воодушевленія!

Выпили по третьей.

— Ну, что?

— Теперь слышу,—пробормоталъ домохозяинъ.—Завтра-же засыпать купоросомъ! А за симъ веди подвальную міазму нюхать.

— Пожалуйте-съ. Подвальная часть у насъ въ безпорядкѣ. Совсѣмъ полы отъ сырости прогнили.

Дворникъ повелъ на лѣстницу. Домохозяинъ совсѣмъ уже шатался.

— Стой, я тебя попридержу!—сказалъ прихлебатель.—А то у тебя въ ногахъ судорожное ослабленіе.

— Попридержи, братецъ. Это оттого, что у меня міазма въ носу засѣла.

Подошли къ подвалу. Нужно было спускаться внизъ. Оттуда вѣяло, какъ изъ могилы. Хозяинъ остановился.

— А младенцы женскаго пола до двадцати-лѣтняго возраста тамъ есть?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Только одни сапожники живутъ,—далъ отвѣтъ дворникъ.

— Неужто и обшивалокъ нѣтъ, чтобъ насчетъ этой самой дезинфекціи и при пѣсняхъ съ ними? Можно имъ и ассенизацію насчетъ клюквенной постилы и кедровыхъ орѣховъ устроить.

— Обшивалокъ нѣтъ-съ. Папиросницы вонъ въ томъ подвалѣ у насъ живутъ, только теперь онѣ на фабрику ушедши. Очень антиресныя есть.

— Зачѣмъ выпустилъ! Завтра-же карантинъ поставить! «Хозяинъ, молъ, пріѣдетъ карболовой кислотой съ вами прыскаться». Понялъ?

— Еще-бы не понять! Будьте покойны. Дѣвушки походныя и сами будутъ рады. Виды видали.

— То-то. Веди теперь на санитарный осмотръ къ нѣмкѣ. Какой она дезинфекціи при нынѣшней заразѣ придерживается?

— Горничная сказывала, что больше насчетъ портеру.

— Чудесно! Докторъ! Во фрунтъ и бѣги въ елисѣевскую аптеку за портерными препаратами. Принимай рецептъ!

Домохозяинъ вынулъ пятирублевку и подалъ ее прихлебателю. Прихлебатель побѣжалъ съ «рецептомъ», а дворникъ подперъ плечомъ домохозяина и повелъ вверхъ по лѣстницѣ. Передъ квартирой, на дверной дощечкѣ которой было написано: «Амалія Шнауце» они остановились.

— Въ какихъ смыслахъ докладъ дѣлать прикажете?—спросилъ дворникъ.

— Въ санитарныхъ смыслахъ. Хозяинъ, молъ, желаетъ дымовыя трубы осмотрѣть и понюхать—чумой отъ нихъ не пахнетъ-ли,—отвѣчалъ хозяинъ и крикнулъ:—А прежде всего давай сюда дезинфекцію да и самъ глотни! Безъ предохранительныхъ мѣръ нельзя.

Домохозяинъ и дворнилъ выпили. Домохозяинъ еле стоялъ на ногахъ. Дворникъ прислонилъ его въ уголъ и позвонилъ у дверей.

VII. На блинахъ.

Содержатель ломоваго извоза Алексѣй Ивановъ Мудреновъ, встрѣтясь на масляной съ тестемъ своимъ, шорникомъ Подкатовымъ, говорилъ:

— Хоша мы и имянинники тутъ будемъ, а на Алексѣя митрополита не зову. Онъ, нонѣ, батюшка нашъ, кислокапустный да толоконный будетъ, потому что—какъ разъ въ чистый понедѣльникъ придется, а вы, тятенька, милости просимъ въ четвергъ къ намъ блиновъ поклевать.

— Чумой неволить не будешь?—спросилъ тесть.

— Это вы насчетъ ветлянской икры? Боже упаси! Зачѣмъ ее намъ? Можно со снятками, съ яичнымъ припекомъ, наконецъ съ семушкой архангельской.

— То-то. Ну, ладно, приду.

Въ назначенный день тесть явился. Пришла и теща. Кромѣ ихъ были: мелочной лавочникъ, рыбникъ и кабатчикъ. Чадъ въ квартирѣ былъ страшный. Сама Мудрениха блины пекла.

— Сегодня съ работой пошабашили, но только запивать не буду,—сказалъ тесть, здороваясь съ хозяевами и съ гостями.— Ну, его масляничный загулъ! Водка нониче какая-то пронзительная стала. Выпьешь ее и безъ удержу... Вонъ прошлый разъ престолъ справляли, такъ десять денъ подъ-рядъ не могъ остановиться.

— Это дѣйствительно, коли ежели водка съ известкой попадаетъ,—отвѣчалъ кабатчикъ; — а я нонѣ Алексѣю Иванову такую отпустилъ, что твоя слеза! И насчетъ чистоты—совсѣмъ младенецъ. Эту смѣло ковыряй, на похмѣлье тянуть не будетъ.

— Врешь?

— Вотъ те Христосъ! У меня даже такой корень къ ней припущенъ, чтобъ противъ чумы; значитъ она на манеръ, какъ-бы пользительное лѣкарство.

— Ну, коли такъ—надо попробовать.

На столѣ стояла икра.

— Ветлянка!—воскликнулъ тесть-шорникъ и попятился.

— Какая Ветлянка! Это донская, съ Уральскихъ горъ, отвѣчалъ рыбникъ.—У меня Алексѣй Ивановъ-то покупалъ, такъ нешто я дамъ ему чумленую?

— Я нарочно, тятенька, его къ себѣ и пригласилъ, чтобъ онъ самъ на икрѣ примѣръ показалъ, пояснилъ Мудреновъ.— Ну-ко, Пантелей Григорьичъ хвати ложку. Коли чумная, такъ вору первый кнутъ.

— Это вы дѣйствительно, согласился рыбникъ, проглатывая ложку икры.—У меня вчера даже одинъ полковникъ эту самую икру такъ покупалъ. Заставилъ меня съѣсть три ложки, потомъ взялъ съ собой два фунта, а сегодня пришелъ посмотрѣть живъ-ли я и здоровъ-ли. Пульсъ на рукѣ у меня щупалъ, языкъ смотрѣлъ. «Ну, коли такъ, то я ее теперь буду ѣсть безъ боязни». Да и многіе покупатели такимъ манеромъ... Учтите: что убытку-то! Вѣдь въ день-то икры въ ничью полтора фунта съѣшь, а она себѣ рубль-цѣлковый. Да это-бы еще ничего, а то иной разъ зря ѣшь. Заставитъ тебя покупатель лож-

ки двѣ стравить, а потомъ и несообразную цѣну давать начнетъ да и уйдетъ, не купивши. Вотъ ужъ тутъ обидно. Думаешь: Господи! Зачѣмъ-же это я свои капиталы-то съѣдалъ!

Гости начали передъ блинами пить пользительную водку и закусывать здоровой икрой съ Уральскихъ горъ.

— Капутъ ей скоро чумѣ-то этой самой, сказалъ мелочной лавочникъ. — Довольно ужъ похозяйствовала; надо и честь знать.

— А что? Ты думаешь, она ученыхъ докторовъ испугается, что туда поѣхали?—спросили въ одинъ голосъ гости.

— Нѣтъ, ученыхъ докторовъ она не испугается, а вы прочтите-ка, что въ газетахъ-то пишутъ! Арабъ-Табію сюда съ Дуная везутъ, ну, а супротивъ этой бабы-знахарки чумѣ ни въ жизнь не выстоять, потому она эту самую чуму, какъ свои пять пальцевъ знаетъ и сама изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ чума заражается. Одно вотъ только препона, что Арабъ-Табіей-то по дорогѣ, какъ она сюда ѣхала, румыны овладѣли и не отдаютъ. Ну, да у румынъ ее отымутъ. Это народъ жидкій. Полкъ казаковъ съ нагайками послать и Арабъ-Табія наша. Ужъ и теперь ноты пишутъ.

— А зачѣмъ-же имъ Арабъ-Табія? Вѣдь у нихъ чумы пока еще нѣтъ?—спросилъ шорникъ.

— А тифъ и оспу искоренить задумали. Вѣдь она всѣ лихія болѣзни жретъ. Конечно, тутъ аглицкая интрига больше, но все-таки...

— Старуха ужъ эта Арабъ-Табія-то?

— Древняя предревняя. Ей теперь лѣтъ полтораста съ походцемъ будетъ. Она еще при первомъ Наполеонѣ существовала и за холеру отъ него медаль имѣетъ. Шесть мужей пережила.

— Черная?

— Какъ уголь. Ужъ коли Арабъ называется, то бѣлая быть не можетъ. И вдѣто у нея, говорятъ, въ носу кольцо чугунное, а отъ кольца цѣпи. На цѣпяхъ ее къ намъ и вели, да вотъ румыны, чтобъ имъ пусто было, и завладѣли. А она, одлая, разумѣется, и рада, потому съ тифомъ да оспой ей легче возиться нежели чѣмъ съ чумой. Чумная-то работа потруднѣе будетъ.

— Что-жъ она, заговоромъ дѣйствуетъ?

— И заговариваетъ арабскими словами и колдовствомъ... Отъ летучей рыбы на можжевеловомъ огнѣ перья жжетъ.

— Пожалуйте, господа, пожалуйте блинковъ откушать!— возгласила вбѣжавшая въ комнату хозяйка съ цѣлымъ блиннымъ ворохомъ на блюдѣ. — А вамъ, тятенька, какъ самый лучшій почетъ моему родителю — первый блинъ, — обратилась она къ отцу.

Мать тотчасъ-же обидѣлась.

— Спасибо, дочка, коли отца больше единоутробной матери почитаешь!—заговорила она.

— Маменька,—тятенька для меня всегда главнѣе былъ.

— По капиталу, можетъ-быть, а по рожденью я первая. Я тебя родила то, а не онъ. Коли нѣтъ моего настоящаго почета, то я и за столъ не сяду.

— Акулина! Не вводи меня во грѣхъ! — крикнулъ женѣ шорникъ. — На-счетъ водки я разрѣшилъ и ужъ въ градусы вхожу, значитъ могу и за косу тебя къ столу притащить.

— Кольца еще мнѣ въ носъ не вдѣнешь-ли? Только вѣдь я не Арабъ-Табія, чтобъ въ цѣпяхъ...

— Не дразни меня! А то не только-что въ Арабъ-Табію, въ чуму ветлянскую превращу!

— А коли въ чуму превратишь, то какъ-же со мной-то жить будешь?...

— Акулина, третье предостереженіе тебѣ даю и послѣ онаго волосяная карусель будетъ! — снова возвысилъ голосъ шорникъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Тятенька, позвольте этотъ самый первый блинъ между вами и маменькой пополамъ раздѣлить, — упрашивала дочь.

— Да, но только такъ, чтобъ мнѣ большая половина, — не унималась шорница.

— Ты еще не слушаешься! Ладно же! Зятюшка, чѣмъ ты жену свою учишь? Давай сюда этотъ самый инструментъ!

— Въ будни сапогомъ, а въ масляные дни—скалкой. Сейчасъ доставлю...

— Молчу, молчу, Трифонъ Калинычъ, — присмирѣла шорница и сѣла за столъ.

— То-то... Не на часъ безъ капризной музыки,—пробормоталъ шорникъ, принимаясь за первый блинъ.

VIII. Кухаркинъ кумъ.

Къ купеческой кухаркѣ пришелъ кумъ—отставной солдатъ. Происшествіе въ сущности очень обыкновенное, но объ этомъ узнала вся черная лѣстница четырехъ-этажнаго каменнаго дома. Разгласилъ объ этомъ дворникъ, пришедшій въ кухню, чтобы вынести накопившійся мусоръ.

— А у купцовъ къ кухаркѣ кумъ пришелъ и про китайскую чуму разсказываетъ,—говорилъ онъ, сходя внизъ по лѣстницѣ и встрѣчая горничныхъ и лакеевъ.

— Что ты! Пойдти послушать!—восклицала прислуга и бѣжала въ кухню «къ купцамъ».

Кухня мало-по-малу начала наполняться публикой. Первой вошла сосѣдская прачка.

— Нѣтъ-ли у васъ, Аксиньюшка, щипцовъ для плойки? Завтра будемъ мелкое бѣлье гладить, такъ понадобятся,—сказала она и покосилась на сидѣвшаго за столомъ кума въ отставномъ военномъ сюртукѣ и съ нашивкой на рукавѣ. — Вы, говорятъ, изъ чумы пріѣхали? — спросила она его послѣ нѣкотораго молчанія и переминаясь съ ноги на ногу.

— Нѣтъ, мы изъ банка, такъ-какъ тамъ въ сторожахъ служимъ, а только чуму эту я знаю чудесно, потому въ крымскую кампанію на Капказѣ ее сами ловили. Вниманія не стоитъ!—отвѣчалъ кумъ.

— Черная она?

— На подобіе арапа, но зубья бѣлые и какъ-бы клыкомъ... На головѣ мѣхъ. Тогда отъ начальства было намъ приказано, чтобъ въ двадцать четыре часа уничтожить.

— И уничтожили?

— Коли начальство велѣло, такъ ужъ конечно уничтожили. Мы ее оцѣпили и въ горы загнали. Тамъ она и подохла безъ пищи. Штабъ-капитанъ Брюховъ тогда нами командовалъ.

— Страшная, поди?

— Нѣтъ, вѣдь ежели ее перстами не касаться, она ничего и только одинъ запахъ испускаетъ. Пороху боится, ну и чесноку тоже. Бывало лежитъ это она подъ кустомъ, тронешь ее

штыкомъ, а штыкъ въ огонь потомъ. Смерть штыка не любитъ! Сейчасъ побѣжитъ.

— Пищитъ?—допытывалась прачка.

— Пищанія настоящаго нѣтъ, а какъ-бы стонъ, а иногда и зарычитъ. Мы въ тѣ поры рубахи на себѣ смолили. Этого она тоже не любитъ. Главное, ее не очень раздражать надо, а слегка. А то войдетъ въ ярость, накинется и тогда почернѣешь, какъ уголь. Вѣдь она теща отъ семи лихорадокъ.

Въ кухнѣ стоялъ уже у самыхъ дверей лакей и прислушивался къ разговору.

— Пустое!—ввязался онъ въ разговоръ и махнулъ рукой.— Я эту самую чуму даже съ булкой ѣлъ—и ничего. Только затошнило немного. А потомъ нашъ баринъ далъ мнѣ съѣсть кусокъ купоросу и прошло.

— Это вы можетъ-быть насчетъ чумленой икры?—спросилъ его кумъ.

— Нѣтъ, насчетъ самой чумы. Я ее въ Персіи на базарѣ мороженую купилъ, отрѣзалъ ломоть да и съѣлъ, — отвѣчалъ лакей.

— Ахъ, страсти какія!—всплеснула руками вошедшая при послѣднихъ словахъ лакея молоденькая горничная. — Это вы зачѣмъ-же такую храбрость выказывали?

— А отъ любви. Я въ одну персидскую индѣйку ужасти какъ влюбленъ былъ, а она за мурзу замужъ вышла. Ну, я на зло передъ ея окнами... Спервоначала показалъ ей свою разсѣянность чувствъ и на гитарѣ романсъ сыгралъ, а потомъ отрѣзалъ ломоть чумы и съѣлъ. Она сейчасъ въ обморокъ, а мурза бѣжитъ къ ней съ нагайкой. Вотъ что ваша сестра съ нашимъ братомъ на отчаянность подѣлать можетъ! — закончилъ онъ.

Прачка и кухарка качали головами и говорили:

— Поди-жъ ты, какой шальной!

Горничная улыбнулась и спросила:

— Ну, а что-же съ этой индѣйкой сдѣлалось?

— Индѣйку, разумѣется, мурза отстегалъ, а потомъ когда баринъ меня отъ смерти выпользовалъ и она узнала, что я въ неприкосновенной живности, сейчасъ-же за мой геройскій духъ ко мнѣ бѣгать начала.

— Да вѣдь у этихъ у самыхъ индѣекъ, говорятъ, серьга въ носу?..—допытывалась горничная.

— Ну, такъ чтожъ изъ этого? Какъ она ко мнѣ, бывало, придетъ, сейчасъ я серьгу у нея изъ ноздри выну, въ ухо вдѣну—и не мѣшаетъ. Вотъ и все!

— Когда такъ, не смѣйте ко мнѣ подходить!—толкнула его горничная.—Подальше руки!

— Вы, въ Персіи были? — протянулъ кухаркинъ кумъ и крякнулъ.—Вы зачѣмъ туда ѣздили?

— Мы не ѣздили, а отъ долговъ съ бариномъ бѣжали, — далъ отвѣтъ лакей. — И хорошій баринъ былъ, но ужъ такой мотыга, что неприведи Богъ! Кажиный день вексель... Стали приставать, а намъ ужъ не въ терпежъ. Баринъ мнѣ и говоритъ: «Я, говоритъ, Никандра, въ Персію бѣжать хочу», — «А какъ-же, говорю, сударь, вѣдь вы и мнѣ сто рублевъ должны?»—«А побѣжимъ, говоритъ, вмѣстѣ». Подумалъ я въ тѣ поры, подумалъ, деньги сто рублевъ большія, написалъ маменькѣ пронзительное письмо въ прощаніе и убѣгъ.

— Черезъ Капказъ ѣхали?—задалъ вопросъ кухаркинъ кумъ.

— И черезъ Капказъ и мимо Соловецкой обители, а спервоначала сѣли въ Кронштадтѣ, на пароходъ и черезъ Вихляндію.

Въ кухню ввалился кучеръ.

— Аксиньѣ Васильевнѣ почтеніе! — отнесся онъ къ кухаркѣ.—Тутъ, говорятъ, у васъ кумъ чуму показываетъ. Добраго здоровья, кавалеръ! Покажи-ка, покажи-ка, какая она. Слышать слышали, а не видали.

— Ай! Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! — взвизгнули прачка и горничная и прижались въ уголъ.

— Что ихъ слушать! Ничего, показывай. Вѣдь бабы глупы и всякой дряни боятся. Въ банкѣ она эта самая чума-то или въ тряпкѣ?

— Да что ты, землякъ, бѣлены объѣлся, что-ли? У меня никакой чумы и не бывало, — оправдывался кухаркинъ кумъ.

— Ну, вотъ! Толкуй тутъ. Сейчасъ мнѣ младшій дворникъ сказывалъ: «иди, говоритъ, къ купцамъ въ кухню, тамъ ундеръ чуму принесъ и показываетъ». Ну, покажи мнѣ одному. Что на бабъ смотрѣть! Онѣ какъ пуганныя вороны куста боятся,

а я безстрашный. Я звѣрскихъ коней объѣзжалъ. Ну, давай я самъ ее выну.

Кухарка и горничная завизжали благимъ матомъ и бросились вонъ изъ кухни, но столкнулись съ старшимъ дворникомъ. Тотъ стоялъ на порогѣ и говорилъ:

— Здѣсь, говорятъ, ундеръ чуму показываетъ, но мы этого не можемъ допущать, потому зараза, и отъ полиціи запрещеніе. У тебя, кавалеръ, чума, что-ли? Какъ ты смѣешь по чужимъ квартирамъ?..—наступалъ онъ на ундера.

— Да что ты! Христосъ съ тобой! — недоумѣвалъ кухаркинъ кумъ.

— Христосъ всегда со мной, потому я крещеный. Ты мнѣ зубы-то не заговаривай! Пойдемъ сейчасъ въ участокъ, тамъ тебѣ покажутъ! Ну, трогайся! А нѣтъ, я ребятъ кликну.

— Андріанычъ! Да ей-Богу, у него чумы этой самой нѣтъ!— кричала кухарка.

— Что здѣсь за шумъ такой? — спросилъ появившійся въ кухнѣ купецъ.

— А вотъ, ваше степенство, пришелъ къ вашей кухаркѣ ундеръ и чуму принесъ, такъ мы его въ участокъ тянемъ, — отрапортовалъ старшій дворникъ.

— Что такое? Чуму? затрясся купецъ и попятился.—Такъ чего-жъ ты стоишь? Бѣги скорѣй за полиціей! Господи Боже мой! Съ нами крестная сила!

— Чума! чума!—вскрикнула, заглянувшая въ кухню купчиха.—Нянька, спасай дѣтей!

Сдѣлалась суматоха. Дѣти ревѣли. Кухарка тоже плакала. Ундеръ клялся и божился. Купецъ схватилъ въ руки ухватъ и пихалъ имъ ундера. Съ лѣстницы лѣзъ въ кухню народъ.

— А вотъ мы, господинъ купецъ, веревку съ чердака снимемъ да руки ему скрутимъ!—предложилъ кучеръ.

Кухаркинъ кумъ схватилъ картузъ и пустился бѣжать, валя съ ногъ попавшихся ему на лѣстницѣ. Его бросились догонять.

— Держи, держи его!—раздавалось на лѣстницѣ.

IX. За компанію.

Полиція составила протоколъ о привлеченіи купца Тараканникова къ суду за несоблюденіе имъ санитарныхъ правилъ въ его домѣ: люки и ямы были переполнены, снѣгъ не свозился со двора—исторія обыкновенная. Домашніе купца Тараканникова завыли.

— Засадятъ тебя, голубчика, безпремѣнно засадятъ на казенные хлѣба, какъ пить дадутъ!—причитала жена. Ужъ ежели офицершу Турухину и даже князя Олсуфова въ тюрьму на мѣсяцъ, то такую птицу, какъ ты... Охъ, не могу, не могу!

— Что «такую птицу»! — обидѣлся мужъ.—У меня, братъ, у самаго пріютскій-то мундиръ восьмаго класса и двѣ медали. Не понимаю только, чего это люди спустя лѣто красное въ лѣсъ по малину ходятъ: чуму отмѣнили, самъ Наумъ Прокофьевъ съ своими железами можетъ теперь даже польку трамблямъ танцовать, а имъ очищай дворъ и вывози мусоръ!

Вечеромъ къ купцу Тараканникову зашелъ «брехунецъ» изъ служившихъ когда-то въ управѣ благочинія.

— Заслышала ворона падаль! Прилетѣла! — встрѣтилъ его купецъ.

— Что-жъ, пущай я буду воронъ, коли ты за падаль себя считаешь,—отвѣчалъ брехунецъ, не смутившись.

— Да нешто падаль-то я?

— А то кто-же? Вѣдь тебя въ тюрьму-то уберутъ, коли я не защищу: на тебя я налетѣлъ, тебя изъ падали въ живое тѣло обѣлить хочу.

— Ты не на меня налетѣлъ, а на несчастное дѣло. Эхъ, у васъ нюхъ-то какой! Словно у гробовщиковъ. Только сегодня протоколъ составили, а онъ ужъ и вьется и крыльями машетъ. А сколько за обѣленіе возьмешь?

— Дешево взять нельзя. Вѣдь это не взысканіе по векселю. Ну, ставь на столъ графинчикъ, поговоримъ. Да на закуску-то не трехъ-копѣечную селедку, а за зернистой ветлянкой пошли, семушку изобрази. Такія-то дѣла у насъ вѣками, вѣдь это все равно, что драка съ увѣчьемъ.

— Пошелъ, поѣхалъ! Ахъ ты, фанталъ словесный, ярыга бреховая!

— А ты съ защитникомъ не ругайся. Примѣта нехорошая. Защитника ублажать надо. Станешь на меня сквернословіе изрыгать, такъ мнѣ-же придется тебѣ калачикъ на Пасху въ заточеніе нести.

— Ужъ будто и въ заточеніе! Просто красненькой штрафа отдѣлаюсь.

— Отдѣлаешься и красненькой, ежели мнѣ двѣ сотенныя за защиту дашь.

Купецъ Тараканниковъ уперъ руки въ бока и захохоталъ.

— Двѣ сотенныя? Да ты ихъ и въ карманъ-то положить не съумѣешь! Да я фрачнаго адвоката съ серебрянымъ значкомъ по разговорной части возьму, такъ и того изъ сотни выторгую.

— Ну, онъ тебя въ тюрьму на мѣсяцъ и угодитъ, чтобъ въ съѣздъ дѣло перенести и вторую сотню съ тебя сорвать, а за сенатъ—вдвое. А я ужъ такъ берусь, чтобъ у мироваго ты остался доволенъ.

Брехунецъ умолкъ. Тараканниковъ ходилъ по комнатѣ въ раздумьѣ.

— Ну, садись. Что на дыбахъ-то стоишь,—сказалъ онъ. Заломилъ ты, но я купецъ и понимаю, что запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Давай торговаться.

Сѣли. Появилась водка и закуска. Выпили.

— За что-жъ такъ дорого хочешь?—спросилъ купецъ.

— За работу,—отвѣтилъ брехунецъ.—Ты разочти: сколько я законовъ-то долженъ перечитать, чтобъ такой законъ найти, по которому тебя обѣлить можно. Тридцати томовъ тутъ мало. Вѣдь мнѣ придется семь дней и семь нощей читать законы-то; долженъ я сна лишиться, и кромѣ того, такое внутреннее убѣжденіе для мироваго судьи придумать, по которому-бы онъ тебя оправдать могъ. Вѣдь ты по внутреннему убѣжденію не виноватъ?

— Конечно, не виноватъ. Выпьемъ по второй, чтобъ не хромать,—проговорилъ купецъ, и выпивъ, продолжалъ:—А можешь ты на судью такой способъ навести на манеръ какъ-бы Спасовичъ.

— Зачѣмъ Спасовичъ? Я потѣхинистымъ способомъ защищать буду, только по гантовористѣе. Ну, и слезу Стасова под-

пущу, а въ концѣ на плевакинской манерѣ... Будь покоенъ, въ моей рѣчи Хартулари на Геркѣ поѣдетъ и Танѣевымъ погонять начнетъ.

— Постой, погоди! Ты стасовской слезы-то больше подпускай. Да вотъ что: — можешь ты передъ мировымъ судьей кусокъ грязи съ моего двора съѣсть? И чтобъ при этомъ рыдать?

— Это зачѣмъ-же? — выпучилъ глаза брехунецъ.

— А чтобъ мироваго въ чувство ввести. Это, молъ, господинъ мировой судья, была не грязь, а черноземъ, въ доказательство чего и проглатываю я сію глыбу.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ-же?.. Съ какой стати я буду грязь ѣсть. Слезъ сколько хочешь. Этого добра я могу тебѣ цѣлый фонтанъ пустить, стоитъ мнѣ только луковицу въ рукавъ сюртука взять. По глазамъ мазнулъ себя — вотъ тебѣ и слезы. А чѣмъ грязь ѣсть, мы лучше такой фортель придумаемъ: возьмемъ съ собой въ камеру къ мировому судьѣ всѣхъ твоихъ маленькихъ ребятишекъ, и какъ къ концу рѣчи, ты ихъ сейчасъ и выпускай за рѣшетку, а я въ такомъ тонѣ: «возрите на сихъ невинныхъ младенцевъ, простирающихъ длани умиленія и въ рыданіи чувствъ восклицающихъ: скорбный родитель, что съ нами будетъ, ежели ты обрящешься въ заточеніи? И будемъ мы гладны, и будемъ мы хладны и возопихъ отъ жажды отреплемся до рубища одеждъ нашихъ! «Что, хорошо?

— Хорошо-то хорошо. А вдругъ они за рѣшеткой-то хохотать начнутъ на тебя глядя. Рожа-то ужъ у тебя очень обезьянья, — сказалъ купецъ.

— Рожа тутъ не причемъ. У фрачныхъ-то адвокатовъ рожи еще почище моей будутъ, однако защищаютъ-же они и никто на нихъ не смѣется. Да вотъ что: ужъ ежели ты насчетъ смѣха сумнѣніе имѣешь, то ты передъ тѣмъ, какъ ребятишекъ-то за рѣшетку выпускать, вихры имъ нарви. Пусть ревутъ. Понялъ?

— Еще-бы не понять. А жену выпускать не надо? Она у меня въ седьмомъ мѣсяцѣ беременности ходитъ. Понимаешь, — беременная женщина и въ слезахъ...

— Выпускай, чѣмъ больше плачущаго народа, тѣмъ лучше. А я сейчасъ такой возгласъ: вотъ передъ вами дама самъ-другъ, а при счастьи и самъ третей!

— Дуракъ! Да нешто это можно? Вѣдь она не игральная

карта. Тутъ мировой-то вмѣсто слезъ, пожалуй, и расхохочется. А ты ужъ какъ-нибудь по другому ее назови.

— Дѣйствительно, это я ужъ черезъ край хватилъ, — согласился брехунецъ и почесалъ затылокъ.—Ну, да мы потомъ, что-нибудь придумаемъ. «Вотъ продолжательница рода человѣческаго!»...

— Постой, постой!—перебилъ его купецъ.—Ну, а какъ-же цѣна за защиту?

— Меньше ста пятидесяти рублей и думать нельзя взять.

— Ну, въ такомъ разѣ я лучше въ тюрьму сяду. Сшутилъ ты полтораста цѣлковыхъ! Да и что такое тюрьма! Покрайности съ княземъ Олсуфовымъ тамъ познакомлюсь. Нынче въ тюрьмѣ-то общество хорошее. Сколько туда домовладѣльцевъ-то сядутъ. Тамъ и вдова поручика Турухина. Вотъ она, князь Олсуфовъ и я — и будемъ въ преферансъ играть. Можетъ быть и четвертый партнеръ подвернется. За компанію и тюрьма ничего

Къ разговору прислушивалась жена Тараканникова.

— Такъ я тебѣ и дамъ вмѣстѣ со вдовой Турухиной въ тюрьмѣ сидѣть! — воскликнула она въ ревности. Обрадовался ужъ... Да я лучше изъ приданыхъ денегъ адвокату заплачу.

— Дура! Да вѣдь я въ компаніи съ княземъ.

— Мало-ли что съ княземъ. А только не позволю!

— Берешь пятьдесятъ рублей?—спросилъ брехунца купецъ.

— Нѣтъ, не пообѣдаешь!—отвѣчалъ тотъ и махнулъ рукой.

— Ну, семдесятъ пять?

— Прощай. А вотъ тебѣ мое послѣднее слово: сто рублей я съ тебя возьму за обѣленіе и ежели придется тебѣ штрафъ заплатить, то ужъ изъ этихъ-же ста рублей самъ заплачу.

— Бѣлите его, господинъ адвокатъ, я изъ своихъ плачу!— порѣшила жена Тараканникова.

— Э-эхъ! И въ хорошей-то княжеской компаніи не даешь посидѣть! Когда еще такой случай въ другой разъ наклюнется!—вздохнулъ купецъ и обратясь къ брехунцу, сказалъ:—Ну, давай по рукамъ...

Купецъ Тараканниковъ и брехунецъ протянули другъ другу руки и прикрыли ихъ полами сертуковъ.

X. Карантинъ.

— Здравствуйте, сударыня, и извините, что я васъ безпокою. Савинъ Вавилычъ, вашъ супругъ, могутъ меня принять?— спрашиваетъ солидный господинъ съ лысиной и брюшкомъ жену купца Сковородникова.

— Можетъ-то можетъ, только не совѣтую вамъ къ нему входить, — отвѣчаетъ дама: — потому-что онъ у насъ теперь въ очень нехорошемъ видѣ и ежели вы по дѣлу, то все равно толку никакого не добьетесь.

— То-есть какъ это, сударыня? Но сегодня срокъ его векселю и въ противномъ случаѣ я долженъ отдать въ протестъ.

— Лучше ужъ отдавайте, а деньги потомъ получите. Видите-ли, онъ вообразилъ, что у него чума и вотъ уже цѣлую недѣлю лѣчится.

Солидный господинъ вздрогнулъ и попятился.

— Господи, спаси насъ и помилуй! Въ такомъ случаѣ, лучше ужъ дѣйствительно въ протестъ... Прощайте!

— Да вы не пугайтесь. У него чума не настоящая...

— Знаемъ-съ. Въ строго-научномъ смыслѣ?.. Не подходите, не подходите, сударыня!

— У него никакой чумы нѣтъ-съ, — продолжала дама: — а только одно головное воображеніе на-счетъ чумы. Нешто можетъ чумный человѣкъ дверь съ петлей сорвать? А онъ сорвалъ вчера у насъ. И наконецъ, каждый день втроемъ по четверти водки потребляютъ. Опять-же чумному человѣку не придетъ въ голову пѣть, а онъ, извольте видѣть...

Разговоръ происходилъ въ прихожей, а изъ комнатъ доносилось пѣніе пьяными голосами: «помощникъ и покровитель».

— А-а! Значитъ, онъ, по-просту сказать, запилъ, —сказалъ, улыбнувшись, солидный господинъ. — Въ такомъ случаѣ, я лучше повидаюсь съ нимъ, потому у меня вексель, а протестъ для торговаго человѣка — конфузъ. Можетъ-быть, онъ и заплатитъ.

— Лучше ужъ конфузъ. Намъ къ нему не привыкать. У насъ и такъ его много. Вчера къ нему зашла въ комнату наша

кухарка, чтобы водку и закуску подать, а онъ содралъ съ нея платье, да всесожженію его и предалъ: «ты, — говоритъ, — теперь зачумилась отъ меня». Не ходите, а то онъ васъ въ карантинъ посадитъ, да и не выпуститъ. Вѣдь у него въ гостиной карантинъ устроенъ и всякая тамъ дезинфекція на столѣ стоитъ.

— Меня не посадитъ, — самоувѣренно говоритъ солидный господинъ и снимаетъ съ себя шубу.

— Ну, не говорите этого. Нашъ старшій дворникъ пришелъ получать за квартиру деньги, такъ то-же самое говорилъ, а, однако, цѣлую ночь просидѣлъ въ карантинѣ и только на утро вышелъ оттуда, да и то пьянъ-пьянешенекъ отъ этой самой дезинфекціи.

— Ну, какъ-нибудь...

Солидный господинъ вошелъ въ комнаты и очутился въ гостинной. Глазамъ его представилось слѣдующее зрѣлище: посреди комнаты былъ раскрытъ ломберный столъ, а на немъ стояла четвертная бутыль водки и помѣщалась на тарелкахъ закуска. Въ углу на полу разсыпаны были на подносѣ головки луку и чесноку; тутъ-же стояли: кринка съ деревяннымъ масломъ и кринка съ дегтемъ. Савинъ Вавилычъ въ халатѣ и совсѣмъ уже пьяный лежалъ на диванѣ и около него на стульяхъ сидѣли тоже двое пьяныхъ: кучеръ въ поддевкѣ и красноносый усачъ въ отставномъ военномъ сюртукѣ.

— Савинъ Вавилычъ, здравствуйте! — сказалъ солидный господинъ, робко озираясь по сторонамъ. — Сегодня срокъ вашему векселю. Могу я получить по нему деньги?

— Можешь, — отвѣчалъ хозяинъ, не поднимаясь съ дивана. — Но прежде всего опросъ: припухлости или волдыри какіе-нибудь имѣешь на тѣлѣ?

— Что вы, что вы! Да я совсѣмъ здоровъ.

— А! значитъ свѣжій человѣкъ пришелъ къ зачумленному? Отлично! Давай вексель. Вотъ тебѣ деньги. Но прежде всего вымажься масломъ. Вонъ тамъ горшокъ стоитъ. Это въ предупрежденіе.

— Полноте шутить, я по дѣлу пришелъ.

— Шутки! Это онъ называетъ шутки! Фельдшеръ, прочти ему наши карантинныя правила.

Отставной военный икнулъ и пьянымъ голосомъ началъ, очевидно, затверженную фразу:

— Всякій входящій въ карантинъ для переговоровъ съ зачумленнымъ купцомъ Савиномъ Вавиловымъ Сковородниковымъ обязанъ выпить большую рюмку дезинфекціи завода Коралли, и съѣвъ на закуску луковицу, обмазать себѣ лице и руки деревяннымъ масломъ.

— Рюмку водки я выпью, потому-что озябъ, пожалуй и лучкомъ закушу, а ужъ отъ обмазыванья увольте, — сказалъ солидный господинъ, и подошелъ къ столу съ закуской.

— Браво! — заоралъ хозяинъ. — Но все-таки мы тебя обмажемъ. Такъ ты отъ насъ не уйдешь.

— Ну, полноте! Да и какая у васъ чума!

— Врешь, врешь! Самая настоящая чума! Наумъ Прокофьевъ первый, а я, Савинъ Вавиловъ, — второй! Карантинный!—крикнулъ хозяинъ кучеру.—Прими отъ него вексель и передай ему деньги.

Кучеръ всталъ со стула, покачнулся и исполнилъ то и другое. Хозяинъ зорко смотрѣлъ за солиднымъ господиномъ и какъ только тотъ положилъ въ карманъ деньги, захлопалъ въ ладоши и радостно крикнулъ:

— Чумныя деньги принялъ! Отлично! Въ карантинъ его до вечера и подвергнуть самой строгой дезинфекціи!

Кучеръ и отставной военный подскочили къ солидному господину и схватили его подъ-руки

— Что вы, господа! Да это насиліе!—отбивался тотъ.

— Ну, ужъ тамъ насиліе или нѣтъ, а только «ау», братъ! Теперь ничеге не подѣлаешь. Снимай сюртукъ, мы его надъ дегтемъ и лукомъ повѣсимъ, а самъ садись—бормотали они.

— Да мнѣ сегодня въ банкъ платить надо.

— Въ банкъ все-равно ветлянскія бумажки не примутъ, потому здѣсь у насъ Ветлянка,—возражалъ хозяинъ.—Вмѣсто банка мы вотъ съ тобой всѣ вкупѣ по баночкѣ дезинфекціи пропустимъ. Фельдшеръ, цѣди!

— Извольте, я и вторую рюмку выпью, но только ужъ это послѣдняя...

— Безъ разговоровъ! За здоровье перворoccдного зачумленнаго Наума Прокофьева!

— Ура! заревѣли кучеръ и отставной военный.

Солидный господинъ выпилъ вторую рюмку и развеселился.

— Да вы ей-Богу, чудаки!—говорилъ онъ садясь. — Давно-ли вы въ карантинѣ-то застряли?

— Шестой день сидимъ. Первые два дня у насъ было очень многолюдно въ карантинѣ, но теперь перестали заходить,—отвѣчалъ отставной военный.—Впрочемъ, кой-кого ловимъ.

— Да чего ловить-то? Досужій человѣкъ и самъ согласится! Вонъ у васъ какія благости разставлены: и свѣжая икра, и балыкъ, и тешка осетровая.

— Не смѣешь такъ называть. Это у насъ Ветлянка, Старицкая и Пришибинская. Фельдшеръ! Поддай намъ еще дезинфекціи! Теперь за здоровье второго зачумленнаго Савина Вавилова, пояснилъ хозяинъ и гордо стукнулъ себя въ грудь.

— Нѣтъ, больше ужъ никакъ не могу.

— Врешь, можешь.

— И хорошо у васъ здѣсь, а не могу.

— Хорошо? Ребята, слышите: онъ сказалъ: «хорошо»! Другъ! руку! встрепенулся хозяинъ и обнялъ солиднаго господина. Голубчикъ, ну, сдѣлайся и самъ чумной мнѣ за компанію! Ну, потѣшь! И будетъ тогда насъ трое чумныхъ: Наумъ, Савинъ и... какъ тебя? Иванъ что-ли?

— Иванъ, но только отъ зачумленія меня уволь. Лучше ужъ я третью рюмку твоей дезинфекціи выпью.

— Жарь! Карантинный! Фельдшеръ! Соорудите! Да вотъ что: мы ради тебя сейчасъ ветлянское всесожженіе устроимъ...

— Это ты мои вещи жечь хочешь, что-ли? съ испугомъ спросилъ хозяина солидный господинъ.

— Нѣтъ, вещи будутъ цѣлы. У насъ особое всесожженіе Карантинные! Приготовляйте костролю и коньякъ да запалите!

Солидный господинъ выпилъ третью рюмку водки и сидѣлъ, а черезъ десять минутъ передъ нимъ пылала жженка въ кострюлѣ. Въ комнату заглянула жена хозяина.

— Бѣдный, вы бѣдный! Ну что, не говорила я вамъ, что васъ посадятъ въ карантинъ, сказала она, обратясь къ гостю.— А еще хвастались, что не посадятъ.

— Эй, ты, Ассенизація Дезинфектовна! Вѣдь тебѣ сказано, чтобы ты не смѣла входить въ карантинъ. Вонъ отсюда! крикнулъ ей мужъ и показалъ кулакъ.

XI. Ищутъ.

Въ одной изъ улицъ Петербургской стороны, у воротъ небольшаго дома стояло трое «собственныхъ» саней съ запряженными въ нихъ рысаками. Тутъ-же вертѣлся околоточный. Появленіе въ глухой улицѣ сразу трехъ рысаковъ перебуторажило все населеніе. Всѣ бѣжали смотрѣть, хотя еще и сами не знали—что. Первымъ прибѣжалъ сапожникъ въ халатѣ и съ ремешкомъ на головѣ; появилась дѣвочка съ утюгомъ, перебѣжалъ черезъ улицу мелочной лавочникъ безъ шапки, явились двѣ женщины—одна въ платкѣ на головѣ, другая прикрывъ голову кацавейкой,—и такъ, мало-по-малу, составилась компанія. Лавочникъ пошептался съ околоточнымъ и отошелъ отъ него.

— Поди вотъ разузнай!—таинственно мотнулъ онъ головой.—Но надо полагать, что тутъ доктора и чуму ищутъ.

— Какую чуму!—откликнулся сапожникъ.—У насъ съ катерингофскаго карантина солдатъ приходилъ, такъ сказывалъ, что ее по вихлянской дорогѣ къ чухнамъ прогнали.

— Прогнали, братъ, да не всю. Много еще ейной сестры по помойнымъ ямамъ притаилось, вотъ ее доктора и ищутъ, потому отъ городскихъ сословіевъ приказъ, чтобъ въ двадцат четыре часа предоставить, а завтра срокъ.

— Что-жъ, здѣсь больные обозначились?—спросила лавочника женщина въ кацавейкѣ.

— Есть. И такое сомнѣніе, что железа подъ глазомъ, какъ-бы волдырь.

— Да можетъ быть отъ драки?

— Въ томъ-то и дѣло, что не отъ драки. Спрашивали ее, но такой отвѣтъ,—что никакого поученія отъ мужа не было.

— Значитъ, женщина заболѣла?

— Женщина. Вчера волдырь былъ въ грецкій орѣхъ, а сегодня ужъ величиною съ арбузъ обозначился. Вамъ-бы, женскому обществу, лучше домой идти и за кофейныя переварки приниматься, нежели чѣмъ здѣсь торчать, потому неровенъ часъ...—прибавилъ лавочникъ.

— Съ нами крестная сила! Да неужто проклятая-то и у насъ появилась?

— Есть грѣхъ. Идите, говорю, за добра ума домой, да и ребятишекъ захватите, — снова таинственно отчеканилъ мелочной лавочникъ и при этомъ прибавилъ: — На мелочныя-то лавочки съ соленой рыбой только слава, что будто онѣ чуму разводятъ, а на дѣлѣ-то вонъ гдѣ она, въ томъ мезонинѣ.

— Господи, спаси насъ и помилуй!—молились женщины.

— Молиться тутъ на улицѣ нечего! Идите домой. Ну, что хорошаго, ежели вдругъ выскочитъ? Вѣдь прямо на васъ...

— А отчего-же не на тебя? Вѣдь и ты такой-же человѣкъ.

— Мы мужчины и все-таки при своей силѣ состоимъ, а вы женская слабость... Ну-ко, поднимайте юбки да и съ Богомъ черезъ грязь ко дворамъ... Чего тутъ?...

— Да вѣдь интересно,—упрямились женщины.—Весь свой вѣкъ прожили и чумы не видали. А авось, Богъ милостивъ, она и не бросится на насъ.

— Конечно, не бросится, стойте,—успокоивалъ ихъ сапожникъ. — Гдѣ ей?.. Говорю, что ее въ Вихляндію прогнали, а ежели какая ни-на-есть чума и осталась, то ужъ совсѣмъ лядящая, замореная. Она, подлая, теперича совсѣмъ обезсилила и не токма что съ женщиной, а съ ребенкомъ не справится. Шутка, сколько докторовъ-то на нее ополчилось! Страсть! Нѣтъ, ужъ коли она отъ людей прятаться начала и ее искать надо, то тутъ шабашъ!

— Однако, вотъ на женщину-же напала и въ арбузъ волдырь ей вытянула—возражаетъ мелочной лавочникъ.

— На женщину напала! А почемъ ты знаешь, что она напала? Можетъ-статься, эта самая женщина сама въ нее носомъ вляпалась.

— Кто-жъ это самъ на чуму полѣзетъ?

— Въ хмѣльномъ видѣ полѣзешь и не на чуму, не зарекайся братъ. Выпившему человѣку самъ чортъ братъ. Да наконецъ, иныя бабы съ отчаянности отъ пронзительности мужей. Можетъ это быть?

— Можетъ-то можетъ, что говорить, а только зачѣмъ женщинамъ тутъ толпиться? Ихъ музыкальная часть—кофейники, а не чума.

Подбѣгаетъ чуйка.

— Чуму, я слышалъ, здѣсь ловятъ?

— Ее самую. На женщину накинулась. Не лѣзь туда во дворъ, тамъ околоточный...

— Ловко!—прищелкнула языкомъ чуйка.—Стало-быть ужъ на женщинъ нападать стала?... Чудесно! Съ Наумомъ Прокофьевымъ сладить не могла, такъ ужъ теперь давай бабъ терзать!

— Да гдѣ-жъ ей было съ Наумомъ Прокофьевымъ. Вѣдь онъ мужикъ-то какой! Даромъ что пятидесяти лѣтъ, а вотъ эти самыя ворота раскачаетъ. Ростомъ — въ сажень; хоть сейчасъ въ калегвардскіе тамбуръ-мажоры бери. Плечи—въ калитку не пролезетъ; кулачище—во!—расказываетъ кто-то.

— Мужчинская сила не причемъ, — докладываетъ лавочникъ.—Хорошая чума и каменную бюсту съ корнемъ выворотитъ, а только та канифоль обозначилась, что ежели она и сидитъ гдѣ-нибудь на помойной ямѣ, то ужъ такъ ослабѣла, что взамѣсто мужчинъ на женщинъ накидываться начала.

Чуйка все еще пытается пролѣзть въ калитку, но робѣетъ и спрашиваетъ:

— Какой околодчный-то? Очень изъ себя строгій?

— А нашъ-же собственный. Только сунься—онъ тѣ умоетъ.

— А коли такъ, такъ чего-жъ бояться? Мы въ лучшемъ видѣ.. Небось, не умоетъ! — восклицаетъ чуйка, лѣзетъ во дворъ черезъ калитку, но тотчасъ же возвращается обратно.

— Что на рога приняли?—дразнятъ его.

— Гдѣ-жъ это видано, чтобы тверезыхъ обывателей на рога приняли!—отвѣчаетъ чуйка. — А только чего тамъ?... Эка невидаль! Здѣсь много чуднѣе смотрѣть. Сейчасъ, господа, черезъ дворъ ухватъ пронесли и кочергу.

— Врешь? Ну, значитъ, братцы, ее этими инструментами ловить и будутъ,—поясняетъ сапожникъ.—Ухватомъ припрутъ, а кочергой выгребать...

— Не та модель!—откликается съ козелъ, до сего времени молчавшій кучеръ. — Нынче мы ее эту самую чуму больше на купоросный порошокъ вызываемъ. Посыплемъ около, а она запахъ услышитъ да съ дуру и выйдетъ изъ засады, ну, тутъ мы ее и увѣчимъ на смерть.

— А вы докторскій кучеръ будете?

— А то чей-же? Докторскій. Нынче насчетъ ея такія ухищренія пошли, что страсти подобно! Она, каналья, хитра, а мы

еще хитрѣе. Въ ночь извести можемъ. Съ вечера, къ примѣру, объявятъ, что существуетъ она, а на утро уже ее нѣтъ. Ищи, гдѣ хочешь, хоть съ полиціей шарь и то не найдешь. Борьба большая идетъ!—продолжаетъ кучеръ... Только вѣдь и чума чумѣ рознь... Разныя бываютъ. Одна индѣйская, другая левантская; одна пронзительная, другая выѣденнаго яйца не стоитъ и ты ее, коли опытный докторъ, простымъ шкворнемъ убьешь. А теперь мы индѣйскую пронзительную ищемъ и ее-то вотъ никакъ не можемъ найдти. Хитра очень.

Въ это время изъ калитки начали выходить владѣльцы рысаковъ и разговаривали. Толпа раздалась. Мелочной лавочникъ отстранилъ женщину и сталъ впереди.

— Пусти, я ближе стану. Меня не бойсь, не возьметъ, я деревяннымъ масломъ торгую, а она его смерть боится,—сказалъ онъ, и поклонившись вышедшимъ изъ калитки, спросилъ: — Поймали чуму-то, ваше сіятеластво?

Тѣ ничего не отвѣчали, сѣли въ сани и поѣхали.

— Расходитесь, господа! Расходитесь! Ну, что тутъ забавна!.. Что смотрѣть!—кричалъ ококодочный.

XII. Отмѣнили.

— Фіона Михѣвна! Фіона Михѣвна! А вѣдь чуму-то отмѣнили!—кричала, 16-го февраля, вечеромъ, запыхавшаяся кухарка, вбѣжавъ въ комнату и останавливаясь передъ сидѣвшей на диванѣ хозяйкой, среднихъ лѣтъ полной женщиной.

Хозяйка, мазавшая себѣ въ это время лицо и руки деревяннымъ масломъ изъ стоявшей передъ ней на столѣ лампадки, вздрогнула и чуть не уронила лампадку.

— Что ты, дура, брешешь!—отвѣчала хозяйка.—Да развѣ чума-то представленіе какое, что ее можно отмѣнить! Вѣдь это не театральный бенефисъ съ Петипой.

— Ну, ужъ этого я тамъ не знаю, театральная она или не театральная, а только отмѣнили. Сейчасъ приходилъ въ мелочную лавочку генеральскій лакей и даже афишу намъ читалъ или газету эту самую.

— Поди, поди прочь! Ну, что ты мелешь! Вретъ твой лакей или просто до чортиковъ нарѣзался.

— Да развѣ генеральскій лакей врать станетъ! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ на линіи камардина состоитъ, онъ и хмѣльное-то бросилъ. Ну, а афишка?.. Сама своими глазами и ушами...

— Что афишка! Вѣдь ты баба неграмотная. Тебѣ и по заупокойному поминанью можно о чумѣ прочитать. Нешто ты что смыслишь въ писаніи?

— Охъ, будто ужъ я не знаю, что афишка, что поминанье. Афишка вотъ эдакая большая, а поминанье вотъ эдакое махонькое. Ну, онъ по афишкѣ или по газетѣ...

— Ничего это не значитъ. У кого сродственниковъ помершихъ много, то и поминанье большое бываетъ!

— Ну, а лавочникъ-то? Вѣдь онъ грамотный.

— И лавочникъ надсмѣялся надъ тобой, какъ надъ дурищей глупой.

— Ахъ, какія вы, Фіона Михѣвна, невѣроятныя! Да развѣ лавочникъ станетъ насмѣшками насмѣхаться въ такіе дни!! Вѣдь нонѣ первая недѣля поста...

— Молчи и иди вонъ! Вѣдь лавочникъ-то изъ подвала, а я запретила тебѣ въ подвалахъ съѣдобное покупать, потому въ подвалахъ этихъ самыхъ зараза сидитъ, вотъ онъ и подвелъ подъ тебя интригу.

— Ей-Богу, въ верхней лавкѣ была, а не въ подвалѣ!

— Все равно, у него другая лавка въ подвалѣ есть, вотъ онъ и мудритъ.

— Ну, какъ хотите,—развела руками кухарка и удалилась въ кухню, но черезъ нѣсколько времени вернулась снова.— Фіона Михѣвна, желаете дворника послушать? Сейчасъ онъ къ намъ въ кухню пришелъ за ключемъ отъ дровъ... Вотъ и онъ вамъ тоже скажетъ, что чума отмѣнена. У нихъ ужъ отъ полиціи извѣстно.

Кряхтя и охая, хозяйка поднялась съ мѣста и вышла въ кухню.

— Здравствуй, Терентій. Что это наша Акулина на-счетъ чумы брешетъ, будто бы отмѣнена?...

— Совершенно справедливо-съ. Даже въ газетахъ пропечатано. И у насъ отъ управляющаго такой приказъ, что хотѣли мы завтра всѣ помойныя ямы очищать, а теперь подождемъ. Даже

сейчасъ онъ подручнаго къ мусорнымъ подводчикамъ послалъ, что, молъ, не надо.

— А ты побожись.

— Да, ей-Богу отмѣнили-съ...—съ улыбкой отвѣчалъ дворникъ.

— Нѣтъ, ты перекрестись, тогда я повѣрю.

— Господи! Да неужто я въ такіе великопостные дни и вдругъ облыжно-съ?.. Извольте, намъ не въ трудъ.

Дворникъ взглянулъ на образъ и перекрестился.

— Чудно! То-есть такъ чудно, что даже ужасти!—говорила хозяйка, поматывая головой и уходя изъ кухни.

Звонокъ. Вошелъ мужъ хозяйки, купецъ съ подстриженной бородой.

— Отмѣнили чуму-то! Это удивительно!—возгласилъ онъ, хотѣлъ поцѣловать жену, и отскочилъ.—Что съ тобой, Фенушка? Въ чемъ у тебя лицо-то?

— А это я отъ чумы деревяннымъ масломъ смазалась, чтобъ зараза не приставала, потому-что, говорятъ, спасаетъ, которые ежели при деревянномъ маслѣ.

— Ахъ, какія глупости! Брось, брось, умойся! Все отмѣнено! Никакой чумы... И мужиковъ изъ карантина этого самаго выпустили. Сегодня мы даже видѣли одного мастероваго въ трактирѣ и водкой его поили. Такъ глоталъ съ радости, что даже ужасти подобно! «Теперь, говоритъ, я дней на пятнадцать запью». Деньжонокъ малую толику ему собрали,—разсказывалъ мужъ и снявъ сюртукъ, сѣлъ на диванъ.

— Съ чего-же это отмѣнили-то?—спрашивала жена.

— А говорятъ, что еще рано. И то сказать: начали горячку пороть, чтобъ мастеровой народъ изъ сырыхъ подваловъ выселять. Ну, куда ихъ выселишь? Вѣдь не въ бель-этажи-же... Ну, а тамъ по веснѣ, какъ солнышко пригрѣвать начнетъ, взялъ—раскинулъ имъ палатки, гдѣ-нибудь на Смоленскомъ или на Волковскомъ полѣ, ну, и выселяй въ лучшемъ видѣ. Конечно, не время! Какая теперь чума! Да наконецъ и постъ великій! Гдѣ-жъ это видано, чтобъ теперь гіену соблюдать и рыбы соленой не ѣсть, а скоромь жрать!.. А грибы-то вонъ рубль-двадцать фунтъ.

— Скажи на милость, какъ это вдругъ!..—удивлялась жена. —А я было и кухаркѣ запретила провизію въ подвальныхъ

лавкахъ покупать, такъ какъ такіе слухи, что зараза изъ подваловъ выходитъ. Ну, а Наумъ-то Прокофьевъ теперь что?

— Наумъ Прокофьевъ лежитъ какъ слѣдуетъ, только эту самую больничную доску надъ его кроватью переписать велѣно и взамѣсто чумы какую ни-на-есть другую болѣзнь поставить. Только, само-собой, ему ужъ теперь и почетъ не тотъ. Былъ герой, а теперь въ прохвосты...

— Вотъ и поди-жъ ты, какъ можно верхнимъ концомъ да внизъ!—вставила слово жена.

— Колесо фортуны и больше ничего! — философствовалъ мужъ.—Видала у насъ въ молодцовской комнатѣ картинка виситъ, ну вотъ она самая. Да и не въ одной чумѣ, а и въ богатствѣ. Какіе милліонеры кверху тормашками кувыркались —страсть! Вонъ Круподеркинъ. Вотъ домовладѣльцамъ теперь такъ хорошо,—продолжалъ онъ.—Это они, по всѣмъ вѣроятіямъ, Бога замолили, чтобъ отъ начальства отмѣна чумы была, потому мусорная-то подвода сразу вдвое въ цѣнѣ поднялась. Вотъ по нашей торговлѣ такъ скверно!

— Это почему? Вѣдь ты не карболовой кислотой торгуешь, а суровскимъ товаромъ.

— Все таки по случаю чумы мы хотѣли на товаръ накинуть малую толику, а теперь сиди на старыхъ цѣнахъ.

— Да при чемъ-же тутъ чума то?—допытывалась жена.

— Дура и больше ничего!—огрызнулся мужъ.—Вѣдь золото-то по случаю чумы на полтину за полуимперіалъ поднялось, ну и курсъ упалъ, а вѣдь мы за заграничные то товары пошлину золотомъ платимъ, да и выписываемъ ихъ по курсу. Да что съ тобой толковать! Все равно не поймешь ты этой самой купеческой контрибуціи!—закончилъ онъ и крикнулъ кухаркѣ: —Акулина! Скоро ли у тебя тамъ самоваръ?

— Вскипѣлъ, пожалуйте-съ! На столъ подаю!—откликнулась изъ кухни кухарка.

17.225

29 МАЙ 1944

2007084419